

HERTZBERG — NEW METHOD, INC. EAST VANDALIA ROAD, JACKSONVILLE, ILL. 62650

XU3Q6

TITLE NO.	ACCOUNT NO.	LOT AND TICKET NO.
-0000.0000	07200-J44	CA 79- 55 R1

PYLIAEV*-*

ZAMIECHATEL'NYE*HUD*KI I*ORIGINALY*

42-28 920.047*P993*

015TX1

CLOTH COLOR 0057

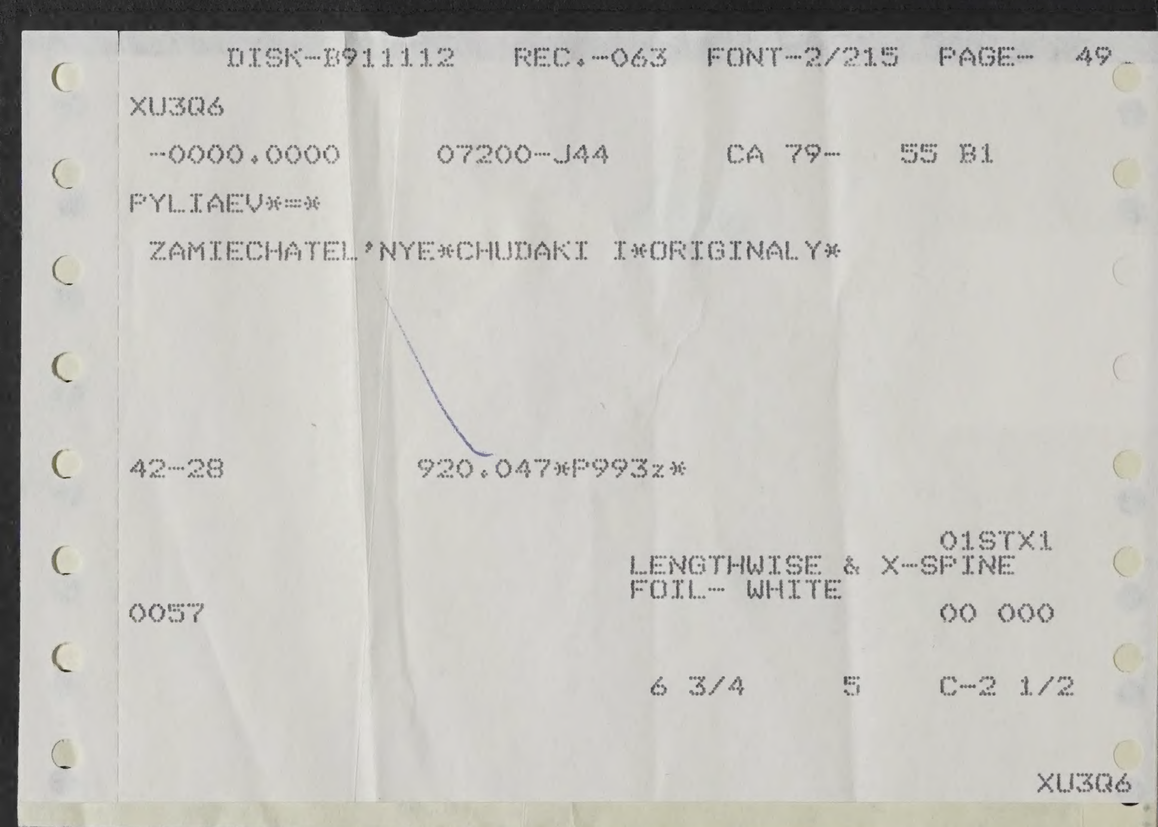
HEIGHT 00 000

CHARGING INFORMATION SPECIAL WORK AND PREP.

STUBBING		FRONT COVER		HAND ADHESIVE	✓	MAP POCKET PAPER	
HAND SEW		NO TRIM		LENGTHWISE		MAP POCKET CLOTH	
THRU SEW		PAGES LAMINATED		FOREIGN TITLE		SPECIAL WORK	
THRU SEW ON TAPE		EXTRA THICKNESS		LINES OF LETTERING		REMOVE TATTLE TAPE	

HEIGHT	PICA	WRAP
6 3/4	5	

XU3Q6

DISK-B911112 REC.-063 FONT-2/215 PAGE- 49

XU3Q6

-0000.0000 07200-J44 CA 79- 55 B1

PYLIAEV*=*

ZAMIECHATEL'NYE*CHUDAKI I*ORIGINALY*

42-28 920.047*P993z*

01STX1

LENGTHWISE & X-SPINE

FOIL- WHITE

0057 00 000

6 3/4 5 C-2 1/2

XU3Q6

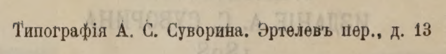
ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ

ЧУДАКИ И ОРИГИНАЛЫ

М. И. ПЫЛЯЕВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1898

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ГЛАВА I.

Чудачества Н—на; его дорогая игрушка.—Голландскій домикъ Брандта.—Странности Аракчеева.

Въ обыкновенной жизни чудакъ есть человѣкъ, отличающійся не характеромъ, не нравомъ, не понятіями, а странностью своихъ личныхъ привычекъ, образа жизни, прихотями, наружнымъ видомъ и проч. Онъ одѣвается, онъ ѣстъ и пьетъ, онъ ходитъ не такъ какъ другіе; онъ не характеръ, а исключеніе. Замѣчательно, что въ простомъ сословіи, близкомъ къ природѣ, рѣдко встрѣчаются чудаки; тамъ всѣ растутъ, воспитываются, чувствуютъ, мыслятъ и дѣйствуютъ, какъ внушила имъ природа или примѣръ другихъ; но съ образованіемъ начинаются причуды, и чѣмъ оно выше у народа, тѣмъ чаще и разнообразнѣе являются чудаки.

Въ старину, даже не болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ, было гораздо болѣе людей странныхъ, съ рѣзкими особенностями, оригиналовъ

и чудаковъ всякаго рода, чѣмъ теперь. Такое явленіе понятно: причудливость есть слѣдствіе произвольности въ жизни, и чѣмъ болѣе произвольность господствуетъ въ нестройномъ еще обществѣ, тѣмъ болѣе она порождаетъ личныхъ аномалій.

Въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія весь интелигентный міръ въ Петербургѣ и Москвѣ былъ въ дружественныхъ сношеніямъ съ симпатичнымъ гвардейскимъ офицеромъ-измайловцемъ П. В. Н—мъ. Своеобразный умъ послѣдняго, его талантливая широкая натура и превосходное сердце высоко цѣнились всѣми тогдашними нашими писателями; какъ Пушкинъ, такъ и Гоголь были его друзья. Н—нъ воспитывался вмѣстѣ съ Пушкинымъ въ Царскосельскомъ лицеѣ. Несмотря на то, что Н—нъ прожилъ на своемъ вѣку не одну тысячу душъ и спустилъ на разныя затѣи цѣлый рядъ наслѣдствъ, Пушкинъ высоко цѣнилъ его житейскую опытность и любилъ слѣдовать его совѣтамъ. По его разсказу онъ написалъ «Дубровскаго», котораго самъ видѣлъ Н—нъ въ острогѣ одного бѣлорусскаго города; герой повѣсти небогатый дворянинъ былъ доведенъ до нищеты богатымъ своимъ сосѣдомъ; по просьбѣ Пушкина Н—нъ написалъ нѣсколько очерковъ своего дѣтства и разсказовъ о своихъ предкахъ. Н—нъ не разъ выручалъ въ трудныя минуты поэта. Существуетъ преданіе, какъ послѣ

смерти Пушкина Н—нъ съ Вяземскимъ и еще съ кѣмъ-то раздѣлили послѣднія деньги, нашедшіяся у него въ бумажникѣ, съ клятвою ихъ хранить навсегда, въ знакъ памяти. Это были три двадцатипятирублевки, на которыхъ они написали годъ, день, число и часъ его смерти. Интересно, уцѣлѣли ли эти бумажки. Н—ну Гоголь посвятилъ нѣсколько лучшихъ главъ во второй части своихъ «Мертвыхъ душъ». Извѣстный петербургскій откупщикъ, миліонеръ Бенардаки, близкій къ Гоголю, предлагалъ Н—ну, когда его дѣла приняли тугой оборотъ, принять у него мѣсто воспитателя его дѣтей.

Н—нъ былъ человѣкъ очень добрый; онъ прожилъ на своемъ вѣку нѣсколько состояній; судьба почти до послѣдней минуты баловала его. Случалось, что у него въ домѣ не было копѣйки и онъ топилъ каминъ мебелью — и вдругъ новое богатое наслѣдство валилось ему съ неба. Н—нъ, избалованный богатой матерью, почти съ юношескихъ лѣтъ предался свободной и совершенно независимой жизни; живя на всемъ готовомъ въ домѣ родительницы, онъ нанималъ бель-этажъ одного большого барскаго дома на Фонтанкѣ, для своихъ друзей. Сюда онъ пріѣзжалъ ночевать съ ночныхъ игръ и кутежей и сюда же каждый изъ знакомыхъ его могъ явиться на ночлегъ, не только одинъ или самъ-другъ, но могъ приводить и пріятелей, вовсе незнакомыхъ хозяину, и одинокихъ

и попарно. Многочисленная прислуга, подъ управленіемъ карлика «Карлы-головастика», обязана была для всѣхъ раскладывать по полу матрацы со всѣми принадлежностями приличной постели, парнымъ—въ маленькихъ кабинетахъ, а холостякамъ—въ большихъ комнатахъ, въ повалку на полу. Самъ хозяинъ, явясь ночью, спрашивалъ только, много ли ночлежниковъ. Утромъ всѣ обязаны были явиться къ кофе и чаю. Случалось, что въ торжественные дни рожденія его, гвардейская молодежь съ красотками, послѣ великолѣпнаго завтрака или обѣда, сажали въ четырехмѣстную карету, запряженную четверкой лошадей, его карлика-дворецкаго съ кучей разряженныхъ дѣвицъ, а сами, снявъ мундиры, въ однихъ рейтузахъ и рубашкахъ, засѣвъ на мѣсто кучера и форейтора и ставъ на запяткахъ, вмѣсто лакеевъ,—летѣли во всю конскую прыть по Невскому проспекту, по Морской и по всѣмъ лучшимъ улицамъ! Конечно, все это могло совершаться въ началѣ 20-хъ годовъ, а въ 30-хъ объ этомъ времени вспоминали только съ сожалѣніемъ.

Такъ въ періодъ буйной и безумной молодости Н—на деньги были ему ни почемъ: онъ удивлялъ многихъ обстановкою своей холостой квартиры и своими рысаками и экипажами, выписанными прямо изъ Вѣны, и своими вечерами, на которыхъ собирались всѣ какъ русскіе, такъ и французскіе актеры. Умный и образованный че-

ловѣкъ со вкусомъ, онъ бросалъ деньги, покровительствуя художникамъ и артистамъ; онъ любилъ жить и давалъ другимъ жить. Залы у него были полны произведеніями начинающихъ художниковъ; однихъ собственныхъ его портретовъ было болѣе сотни, онъ ихъ раздаривалъ знакомымъ, какъ теперь дарятъ фотографическія карточки; всѣ его кучера, собаки, лошади были тоже перерисованы молодыми художниками. Онъ покупалъ все, что попадалось ему на глаза: фарфоръ, бронзу, бриліанты и бирюзу, которую считалъ за амулетъ. Въ особенности дорого ему обходились бенефисные подарки актрисамъ. Причудамъ его не было конца, такъ что однажды за маленькій восковой огарокъ, предъ которымъ Асенкова учила свою лучшую роль, онъ заплатилъ ея горничной шальную цѣну и обдѣлалъ въ золотой футляръ, который вскорѣ и подарилъ кому-то изъ знакомыхъ. Н—нъ одно время былъ страстно влюбленъ въ эту актрису и, чтобы вылечиться отъ безумной страсти, придумалъ слѣдующую хитрую штуку. Онъ нарядился въ женскій нарядъ и прожилъ у артистки въ качествѣ горничной болѣе мѣсяца. Это обстоятельство и послужило Пушкину сюжетомъ къ его «Домику въ Коломнѣ». Щедрость Н—на къ артистамъ доходила до того, что извѣстному Вьетану онъ подарилъ скрипку, съ которою знаменитый артистъ объѣхалъ всю Европу. Подобныя дорогія причуды, да вдобавокъ карточная

игра, въ которой онъ являлся, впрочемъ, не игрокомъ, алчущимъ выигрыша, а страстнымъ любителемъ сильныхъ ощущеній, въ 30-хъ годахъ сильно поразстроили его состояніе, тѣмъ болѣе, что онъ обзавелся цыганкой, извѣстной въ то время въ Москвѣ красавицей Ольгой Андреевной, дочерью «Стеши», прозванной Каталани. Въ то время любовь къ цыганкѣ была самая раззорительная, пѣсни черноокихъ красавицъ разнѣживали и одурѣвали всѣхъ кутящихъ богачей. На вечерахъ гитара такой цыганки наполнялась по нѣскольку разъ золотомъ и асигнаціями, и много разъ была опоражниваема и потомъ снова наполнялась. Эти приношенія носили названіе «угольковыхъ» и многимъ опустошали карманы. Н—нъ для цыганки держалъ экипажи съ парой вятокъ и шведокъ; за нее онъ далъ крупный выкупъ хору; у нея собиралось самое разнообразное общество: цыгане, франты, актеры, литераторы, купцы, сюда заѣзжалъ и Пушкинъ слушать цыганскія пѣсни. Постояннымъ гостемъ ея былъ и извѣстный князь Гагаринъ, тоже чудакъ большой руки, прозванный за свою худобу «Адамовой головой»; онъ былъ бретеръ и храбрецъ, выигравшій въ 1812 году у офицеровъ пари, что доставитъ Наполеону два фунта чая. И доставилъ, и только по благосклонности императора благополучно возвратился въ русскій лагерь. У Н—на отъ цыганки былъ сынъ, дворняшка, ненавидѣв-

шій комнаты. Находя въ мальчикѣ сходство съ квартальнымъ надзирателемъ ихъ квартала, онъ велѣлъ портному сшить на мальчика полный мундиръ квартальнаго того времени, заказавъ и треугольную шляпу, и оправдывался въ этой продѣлкѣ, говоря: «вѣдь наряжаютъ же дѣтей гусарами, черкесами, казаками, почему же мнѣ не нарядить его квартальнымъ, когда я такъ уважаю полицію».

Однажды у цыганки Н—нъ проигралъ все, что у него было—часы, столовое серебро, наконецъ, карету съ лошадьми и даже Оленькины сани съ парой вятокъ. Выигравшій, захвативъ серебро, вещи и въ выигрышной каретѣ еще темнымъ утромъ поѣхалъ домой, приказавъ сани съ вятками отправить за нимъ. Н—нъ добродушно посмѣивался надъ подобной акуратностью игрока. Цыганка, узнавъ утромъ объ исчезновеніи вятокъ, нисколько не огорчилась: она привыкла или знала, что все скоро возвратится къ ней, и, дѣйствительно, скоро зажила прежнею роскошною жизнью. Любовь къ цыганкѣ Н—на послужила Куликову сюжетомъ для его водевиля «Цыганка». Н—нъ самъ разсказывалъ, что, сидя въ театрѣ, онъ видѣлъ на сценѣ себя и свою сожительницу. Отъ этой цыганки онъ освободился тѣмъ, что, оставивъ ей весь свой домъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ хорошей суммой денегъ въ шкатулкѣ, самъ тайкомъ уѣхалъ въ подмосковную, къ пріятелю, гдѣ

перевѣнчался на своей однофамилицѣ и поселился на нѣкоторое время въ Тулѣ.

Н—нъ, какъ мы замѣтили, любилъ хорошо покушать и также кормить своихъ гостей почти насильно. Обѣды заказывать и говорить про кушанья онъ былъ большой охотникъ. За столомъ у себя онъ подчивалъ гостей до упаду, ежеминутно вскакивалъ и кричалъ на прислугу: видишь, мало взяли, попроси, покланяйся, и если это было неуспѣшно, то самъ упрашивалъ не хуже извѣстнаго крыловскаго Демьяна. Не возьметъ гость—онъ считалъ большой обидой. Рѣдкій изъ его гостей выходилъ у него изъ-за стола, не упитавшись такъ, что еле несли ноги. На обѣды онъ приглашалъ за нѣсколько дней, а въ день обѣда присылалъ дворецкаго напоминать, чтобы не забыли. У него нерѣдко подавали на столъ паштетъ, при вскрытіи котораго выходилъ карликъ, держа въ одной рукѣ паштетъ уже съѣдобный, а въ другой рукѣ—букетъ съ цвѣтами.

Существуетъ преданіе, что Петръ Петровичъ Пѣтухъ списанъ Гоголемъ съ Н—на.

По смерти Пушкина, Н—нъ переѣхалъ жить въ Москву, тутъ уже пошла не радужная сторона его жизни, но онъ не унывалъ и велъ почти ту же самую петербургскую жизнь. Онъ ѣздилъ почти ежедневно въ англійскій клубъ, выписалъ себѣ изъ Парижа дорогой кій, хранившійся всегда подъ сбереженіемъ маркера, и продолжалъ мотать

деньги, ссужая встрѣчнаго и поперечнаго. Иногда, въ критическія минуты, ему вдругъ падали наслѣдства отъ какого-нибудь дальняго родственника, то уплачивалъ ему кто-нибудь старый карточный должокъ и т. д. Но всѣ эти неожиданности скоро исчезали. Своей роскошной жизни онъ не покидалъ и понемногу сталъ распродавать свои богатыя колекціи: монеты, картины, фарфоръ, бронзу и т. д. Между замѣчательными рѣдкостями, находившимися въ его квартирѣ, былъ одинъ двухъ-этажный стеклянный домикъ аршина два длины, каждая отдѣльная часть и украшенія котораго были имъ заказаны заграницей въ Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ. На этотъ домикъ, стоившій ему до сорока тысячъ рублей, съѣзжалось любоваться все лучшее тогда петербургское общество. Домикъ этотъ былъ потомъ заложенъ и перезаложенъ въ Москвѣ за двѣнадцать или тринадцать тысячъ и теперь неизвѣстно у кого находится какъ рѣдкая, трудно сбываемая игрушка. Домикъ былъ продолговатый, правильный четыреугольникъ, обрамленный богемскими зеркальными стеклами и образовывалъ два отдѣленія, верхнее и нижнее. Въ верхнемъ помѣщалась сплошная танцовальная зала со столомъ по серединѣ, сервированнымъ на шестьдесятъ кувертовъ. По четыремъ угламъ залы поставлены были четыре стола и бронзовыя канделябры на малахитовыхъ подстояхъ, на потолкѣ, вылѣпленномъ

въ мавританскомъ стилѣ, висѣли три серебряныя люстры, каждая по пятидесяти свѣчей, въ одномъ углу стоялъ рояль, въ другомъ арфа, первый былъ работы Вирта, вторая—Эрара, на первомъ жена владѣльца играла небольшія пьесы, употребляя для ударовъ по клавишамъ вязальныя спицы. Въ залѣ помѣщались ломберные столы съ картами, были даже щеточки и мелки для карточной игры. Вся зала была украшена тропическими растеніями, такъ искусно сдѣланными въ Парижѣ, что, казалось, эти растенія были живыми. Нижній этажъ представлялъ жилые покои и былъ наполненъ всѣмъ, что только требовалось для какого-нибудь царственнаго жилища. Заказывая эту игрушку и долго обдумывая ее, онъ не позабылъ ни малѣйшей бездѣлицы богатаго домашняго быта.

Въ этихъ жилыхъ покояхъ, стѣны которыхъ были то мраморныя, то покрытыя разноцвѣтнымъ штофомъ, были и микроскопическія картины, писанныя масляными красками, и піанино и ноты, и полная миніатюрная библіотека и цѣлый арсеналъ оружія, ящикъ съ пистолетами Лепажа, сигары, биліардъ и т. д. И всѣ эти лилипутныя вещи, серебряныя столовыя тарелки и блюда, сдѣланныя отдѣльно, замѣчательными художниками, должны имъ были стоить большого труда и терпѣнія, начиная отъ рояли, фортепіано, до библіотеки; для печатанія только однихъ заглавій

книгъ, необходимо было придумывать такой мелкій шрифтъ, который можно видѣть только на нашихъ асигнаціяхъ. Паркетъ въ обоихъ этажахъ былъ мозаичный. Сводчатый подвалъ подъ домикомъ вмѣщалъ погребъ, въ которомъ въ открытыхъ ящикахъ хранились всевозможныя дорогія вина, укупоренныя заграницей.

Не забыта ни одна мелочь, даже восковая свѣчка приготовленная для зажиганія канделябръ. Въ одной изъ комнатъ сидятъ пестро одѣтыя дамы, а въ дверяхъ — фигура военнаго, временъ Очаковскихъ. Хозяйка привѣтствуетъ его рукой; въ другой комнатѣ хозяинъ и гость кушаютъ кофе; въ билліардной идетъ игра, всѣ фигуры одѣты въ надлежащіе того времени костюмы. Жизнь стараго русскаго дома искусно схвачена въ цѣломъ рядѣ моментовъ.

Разорившись Н—нъ заложилъ курьезную модель своего московскаго дома нотаріусу Пирогову, послѣдній разсчитывалъ съ хорошимъ барышемъ продать ее чуть ли не въ казну, какъ большую рѣдкость, покупка не состоялась и модель долго не продавалась у извѣстнаго въ Москвѣ въ пятидесятыхъ годахъ антикварія Волкова. Эта старинная барская рѣдкость нѣсколько лѣтъ тому назадъ была выставлена на ремесленной выставкѣ и затѣмъ продавалась съ аукціона.

Говоря о причудныхъ игрушкахъ добраго стараго времени, мы не можемъ не упомянуть о дру-

гомъ такомъ же миніатюрномъ домикѣ, который назначался для поднесенія императору Петру Великому.

Въ Утрехтѣ, въ началѣ XVIII столѣтія жилъ богатый негоціантъ Брандтъ, посвятившій себя искусству, для котораго нѣтъ настоящаго имени, но которое можно назвать миніатюрною механикою. Онъ достигъ въ этомъ такого совершенства, что всѣ его работы цѣнились очень высоко. Когда Петръ Великій пріѣхалъ въ Амстердамъ, Брандтъ находился въ этомъ городѣ. Государь, увидѣвъ работы его, удивился терпѣнію и искусству, съ какими онѣ сдѣланы. «Дорого бы я далъ, чтобъ имѣть у себя какую нибудь особенную отличную работу Брандта», сказалъ однажды государь. Брандтъ, узнавъ объ этомъ, рѣшился сдѣлать для государя миніатюрный голландскій домикъ со всѣмъ убранствомъ, мебелью, домашними принадлежностями. Онъ работалъ не отрываясь только двадцать пять лѣтъ. И что это была за прелесть? Что за чудо! Этотъ настоящій домъ со всѣми мелочами, со всѣмъ голландскимъ комфортомъ, до малѣйшей бездѣлицы. Здѣсь были обои, сдѣланныя на утрехтскихъ фабрикахъ. Бѣлье, вытканное лучшими утрехтскими мастерами; серебряная посуда была отлита въ нарочно приготовленныхъ самимъ Брандтомъ формахъ, которыя онъ потомъ уничтожилъ. Фарфоръ былъ выписанъ изъ Японіи. Этого мало: даже книга была

напечатана въ Майнцѣ такая, что ее можно было спрятать въ орѣховую скорлупу. Потомъ хрустальная люстра, отдѣланная съ удивительнымъ искусствомъ; клѣтка въ которой и муха едва могла бы помѣститься; столовая комната съ мраморнымъ поломъ; чайный столъ со всѣмъ приборомъ, картинная галлерея; кабинетъ рѣдкостей; спальная съ кроватью, убранная самыми роскошными тканями и проч. Окончивъ все это, Брандтъ послалъ въ Петербургъ письмо, въ которомъ увѣдомлялъ, что работа эта окончена и просилъ позволенія представить ее государю. Петру Великому въ то время было не до игрушекъ—онъ находился въ походѣ. Резидентъ, получившій въ Петербургѣ извѣстіе о томъ, велѣлъ, прежде доклада царю, освѣдомиться сколько Брандтъ хочетъ взять за свою работу. Такой вопросъ огорчилъ художника, двадцать пять лѣтъ жизни посвятившаго на эту работу и по богатству своему не имѣвшаго нужды въ деньгахъ; онъ не захотѣлъ послѣ этого посылать въ Петербургъ свое произведеніе, которое такимъ образомъ осталось въ Голландіи и, какъ любопытная вещь, показывается путешественникамъ въ Гагѣ.

Возвращаясь опять къ характеристикѣ Н—на мы находимъ, что иногда на вечера къ нему собиралось не мало оригиналовъ и чудаковъ того времени, онъ ловко умѣлъ ихъ вызывать на разговоры и воспоминанія. Такъ, у него бывала

одна старушка княгиня, которая въ молодости была страстно влюблена въ Потемкина и выпросила у него на память голубую ленту, съ которой всю жизнь не раставалась ни днемъ ни ночью. При томъ, эта барыня отличалась необыкновенною скаредностью и не шила себѣ платьевъ чуть ли не съ кончины великолѣпнаго князя Тавриды; вмѣсто чепца носила она на головѣ шлыкъ изъ платка—платье было заплатанное, грязное, и при всемъ своемъ неряшествѣ носила черезъ плечо на груди потемкинскую ленту.—Онъ особенно покровительствовалъ также всѣмъ вралямъ и собиралъ ихъ для потѣхи цѣлыми десятками на свои вечера. Въ послѣдніе годы своей жизни Н—нъ предался модной тогда страсти къ вызыванію духовъ и столоверченію. Онъ бесѣдовалъ съ духами посредствомъ столиковъ и тарелокъ съ укрѣпленными въ нихъ карандашами. Онъ вызывалъ большею частію умершихъ своихъ друзей—Пушкина, Брюлова. Исписавъ горы бумаги, онъ вскорѣ сжегъ все написанное и отслужилъ въ домѣ молебенъ. Послѣ этого онъ познакомился съ однимъ евреемъ-докторомъ, извѣстнымъ тогда въ Москвѣ и проживавшимъ въ глуши—въ Сокольникахъ. Этотъ эскулапъ привлекалъ къ себѣ богатыхъ москвичей тѣмъ, что, будто бы, нашелъ средство дѣлать золото, и при лунномъ свѣтѣ, съ помощью розы, сгущать его на лѣвой ладони руки въ настоящіе рубины. Н—нъ оказался од-

нимъ изъ первыхъ его адептовъ, онъ полюбилъ алхимію. Докторъ сталъ тянуть у него деньги и обирать послѣднія его крохи. При алхимическихъ опытахъ онъ говорилъ ему:

Намъ недостаетъ только одного растенія, котораго не найдешь въ Россіи.

— А какое же это растеніе, — спрашивалъ Н—нъ.

— Баранецъ.

— Что это за баранецъ?

— Трава, которая пищитъ по зарямъ, какъ ребенокъ, когда вытаскиваешь его корни.

— А гдѣ можно ее достать?

— Въ Азіи, на горахъ.

— Что-жъ?—произносилъ рѣшительно Н—нъ,— мы можемъ туда съѣздить. Въ скоромъ времени я получу съ князя десять тысячъ рублей.

— Будемъ надѣяться!

Н—нъ, получивъ эти деньги, повезъ ихъ доктору, но послѣдній за разныя мошенничества, былъ высланъ на жительство въ Сибирь. Н—нъ пріунылъ. Скоро полученныя деньги были истрачены, кредита также нигдѣ не было. Жилъ тогда въ Москвѣ полковникъ К., человѣкъ болѣе чѣмъ богатый, добрый, извѣстный франтъ и волокита до поѣздки за-границу, но сдѣлавшійся отъявленнымъ филантропомъ по возвращеніи въ Москву; про него ходили слухи, что будто онъ, какъ и Ч—евъ, принялъ католичество. К., по первому

требованію, вручалъ по пяти рублей бѣднымъ офицерамъ и по десяти—штабъ-офицерамъ. Н—нъ сталъ обращаться къ нему въ критическія минуты.

— Подай вспомоществованіе бѣдному штабъ-офицеру, Александръ Степанычъ,—говорилъ онъ серьезнымъ тономъ.

Н—нъ получалъ постоянно отъ К. этотъ пенсіонъ, когда приходила ему крайняя нужда. К. тоже былъ большой оригиналъ. Передъ смертью Н—нъ опять получилъ довольно порядочное наслѣдство, принималъ къ себѣ каликъ перехожихъ, странниковъ, странницъ и разныхъ бродягъ, которые всегда что-нибудь у него воровали.

Извѣстный графъ Аракчеевъ, о которомъ въ свое время иначе не говорили какъ шепотомъ и предъ домомъ котораго, на Литейной, проѣзжая мимо, всякій сдерживалъ дыханіе и затаивалъ мысль,—отличался большими странностями. Аракчеевъ очень боялся отравы и за обѣдомъ каждое блюдо, прежде чѣмъ его начать, давалъ немного своей собачкѣ «Жучкѣ» *) и послѣ того уже ѣлъ самъ; даже послѣ стола, когда подавали

*) Впослѣдствіи у графа была другая собака—«Діанка». Памятники этимъ собачкамъ: «вѣрному Жучку» и «милой Діанкѣ», съ чугунными изображеніями и мраморными плитами, находятся въ его саду въ Грузинѣ. Подъ конецъ жизни Аракчеева любимымъ его четвероногимъ другомъ былъ «Азоръ».

кофе, то онъ сперва отливалъ немного собакѣ на блюдечко и послѣ того уже пилъ изъ своей чашки.

Аракчеевъ безмѣрно любилъ быструю ѣзду— въ свое Грузино изъ Петербурга онъ ѣздилъ въ восемь часовъ. Грузино отъ Петербурга отстояло на $121^1/_2$ верст.; выѣзжалъ онъ постоянно изъ столицы въ 6 час. утра, и въ 2 часа пополудни былъ уже у себя въ Грузинѣ,—ему выставляли поставу на каждой полустанціи. Такихъ верстъ между Петербургомъ и Грузино онъ сдѣлалъ во всю свою жизнь около 90 тысячъ. Былъ еще и другой такой любитель скорой ѣзды—это военный генералъ-губернаторъ Восточной Сибири М. С. Корсаковъ; за такую страсть послѣдній поплатился жизнью, наживъ смертельную болѣзнь въ почкахъ. Корсаковъ, несмотря на частые пріѣзды въ столицу изъ дальней Сибири, во всю свою службу не проѣхалъ и четверти того разстоянія, что сдѣлалъ на лошадяхъ Аракчеевъ.

Въ числѣ странностей Аракчеева была какая-то во всемъ азартная поспѣшность, а затѣмъ ранжиръ. Онъ не только людей, но и природу подчинялъ своему деспотизму. Когда Грузинское имѣніе поступило къ нему, то равнять и стричь было главною его заботою: ни одно дерево въ саду, по дорогѣ и деревнямъ не смѣло рости выше и гуще назначеннаго ему Аракчеевымъ; садъ и всѣ деревья въ имѣніи по мѣркѣ стриг-

лись. Деревни всѣ онъ вытянулъ въ прямую линію, и если случалось по необходимости сдѣлать поворотъ, то онъ шелъ или подъ прямымъ угломъ или правильнымъ полукругомъ.

Все старое было истреблено съ корнемъ—слѣдовъ не осталось прежнихъ селъ и деревень; даже церкви, если онѣ приходились не по плану, были снесены, а кладбища всѣ заравнялись такъ, что не осталось и слѣдовъ дорогихъ для родныхъ могилъ. Не мало было пролито и слезъ, когда солдаты равняли кладбища; многихъ старухъ замертво стаскивали съ могилъ, такъ онѣ упорно отстаивали эту святыню, по русскому повѣрью. Берега рѣки Волхова, на которыхъ было расположено имѣніе, были покрыты лѣсомъ: Аракчеевъ приказалъ вычистить берега; лѣсъ рубился на свалъ и сожигался на мѣстѣ. Всѣ распоряженія были невозможно безтолковы. Такъ, канавы копались зимою, во время морозовъ, дороги насыпались въ глухую осень подъ проливными дождями. Деревни строились разомъ и съ такою поспѣшностью, точно будто къ смотру!

Помѣщичья жизнь Аракчеева отличалась неслыханной дисциплиной. У Аракчеева былъ написанъ свой талмудъ для крестьянъ, въ которомъ излагались мельчайшія правила на всѣ случаи жизни крестьянина, даже, напр., какъ и кому ходить въ церковь, въ какіе колокола звонить, какъ ходить съ крестнымъ ходомъ и при дру-

гихъ церковныхъ церемоніяхъ. Нѣсколько тысячъ крестьянъ были превращены въ военныхъ поселянъ: старики названы инвалидами, взрослые—рядовыми, дѣти кантонистами. Вся жизнь ихъ была поставлена на военную ногу — они должны были ходить, сидѣть, лежать по установленной формѣ. Напримѣръ, на одномъ окошкѣ № 4 полагалась занавѣсъ, задергиваемая на то время, когда дѣти женскаго пола будутъ одѣваться. Обо всѣхъ мелочахъ въ жизни каждаго крестьянина Аракчеевъ зналъ подробно; въ каждой деревнѣ былъ шпіонъ, да еще не одинъ, который являлся лично къ самому Аракчееву каждое утро и подробно рапортовалъ о случившемся.

Чуть ли не первое шоссе въ Россіи отъ Чудова до Грузина было построено руками его крестьянъ. Строено оно было на остатки суммъ, отпущенныхъ на военное поселеніе. Обошлось оно въ милліонъ рублей ассигнаціями. Подрядъ взялъ голова грузинской вотчины или, вѣрнѣе, самъ Аракчеевъ, потому что барыши онъ бралъ себѣ, а задѣльная плата поступала въ банкъ за бѣдныхъ должниковъ: богатые крестьяне ничего не получали за свою работу. Зачѣмъ? Они и безъ того были богаты. Чистаго барыша отъ этой постройки Аракчеевъ взялъ 600 тыс. рублей, остальные 400 поступили въ банкъ за долги. Аракчеевъ любилъ ссылаться на свою бѣдность и безкорыстіе. Такъ, при вступленіи на престолъ

императора Николая I, Аракчеевъ недомогалъ; въ это время при дворѣ съ особеннымъ участіемъ стали заботиться о разстроенномъ его здоровьѣ и настойчиво совѣтовали ему ѣхать заграницу для леченія. Аракчеевъ говорилъ, что у него нѣтъ на это денегъ, тогда въ уваженіе его стѣсненныхъ обстоятельствъ ему было выдано высочайшее пособіе въ размѣрѣ 50 тыс. рублей. Сконфуженный такой неожиданностью, Аракчеевъ пожертвовалъ эти деньги въ Екатерининскій институтъ, а чтобы вывернуться изъ затруднительнаго и неловкаго положенія, предложилъ чрезъ министра двора купить у него за 50 тыс. фарфоровой сервизъ, подаренный ему императоромъ Наполеономъ I, мотивируя свое предложеніе тѣмъ, что сервизъ съ императорскимъ гербомъ неприлично имѣть въ частныхъ рукахъ. Предложеніе Аракчеева было принято и сервизъ купленъ и ему пришлось отправиться заграницу. Заграницей Аракчеева принимали болѣе чѣмъ равнодушно; здѣсь онъ, желая напомнить о своемъ прежнемъ величіи, напечаталъ въ Берлинѣ по-французски письма къ нему императора Александра I. Этотъ поступокъ усилилъ справедливое къ нему негодованіе императора и окончательно подорвалъ его поприще. Когда Аракчеевъ выѣзжалъ во Францію, таможня отобрала у него серебряныя вещи, предлагая возвратить ему при обратномъ выѣздѣ его изъ Франціи или изломать ихъ и от-

дать ему. Онъ выбралъ послѣднее, но когда таможенный служитель сталъ разбивать серебряный чайникъ, онъ пришелъ въ бѣшенство, бросился на него и схватилъ за горло. Сопровождавшіе Аракчеева съ трудомъ освободили его. По возвращеніи своемъ изъ-за границы, Аракчеевъ лишенный уже всѣхъ своихъ должностей, проводилъ время уединенно, развлекаясь только въ обществѣ молодыхъ экономокъ. Такъ влачилъ дни до своей кончины этотъ замѣчательный человѣкъ, только не по уму и способностямъ, какъ говоритъ Михайловскій-Данилевскій въ своихъ запискахъ, цитируя слова императора Александра I, а по усердію и трудолюбію, по холодности и жестокости, по отсутствію мысли въ дѣйствіяхъ, по привязности къ одной формѣ и внѣшности.

ГЛАВА II.

Суевѣръ Н. И. Д—овъ.—Эксцентричности генерала Костенецкаго.—Подражатели странностямъ Суворова.—Графъ Каменскій и генералъ Вельяминовъ.

Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ всему Петербургу былъ извѣстенъ своими эксцентрическими странностями и своимъ служебнымъ педантизмомъ, превосходившимъ самый педантизмъ извѣстнаго графа Аракчеева—генералъ Н. И. Д—овъ, бывшій начальникомъ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ. Одно изъ главныхъ его чудачествъ было, на которомъ онъ былъ помѣшанъ до смѣшного, что онъ вылитый портретъ императора Наполеона I; сходство нѣкоторое онъ имѣлъ съ этимъ государемъ, но не до того поразительное, какъ онъ полагалъ. Кромѣ этого, онъ былъ суевѣренъ до невозможнаго. У всѣхъ его дверей были прибиты найденныя имъ подковы, какъ знакъ благополучія. Въ его спальнѣ сидѣлъ въ клѣткѣ пѣтухъ, для отогнанія домового. Къ числу дру-

гихъ его предразсудковъ принадлежалъ въ особенности тотъ нелѣпый русскій предразсудокъ, который считаетъ встрѣчу съ священникомъ самымъ несчастнымъ предзнаменованіемъ. Разсказывали хорошо знавшіе этого генерала люди, что неоднократно, выѣхавъ со двора и увидѣвъ изъ окна кареты переходившаго ему дорогу священника, онъ выскакивалъ изъ экипажа, испрашивалъ у батюшки съ почтительнѣйшимъ видомъ благословенія, и затѣмъ убѣдительнѣйше упрашивалъ его сѣсть въ его карету. Какъ только священникъ исполнялъ его желаніе, Д—овъ приказывалъ кучеру скорѣй ѣхать домой. Пріѣхавъ къ себѣ, онъ учтиво высаживалъ священника изъ экипажа и вводилъ его въ свои комнаты, гдѣ въ одной изъ комнатъ съ одною дверью, онъ, дѣлая видъ, что ему нужно отдать какое-нибудь домашнее приказаніе, быстро выходилъ изъ комнаты и столь же быстро запиралъ дверь на ключъ, который бралъ въ карманъ и, увѣренный въ томъ, что этотъ священникъ уже не перейдетъ ему дорогу, самъ быстро уѣзжалъ туда, куда призывали его дѣла. Такія похищенія духовныхъ лицъ долго подавали поводъ къ весьма страннымъ недоразумѣніямъ. Затѣмъ уже мѣстное духовенство (генералъ жилъ на Васильевскомъ островѣ) и причты, завидя высокую карету четверкою цугомъ, съ двумя лакеями въ военныхъ ливреяхъ на запяткахъ, навастривали лыжи и

быстро утекали, чтобы не попасть на нѣсколько часовъ подъ ключъ его высокопревосходительства.

Онъ имѣлъ весьма оригинальную манеру мѣнять на себѣ сорочку. Камердинеръ долженъ былъ держать передъ нимъ чистую такимъ образомъ, чтобы онъ могъ вскочить въ нее. Д—въ, снявъ рубашку, отходилъ отъ слуги шага на три, крестился, бросался къ сорочкѣ и опять назадъ, и такъ до трехъ разъ; въ третій разъ онъ вскакивалъ въ растопыренную передъ нимъ рубашку и уже оставался въ ней. Въ домѣ у него, находившемся въ Москвѣ, на Басманной, тамъ, гдѣ теперь Константиновскій межевой институтъ, была образная, наполненная множествомъ иконъ, размѣщенныхъ въ нѣсколько ярусовъ. Однажды въ образной съ нимъ находился священникъ, къ которому Д—овъ былъ расположенъ. Генералу пришло въ голову приложиться къ какому-то образу, находившемуся наверху. Онъ былъ въ затрудненіи, какъ это исполнить, уже хотѣлъ было приказать снять образъ, но священникъ замѣтилъ, что это совершенно лишнее и что въ подобномъ случаѣ достаточно одного усердія почтить святыню. Что же дѣлаетъ, генералъ? Онъ складываетъ пальцы, цѣлуетъ ихъ и посылаетъ образу воздушный поцѣлуй.

Генералъ очень любилъ играть въ карты и, отправляясь на игру, входилъ предварительно

въ свою образную и тамъ предъ образомъ молился о выигрышѣ, обѣщаясь, въ такомъ случаѣ, принести ему въ жертву какое-либо украшеніе.

Во время стоянки кадетъ въ лагерѣ вѣрнѣйшее средство удержать его отъ прихода къ кадетамъ, на которыхъ онъ наводилъ тоску постоянными и однообразными нравоученіями, было положить на пути отъ его палатки къ лагерю кресты изъ соломинокъ или изъ чего придется. Увидя такой крестъ, Д—въ обыкновенно возвращался назадъ.

Въ числѣ большихъ причудниковъ былъ извѣстенъ въ русской арміи въ царствованіе Александра I генералъ В. Г. Костенецкій. Жизнь велъ онъ необыкновенно оригинальную: одѣвался въ длинополый военный сюртукъ и носилъ какую-то необыкновенно высокую форменную фуражку. Комнатъ зимою никогда не топилъ, и ему въ нихъ не было холодно. Возлѣ крыльца дома была всегда наметена большая куча снѣгу, и онъ какъ только поутру встанетъ съ постели, т. е. съ жесткаго кожанаго дивана, съ такой же головной подушкой, безъ простыни и одѣяла, тотчасъ же, отправляется голымъ въ эту кучу снѣга и въ ней барахтается, и когда потомъ войдетъ въ комнату, то паръ идетъ съ него, какъ послѣ бани. Чай пилъ онъ тоже не по обыкновенному: онъ обходился безъ чайника, клалъ чай прямо

въ стаканъ, наливалъ его горячей изъ самовара водой, и когда чай настаивался, тогда онъ пилъ его безъ сахара и потомъ жевалъ чайные листья. Пища его была самая простая: борщъ, каша и изрѣзанная говядина. Водки и вина не пилъ вовсе. Костенецкій, несмотря на свой миролюбивый характеръ, боялся мщенія и предполагалъ, что его когда нибудь да отравятъ. Чтобы предупредить такую опасность, онъ хотѣлъ пріучить себя не бояться никакой отравы и для этого онъ носилъ всегда въ карманѣ кусокъ мышьяку, который ежедневно поутру лизалъ языкомъ по нѣскольку разъ, каждый день постепенно увеличивая количество лизаній, и такимъ способомъ довелъ себя до того, что уже довольно значительный пріемъ мышьяка, который былъ бы смертельнымъ для всякаго другого человѣка, на него не производилъ никакого вреднаго дѣйствія. Онъ производилъ преоригинальныя ученія. Рано на зарѣ, онъ приказывалъ находившемуся при немъ трубачу трубить тревогу, указывалъ куда скакать батареѣ, а самъ вскочивъ на коня скакалъ туда во весь опоръ и, прискакавъ на мѣсто, въ полѣ долой съ коня—и голый катался по травѣ и росѣ. Это была его суворовская утренняя ванна. Между тѣмъ, батарея по тревогѣ летѣла туда же во весь опоръ и находила уже К—го выкатавшимся на росѣ, одѣтымъ и на конѣ и тотчасъ же начиналось ученье

все на маршъ-маршѣ и по-боевому. Вдругъ К—ій командуетъ: «№ такой-то раненъ!» И этотъ № долженъ былъ слѣзть съ лошади и пѣшкомъ отойти въ сторону, а другой заступить его мѣсто. Затѣмъ опять команда: «№ такой-то убитъ!» И убитый долженъ былъ упасть на землю и лежать, а другой заступить его мѣсто, и подобно тому въ этомъ же родѣ. Генералъ Костенецкій былъ высокаго роста, широкъ въ плечахъ, стройный и красивый мужчина съ самымъ добрымъ и привѣтливымъ лицомъ и обладалъ необыкновенною физическою силою. Характера былъ добраго, имѣлъ нѣжное сердце, но вспыльчивъ въ высокой степени. Человѣкъ онъ былъ съ сильными страстями, любилъ женщинъ, а еще болѣе былъ любимъ ими, но никогда не былъ женатъ. Онъ былъ страстно влюбленъ въ красавицу княжну Р—въ и велъ себя какъ влюбленный юноша прапорщикъ, давая пищу насмѣшкамъ всего лагеря подъ Краснымъ Селомъ. Генералъ служилъ въ артиллеріи, зналъ превосходно свое дѣло, и былъ въ полномъ смыслѣ военнымъ. Много ходило въ то время разсказовъ о его необыкновенной физической силѣ: онъ разгибалъ подковы, сгибалъ серебряные рубли. Однажды, въ Кіевѣ, въ одномъ обществѣ дамы, желая подшутить надъ нимъ, поднесли ему на тарелкѣ очень искусно сдѣланную каменную грушу и просили его скушать. Костенецкій, замѣтя обманъ, взялъ грушу въ руку и,

какъ бы нечаянно раздавивши ее, воскликнулъ — ахъ!—какая она мягкая.

Одинъ изъ случаевъ его жизни разсказанъ Михайловскимъ-Данилевскимъ. Въ одномъ изъ сраженій съ французами въ 1809 году, когда на батарею, которою онъ командовалъ, бросились польскіе уланы, перебили всю прислугу и, разумѣется, взяли бы батарею, Костенецкій, схвативши банникъ, началъ валять имъ направо и налѣво, многихъ перебилъ, а другихъ прогналъ. Когда императоръ Александръ Павловичъ благодарилъ его за такой подвигъ, онъ сказалъ государю, что надобно бы ввести въ артиллерію вмѣсто деревянныхъ желѣзные банники. Государь возразилъ ему: «Мнѣ не трудно сдѣлать это, но гдѣ найти такихъ Костенецкихъ, которые могли бы владѣть ими!» Гонералъ Костенецкій носилъ въ обществѣ кличку всеславянскаго генерала и былъ извѣстенъ шутками въ родѣ такихъ cabinet (какъ бы нѣтъ), domestique (домъ мести) и т. д. Этими корнесловами извѣстный адмиралъ Шишковъ хотѣлъ въ свое время доказать, что всѣ языки происходятъ отъ славянскаго. Костенецкій умеръ въ Петербургѣ отъ холеры въ 1831 году.

Великій Суворовъ, отличавшійся, какъ извѣстно, большими странностями, которыя даже у его современниковъ рождали сомнѣнія, въ здравомъ ли онъ умѣ, имѣлъ также многихъ подражателей. Особенно въ ряду такихъ отличался чуда-

чествами старикъ князь Гр. Сем. Волконскій, жившій долгое время въ Оренбургѣ и командовавшій тамошними войсками. Онъ вставалъ такъ же рано, какъ и Суворовъ и тотчасъ отправлялся по всѣмъ комнатамъ и прикладывался къ каждому образу. Между тѣмъ всѣ форточки въ его домѣ были открыты и въ комнатахъ дулъ сквозной вѣтеръ. Къ вечеру ежедневно у него служили всенощную, при которой обязанъ былъ присутствовать дежурный офицеръ. Обѣдалъ онъ не раньше семи часовъ. Выѣзжалъ къ войскамъ во всѣхъ орденахъ и, по окончаніи ученья, въ одной рубашкѣ ложился гдѣ нибудь подъ кустомъ и кричалъ проходившимъ солдатамъ: «Молодцы, ребята, молодцы!» Любилъ ходить въ худой одеждѣ, сердился, когда его не узнавали, выѣзжалъ въ городъ лежа на телѣгѣ или на дровняхъ. Вообще корчилъ Суворова. Во время кампаніи 1806 года онъ просилъ императора назначить его командовать дѣйствующею арміею. Императоръ, въ виду его старчества, ласково отказывалъ; старикъ не унимался, писалъ письма къ покровительствовавшей ему императрицѣ, жаловался, что Аракчеевъ мѣшаетъ ему служить отечеству и проч.

Другой подражатель Суворова былъ уже фельдмаршалъ графъ Михаилъ Өедоровичъ Каменскій, личность безспорно талантливая, съ большимъ знаніемъ военнаго дѣла и личною храбростью, но необыкновенно честолюбивая и крайне нерв-

ная въ обращеніи съ людьми. Императрица Екатерина II не любила съ нимъ разговаривать. Вотъ что она сказала своему секретарю Храповицкому про Каменскаго: «къ намъ будетъ скучнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ». Король прусскій отзывался о немъ: «это молодой канадецъ, однако же, довольно вылощенный». Императоръ Павелъ любилъ Каменскаго, а графъ Аракчеевъ былъ большой почитатель его воинскихъ талантовъ. Каменскій былъ строгій служака и педантъ; онъ въ частной жизни подражалъ Суворову и также часто оригинальничалъ и юродствовалъ. У себя въ деревнѣ фельдмаршалъ жилъ въ своихъ комнатахъ совершенно одинъ, въ кабинетъ его никто не впускался, кромѣ камердинера; у дверей его комнаты были привязаны на цѣпи двѣ огромныя меделянскія собаки, знавшія только его и камердинера. Онъ носилъ всегда куртку на заячьемъ мѣху, покрытую голубою тафтою, съ завязками, желтые мундирные штаны изъ сукна, ботфорты, а иногда коты и кожаный картузъ; волосы сзади связывалъ веревочкою въ видѣ пучка, ѣздилъ въ длинныхъ дрожкахъ цугомъ, съ двумя форейторами; лакей сидѣлъ на козлахъ; онъ имѣлъ приказаніе не оборачиваться назадъ, но смотрѣть на дорогу.

Чудачества Каменскаго этимъ не ограничивались—онъ также пѣлъ на клиросѣ, ѣлъ за столомъ самъ только простую грубую пищу и очень

оскорблялся всякимъ невниманіемъ къ его заслугамъ. Такъ, когда передъ второю турецкою войною императрица послала ему въ подарокъ пять тысячъ золотомъ, онъ захотѣлъ показать, что подарокъ слишкомъ ничтоженъ, и нарочно истратилъ эти деньги на завтраки въ Лѣтнемъ саду, къ которымъ приглашалъ всѣхъ, кто ему попадался на глаза.

Вызванный для войны съ Наполеономъ, предпринятой для защиты Пруссіи, онъ явился въ Петербургъ и помѣстился въ убогомъ помѣщеніи, въ третьемъ этажѣ, въ плохой гостинницѣ. Женатъ онъ былъ на княгинѣ Щербатовой и относительно брака судьба его похожа на судьбу Суворова. Супруги видѣлись довольно рѣдко, однако, плодомъ ихъ супружества были дочь и два сына. Старшаго сына отецъ не любилъ и, по разсказамъ Энгельгардта, однажды, когда сынъ уже былъ въ чинахъ, графъ публично далъ ему двадцать ударовъ арапникомъ за то, что онъ не явился въ срокъ по какому-то служебному дѣлу. Младшаго сына, извѣстнаго театрала, графъ очень любилъ. Каменскій никогда не былъ любимъ никѣмъ за свой крутой и вмѣстѣ вспыльчивый и жестокій нравъ — фельдмаршалъ, какъ и многіе вельможи того времени, былъ не разборчивъ въ своихъ связяхъ и подпалъ подъ вліяніе грубой, необразованной и некрасивой простой женщины. Графъ М. Ѳ. Каменскій очень вѣрно обрисованъ

Л. Н. Толстымъ въ его романѣ «Война и миръ» подъ именемъ князя Болконскаго.

Большими странностями также отличался командующій на Кавказѣ и въ Черноморіи генералъ Вельяминовъ, извѣстный славный сподвижникъ войнъ 1812 и 1814 гг. Проживая въ Ставрополѣ со всѣмъ штабомъ, генералъ выказывалъ много оригинальнаго въ своемъ характерѣ. Такъ, онъ имѣлъ привычку говорить почти всѣмъ «дражайшій» и его видали только тогда, когда онъ отправлялся въ экспедицію противъ горцевъ, иначе онъ не выходилъ изъ комнатъ занимаемаго имъ дома. Отправляясь въ экспедицію, когда спрашивали его подчиненные генералы: куда? онъ отвѣчалъ имъ: Дражайшій! барабанщикъ вамъ это укажетъ! Въ походѣ онъ ходилъ подобно Наполеону І-му: сверхъ мундира въ сѣромъ короткомъ сюртукѣ. У него былъ открытый столъ, къ которому приглашались всѣ небогатые офицеры и штабные. Самъ онъ никогда не выходилъ къ столу, и кушаньевъ съ этого стола не вкушалъ, а ему подавали въ его кабинетъ одно особое кушанье — ужа, такъ называемаго желтобрюха, подъ желтымъ соусомъ, откормленнаго прежде молокомъ. Это кушанье онъ чрезвычайно любилъ. Вельяминовъ былъ одинокъ и умеръ отъ полной апатіи ко всему.

Герой отечественной войны знаменитый атаманъ донцовъ графъ М. И. Платовъ былъ боль-

шой оригиналъ во многихъ привычкахъ своей жизни; происходя изъ казаковъ, онъ ревниво оберегалъ патріархальные нравы своихъ соотечественниковъ и щеголялъ настоящей казацкой рѣчью, часто очень нецензурной. Образъ жизни его былъ самый простой. Когда армія наша покинула Москву и первопрестольная столица освѣтилась заревомъ пожара, Платовъ зарыдалъ, объявивъ всѣмъ окружающимъ его: «если кто, хоть бы простой казакъ, доставитъ ко мнѣ Бонапартишку — живого или мертваго — за того выдамъ дочь свою! Это восклицаніе славнаго вождя дошло до Англіи и въ 1814 году появился въ Лондонѣ портретъ дѣвицы въ національномъ донскомъ костюмѣ съ надписью: «миссъ Платовъ», «по любви къ отцу—отдаю руку; а по любви къ отечеству—и сердце свое». Впослѣдствіи эта дочь Марья Матвѣевна вышла замужъ за донского генерала Т. Д. Грекова. Въ 1814 году Платовъ въ свитѣ императора Александра I ѣздилъ въ Лондонъ, откуда привезъ молодую англичанку въ качествѣ компаньонки. Извѣстный партизанъ Денисъ Давыдовъ выразилъ ему удивленіе, что, не зная по-англійски, сдѣлалъ онъ подобный выборъ. Я скажу тобѣ, братецъ, отвѣчалъ онъ: это совсѣмъ не для физики, а больше для морали. Она добрѣйшая душа и дѣвка благонравная: а къ тому же такая бѣлая и дородная, что ни дать ни взять ярославская баба.

Тотъ же Денисъ Давыдовъ разсказывалъ, что когда Ростопчинъ представлялъ Карамзина Платову, атаманъ, подливая въ чашку свою значительную долю рому, сказалъ: «Очень радъ познакомиться, я всегда любилъ сочинителей, потому что они всѣ пьяницы».

ГЛАВА III.

Военные повѣсы былыхъ временъ.

Въ доброе старое время отличительную черту характера, духъ и тонъ кавалерійскихъ офицеровъ—все равно, была ли это молодежь, или старики—составляли удальство и молодечество. Девизомъ и руководствомъ въ жизни были три стародавнія поговорки: «двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать», «послѣдняя копѣйка ребромъ», «жизнь копѣйка—голова ничего!» Эти люди и въ войнѣ, и въ мирное время искали опасностей, чтобъ отличиться безстрашіемъ и удальствомъ. Любили кутить, но строго помнили поговорки: «пей, да дѣло разумѣй», «пей, да не пропивай разума». Попировать, подраться на сабляхъ, побушевать, гдѣ бы иногда и не слѣдовало, все это входило въ составъ военно-офицерской жизни мирнаго времени. Молодые кавалерійскіе офицеры, по характеристикѣ Ѳ. Булгарина, въ молодости служившаго въ уланахъ, и сами того

не зная, были почти тоже, что нѣмецкіе бурши; они точно также вели вѣчную войну съ «рябчиками», т. е. со статскими, какъ бурши съ филистерами. Эта молодежь нашей кавалеріи и знать не хотѣла никакой власти, кромѣ своей полковой и высшей военной, безпрестанно противодѣйствуя полиціи. Буйство хотя и подвергалось наказанію, но не считалось порокомъ и не помрачало чести офицера, если не выходило изъ извѣстныхъ условныхъ границъ. Стрѣлялись рѣдко, только за кровныя обиды, за дѣло чести, но рубились за всякую мелочь. Послѣ такихъ дуэлей обыкновенно слѣдовала мировая, шампанское и т. д. Дуэль еще больше скрѣпляла товарищескую дружбу. По замѣчанію современниковъ, въ тѣ годы не каждый рѣшился бы говорить дурно про товарища и хотя бы и не прямо въ лицо, клеветать заочно и распространять клевету намеками. За офицера одного полка сразу вступались по десятку товарищей. Офицеры въ полку принадлежали одной семьѣ, у нихъ все было общее—честь, духъ, время, труды, деньги, наслажденія, непріятности и опасность. Офицерская честь цѣнилась очень высоко. Офицеръ, который бы измѣнилъ своему слову, не вступился бы въ потребную минуту за однополчанина или обманулъ кого бы то ни было, положительно не былъ терпимъ въ полку. Въ случаѣ крайности, офицеры складывались и платили денежный долгъ товарища, ко-

торый впослѣдствіи выплачивалъ имъ свой долгъ. Столпами службы въ тѣ времена были эскадронные командиры; многіе изъ нихъ были зрѣлыхъ лѣтъ старики, прошедшіе очень суровую военную школу и не разъ надѣвавшіе за дуэли и проказы солдатскую шинель: такіе въ критическую минуту и замѣняли молодымъ офицерамъ «отцовъ командировъ» не по одной пустой кличкѣ. У эскадронныхъ командировъ, по установившемуся издавна обычаю, всегда былъ открытый столъ для своихъ офицеровъ; обѣды были, положимъ, не прихотливы: щи, каша, битокъ, да стаканъ вина. Въ кавалеріи, по отзывамъ современниковъ, жили не только весело, но отчасти и безтолково; щеголеватость фронта, разныя тонкости и порядки въ муштрѣ и въ службѣ перенимались арміей у гвардіи, но выпадали годы, особенно послѣ походовъ, когда и гвардія жила «по-армейски», подражая походной бивуачной жизни. Напримѣръ, въ старину существовалъ обычай въ средѣ товарищей, хотя и знавшихъ французскій языкъ, говорить между собою всегда по-русски, въ силу того принципа, что они—русскіе офицеры и служатъ русскому царю и отечеству, тѣхъ же, которые употребляли всегда французскій языкъ вмѣсто русскаго и старались отличится свѣтскою ловкостью, прозывали «хрипунами». Вообще, чванство, надутость, фанфаронство, важничанье не были терпимы въ полкахъ.

Въ описываемое александровское время у молодыхъ военныхъ повѣсъ была великая страсть къ такъ называемымъ «гроссъ-шкандаламъ» съ нѣмцами. Петербургскіе бюргеры и ремесленники любили повеселиться со своими семействами въ трактирахъ на Крестовскомъ островѣ, въ Екатерингофѣ и Красномъ Кабачкѣ; военная молодежь ѣздила туда какъ на охоту. Начиналось обыкновенно съ того, что заставляли дюжихъ маменекъ и тетушекъ вальсировать до упаду, потомъ подпаивали мужчинъ, наконецъ, затягивали хоромъ: «Freut euch des Lebens» упирая на слова: «Pflücke die Rose» — и пошло волокитство, а въ концѣ-концовъ обыкновенно слѣдовала генеральная баталія съ нѣмцами. Послѣ кутежа всю ночь на пролетъ тройки разлетались въ разныя стороны и къ девяти часамъ утра ночные повѣсы, какъ ни въ чемъ ни бывало, присутствовали на разводѣ—кто въ Петербургѣ, кто въ Стрѣльнѣ, въ Петергофѣ, въ Гатчинѣ. Черезъ нѣсколько дней обыкновенно приходили въ полкъ жалобы и виновные тотчасъ же сознавались по первому спросу. Кто былъ тамъ-то—лгать было стыдно. На полковой гауптвахтѣ частенько бывало тѣсно отъ арестованныхъ офицеровъ. По словамъ кавалериста той эпохи, въ Кавалергардскомъ, Преображенскомъ и Семеновскомъ полкахъ господствовалъ тогда особый духъ и тонъ. Офицеры этихъ трехъ полковъ принадлежали къ высшему обще-

ству, отличались изяществомъ манеръ, утонченною изысканностью и вѣжливостью въ отношеніяхъ между собою, многіе владѣли французскимъ языкомъ лучше, чѣмъ русскимъ. Офицеры же другихъ полковъ показывались въ обществѣ только повременамъ, предпочитая жизнь товарищеской среды, жизнь нараспашку. Конногвардейскій полкъ держался нейтрально, соблюдая смѣшанные обычаи. Но зато лейбъ-гусары, лейбъ-уланы, лейбъ-казаки, измайловцы и лейбъ-егеря жили по армейски и слѣдовали тому духу беззавѣтнаго удальства, который являлъ собою главнѣйшую черту военнаго характера этой эпохи, которую такъ пылко и ярко воспѣлъ въ своихъ стихахъ Денисъ Давыдовъ. О похожденіи кавалергардскихъ офицеровъ сохранилось много разсказовъ; особенно шалости ихъ въ Новой Деревнѣ и на Черной рѣчкѣ въ свое время надѣлали много шума. На Черной рѣчкѣ въ концѣ двадцатыхъ годовъ по ночамъ сталъ разъѣзжать черный катеръ, съ поставленнымъ на немъ чернымъ же гробомъ; гребцы, сидѣвшіе съ факелами около гроба, всѣ заунывно пѣли «Со святыми упокой» и этимъ будили и пугали крестьянъ и дачницъ... Вскорѣ узнали, какъ это разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ дочь графа Толстого, что факельщики эти были не кто иные, какъ молодежь-кавалергарды, а въ гробу почилъ не покойникъ, а шампанское. Днемъ они тоже не сидѣли спокойно,

а съ криками и шумомъ галопомъ носились на своихъ собственныхъ пожарныхъ трубахъ, всѣ стоя на ногахъ, въ сюртукахъ безъ эполетъ, въ голубыхъ вязаныхъ шерстяныхъ беретахъ съ серебряными кистями. Проказы молодыхъ повѣсъ нерѣдко пробирались и на дачи, гдѣ тогда жили актрисы французскаго театра. По тогдашнимъ разсказамъ, веселая мундирная молодежь иногда пробиралась ночью въ палисадникъ хорошенькой дачки, занимаемой одною извѣстною ятальянскою пѣвицею, и, снявъ осторожно ставни, любовались ночнымъ туалетомъ красавицы; то устраивали засады въ женскихъ купальняхъ, то врывались черезъ окошко въ спальню какой-нибудь молоденькой дамы, и затѣмъ учтиво извинялись ошибкой, полагая, что здѣсь живетъ ихъ товарищъ. Подобныя проказы сходили въ то время зачастую безъ особыхъ послѣдствій, но кто-то разъ довелъ о нихъ до свѣдѣнія великаго князя Михаила Павловича; тотъ доложилъ государю и дѣло розыгралось для повѣсъ совсѣмъ неожиданнымъ образомъ. Однажды ночью ихъ всѣхъ потребовали въ ордонансгаузъ, и когда они явились, безъ дальнихъ объясненій, посадили ихъ на почтовыя телѣжки вмѣстѣ съ фельдъегерями, и борзыя тройки умчали ихъ изъ Петербурга. Изъ такихъ шалуновъ былъ отправленъ на Кавказъ поручикъ Жерве; послѣдняго везъ цѣлые двѣ недѣли угрюмый фельдъегеръ, не говоря куда онъ ве-

зетъ, и только когда онъ перенесся черезъ кавказскіе горы и пріѣхалъ въ Карагачъ и сдалъ его полковому командиру, Жерве узналъ свою участь.

Многіе изъ такихъ военныхъ повѣсъ ссылались на Кавказъ съ лишеніемъ офицерскаго званія, прямо рядовымъ; понятно, это дѣлалось не безъ суда. Изъ числа такихъ людей, замѣчательнымъ по превратности своей судьбы, какъ разсказываетъ В. Потто, былъ нѣкто Нечеволодовъ, служившій на Кавказѣ въ 1822 г. Когда ему было болѣе сорока лѣтъ, онъ былъ только простымъ рядовымъ. Жизнь его была полна приключеній. Родился онъ въ 1781 году, въ Харьковской губерніи, и жилъ въ родительскомъ домѣ брошеннымъ безъ всякаго призора. Росъ онъ веселымъ, буйнымъ и своенравнымъ ребенкомъ; четырнадцати лѣтъ отъ роду его взялъ къ себѣ дядя, къ великой радости сосѣдей, не имѣвшихъ отъ него покоя. Черезъ четыре года Нечеволодовъ былъ уже офицеромъ и участвовалъ въ походѣ Суворова; здѣсь, при защитѣ крѣпости Бреста, онъ помѣстился въ амбразурѣ и, какъ отличный стрѣлокъ, билъ оттуда французовъ на выборъ, но вдругъ ядро, пущенное съ непріятельской батареи, сбило амбразуру и ветхая каменная стѣна рухнула и придавила его; его вытащили полураздавленнаго и едва живого. Въ Италіи Нечеволодовъ участвовалъ съ Суворовымъ

не разъ въ сраженіяхъ, переходилъ съ нимъ Альпы, Чертовъ мостъ и изъ устъ знаменитаго полководца нѣсколько разъ слышалъ благодарность и похвалу. Окончилъ войну поручикомъ съ брильянтовыми знаками св. Анны 2-й степени на шеѣ,—награда въ этомъ чинѣ въ то время была исключительная; предъ нимъ развертывалась блестящая военная карьера, но обстоятельства сразу разрушили всѣ честолюбивыя надежды. Семейныя преданія смутно передаютъ только, что это была какая то роковая дуэль, чуть ли не съ роднымъ братомъ, окончившаяся тѣмъ, что онъ получилъ сабельные удары въ голову, а противникъ былъ изрубленъ на смерть. Нечеволодовъ былъ лишенъ чиновъ, орденовъ и сосланъ въ далекій пустынный городъ Колу. Жизнь ему здѣсь не полюбилась и онъ бѣжалъ на кораблѣ въ Англію, гдѣ, не имѣя средствъ къ существованію, нанялся волонтеромъ въ англійскія войска, готовившіяся къ отплытію въ Индію. Его сюда хотя и манили помыслы, но планъ службы ему не удался. Слухъ о его похожденіяхъ дошелъ до нашего посла, графа С. Р. Воронцова, и онъ потребовалъ его къ себѣ. Воронцовъ сумѣлъ оцѣнить умъ, таланты, даже пылкость нрава молодого несчастливца, отговорилъ его отъ его мечтаній, взялъ съ собою въ Россію и выпросилъ ему у императора Александра I полное помилованіе. Въ 1803 году онъ былъ опредѣленъ съ прежнимъ

чиномъ въ 20-й егерскій полкъ, но ордена не были ему возвращены. Къ этому времени относится первая его романическая женитьба на одной изъ польскихъ магнатокъ, графинѣ Тышкевичъ. Гордая родня не соглашалась на бракъ съ русскимъ, но Нечеволодовъ, при помощи товарищей, увезъ графиню изъ ея великолѣпнаго замка и повѣнчался съ нею въ бѣдной деревенской церкви. Пока шло вѣнчаніе, церковныя двери были заперты наглухо и, на случай погони за бѣглянкой, стояли у нихъ на стражѣ офицеры-товарищи. Затѣмъ наступаютъ безпрерывные боевые походы и рядъ новыхъ сраженій, въ которыхъ онъ добываетъ себѣ старые суворовскіе ордена, чинъ капитана. Въ 1813 году онъ находился въ составѣ летучаго корпуса Платова. Кампанія не обошлась для него безъ новыхъ ранъ и увѣчій. Подъ Лейпцигомъ онъ въ одной изъ атакъ былъ окруженъ французами, сбитъ съ лошади тупымъ концомъ пики и черезъ него пронесся цѣлый уланскій полкъ; каждый французъ считалъ своимъ долгомъ кольнуть его пикой или ударить саблей. Ударовъ этихъ было такъ много, что Нечеволодовъ былъ превращенъ, можно сказать, въ кусокъ битаго мяса. Но, при быстрой скачкѣ французовъ, ни одинъ ударъ не былъ смертельнымъ; Нечеволодовъ догадался надвинуть на голову киверъ и этимъ, быть можетъ, обязанъ спасеніемъ себѣ жизни. Черезъ нѣсколько

дней, несмотря на раны, онъ съ лихвой отплатилъ непріятелю — онъ со своими солдатами положилъ лоскомъ болѣе 280 человѣкъ и 180 нижнихъ чиновъ съ офицерами и полковымъ командиромъ были имъ захвачены въ плѣнъ. Онъ за это дѣло получилъ вторично орденъ св. Владиміра и чинъ подполковника. Но страшная судьба опять вмѣшивается въ блестящую его карьеру. По возвращеніи изъ Франціи, онъ былъ переведенъ въ одинъ изъ драгунскихъ полковъ, гдѣ онъ и проигралъ 17 тыс. казенныхъ денегъ. Его опять разжаловали въ рядовые. Государь, помня его молодецкую боевую службу, приказалъ перевести его на Кавказъ, гдѣ, послѣ одного геройскаго дѣла, Ермоловъ просилъ о полномъ и безусловномъ его помилованіи, но его только произвели въ прапорщики—и послѣ четырехъ лѣтъ службы онъ возвратился въ полкъ опять майоромъ и съ тѣми орденами, что заслужилъ еще при Суворовѣ. Нечеволодовъ кончилъ жизнь въ 30-хъ годахъ въ с. Карагачѣ, на Кавказѣ; онъ былъ женатъ вторично на черкешенкѣ.

Въ двадцатыхъ годахъ командовалъ правымъ флангомъ большой чудакъ генералъ-лейтенантъ Зассъ, имя котораго туземцами произносилось съ трепетомъ и имъ даже пугали маленькихъ дѣтей. Въ домѣ его постоянно преобладала какая-то таинственность; часто случалось, что при гостяхъ его вызывали и онъ вдругъ пропадалъ

на недѣлю и болѣе. Въ его комнатахъ и во всѣхъ углахъ постоянно дежурили загадочныя лица. Зассъ нарочно окружалъ себя тайной, чтобы сохранить къ себѣ поболѣе уваженія и страха, а эти два чувства сильно дѣйствуютъ на толпу. Про него существуетъ много разсказовъ, почти половина которыхъ, конечно, выдумки, но во всѣхъ ихъ проглядываетъ какое-то таинственное вліяніе, котораго и добивался Зассъ. Онъ разными шарлатанствами успѣлъ увѣрить всѣхъ сыновъ Кавказа, что самъ знается съ шайтаномъ и можетъ узнавать ихъ сокровеннѣйшія мысли. Часто онъ дурачилъ у себя дикихъ горцевъ съ помощью новѣйшихъ открытій наукъ и не пренебрегалъ ни электрической машиною, ни вольтовымъ столбомъ, ни гальванизмомъ. Въ поддержаніе проповѣдуемой Зассомъ идеи страха, на нарочно насыпанномъ курганѣ у Прочнаго Окопа постоянно на пикахъ торчали черкескія головы и бороды ихъ развѣвались по вѣтру. Тяжело и грустно было смотрѣть на это отвратительное зрѣлище. Войдя, однажды, въ его кабинетъ, какъ разсказывалъ одинъ изъ его друзей, всѣ были поражены какимъ-то нестерпимымъ отвратительнымъ запахомъ, но хозяинъ, смѣясь, вывелъ всѣхъ изъ недоразумѣнія, сказавъ, что люди его, вѣроятно, поставили подъ кровать ящикъ съ головами и, въ самомъ дѣлѣ, вытащилъ предъ гостями огромный сундукъ съ нѣсколькими голо-

вами, которыя страшно смотрѣли на всѣхъ своими стеклянными глазами.—Зачѣмъ онѣ здѣсь у васъ?—сказалъ кто-то изъ присутствующихъ.—Я ихъ вывариваю, очищаю и разсылаю по разнымъ анатомическимъ кабинетамъ и друзьямъ-профессорамъ моимъ въ Берлинъ.

Шутки Засса, нельзя сказать, чтобы отличались большимъ разборомъ и нерѣдко могли стоить жизни человѣку, съ которымъ они были сыграны. У него проживалъ въ домѣ старинный другъ его, майоръ въ отставкѣ; майору, наконецъ, надоѣла вѣчная суета у Засса и онъ рѣшился разстаться съ другомъ и уѣхать въ ближайшій городъ. Приближались праздники, майоръ получилъ приглашеніе отъ Засса пріѣхать погостить къ нему и отпраздновать Мартына Лютера жаренымъ гусемъ съ яблоками и черносливами. Майоръ собрался и пустился въ дорогу; не доѣзжая до станицы, на экипажъ мирнаго стараго майора нападаетъ партія черкесовъ, завязываютъ ему глаза и ротъ, берутъ въ плѣнъ и связаннаго мчатъ въ горы; плѣнникъ, окруженный толпою горцевъ, громко говорящихъ на своемъ варварскомъ нарѣчіи, предался горькому жребію и былъ ни живъ, ни мертвъ; наконецъ, онъ чувствуетъ, что находится подлѣ огня, который нѣсколько его согрѣваетъ, а шумъ и споръ между похитителями продолжаются; вѣроятно, думаетъ бѣдный старикъ, они дѣлятъ меня и спорятъ о

правѣ владѣть мною. Но вдругъ снимаютъ съ него повязку и, къ удивленію майора, представляется кабинетъ Засса и онъ самъ, довольный, смѣющійся генералъ, и много казаковъ. Майоръ разсердился на злую шутку, плевался, бранился самыми отборными словами и едва-было не разсорился со своимъ другомъ, который только и умилостивилъ своего разгнѣваннаго земляка-курляндца, что если-бъ, чего Боже сохрани, подобная бѣда разразилась бы надъ майоромъ въ самомъ дѣлѣ, то дружба заставила бы непремѣнно освободить его изъ плѣна. Вкусно приготовленный гусь помирилъ друзей; однако майоръ долго прохворалъ отъ душевныхъ тревогъ или отъ несваренія желудка—неизвѣстно.

Въ тридцатыхъ годахъ проживалъ на Кавказѣ отставной полковникъ, нѣкто А—ни, родомъ рагузинецъ, долго служившій въ Черногоріи. Этотъ человѣкъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что очень счастливо игралъ во всѣ игры въ карты. По недовѣрію къ нему играющихъ, когда приходила очередь сдавать ему карты, то онъ надѣвалъ на руки перчатки. Игрою въ карты и разными пари онъ составилъ себѣ очень недурное состояніе. Много денегъ онъ выигралъ, держа самыя сумасбродныя пари. Такъ, онъ разъ держалъ закладъ, что проведетъ цѣлый годъ на лошади, отдыхая только пять часовъ въ сутки,—и выигралъ. Въ другой разъ онъ держалъ пари, что взойдетъ на

крутую гору, дѣлая три шага впередъ и два назадъ,—и тоже выигралъ. Онъ бился на закладъ въ нѣсколько тысячъ, что, привязанный къ двумъ лошадямъ, онъ проскачетъ извѣстное разстояніе вскачь, рискуя быть разорваннымъ во всякую минуту,—и тоже выигралъ. Онъ держалъ пари въ Таганрогѣ съ извѣстнымъ богачемъ А—ки, что въ теченіе полугода будетъ питаться маслинами и корнемъ салепа, первыхъ съѣдая полфунта, а второго пять золотниковъ, и тоже остался съ выигрышемъ.

Въ тридцатыхъ годахъ въ гвардіи служилъ блестящій офицеръ Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, большой повѣса и острякъ, котораго великій князь Михаилъ Павловичъ называлъ «enfant terrible». Фарсы Булгакова почти ежедневно разсказывали всѣ въ городѣ, разумѣется, люди военнаго общества. Вотъ нѣсколько проказъ Булгакова. Разъ, послѣ попойки, онъ возвращался пѣшкомъ съ двумя пріятелями изъ гостей ночью по Петербургской сторонѣ. Въ числѣ его пріятелей былъ извѣстный силачъ артиллеристъ Чагинъ. Вдругъ увидѣли они круглую будку будочника со спавшимъ въ ней часовымъ, отложившимъ въ сторону свою алебарду. Имъ пришло въ голову, въ особенности Булгакову, своротить будку на землю, но такъ, чтобы дверь пришлась плотно на мостовую. При помощи такого силача, каковъ былъ Чагинъ, имъ это уда-

лось. Бѣдный будочникъ въ этой могилѣ поднялъ страшный крикъ, разбудившій всѣхъ окрестныхъ дворниковъ, поднявшихъ будку и освободившихъ полумертваго часового. И только дядя Булгакова (почтъ-директоръ) упросилъ тогда оберъ-полицiймейстера замять эту исторiю, кончившуюся смѣхомъ.

Изъ числа анекдотовъ о Булгаковскихъ повѣсничествахъ извѣстенъ слѣдующiй. Императоръ Николай Павловичъ, замѣтивъ, что офицеры стали носить сюртуки до того короткiе, что они имѣли видъ какихъ-то камзольчиковъ, обратилъ на это вниманiе великаго князя Михаила Павловича. По гвардейскому корпусу былъ отданъ приказъ съ опредѣленiемъ длины сюртучныхъ полъ, прячемъ за норму былъ принятъ высокiй ростъ. Военные портные тотчасъ же смекнули ошибку въ приказѣ и, не пользуясь ею, стали шить сюртуки длины пропорцiональной росту закащика. Но шутникъ Булгаковъ, ростъ котораго былъ гораздо ниже средняго, потребовалъ отъ своего портного сюртука точь-въ-точь съ полами именно той длины, какая опредѣлялась приказомъ, почему полы его сюртука покрывали ему икры и онъ былъ карикатуренъ до комичности, гуляя по Невскому и возбуждая смѣхъ не только знакомыхъ, но и незнакомыхъ офицеровъ. Едва успѣлъ онъ раза два пройтись въ такомъ видѣ среди гуляющей публики по

тротуару Невскаго проспекта, какъ попался на встрѣчу великому князю, который, увидя его въ такомъ шутовскомъ нарядѣ, воскликнулъ: «Что это за юбка на тебѣ, Булгаковъ? На гауптвахту, на гауптвахту, голубчикъ! Я шутить не люблю».—«Ваше высочество, я одѣтъ какъ нельзя болѣе по формѣ и наказанія, ей-Богу, не заслуживаю», возразилъ почтительно Булгаковъ, держа пальцы правой руки у шляпы надѣтой по формѣ. «Я одѣтъ согласно приказу по гвардейскому корпусу. И вотъ доказательство!» При этомъ онъ вынулъ изъ кармана пресловутый приказъ и подалъ великому князю. Его высочество, прочитавъ приказъ, засмѣялся, назвавъ Булгакова шутомъ гороховымъ и приказалъ ему вмѣсто гауптвахты тотчасъ же ѣхать къ корпусному командиру и чтобы тотъ немедленно сдѣлалъ дополненіе къ приказу съ обозначеніемъ трехъ родовъ роста.

Въ другой разъ, Булгаковъ, куда-то торопившійся, забылъ вдѣть въ портупею шпагу и шелъ по улицамъ безъ шпаги. На-бѣду его встрѣтилъ великій князь. «Офицеръ разстается съ своею шпагой или саблей только въ двухъ случаяхъ: въ гробу и подъ арестомъ!»—воскликнулъ онъ.—«Въ гробъ тебя я не положу, а на гауптвахту посажу, но прежде отправленія на гауптвахту въ Чекушу, я хочу дать тобою полюбоваться твоему полковому командиру и полко-

вымъ командирамъ всей гвардіи. Садись ко мнѣ въ коляску». Булгаковъ сѣлъ въ коляску великаго князя, который и привезъ его въ Михайловскій дворецъ и, сказавъ: «ты мой арестантъ», оставилъ его въ своемъ кабинетѣ, а самъ вышелъ въ пріемный залъ, гдѣ его уже ожидали полковые командиры, ежедневно являвшіеся къ нему передъ разводомъ. Великій князь долго говорилъ имъ о распущенности гвардейскихъ офицеровъ, и въ подтвержденіе своихъ словъ обѣщался показать одного такого. Говоря это, онъ отворилъ дверь своего кабинета и позвалъ Булгакова, который смѣло выступилъ для осмотра. «Любуйтесь, любуйтесь вашимъ офицеромъ»,— сказалъ великій князь полковому командиру Московскаго полка, гдѣ служилъ Булгаковъ. Генералъ, осматривая провинившагося офицера со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ, не находилъ провинности въ амуниціи.

— Ну, видѣлъ, каковъ молодецъ! На мѣсяцъ на гауптвахту.

— Ваше высочество, — объяснилъ полковой командиръ, — я не нашелъ въ немъ никакой ошибки.

— Ты и не могъ найти того, чего нѣтъ,— вскричалъ великій князь.—А гдѣ же его шпага?

— Шпага на своемъ мѣстѣ,—отвѣчалъ начальникъ Булгакова.

И дѣйствительно Булгаковъ былъ при шпагѣ.

Великій князь назвалъ его новымъ Пинети, приказалъ командиру взять шпагу и возвратить тому офицеру, котораго арестовалъ вчера, и оставилъ его шпагу въ кабинетѣ у себя, позабывъ отослать къ коменданту.

— А все-таки пусть Пинети отправится на гауптвахту на Сѣнную, и я, можетъ быть, постараюсь одурачить этого фокусника.

На другой день Булгаковъ отбылъ свое дежурство какъ нельзя болѣе счастливо. Но, однако, спустя нѣкоторое время Булгакову снова надо было быть въ дежурствѣ на той же гауптвахтѣ. День пришелся какъ разъ въ имянины Булгакова, и вотъ, зная, что великій князь въ Павловскѣ, Булгаковъ устроилъ такой фестиваль, что перепоилъ всѣхъ, включая солдатъ и арестованныхъ. Великій князь, ночью возвращаясь изъ Павловска, заѣхалъ на Сѣнную, гдѣ нашелъ всѣхъ полупьяныхъ и спящихъ; онъ распорядился, за отсутствіемъ часового у барабана, своему лакею взять барабанъ и отвезти его въ Павловскъ. На слѣдующее утро въ Московскомъ полку получается приказъ, чтобы къ 12-ти часамъ полкъ былъ на полковомъ дворѣ въ сборѣ. Булгаковъ, проспавшись, понялъ, какое ожидаетъ его наказаніе. Онъ призываетъ къ себѣ одного изъ рядовыхъ, у котораго на дежурствѣ пропалъ барабанъ. Рядовой во всемъ полку пользовался репутаціей отъявленнаго вора. Булгаковъ обѣ-

щалъ ему 25 руб. награды, ежели до смотра барабанъ будетъ, а если нѣтъ, то получитъ строгое наказаніе. Часа черезъ два рядовой имѣлъ двадцатипятирублевую бумажку. Онъ ловко укралъ его въ Гвардейской артилерійской батареѣ. При осмотрѣ рота была съ барабаномъ. Изумленный великій князь потребовалъ объясненія у Булгакова, который, принимая вину на себя, объяснилъ, какъ было дѣло. Въ другой разъ великій князь встрѣтилъ кутящаго въ компаніи, въ ресторанѣ, Булгакова въ сюртукѣ за нѣсколько верстъ отъ лагеря. «Какъ ты здѣсь, Булгаковъ, вѣдь ты въ лагерѣ дежурный по полку! Хорошъ гусь, хорошъ!» И вслѣдъ затѣмъ онъ крикнулъ кучеру:—въ лагерь, живо, къ Московскому полку.—Коляска быстро донесла великаго князя до лагеря, гнѣвный великій князь крикнулъ: — дежурные по полкамъ сюда!—Мигомъ всѣ дежурные въ формѣ собрались къ великому князю, и въ числѣ ихъ былъ и Булгаковъ. Великій князь глазамъ своимъ не вѣрилъ и, вышедши изъ коляски, отозвалъ Булгакова въ сторону и сказалъ ему.—Даю тебѣ, Булгаковъ, слово, что тебѣ ничего не будетъ за твою неисправность, скажи мнѣ только, какимъ образомъ ты здѣсь въ одно время со мною? — Самымъ простымъ образомъ, ваше высочество,—отвѣчалъ Булгаковъ,—вы сами меня привезти изволили въ вашей коляскѣ, только на запяткахъ. Существовалъ и другой варіантъ

такого же случая съ Булгаковымъ. Однажды его высочество былъ въ театрѣ и, къ его удивленію, Булгаковъ сидѣлъ напротивъ въ ложѣ, хотя, по распоряженію великаго князя, долженъ былъ сидѣть на арсенальной гауптвахтѣ подъ арестомъ. Великій князь выходитъ изъ театра и ѣдетъ на гауптвахту. Булгаковъ опять въ караульной. Его высочество возвращается въ театръ и снова Булгаковъ напротивъ него въ ложѣ; великій князь вторично ѣдетъ на гауптвахту и опять застаетъ Булгакова спокойно сидящаго подъ арестомъ. Удивленный этимъ, великій князь спрашиваетъ Булгакова,—я тебя прошу, скажи, какъ ты это сдѣлалъ?—Очень просто, ваше высочество, я всякій разъ ѣхалъ у васъ на запяткахъ. Въ другой разъ великій князь встрѣчаетъ его на Невскомъ; Булгаковъ дѣлаетъ ему фронтъ, великій князь замѣчаетъ, что онъ одѣтъ не въ порядкѣ; онъ сажаетъ его къ себѣ въ сани, Булгаковъ не успѣлъ еще сѣсть, какъ великій князь оттолкнулъ его и уѣхалъ.—Ну, что?—спрашиваетъ его товарищъ.—Его высочество лично хотѣлъ посадить меня подъ арестъ и приказалъ сѣсть къ нему въ сани, а я нечаянно наступилъ ему на мозоль, онъ меня выбранилъ, а я ему въ отвѣтъ: имѣю счастіе доложить вашему императорскому высочеству, что надо мной оправдалась пословица: «Не въ свои сани не садись», его высочество разсмѣялся и оттолкнулъ меня.

Михаила Павловича немало забавляла находчивость этого офицера.

Однажды Михаилъ Павловичъ встрѣчаетъ Булгакова у Аничкина моста. На этотъ разъ его высочество видитъ, что Булгаковъ въ полной формѣ съ головы до ногъ.—Ваше высочество,—говоритъ онъ, подойдя къ нему,—осмѣлюсь просить оказать мнѣ великую милость: дозвольте пройти съ вами по Невскому. – «Для чего тебѣ это нужно?»—спрашиваетъ его великій князь.—Чтобы поднять мой кредитъ, который сильно упалъ. Великій князь дозволилъ ему дойти до Казанскаго моста.

Въ двадцатыхъ годахъ особеннымъ повѣсничествомъ отличались армейскіе гусары; изящная внѣшность мундира, щедрость, лихость и беззавѣтная удаль были отличительными ихъ признаками; жизнь кавалеристовъ тѣхъ годовъ текла, какъ веселый пиръ. Удаль гусарская посейчасъ слыветъ чуть не пословицей. Вѣроятно, не безызвѣстенъ читателямъ фактъ, какъ одинъ молодой офицеръ побился объ закладъ, что проскачетъ нагимъ по Петербургу, и выигралъ пари. По разсказамъ современниковъ, гусары въ Варшавѣ устраивали на улицахъ цѣлыя облавы на женщинъ, оставляя болѣе красивыхъ въ плѣну; въ евреевъ, приходившихъ за полученіемъ долговъ, прямо стрѣляли только не пулями, а солью; по узкимъ мостовымъ носились въ карьеръ на четверняхъ, сокрушая все попадавшееся на пути.

Для развлеченія въ театръ привозили съ собой громадныя астрономическія трубы и въ нихъ разсматривали дамъ. Извѣстный эксцентрикъ гусаръ Лунинъ иначе не выходилъ гулять въ Вилановскій паркъ, какъ въ сопровожденіи большого ручного медвѣдя: владѣтельница его приказывала запирать всѣ окна и двери при видѣ косматаго гостя на прогулкахъ. Изобрѣтательность гусаръ достигла однажды до того, что они устроили балъ въ одномъ изъ губернскихъ городовъ въ квартирѣ командира полка и пригласили весь городъ. Чтобы избавиться отъ ревнивыхъ взоровъ маменекъ, папенекъ и тетушекъ, а также, чтобы имѣть болѣе свободнаго пространства для танцевъ, придумано было слѣдующее: когда гости съѣхались и мамаши чинно разсѣлись съ ридикюлями въ рукахъ по длиннымъ, обтянутымъ сукномъ, скамьямъ съ платформами, раздались страшный визгъ и крики: десятокъ дюжинъ гусаръ вздернули на блокахъ всѣхъ маменекъ на платформахъ къ потолку, гдѣ онѣ оставались во все время бала и только à vol d'oiseau могли наблюдать за танцующими. Въ старые годы не только что юный корнетъ проказничалъ, но были кавалеристы, которые не покидали шалости даже въ генеральскихъ чинахъ.

ГЛАВА IV.

Замѣчательные оригиналы.—Разсѣянные люди.

Изъ оригиналовъ двадцатыхъ годовъ въ Петербургѣ былъ довольно извѣстенъ вельможа екатерининскихъ временъ, князь В—ій, генералъ-аншефъ, отличавшійся различными эксцентричностями, которыя, впрочемъ, не мѣшали ему быть всѣми любимымъ за его доброту и умъ. Князя можно было встрѣтить во всякую пору года разъѣзжавшимъ по Петербургу съ обнаженною сѣдою какъ лунь головою; высокій лакей въ военной ливреѣ, стоявшій на запяткахъ, держалъ торжественно надъ его головою генеральскую шляпу съ огромнымъ бѣлымъ султаномъ. Самъ же князь почти всегда имѣлъ въ рукѣ калачъ, морковь или яблоко, которое изволилъ жевать во время ѣзды въ открытой коляскѣ, запряженной шестернею съ двумя форейторами, предлинноногими парнями, а горбатый кучеръ-карликъ съ подвязанною черною широчайшею бородою сидѣлъ на козлахъ и покрикивалъ на форейторовъ.

У В—го была одна загадочная привычка, которая была всѣми замѣчена. Каждое утро, ровно въ 11 часовъ, появлялась на Невскомъ его коляска, въ ней сидѣлъ одинъ князь. Поровнявшись съ соборомъ, коляска поворачивала налѣво и, подъѣхавъ подъ колонаду, которая выходитъ на Казанскую улицу, останавливалась подъ колонами. Тамъ генералъ выходилъ и на нѣкоторое время скрывался за экипажемъ. Проходящіе по улицѣ обходили колонаду. Затѣмъ князь садился въ коляску и уѣзжалъ обратно. Это случалось каждый день, часъ въ часъ, минута въ минуту.

Этотъ князь, будучи андреевскимъ кавалеромъ съ временъ императора Павла I, такъ любилъ этотъ орденъ, что носилъ его звѣзду не только на мундирѣ, но и на шубѣ, халатѣ, ватномъ сюртукѣ, надѣваемомъ на случай холода. Князь очень любилъ быть на воздухѣ, несмотря ни на какую непогоду, и у себя въ саду онъ обѣдывалъ, ужиналъ и проводилъ большую часть дня. Посѣщавшимъ его гостямъ тоже нерѣдко приходилось дѣлить съ нимъ тамъ часы, и когда гости видимо зябли съ нимъ, онъ приказывалъ подавать свои теплые плащи, сюртуки, халаты съ нашитыми звѣздами. Такимъ образомъ, всѣ прозябшіе его гости превращались въ импровизированныхъ андреевскихъ кавалеровъ.

Въ числѣ лицъ, отличавшихся чрезвычайною

разсѣянностью извѣстенъ отецъ графа А. Хр. Бенкендорфа, одинъ изъ самыхъ близкихъ людей при дворѣ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны. Однажды онъ былъ у кого-то на балу. Балъ окончился довольно поздно, гости разъѣхались. Остались другъ передъ другомъ только хозяинъ и Бенкендорфъ. Разговоръ не вязался, оба хотѣли отдохнуть и спать. Хозяинъ, видя, что гость его не уѣзжаетъ, предлагаетъ, не пойти ли имъ въ кабинетъ, Бенкендорфъ, поморщившись, отвѣчаетъ: «пожалуй пойдемъ». Въ кабинетѣ было имъ не легче. Бенкендорфъ, по своему положенію въ обществѣ, пользовался большимъ уваженіемъ. Хозяину нельзя было сказать ему напрямикъ, что пора ѣхать домой.

Прошло еще нѣсколько времени, наконецъ, хозяинъ рѣшился ему замѣтить.

— Можетъ быть экипажъ вашъ еще не пріѣхалъ, не прикажете ли я велю заложить вамъ свою карету.

— Какъ вашу карету? Да я хотѣлъ предложить вамъ свою.

Дѣло объяснилось, оказалось, что Бенкендорфъ воображалъ, что онъ у себя дома, и сердился на хозяина, который у него такъ долго засидѣлся.

Бенкендорфъ былъ до того разсѣянъ, что разъ, проѣзжая какой-то городъ, зашелъ на почту узнать, нѣтъ ли тамъ писемъ на его имя. — А какъ ваша фамилія? спрашиваетъ его почтмей-

стеръ.—«Моя фамилія», повторяетъ онъ нѣсколько разъ и никакъ ее не можетъ вспомнить, съ тѣмъ и уходитъ изъ почтамта. На улицѣ встрѣчается онъ съ знакомымъ, у котораго онъ и спрашиваетъ, какъ его фамилія, и, узнавъ, тотчасъ же бѣжитъ на почту.

Въ послѣдніе годы своей жизни, проживая въ гор. Ригѣ, ежегодно въ день тезоименитства и день рожденія императрицы Маріи Өеодоровны, онъ писалъ ей поздравительныя письма. Но онъ былъ чрезвычайно лѣнивъ на письма и, несмотря на вѣрноподданническія чувства, очень тяготился этою обязанностью, и когда подходили сроки, мысль написать письмо безпокоила и смущала его. Онъ часто говаривалъ: «Нѣтъ, лучше самъ отправлюсь въ Петербургъ съ поздравленіемъ». Это будетъ легче и скорѣе.

Извѣстный одесскій военный генералъ-губернаторъ графъ Ланжеронъ также былъ чрезвычайно разсѣянъ и часто отъ разсѣянности мыслилъ вслухъ въ присутствіи другихъ, что нерѣдко дѣлало его очень смѣшнымъ и подавало поводъ къ разнымъ анекдотамъ и комическимъ сценамъ.

Разъ у него былъ обѣдъ, на которомъ было нѣсколько иностранныхъ негоціантовъ. За обѣдомъ онъ выхвалялъ удовольствія одесской жизни и, указывая на негоціантовъ, сказалъ, что съ такими образованными людьми можно пріятно

провести время. На бѣду его, въ то время былъ онъ особенно озадаченъ просьбою о прибавкѣ ему столовыхъ денегъ.—«А не дадутъ мнѣ прибавки, я этимъ господамъ»—сталъ онъ мыслить вслухъ—«и этого не дамъ!» При этихъ словахъ схватилъ съ тарелки своей косточку, оставшуюся отъ котлетки.

Кто-то засталъ его въ кабинетѣ—онъ сидѣлъ съ перомъ въ рукахъ и писалъ отрывисто, съ размахомъ, и послѣ подобнаго размаха повторялъ на своемъ ломанномъ русскомъ языкѣ: «Нье будетъ, нье будетъ». Что же оказалось? Онъ пробовалъ, какъ бы подписывалъ фельдмаршалъ графъ Ланжеронъ, если бы его пожаловали въ это званіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что никогда фельдмаршаломъ ему не бывать.

Въ другой разъ, чуть ли не въ засѣданіи какого-то военнаго совѣта, замѣтилъ онъ собачку подъ столомъ, вокругъ котораго сидѣли присутствующіе члены. Сначала онъ непримѣтно для другихъ, сталъ пальцами призывать ее къ себѣ, затѣмъ сталъ ласкать, когда она подошла, и вдругъ, причмокивая, обратился къ ней съ ласковыми словами. Всѣ эти выходки Ланжерона не сердили, а только забавляли и смѣшили зрителей и слушателей, которые уважали въ немъ хорошаго и храбраго генерала. Въ турецкую войну, въ арміи, извѣстно сказанное имъ во время сраженія подчиненному, который неловко исполнилъ

приказаніе, ему данное: «Вы пороху нье боитесь, но за то вы его нье видумали».

Ланжеронъ былъ умный и довольно дѣятельный генералъ, но ужасно не любилъ заниматься канцелярскими бумагами—онъ отъ нихъ прятался или скрывался изъ дому, выходя по черной лѣстницѣ, и пропадалъ изъ дому на нѣсколько часовъ. Во время турецкой войны молодой Каменскій у него въ палаткѣ объяснялъ планы будущихъ военныхъ дѣйствій. Какъ нарочно на столѣ лежалъ французскій журналъ. Ланжеронъ машинально раскрылъ его и напалъ на шараду. Продолжая слушать положеніе военныхъ дѣйствій, онъ невольно занялся разгадываніемъ шарады. Вдругъ, перебивая Каменскаго, вскрикнулъ онъ: «Что за глупость!» Можно представить себѣ удивленіе Каменскаго. Но вскорѣ дѣло объяснилось, когда онъ узналъ, что восклицаніе относилось къ глупой шарадѣ, которую онъ разгадалъ.

Во время своего начальства въ Одессѣ, былъ онъ недоволенъ чѣмъ-то купцами и собралъ ихъ къ себѣ, чтобы сдѣлать имъ выговоръ. — Какой ви негоцьянтъ, ви маркитантъ, началъ онъ свою рѣчь, какой ви купецъ, ви овецъ,—и движеніемъ руки своей выразилъ козлиную бороду.

Въ пріѣздъ Александра I въ Одессу, какъ разсказывалъ князь Вяземскій, былъ приготовленъ для него домъ, занимаемый Ланжерономъ. Встрѣтивъ государя и проводивъ его до кабинета,

послѣ разговора, продолжавшагося нѣсколько минутъ, онъ откланялся, вышелъ изъ кабинета и, по своей привычкѣ, заперъ дверь на ключъ. Государь оставался нѣсколько времени въ заперти, но наконецъ постучался и его освободили изъ заточенія. Встрѣчая же государя, онъ хотѣлъ представить его величеству рапортъ о благосостояніи ввѣреннаго ему края, долго искалъ въ своихъ карманахъ и, не найдя, сказалъ: «Право, не знаю, государь, куда положилъ мой рапортъ». Императоръ улыбнулся и пожалъ руку покорителю Монмартра.

Графъ Ланжеронъ по происхожденію былъ французъ, вступилъ на службу при Екатеринѣ въ 1785 году прямо въ чинѣ полковника и вскорѣ успѣлъ въ нашихъ войскахъ стяжать славу храбраго и распорядительнаго офицера. Графъ Ланжеронъ участвовалъ почти во всѣхъ нашихъ войнахъ при императрицѣ и двухъ императорахъ и въ теченіе многолѣтней своей боевой службы и девятнадцати, сдѣланныхъ имъ походовъ, заслужилъ всѣ знаки отличія и много сдѣлалъ въ мирное время въ бытность свою градоначальникомъ Одессы.

Графъ Ланжеронъ, столько разъ видавшій смерть передъ собою во многихъ сраженіяхъ, не оставался равнодушнымъ передъ холерою. Онъ такъ былъ пораженъ мыслію, что умретъ отъ нея, что, еще пользуясь полнымъ здоровьемъ,

написалъ духовное завѣщаніе, начинающееся такъ: умирая отъ холеры и пр. Предчувствія его не обманули, уже въ отставкѣ, прибывъ въ Петербургъ въ 1831 году, онъ внезапно заболѣлъ и скончался также скоропостижно 4-го іюля. Императоръ Николай I приказалъ его останки похоронить въ Одессѣ, въ католической церкви.

Необыкновенною разсѣянностью славился также графъ Ѳедоръ Андреевичъ Остерманъ. Особенно послѣдняя одолѣвала его подъ старость, такъ что садясь въ кресла, часто кричалъ, чтобы везли его въ сенатъ, чесалъ за обѣденнымъ столомъ ногу у сосѣда, вмѣсто своей ноги, плевалъ въ его тарелку, выходилъ на улицу изъ кареты и болѣе часа неподвижно стоялъ подлѣ какого либо дома, увѣряя лакея, что онъ еще не кончилъ своего занятія, между тѣмъ какъ съ крыши лилъ дождь, являлся иногда въ гости въ такомъ нарядѣ, что приводилъ въ стыдъ прекрасный полъ, вступалъ съ хозяиномъ въ ученый разговоръ и, не окончивъ, мгновенно засыпалъ. Остерманъ очень любилъ науки и велъ переписку на латинскомъ языкѣ съ митрополитомъ Платономъ, у котораго въ старости учился богословію. Разсѣянность его была просто изумительна. Однажды шелъ онъ по паркету, по которому было разостлано посрединѣ полотно: онъ принялъ его за свой носовой платокъ, будто выпавшій, и началъ совать его въ карманъ. Только общій хо-

хотъ присутствующихъ далъ ему опомниться. Въ другой разъ пріѣхалъ онъ къ кому-то на большой званый обѣдъ. Передъ тѣмъ какъ войти въ гостиную, зашелъ онъ въ уединенную комнатку. Тамъ оставилъ онъ свою шляпу и вмѣсто ея взялъ деревянную крышку и, держа ее подъ мышкою, явился съ нею въ гостиную, гдѣ уже собралось все общество. Графъ Остерманъ, несмотря на свою безмѣрную доброту, иногда умѣлъ быть и злопамятнымъ. Думая, что графъ Кутайсовъ былъ его врагомъ въ царствованіе императора Павла I, онъ его не принялъ къ себѣ, когда тотъ сдѣлалъ ему визитъ, проживая въ Москвѣ въ царствованіе Александра I, но тотчасъ же послѣ его визита прислалъ ему свою карточку. Послѣ того Остерманъ продолжалъ въ большіе праздники посылать ему отвѣтныя визитныя карточки. Остерманъ жилъ очень открыто, и каждое воскресенье у него были обѣды на пятьдесятъ и болѣе кувертовъ. Разъ кто-то, разговаривая съ Кутайсовымъ о его странномъ платежѣ визитовъ Остерману, выразилъ удивленіе, что графъ самъ не поѣдетъ когда нибудь въ воскресенье обѣдать къ гордому барину?—Ну, какъ я поѣду? Остерманъ никогда не зоветъ меня.—Э, ничего, отвѣчалъ тотъ, никто не получаетъ приглашеній на его воскресные обѣды и всѣ къ нему ѣздятъ. У него домъ открытый. Думалъ, думалъ Кутайсовъ и поѣхалъ къ Остерману передъ самымъ обѣдомъ.

Въ гостиной Остермана тогда уже сидѣли всѣ тузы и вся сила Москвы. Кутайсовъ вошелъ. Остерманъ какъ увидѣлъ незваннаго гостя, тотчасъ съ привѣтствіями пошелъ на встрѣчу къ нему, усадилъ его на диванъ и, разговаривая съ нимъ, черезъ слово величалъ ваше сіятельство, ваше сіятельство... Долго ждали обѣда... Наконецъ камердинеръ доложилъ, что кушанье готово. «Ваше сіятельство, сказалъ Остерманъ Кутайсову, извините, что я долженъ оставить васъ; теперь я отправляюсь съ друзьями моими обѣдать». И, привѣтливо обращаясь къ другимъ гостямъ, проговорилъ: «милости просимъ». Графъ Кутайсовъ остался одинъ въ гостиной. Онъ не помнилъ, что съ нимъ было и какъ его привезли домой.

Отецъ этого Остермана, извѣстный дипломатъ отличался тоже большими странностями и необыкновенною неряшливостью. Комнаты его были постоянно неприбраны и грязны, прислуга ходила въ лохмотьяхъ; серебряная посуда, которую онъ каждый день употреблялъ, походила на оловяную и только въ торжественные дни былъ у него порядочный обѣдъ. Одежда графа, особенно подъ старость, такъ была замарана, что поселяла во всѣхъ отвращеніе.

Такими же странностями страдалъ и другой дипломатъ александровской эпохи, князь Козловскій, внукъ того человѣка, котораго Екатерина

отправила къ Вольтеру, какъ образецъ русскаго просвѣщенія и русской вѣжливости. Князь Козловскій признанъ былъ въ обществѣ однимъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени, разговоръ его былъ исполненъ разнообразія, огня и краснорѣчія. Князь былъ въ милости у императора Александра I, котораго забавлялъ своими остроумными выходками. Послѣ вѣнскаго конгресса Козловскій занималъ мѣсто русскаго посланника при штутгардтскомъ дворѣ, позднѣе провелъ онъ довольно много времени въ Англіи. Въ этой странѣ онъ былъ предметомъ разныхъ карикатуръ. Эти карикатуры впрочемъ относились болѣе до его физическаго сложенія и необыкновеннаго дородства. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ нихъ онъ былъ представленъ танцующимъ съ княгинею Ливенъ, которая была очень худощава. Подъ карикатурою была надпись: долгота и широта Россіи. Вигель про него говоритъ: онъ всегда смѣялся и смѣшилъ, имѣлъ однакоже искуство не давать себя осмѣивать; несмотря на свое обжорство и умышленный цинизмъ въ нарядѣ, которымъ прикрывалъ онъ бѣдность или скупость, Козловскій блисталъ остроуміемъ во всѣхъ салонахъ избраннаго петербургскаго общества. Жуковскій и князь Вяземскій часто навѣщали его и заставали то въ ванной, то на кровати. Несмотря на участіе въ его недугахъ, нельзя было безъ смѣха видѣть барахтавшуюся въ водѣ эту огромную человѣче-

скую массу. Предъ нами, говоритъ Вяземскій, копошился морской тюлень допотопнаго размѣра. До цинизма доходящее неряшество обстановки комнаты его было изумительно. Тутъ уже не было ни малѣйшаго слѣда, ни тѣни англоманіи. Онъ лежалъ въ затасканномъ и засаленномъ халатѣ: изъ-за распахнувшихся халата и сорочки выглядывала его жирная и дебелая грудь. Столъ обставленъ и заваленъ былъ головными щетками, окурками сигаръ, объѣдками кушанья, газетами. Стояли стклянки съ разными лекарствами, графины и недопитые стаканы разнаго питья. Въ нелицемѣрной простотѣ виднѣлась здѣсь и тамъ посуда вовсе не столовая, и мебель вовсе не салонная. Въ такомъ безпорядкѣ принималъ онъ и дамъ и еще какихъ дамъ, самыхъ высокорожденныхъ и самыхъ изящныхъ. Все это забывалось и исчезало при первомъ словѣ чародѣя, когда онъ въ живой и остроумной бесѣдѣ расточалъ сокровища своихъ воспоминаній и наблюденій.

ГЛАВА V.

Замѣчательные шутники и эксцентрики.

Въ Москвѣ, въ тридцатыхъ годахъ, проживалъ восточный человѣкъ не то армянинъ, не то перекрещенный персіянинъ, по имени Давьякъ, по професіи колдунъ, предсказатель и алхимикъ. Въ его квартирѣ можно было найти всѣ атрибуты средневѣковаго волшебника и астролога. У него въ полумрачной комнатѣ, съ очагомъ въ серединѣ, сидѣла на печкѣ сова, былъ и ручной воронъ, черный котъ и другіе аксесуары колдуновъ и вѣдьмъ. Несомнѣнно, что Давьякъ былъ большой шарлатанъ, но интересны были и его посѣтители, ѣздившіе къ нему, чтобы узнать свою будущую судьбу и секретъ дѣлать золото и драгоцѣнные камни. Однимъ изъ самыхъ ревностныхъ посѣтителей этого кудесника былъ нѣкто Андрей Борисовичъ, нѣкогда очень богатый баринъ, масонъ-филантропъ, у котораго отъ прошлыхъ временъ оставалось только знатное имя, важный

чинъ, многочисленная, богатая родня, но очень мало денежныхъ средствъ, чтобы расточать ихъ попрежнему и вправо и влѣво, съ полною барскою щедростью. Главною цѣлью Андрея Борисовича было стремленіе на пользу страждущаго и бѣдствующаго человѣчества. Мистикъ отъ рожденія, онъ болѣе всего вдавался въ месмеризмъ, въ переселеніе душъ. Его библіотека была полна книгами, въ которыхъ говорилось о таинствахъ природы. Сведенборгъ и Эккартсгаузенъ были его любимыми авторами. Онъ съ трудолюбіемъ пчелы высасывалъ все, что только было заманчивѣе его воображенію и недоступнѣе простому человѣческому смыслу. Дитя сердцемъ, онъ постоянно окружалъ себя дѣтьми и бѣгалъ отъ взрослаго человѣчества; только однихъ дѣтей онъ считалъ честными и благородными, хотя эти честные и усердно обкрадывали его садъ и оранжереи. Заботливость о дѣтяхъ была очень оригинальна. Онъ былъ крестнымъ отцомъ всей своей деревни и давалъ своимъ крестникамъ такія мудреныя для крестьянъ имена, что послѣдніе такъ и умирали, не умѣя правильно затвердить своего названія. У него былъ крестный сынъ то Фусикъ, то Садикъ, то Тихикъ, то Зотикъ, то Капикъ, то Исой, то Дада, то Кукша, то Пудъ. Крестницы его именовались: Стадуліями, Праскудіями, Кикиліями, Пупліями. — Ишь имена какія выбиралъ нашъ баринъ, — говорили крестьяне. — Умъ за

разумъ у него зашелъ, не знаемъ, когда и праздновать ихъ именины. И въ такія минуты обращались къ барину, спрашивая, когда надо праздновать ихъ именины. Баринъ торжественно разрѣшалъ ихъ сомнѣніе. — Какъ бишь твоего сынишку-то зовутъ? — спрашивалъ, бывало, онъ пришедшаго.—Да Кукшею ваше сіятельство его именовали, — отвѣчалъ крестьянинъ, тоскливо махнувъ рукой. — Празднуется 21-го августа.— А твой?—обращался баринъ къ пришедшей бабѣ.— Ужъ и не выговоришь, батюшка! Сиглія, кажется.— Сигліи нѣтъ, отвѣчалъ бывало баринъ.—Сиглитикія—такъ есть. Празднуется января 5-го, октября 24-го.—Въ какое же число праздновать прикажете, ваше сіятельство?—А когда родилась Сиглитикія?— Да въ самой серединкѣ. Мѣсяцы-то мы плохо помнимъ. — Ну, такъ 5-го января праздновать надо. — Съ панталыку спятилъ нашъ баринъ,— говорили крестьяне. И, дѣйствительно, добрый къ своимъ крестьянамъ, попечительный и заботливый, онъ послѣдніе годы сталъ сходить съума. Онъ завелъ у себя на дому школу для своихъ крестниковъ и крестницъ; но вмѣсто того, чтобы учить ихъ грамотѣ, онъ приказалъ имъ затверживать параграфы масонской ложи, къ которой онъ самъ принадлежалъ, строго наблюдая, чтобы эти параграфы были твердо заучены. Баринъ хотѣлъ всѣхъ своихъ крестьянъ сдѣлать масонами и образовать ихъ вѣрными сынами отечества.

Наставленія его не были многочисленны и ограничивались всего тремя параграфами. Подъ конецъ онъ даже впалъ въ галюцинацію: ему стали представляться отжившія души, съ которыми онъ будто бы бесѣдовалъ и прозрѣвалъ будущее; а то мысли его бродили въ подземномъ пространствѣ, и ему видѣлись гномы, надъ которыми онъ воображалъ себя властелиномъ. На гномахъ, созданныхъ кабалистами, и сосредоточились всѣ его любимыя мечтанія и надежды. Когда строилась московская желѣзная дорога, онъ подавалъ прошеніе генералу Клейнмихелю, предлагая ему сотрудничество своихъ подчиненныхъ гномовъ, увѣряя своимъ честнымъ словомъ, что эта сволочь, которая разрабатываетъ подземныя жилы благородныхъ металовъ и бронзовыхъ рудъ, будетъ гораздо полезнѣе всѣхъ инженеровъ и землекоповъ въ мірѣ. Онъ такъ часто подавалъ Клейнмихелю прошенія, что его даже формально просили не предлагать болѣе своихъ услугъ. Разумѣется, на такой отвѣтъ онъ сильно негодовалъ и каждому изъ своихъ знакомыхъ, встрѣчая, жаловался: «Вообразите, мнѣ отказали, я бы съ ними кончилъ дорогу менѣе, чѣмъ въ годъ. Вообразите, на этой недѣлѣ они въ моей спальнѣ праздновали свадьбу; вообразите, вернулся я отъ Давьяка усталый и легъ; вдругъ слышу шорохъ у моей постели; открываю глаза и вижу, что къ моему матрацу маленькія существа приставляютъ

лѣстницу. Что вамъ нужно? — вскрикнулъ я въ изумленіи. — Къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою: — позвольте намъ сыграть у васъ свадьбу, въ вашей спальнѣ.—Какъ это можно? — возразилъ я, у насъ есть другія комнаты.—Намъ ихъ не надо,—отвѣчалъ одинъ, необходимо только одно ваше присутствіе.—Нечего было дѣлать, я согласился; вижу черезъ нѣсколько минутъ вся моя спальня освѣтилась, изъ всѣхъ щелей вылѣзли маленькіе уродцы, всѣ одежды ихъ блистали золотомъ, брильянтами, изумрудами; вдругъ явились столы, сервизы и пошелъ пиръ; мысли мои мѣшались, я началъ дремать подъ ихъ музыку, какъ слышу, что кто-то ползетъ ко мнѣ на кровать; то былъ гномъ, онъ тащилъ съ собою три огромныхъ мѣшка съ брильянтами, рубинами и изумрудами, съ просьбою принять ихъ въ знакъ благодарности, и сунулъ ко мнѣ подъ подушку, я чувствовалъ, какъ голова моя высоко поднялась отъ этихъ мѣшковъ. — «Только берите завтра ихъ лѣвою рукою, ваше сіятельство»,—добавилъ мнѣ гномъ и скрылся. — А на утро нашли вы ваше сокровище?—спрашивали барина.—«Нѣтъ, вообразите я полѣзъ подъ подушку правою рукою, позабывъ главное условье». Андрей Борисовичъ подъ конецъ своей жизни занялся составленіемъ жизненнаго элексира, благодаря которому хотѣлъ прожить Мафусаиловы годы; онъ былъ убѣжденъ, что молодѣетъ, принимая какую-то

вонючую жидкость, онъ даже началъ танцовать, чтобы показать, что молодость къ нему возвращается, и собирался жениться; онъ умеръ, говоря, что секретъ безсмертія имъ найденъ.

Лѣтъ сорокъ назадъ въ Гостиномъ дворѣ и по Апраксиному, по линіямъ, бродилъ худой старикъ изъ отставныхъ чиновниковъ, по разсказамъ, нѣкогда занимавшій довольно видное мѣсто въ служебной іерархіи, но за какіе-то проступки принужденный покинуть службу. Эта личность имѣла одну замѣчательную физіологическую способность; онъ могъ по недѣлямъ и болѣе ничего не ѣсть, а также употреблялъ непремѣнно пищу испортившуюся, прокислую и съ запахомъ. Для него купцы нарочно гноили мясо, пироги, которые давали ему, и онъ все это истреблялъ у нихъ на глазахъ: ему нерѣдко предлагали по полусотнѣ протухлыхъ яицъ, которыя онъ съѣдалъ не поморщась, даже со скорлупой. Этотъ субъектъ однажды былъ найденъ на улицѣ умирающимъ и страшно худой, видимо отъ голода. Подобныя приключенія, кажется, нельзя отнести къ довольно рѣдкимъ, но въ данномъ случаѣ представляется одна рѣдкая своеобразная сторона. Дѣло въ томъ, что этотъ отставной чиновникъ до того исхудалъ отъ ненормальной пищи, что тѣло его уподобилось скелету и, казалось, создано было лишь для анатомическихъ занятій. Онъ попытался воспользоваться этимъ, какъ средствомъ для своего суще-

ствованія, и въ своемъ небольшомъ углу началъ за извѣстную плату показывать себя, какъ живой скелетъ. Спекуляція удалась гораздо лучше, чѣмъ можно было ожидать. Привлечены были не только любопытные купцы, но и доктора приходили изслѣдовать этотъ живой костяной остовъ. Спустя нѣсколько лѣтъ у него было достаточно средствъ, чтобы удовлетворить свой голодъ, но, увы, благословеніе обратилось ему въ проклятіе. Чѣмъ онъ больше ѣлъ, тѣмъ, конечно, становился жирнѣе, пока, наконецъ, принужденъ былъ прекратить свое ремесло и такъ какъ въ сытые дни онъ ничего не скопилъ, то и принужденъ былъ возвратиться къ своему старому ремеслу уличнаго нищаго. На этомъ поприщѣ его и унесла смерть.

Въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, въ петербургскомъ высшемъ обществѣ былъ извѣстенъ офицеръ-морякъ Б—нъ, красавецъ собой, очень образованный, владѣвшій свободно нѣсколькими языками. Это былъ, что называется «душа общества», онъ имѣлъ, кажется, всѣ веселые таланты, былъ забавный разсказчикъ, прекрасный музыкантъ на нѣсколькихъ инструментахъ, комическій актеръ, рѣдкій чревовѣщатель, очень искусно подражавшій пѣнію многихъ птицъ, жужжанью пчелы, мухи, лаю собакъ, мяуканью кошки и проч. Куда бы онъ ни появлялся, его неистощимая веселость и таланты всюду вносили всеобщій смѣхъ и веселье. Пѣлъ онъ превосходно

какъ романсы, такъ и комическіе куплеты, ловко подражая нѣмцамъ, евреямъ, англичанамъ; въ роли пьянаго англичанина онъ былъ неподражаемъ. Всѣ свои пѣсни, разсказы онъ исполнялъ съ художественной мимикой, его густые черные волосы на головѣ отличались необыкновенной подвижностью и сползали, какъ парикъ, на лобъ и на бока, стоило ихъ только тронуть. Онъ могъ свободно шевелить и своими ушами. Онъ устроилъ въ кругу своихъ пріятелей тайное общество «кавалеровъ пробки», всѣ члены котораго носили въ петлицѣ сюртука пробку. Засѣданія этого веселаго общества происходили въ домѣ извѣстнаго богача Н—на, жившаго въ своемъ роскошномъ паллацо, вблизи Исаакіевскаго собора. Члены этого общества садились между дамъ и пѣли извѣстную застольную пѣсню: «Поклонись сосѣдъ сосѣду, сосѣдъ любитъ пить вино, обними сосѣдъ сосѣда, сосѣдъ любитъ пить вино». Послѣ каждаго припѣва по уставу исполнялось пропѣтое. Авторъ этой пѣсни былъ Б—нъ и онъ же былъ гросмейстеръ общества. Въ то время часто практиковалось у разгулявшихся господъ подъ конецъ попойки хоронить напившихся мертвецки пьяными, и вотъ такихъ импровизованныхъ похоронъ былъ всегда режисеръ Б—нъ, онъ костюмировалъ всѣхъ и учреждалъ кортежъ. Опьянѣвшаго до безчувствія несли со свѣчами, съ пѣніемъ, всѣ серьезные, и хоронили лѣтомъ въ сѣнѣ, а зимою

въ сугробѣ снѣга. Б—нъ впослѣдствіи долго жилъ въ Сибири, и по возвращеніи умеръ въ Петербургѣ чуть ли не девяностолѣтнимъ старикомъ, въ большой бѣдности; любимая его страсть была въ послѣдніе годы читать Библію и Іоанна Златоустаго, котораго онъ зналъ чуть ли не наизусть. Родная сестра его отличалась поэтическимъ талантомъ и писала стихи.

Въ описываемые годы въ Петербургѣ славился умомъ и отличной способностью писать превосходнымъ слогомъ бумаги, въ особенности проекты, нѣкто К—ій, человѣкъ небольшого роста, приземистый, толстенькій, рябой, съ чрезвычайно узкимъ лбомъ и блистающими карими глазами. Онъ былъ сынъ сельскаго священника и долго служилъ въ канцеляріи начальника Главнаго Штаба, гдѣ въ самое короткое время, благодаря своимъ замѣчательнымъ талантамъ, достигъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, но вскорѣ былъ уволенъ въ отставку и надъ нимъ учредили опеку. Онъ жилъ на Петербургской сторонѣ въ своемъ богатомъ домѣ. Къ нему нерѣдко ѣзжали за совѣтами министры и значительные сановники, какъ, напр., Е. Ф. Канкринъ, А. И. Татищевъ, А. А. Аракчеевъ, баронетъ Вилліе и многіе другіе. Онъ имѣлъ значительное состояніе, хорошіе экипажи, лошадей, но самъ ходилъ всегда пѣшкомъ, болѣе чѣмъ въ нищенскомъ нарядѣ; подъ байковымъ сюртукомъ онъ надѣвалъ всѣ свои

ордена и, вдобавокъ, на груди носилъ нарамникъ еврейскаго первосвященника, называемый эфудомъ, съ двѣнадцатью драгоцѣнными камнями, которые символически изображали двѣнадцать колѣнъ Израиля. Въ его кабинетѣ стѣны были окрашены въ семь цвѣтовъ, также и всѣ вещи въ его комнатѣ были въ количествѣ семи штукъ: семь свѣчей, семь стульевъ, семь столовъ и т. д. Онъ имѣлъ слугою одну женщину экономку, которая на него имѣла большое вліяніе и вмѣшивалась во всѣ его дѣла, даже по службѣ, что, какъ говорили тогда, и послужило къ выходу его изъ штаба. Онъ умеръ въ концѣ тридцатыхъ годовъ и въ духовномъ своемъ завѣщаніи назначилъ похоронить себя въ гробѣ, съ изображеніемъ на немъ двѣнадцати крестовъ. Несомнѣнно, что онъ принадлежалъ къ числу какихъ то сектантовъ.

Между нашими моряками въ началѣ текущаго столѣтія былъ извѣстенъ большой острякъ и поэтъ, нѣкто Кр—овъ. Выпущенъ онъ былъ изъ Морского корпуса еще въ 1796 году. Онъ бойко владѣлъ стихомъ, но имѣлъ несчастную страсть придерживаться чарочки; эта-то страсть и сгубила его. Прослуживъ до 1805 года ко флотѣ, онъ вслѣдствіе неодобрительной аттестаціи своего командира, былъ отставленъ отъ службы съ тѣмъ же чиномъ. Положеніе его въ отставкѣ было самое печальное: онъ, не имѣя никакихъ средствъ и по милости своего аттестата, даже не могъ получить

никакого частнаго мѣста. И вотъ въ этомъ-то бѣдственномъ состояніи онъ и началъ подавать прошенія всѣмъ тогдашнимъ министрамъ. Прошенія были настолько оригинальны и курьезны, что списки съ нихъ въ свое время ходили по рукамъ въ тогдашнемъ обществѣ. Вотъ извлеченія изъ нѣкоторыхъ писанныхъ имъ къ высокопоставленнымъ лицамъ прошеній. Такъ, къ министру юстиціи князю Лопухину онъ писалъ: «Свѣтлѣйшій князь! Тебѣ Ѳемида вручила вѣсы свои, яко мудрому патріоту, взвѣшивающему тяжесть истины. Прикинь на чашу правосудія хотя золотника три твоего вниманія къ бѣдственной моей участи и исторгни жребій мой изъ урны злополучія» и т. д. Къ министру внутреннихъ дѣлъ Козодавлеву онъ писалъ: «Если бы взяли на себя трудъ анатомировать и раскрыть порученную въ вѣдомство ваше внутренность, сколько бы вы нашли въ нѣдрахъ ея испорченныхъ сильною несправедливостью кишекъ, вы бы увидѣли, что мой тощій желудокъ трое сутокъ страдаетъ спазмами, сколько бы вы нашли поврежденныхъ нервовъ въ порученной вамъ внутренности, служащей для варенія всеобщаго благоденствія, но угнетѣніе остановило въ нихъ кровь патріотическаго усердія. Я увѣренъ, что ваше превосходительство пришлете мнѣ спасительную микстуру». Взывалъ онъ и къ министру народнаго просвѣщенія Завадовскому: «Тебѣ премудрая Минерва

вручила факелъ просвѣщенія, дабы посредствомъ онаго невѣжество наше преобращалъ ты въ пепелъ и озарялъ истинные таланты, въ которыхъ у меня, грѣшнаго, крайняя недоимка. Воспитывался я въ Морскомъ корпусѣ, учили меня всему и, не хочу обманывать, чтобы я чего не понялъ, но такое множество пріобрѣтенныхъ мною наукъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, столько же дѣлаютъ мнѣ пользы, сколько голодному запахъ жареной говядины. Я всѣмъ систематически доказываю, что мнѣ надобно дать мѣсто, надобно дать пропитаніе, мнѣ философски отвѣчаютъ: — подожди до завтра! Я посредствомъ математическихъ истинъ, для убѣжденія безсовѣстнаго нашего откупщика, въ просьбѣ моей, послалъ къ нему пропорцію: какъ тощій мой желудокъ къ толстому его животу, какъ пустой мой кошелекъ къ его кошельку, который почти тучнѣе самого хозяина; невѣжа натурально мое предложеніе опровергъ какимъ-то порядкомъ скупости. Я доказываю, что безъ пропитанія долженъ умереть съ голоду, мнѣ метафизически отвѣчаютъ: умирай, это обыкновенное дѣло; смерть—есть общій удѣлъ человѣчества! Я одного богатаго доктора (который за самый пустой рецептъ не беретъ меньше десяти рублей) старался посредствомъ химіи убѣдить, что голодъ есть такая пища, которой желудокъ не варитъ; онъ, чтобъ не дать мнѣ ни копѣйки, помощью медицины доказалъ, что нѣтъ

ничего для здоровья полезнѣе, какъ самая строгая діэта». Къ министру финансовъ графу Васильеву онъ писалъ: «Девять лѣтъ я болтался, плавая на днѣ между «водяными», наконецъ, пузырь моего счастія лопнулъ, я всплылъ на верхъ злополучія и нашелъ себя изъ водяныхъ выключеннымъ! Прикажите, ваше сіятельство, помѣстить меня въ «лѣсные», крайность моего положенія превосходитъ мѣры. Я хотѣлъ поступить къ какому-нибудь помѣщику въ «домовые», но всѣ говорятъ, что по аттестату своему не гожусь и въ «лунатики». Товарищу министра морскихъ силъ П. Чичагову онъ докладывалъ въ прошеніи: «Девять лѣтъ ходилъ я по морю, аки по-суху, во все сіе время дулъ для меня чистый фордевинтъ; наконецъ, въ послѣдніе три мѣсяца плаванія нашелъ шквалъ и бурною капитана N аттестаціею бросило меня на мель отставки. Теперь десятый мѣсяцъ безъ руля, безъ мачтъ, безъ провизіи, безъ такелажа, и, что всего печальнѣе — экстраординарной ни копѣйки! Въ семъ критическомъ положеніи неоднократно я заводилъ верпъ, въ намѣреніи притянуться къ какому-нибудь департаменту, но въ аттестатѣ моемъ гунтъ колегскаго мнѣнія такъ невыгоденъ, что якорь самой снисходительной довѣренности не можетъ задерживаться. Камень отчаянія у меня подъ носомъ; въ пространномъ океанѣ свѣта не осталось никого, кто бы подалъ мнѣ буксиръ состраданія».

Мичманъ Кр—овъ наконецъ былъ принятъ на службу, послѣ прошенія, поданнаго имъ министру военно-сухопутныхъ силъ Вязмитинову. Вотъ это прошеніе: «Цѣлые шесть мѣсяцевъ капитанъ N бомбардировалъ въ укрѣпленіе моего поведенія начиненными злословіемъ его протестами. Я, по возможности, отпаливался добрыми аттестатами прошедшей девятилѣтней службы моей; но, наконецъ, онъ выбилъ меня изъ моихъ ретраншаментовъ, и я по необходимости ретировался въ отставку, въ намѣреніи въ столицѣ сдѣлать новыя укрѣпленія, но ужасная бѣдность атакуетъ меня на каждомъ шагу. Я отпаливался отъ сановниковъ, пока не вышелъ весь порохъ терпѣнія. Я скорымъ маршемъ отправился на биваки въ вашу прихожую, въ надеждѣ получить сикурсъ великодушнаго благоволенія. Страшный мой непріятель—голодъ штурмуетъ въ моемъ тощемъ желудкѣ и, предчувствуя свою скорую побѣду, кричитъ «ура!» Если вы не подадите мнѣ скорой помощи, то отчаяніе приметъ меня въ штыки»!..

Въ сороковыхъ годахъ въ Петербургѣ проживалъ очень богатый иногородный купецъ Н—въ. Онъ лѣтъ шесть былъ золотопромышленникомъ; когда открылась въ Сибири, такъ называемая, «золотая лихорадка» на Олекмѣ, его поиски такъ были счастливы, что въ пять-шесть лѣтъ онъ сдѣлался миліонеромъ. По пріѣздѣ съ пріисковъ

въ Петербургъ, онъ зажилъ побарски. Домъ его по изобилію всего просто поражалъ посѣтителя. Балы его напоминали нѣчто сказочное: еще далеко до его дома виденъ былъ свѣтъ отъ его палатъ, а у подъѣзда стояла цѣлая праздничная илюминація. Самъ хозяинъ встрѣчалъ гостей въ передней и подносилъ каждой изъ дамъ по роскошному букету изъ камелій или другихъ рѣдкихъ цвѣтовъ. Всѣ комнаты этого богача убирались и уставлялись цвѣтами и деревьями, несмотря на зимнее время; здѣсь были въ цвѣту бульденежи, сирени, акаціи, розы и другіе цвѣты не по времени. Освѣщеніе въ комнатахъ было тоже поразительное: всюду горѣли карсельскія лампы въ такомъ количествѣ, что температура въ комнатахъ была чисто тропическая. Ароматъ въ комнатахъ былъ тоже рѣдкій,—точно на какой-нибудь парфюмерной фабрикѣ, и для того, чтобы запахъ держался долго, на шкафахъ и подъ диванами всюду лежали благовонные товары, мыла. саше, пудра и т. д. На одно куренье комнатъ у него выходило духовъ въ вечеръ около полупуда. Мало того, что комнаты его представляли нѣчто въ родѣ тропическихъ садовъ, но, вдобавокъ, сады эти были оживлены пернатыми: здѣсь съ куста на кустъ порхали ручныя птицы, которыя садились на плечи дамъ и пѣли громогласныя свои пѣсни. Возлѣ зала была устроена большая уборная для прекраснаго пола. Въ ней всѣ вы-

сокія стѣны были зеркальныя, кругомъ стояли столы, на которыхъ лежало все, чего душѣ было угодно — и перчатки, и башмаки, духи, помада, мыло, фиксатуаръ, шпильки въ коробкахъ, булавки, различныя щетки, губки, и все это дамы брали у него даромъ. Но единственно, что было невыносимо въ этихъ апартаментахъ, это духота; послѣдняя происходила отъ лампъ, которыя своимъ свѣтомъ превращали ночь въ день; этому, впрочемъ, хозяинъ очень радовался—гостямъ ужасно хотѣлось пить. И амфитріонъ только и дѣлалъ, что ходилъ по комнатамъ и кричалъ офиціантамъ: принеси гостямъ напиться. Но напиться воды здѣсь было нельзя. Хозяинъ говорилъ, что у насъ воды и въ заводѣ нѣтъ, а шампанскаго сколько угодно. Дамамъ, впрочемъ, было разрѣшено подавать ананасное прохладительное. Интереснымъ къ концу такого вечера былъ и ужинъ; послѣдній состоялъ изъ безконечнаго количества блюдъ. Любопытны выходили и денные пріемы этого золотопромышленника. Хозяинъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ въ мягкихъ вольтеровскихъ креслахъ, въ халатѣ изъ китайскаго атласа чуть не въ три пальца толщины, свѣтло-зеленаго цвѣта, съ золотыми фигурами; такой халатъ стоилъ тысячи три, по крайней мѣрѣ. Мебель въ его кабинетѣ представляла цѣнность тоже немалую: что ни вещь, то золотая или серебряная, сигары гостямъ предлагались лучшія гаванскія и величи-

ною чуть не въ поларшина; дорогая мадера, такъ-называемая тогда «ягодная», остъ-индская, въ большихъ графинахъ стояла на столѣ. Въ углу помѣщался накрытый столъ съ разными закусками, салфеточной икрой, балыками и другими съѣдобными деликатесами.

Про этого золотопромышленника разсказывали, что онъ прежде былъ довольно бѣдный вязниковскій разносчикъ-офеня; разбогатѣвъ такъ быстро на золотыхъ промыслахъ, онъ не зналъ, куда дѣвать деньги. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ не имѣлъ никакихъ знакомыхъ и каждое утро выходилъ на улицу и разсматривалъ физіономіи проходящихъ: кто ему нравился, тѣхъ онъ звалъ къ себѣ на обѣдъ. Если встрѣчались бѣдные люди, ремесленники или просто рабочіе, онъ начиналъ съ того, что спрашивалъ каждаго изъ нихъ, сколько они надѣятся сегодня заработать въ продолженіе дня? Избравъ, такимъ образомъ, до дюжины гостей мужчинъ, женщинъ и дѣтей, онъ возвращался къ себѣ домой съ ними, выдавалъ рабочимъ плату за весь день, потомъ приказывалъ подать роскошный завтракъ; послѣ завтрака играла музыка и гости плясали до обѣда, затѣмъ слѣдовалъ богатый обѣдъ. Добродушный золотопромышленникъ говорилъ, что нѣтъ выше удовольствія, какъ видѣть около себя людей довольныхъ, счастливыхъ и веселыхъ.

Проживъ такъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ

и проживъ только небольшую часть своихъ миліоновъ, онъ потомъ объѣхалъ всю Европу на своихъ орловскихъ лошадяхъ въ богатомъ дормезѣ—цѣль его путешествія была изученіе гастрономіи—посѣтилъ всѣ кухни, извѣдалъ всю глубину этой науки, узналъ всѣ ея системы и методы, и возвратился на родину всесовершеннѣйшимъ гастрономомъ. Всѣ служители въ домѣ его были повара: лакеи, кучера и даже конюхи всѣ умѣли готовить. Кромѣ того, онъ нанималъ болѣе десятка поваровъ всѣхъ націй. Но проѣсть всего своего состоянія онъ все-таки не могъ и, поживъ нѣсколько лѣтъ въ столицѣ, уѣхалъ умирать къ себѣ на родину въ Вязники или Ковровъ.

ГЛАВА VI.

Вельможа оригиналъ и жертва предсказанія гадальщицы.

Въ тридцатыхъ годахъ на улицахъ Петербурга можно было встрѣтить колоссальную фигуру величественной осанки, члена Государственнаго Совѣта графа Юлія Помпеевича Литта, извѣстнаго главнаго дѣятеля въ доставленіи мальтійскому ордену покровительства императора Павла I. Графъ Литта въ высшемъ петербургскомъ обществѣ являлся истинно блестящимъ обломкомъ екатерининскаго двора. Современникъ его говоритъ: «Мы такъ привыкли видѣть графа Литту въ каждомъ салонѣ, любоваться его вѣжливымъ и вмѣстѣ барскимъ обхожденіемъ, слышать его громовой голосъ, смотрѣть на шахматную его игру, за которою онъ проводилъ цѣлые вечера, любоваться его бодрою и свѣжею старостью, что невозможно было не вспоминать о немъ каждую минуту, особенно тогда, когда его не стало. Гр. Литта при-

надлежалъ къ древнему миланскому роду, онъ съ юности посвятилъ себя морской службѣ; въ 1789 г. онъ переѣхалъ въ Россію и отличился въ войнѣ съ Швеціею, подъ предводительствомъ принца Нассаускаго, гдѣ заслужилъ орденъ св. Георгія 3-й степени и шпагу за храбрость. При императорѣ Павлѣ онъ былъ вице-адмиралъ, кавалеръ ордена св. Александра Невскаго и графъ Россійской имперіи; въ 1799 г. намѣстникомъ великаго магистра Мальтійскаго ордена. Графъ Литта отличался нѣсколькими эксцентрическими особенностями: во-первыхъ, голосъ его громкій и сильный, звучный, густой, бархатный басъ слышался вездѣ и покрывалъ собою всѣ другіе не только голоса, но иногда и звуки оркестра. Такъ, на гуляньяхъ ли, въ театрахъ, въ первомъ ряду креселъ у самой рампы оркестра, на постоянной прогулкѣ по Невскому или Англійской набережной, — вездѣ всегда необыкновенно громко звучалъ его голосъ. Голосъ графа въ обществѣ получилъ наименованіе «трубы архангела при второмъ пришествіи». Во-вторыхъ, графъ, не будучи вовсе большимъ гастрономомъ, страстно любилъ мороженое и поглощалъ его страшными массами, какъ у себя дома, такъ вездѣ, гдѣ только бывалъ. Такъ, во время каждаго антракта въ театрѣ ему приносили порцію за порціей мороженаго, и онъ быстро его уничтожалъ.

Графъ считался баснословнымъ потребителемъ

мороженаго—извѣстные въ то время кондитера: Мецапелли, Салваторъ, Резановъ и Федюшинъ почитали графа своимъ благодѣтелемъ. Графъ Литта жилъ совершенно въ одиночествѣ въ своемъ домѣ на Большой Миліонной, близъ арки, въ домѣ, теперь принадлежащемъ Министерству Финансовъ. Окна большого барскаго дома Литты никогда не были освѣщены и являли собой какой-то унылый и грустный видъ. Вдругъ, въ одну ночь, когда медики объявили графу, что ему остается жить не долѣе нѣскольких часовъ, къ удивленію всѣхъ сосѣдей, мрачный домъ озарился огнями сверху до низу, загорѣлись и яркія плошки у подъѣзда графа. У римскихъ католиковъ обрядъ пріобщенія святыхъ таинъ совершается съ нѣкоторою торжественностью; графъ и приказалъ засвѣтить всѣ люстры, канделябры и подсвѣчники въ комнатахъ, черезъ которыя долженъ былъ проходить священникъ со святыми дарами. Умирающій въ памяти и совершенно спокойно приказалъ подать себѣ въ спальню изготовленную серебряную форму мороженаго въ десять порцій и сказалъ: «Еще вопросъ; можно ли мнѣ будетъ тамъ въ горнихъ лакомиться мороженымъ»! Покончивъ съ мороженымъ, графъ закрылъ глаза и перекрестился, произнеся уже шепотомъ: «Салваторъ отличился на славу въ послѣдній разъ»—и перешелъ въ лучшій изъ міровъ, гдѣ онъ не зналъ, найдетъ ли мороженое. Всѣ огни догорѣли вмѣстѣ съ жизнью

графа и осталась догорать только одна небольшая спальная лампада, въ головахъ усопшаго, освѣщавшая распятіе.

Графъ умеръ 24-го января 1839 года. Императоръ Николай I-й поручилъ барону М. А. Корфу, бывшему въ то время государственнымъ секретаремъ, опечатать и разобрать бумаги покойнаго, между которыми, какъ предполагалось, могли находиться любопытные документы относительно мальтійскаго ордена. Но ничего важнаго между ними не отыскалось. Самое любопытное, что нашли въ бумагахъ, это проектъ сочиненной имъ себѣ самому эпитафіи слѣдующаго содержанія: «Julius Renatus Mediolanensis natus die 12 aprilis 1763; obiit in Domino... augusti 1836. На чемъ было основано это предсказаніе, впрочемъ не сбывшееся,—не извѣстно.

Графъ Литта, какъ видно изъ завѣщанія его, оставилъ огромное состояніе, которымъ былъ обязанъ не только своей женитьбѣ на племянницѣ Потемкина, рожденной Энгельгардтъ, но и собственному своему состоянію, а также своей расчетливости. Онъ отказалъ внукѣ своей, графинѣ Самойловой, жившей постоянно заграницей, 100 тысячъ рублей ежегодной пенсіи, затѣмъ по такой же суммѣ единовременно въ пользу тюрьмы, въ инвалидный капиталъ и для выкупа изъ процентовъ содержащихся за долги. 10 тыс. для раздачи бѣднымъ въ день его похоронъ, камерди-

неру 15 тыс. и пенсіи ежегодно по 1000 руб. Но деревни, домъ, драгоцѣнныя движимости и огромные капиталы завѣщаны двумъ роднымъ племяникамъ Литтамъ, жившимъ въ Миланѣ. Неизвѣстно только, что онъ оставилъ своему побочному сыну, извѣстному провинціальному актеру Аттилу, имѣвшему громкую романическую исторію въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Графъ Литта былъ въ родственныхъ связяхъ со всею нашею русскою аристократіею. Племянникъ его, кн. Владиміръ Голицынъ, разъ спросилъ его: «А знаете ли вы, какая разница между вами и Бегровымъ? Вы графъ Литта, а онъ литографъ».

Въ Москвѣ была извѣстна въ тридцатыхъ годахъ одна оригинальная личность, которая, гдѣ бы ни появлялась, сейчасъ же засыпала. Это былъ очень богатый помѣщикъ, имѣвшій много родныхъ и знакомыхъ. Одѣвался онъ по образцу инкрояблей временъ первой французской революціи, вѣчно въ одномъ синемъ фракѣ съ золотыми пуговками. Изъ жилетнаго его кармана торчала масивная золотая цѣпочка отъ двухъ дорогихъ золотыхъ брегетовъ. Впрочемъ, часы, такъ какъ и цѣпочки, часто у него возобновлялись: обѣ эти дорогія вещи у него часто срѣзывались охотившимися по немъ ворами въ продолженіе его суточныхъ путешествій по разнымъ улицамъ Москвы, несмотря на то, что онъ никогда не выѣзжалъ одинъ, а въ сопровожденіи двухъ гай-

дуковъ-лакеевъ и его любимицы, старой ключницы-калмычки, и жирнаго мопса. «Гдѣ ваши часы?» спрашивали его знакомые. «Что-съ?», встрепенувшись отъ своей спячки прошамшитъ онъ. «Часы ваши гдѣ?» «А! часы срѣзали, украли, когда я былъ на похоронахъ». «У кого это, гдѣ?» «Не знаю, спросите у калмычки». Всѣ знали, что обокрасть его не было хитрости, даже лакеи его обирали и снимали съ рукъ кольца. Онъ вѣчно спалъ, но это сонливое состояніе не было результатомъ болѣзненности организма и дряхлости лѣтъ, а просто слѣдствіемъ одного предсказанія. Въ бытность свою въ молодыхъ годахъ въ Парижѣ онъ посѣтилъ извѣстную предсказательницу Ленорманъ. Ловкая гадальщица, замѣтивъ его недалекость, позабавилась надъ нимъ вволю. Наговоривъ ему много пріятнаго и непріятнаго, она, наконецъ, окончила свое пророчество словами, заставившими поблѣднѣть нашего чудака. «Теперь я должна васъ предупредить, что вы умрете на своей постелѣ». «Когда? Когда? Въ какое время?» — спрашиваетъ онъ въ ужасѣ. «Когда ляжете на постель», докончила, улыбаясь, лукавая предсказательница. И вотъ съ тѣхъ поръ его покойная мягкая перина, подушки изъ лебяжьяго и гагачьяго пуха, шелковыя одѣяла были брошены и вынесены изъ квартиры, чтобы такіе дорогіе предметы его не соблазнили. Напрасно друзья смѣялись ему въ глаза, упрекая его въ

легковѣріи и не разъ доказывая ему, что по его богатству, положенію и жизни нельзя было и ожидать другой болѣе покойной смерти. Но слова Ленорманъ звучали въ его ушахъ хуже погребальнаго колокола. Онъ не внималъ никакимъ убѣжденіямъ, и съ тѣхъ поръ на всѣхъ публичныхъ собраніяхъ, въ гостяхъ, въ театрахъ,—всюду стала появляться постоянно дремлющая его личность, не имѣвшая никакой возможности уже отдохнуть у себя на постели. Образъ его жизни былъ очень оригиналенъ: онъ вставалъ почти со свѣтомъ, проводя ночь въ обществѣ, потому что ему было скучно безъ общества, тяжело и невыносимо было отдыхать въ полусогнутомъ положеніи болѣе часа. Съ утра закладывали ему четверо-мѣстную карету и онъ уже выѣзжалъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ въ сопровожденіи своей калмычки и стараго мопса Бокса. Безъ калмычки онъ не могъ сдѣлать шага, она убаюкивала его сонъ разговорами и сказками. Утреннія его прогулки были по крику лакея: «Пошелъ по ельничку!» Кучеръ и форейторъ двигались, объѣзжая столицу, отыскивая, нѣтъ ли гдѣ похоронъ. Изъ всѣхъ удовольствій ему нравился только процессъ погребенія, возможность поспать подъ унылое пѣніе и проводить покойника до послѣдняго его жилища. На обязанности калмычки также лежало, по возвращеніи домой, разсказать барину все видѣнное за день, самъ баринъ этого

не могъ сдѣлать,—онъ спалъ всюду. Въ Москвѣ говорили, что ловкая калмычка, пользуясь безпросыпнымъ положеніемъ его и присутствуя въ церквахъ на всякихъ церемоніяхъ, чуть чуть не сыграла съ нимъ злой шутки и не обвѣнчала съ одной изъ своихъ знакомыхъ. Только непредвидѣнный случай спасъ его. Это такъ напугало его, что съ нимъ сдѣлался нервный ударъ, отъ котораго онъ и умеръ. Больного его никакъ не могли уложить на постель. Онъ умиралъ, дремля, полусогнувшись на своемъ креслѣ и ворча и брыкаясь ногами, когда калмычка со слезами просила его успокоиться на ея постели. Передъ кончиной, несмотря на его послѣднія усилія, на жалобный стонъ, на слезящіеся глаза, его всетаки силою уложили на кровать. Предсказаніе Ленорманъ сбылось послѣ пятидесятилѣтняго добровольнаго нравственнаго мученичества.

ГЛАВА VII.

Замѣчательные причудники и чудаки.

Въ числѣ другихъ такихъ же чудаковъ, которые, въ силу какой-либо боязни, по ночамъ не ложились спать и бодрствовали, къ числу такихъ чудаковъ принадлежалъ богатый помѣщикъ Пензенской губерніи Т—ъ, который никогда не спалъ ночью, а ложился только тогда, когда всѣ вставали. Чтобы ночью не дремать, онъ держалъ у себя въ спальной кого-нибудь изъ своихъ дворовыхъ и они должны были стоять передъ нимъ всю ночь на ногахъ, такъ какъ передъ бариномъ сидѣть неприлично. Правда, онъ ихъ мѣнялъ, призывая то одного, то другого, по очереди, только бы не оставаться одному. Разсказывали, что онъ дѣлалъ это изъ страха, причиною этого же была кровавая исторія, въ которой онъ еще молодымъ человѣкомъ принималъ участіе: говорили, что отецъ его былъ убитъ своею женою

въ сообществѣ съ учителемъ-французомъ, съ которымъ она была въ нѣжныхъ отношеніяхъ и за котораго впослѣдствіи вышла замужъ. Это случилось, когда дѣти были еще маленькія; когда же они выросли и возмужали, то отплатили непрошенному отчиму тѣмъ же, т. е. отправили его на тотъ свѣтъ. Всѣ четыре брата, участвовавшіе въ смерти отчима, были какіе-то странные: лобызались другъ съ другомъ самымъ нѣжнымъ образомъ, цѣловали другъ у друга руки, а между тѣмъ постоянно судились, потому что не могли раздѣлиться. Они не могли между собою сговориться даже въ самыхъ мелочахъ—деревянный двухъэтажный отцовскій домъ они распилили на три части, такъ какъ не могли устроить, чтобы онъ достался въ однѣ руки. Даже дѣти одного изъ нихъ были тоже какія-то странныя. Одинъ уже женатый, живя въ деревнѣ, вмѣсто развлеченія, приказывалъ зашивать себя въ медвѣжью шкуру и ходилъ на четверенькахъ по двору. Дворовыя собаки, разумѣется, бросались на него и рвали и это доставляло ему удовольствіе. Съ женою, на которой онъ женился по любви, влюбившись въ нее въ театрѣ, гдѣ видѣлъ ее только одинъ разъ, онъ ссорился и мирился по нѣсколько разъ въ день. И это дѣлалъ онъ не только дома, но и въ гостяхъ, при чужихъ людяхъ, дѣлая ихъ такимъ образомъ невольными свидѣтелями его семейной жизни, потому что ссоры происходили

большею частью изъ ревности къ кому только можно и сопровождались или неприличными упреками, или же лобзаніями, съ испрашиваніемъ на колѣняхъ прощенія, и тому подобною обстановкою, иногда очень приторною.

Сынъ извѣстнаго побѣдителя при Ларгѣ и Кагулѣ—Румянцева, графъ Михаилъ, страдалъ тоже довольно странною причудою, которая и довела его впослѣдствіи до опеки надъ нимъ. Онъ сталъ воображать, что служитъ у строгихъ господъ и исполняетъ обязанности экономки. Его старый, преданный слуга, чтобы помочь этому горю, принужденъ былъ самъ наряжаться въ женское платье и помогать ему въ разныхъ женскихъ занятіяхъ, въ родѣ починки бѣлья, штопанья чулковъ и т. п. Роль же господъ играли два дюжихъ солдата-гвардейца, которые въ извѣстные часы приходили смотрѣть на работу экономки и, если находили ее неудовлетворительною, ругали и били ее. Побои графу такъ нравились, что послѣ нихъ онъ успокаивался на нѣсколько дней. Солдаты, по приказанію ближнихъ Румянцева, платили графу жалованье мѣдными пятаками, на которые послѣдній покупалъ деревянное масло и теплилъ его въ лампадкѣ у своего фамильнаго образа. Пишущій эти строки видѣлъ въ 60-хъ годахъ, у старика-сенатора кн. П. А. Голицына, портретъ Румянцева и его слуги Іона Ивановича въ женскихъ платьяхъ; оба они изображены сидящими

за пяльцами. Причина такого помѣшательства графа, какъ разсказывалъ кн. Голицынъ, была нелюбовь къ нему его отца. Извѣстно, что фельдмаршалъ рано разошелся съ женою и совсѣмъ не зналъ своихъ дѣтей. Разсказывали, что одинъ изъ его сыновей въ отроческомъ возрастѣ явился къ нему въ армію просить его о принятіи на службу.—«Да вы кто такой?—спросилъ его фельдмаршалъ.—«Сынъ вашъ»,—отвѣчалъ тотъ —А-а... весьма пріятно... Вы такъ выросли». Послѣ нѣсколькихъ такихъ родительскихъ вопросовъ, молодой человѣкъ освѣдомился, гдѣ онъ можетъ имѣть помѣщеніе и что долженъ дѣлать.—«А вы,—отвѣчалъ отецъ,—поищите, у васъ вѣрно найдется здѣсь, въ лагерѣ, кто-нибудь знакомый изъ офицеровъ»...

Къ ряду замѣчательныхъ чудаковъ екатерининскихъ временъ надо отнести Чупятова, вовсе, какъ кажется, не помѣшаннаго, прикидывавшагося легковѣрнымъ до помѣшательства, изъ желанія избѣжать тюрьмы за долги. Дурачество выдавать себя за жениха марокской принцессы, при искусной игрѣ Чупятова, принималось за чистую монету, и онъ жилъ себѣ припѣваючи, забрасывая время отъ времени въ разныя колегіи вздорныя претензіи, еще болѣе поддерживавшія убѣжденіе властей, что этотъ человѣкъ не въ своемъ умѣ. Личность этого субъекта до того интересовала современниковъ, что они собрали о немъ много

анекдотовъ. Чупятовъ носилъ названіе марокскаго принца. Въ концѣ 50-хъ годовъ на Смоленскомъ кладбищѣ существовала еще каменная плита надъ могилою этого чудака. Вотъ надпись: «Подъ камнемъ симъ покоится ржевскій купецъ Василій Анисимовичъ Чупятовъ, подъ названіемъ принцъ марокскій, въ семъ лестномъ званіи странствовалъ 27 лѣтъ и на 64 году жизни своея скончался 1792 г. сентября 16-го дня». Чупятовъ несомнѣнно былъ человѣкъ просвѣщенный, по своему времени, и не лишенный ума; онъ былъ мужчина высокаго роста, ходилъ во французскомъ кафтанѣ и съ мишурными знаками; по словамъ современниковъ, онъ поражалъ своею величавою скромностью, Чупятовъ принадлежалъ къ старинному именитому купечеству изъ города Ржева, но неудачныя дѣла за границей и большой пожаръ разстроили его состояніе. По словамъ Державина, онъ торговалъ съ Любекомъ и Гамбургомъ, съ Англіею и Голландіею, посылая туда на корабляхъ пеньку и масло. Другіе полагаютъ, что главною причиною разстройства его дѣлъ было неудачное сватовство за дочь извѣстнаго богача Володимірова, которую сосваталъ ему ея дядя, извѣстный тоже чудакъ, Прокофій Акинѳіевичъ Демидовъ. Чупятовъ въ дѣлѣ своего сватовства прибѣгалъ къ содѣйствію всесильныхъ въ ту пору Орловыхъ и даже доходилъ съ просьбой до самой императрицы. Графы Григорій Але-

ксѣй и Өедоръ Орловы, а также графъ Ив. Гр. Чернышевъ поочередно брались быть сватами Чупятова у Володимірова. Сама императрица приказывала высватать ему невѣсту Д. В. Волкову, но прослѣдній предложилъ ему другихъ невѣстъ благородныхъ Чупятовъ, однако, отказался. Всѣ усилія высокопоставленныхъ благодѣтелей и милостивцевъ не могли побѣдить упорства и уклончивости Володимірова. Чупятовъ не хотѣлъ еще считать свое дѣло проиграннымъ и входилъ съ формальнымъ прошеніемъ въ комерцъ-колегію къ прокурорскимъ дѣламъ. Комерцъ-колегія не вошла въ разсмотрѣніе такой странной просьбы, и Чупятову оставалось склониться предъ волею судьбы. Тутъ-то, вѣроятно, какъ говоритъ Л. Н. Майковъ въ своихъ литературныхъ мелочахъ екатерининскаго времени, онъ, не имѣя возможности выполнить свои торговыя обязательства, «тѣснимый кредиторами, и объявилъ себя банкротомъ», какъ увѣряли нѣкоторые, притворно. «Затѣмъ, избѣгая непріятностей отъ своихъ вѣрителей, разсказываетъ Державинъ, онъ представился помѣшаннымъ и навѣсилъ на себя разноцвѣтныхъ лентъ и медалей, присланныхъ къ нему будто бы влюбленною въ него марокскою принцесою». Чупятовъ въ петербургскомъ обществѣ былъ предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ, къ нему присылали по почтѣ ленты и грамоты будто бы на пожалованные ему ордена, иные писали

къ нему и просили, чтобы онъ оказалъ имъ свое покровительство, когда взойдетъ на марокскій престолъ, котораго состоитъ наслѣдникомъ. Чупятовъ не замѣчалъ, однако, глумленія и даже утѣшался присылками.

Державинъ въ своей «Одѣ къ вельможѣ» упоминаетъ о немъ:

Всякъ думаетъ, что онъ Чупятовъ,
Въ марокскихъ лентахъ и звѣздахъ.

Чупятовъ въ обществѣ, ради его страннаго помѣшательства, былъ всегда желаннымъ гостемъ, даже у высокопоставленныхъ лицъ. Являясь въ гости, онъ велъ разговоръ какъ человѣкъ здравый до тѣхъ поръ, пока не покажутъ ему, ради потѣхи, курицу, разукрашенную лентами. Какъ только Чупятовъ увидитъ такую курицу, такъ и понесетъ всякій вздоръ, воображая, что курица есть воплощенный духъ, присланный ему отъ марокской королевы.

Существуетъ разсказъ, что когда государыня, послѣ осмотра Вышневолоцкаго канала въ 1785 г., находилась въ Успенскомъ соборѣ, вдругъ протѣснился впередъ Чупятовъ, разукрашенный лентами и звѣздами. Государыня спросила главнокомандующаго, кто это, и, услышавъ, что это такой-то помѣшанный, сказала: «Почему онъ у васъ на свободѣ? Для подобныхъ людей мѣсто въ заведеніи».

Что касается приведеннаго разсказа, то трудно допустить возможность приказа Екатерины II, ко всѣмъ снисходительной, о лишеніи свободы чудака, никому не вредившаго.

Въ человѣческой натурѣ бываютъ очень странные вкусы. Лѣтъ двадцать тому назадъ еще здравствовалъ одинъ довольно высокопоставленный человѣкъ, который изъ любви къ искусству выучился рвать зубы. Онъ никогда не выходилъ изъ дому безъ футляра съ зубными инструментами въ карманѣ, какъ другой безъ портсигара. Ко всѣмъ онъ въ зубы такъ и заглядывалъ. Бѣда тому, кто при немъ заикнется, что у него зубъ болитъ или болѣлъ: онъ такъ на него сейчасъ и кинется и съ инструментомъ въ ротъ залѣзетъ. Нерѣдко за свое искусство онъ претерпѣвалъ даже личныя непріятности, но все-таки своей «дантистики», какъ онъ выражался, не покидалъ.

До колекціонерства почтовыхъ марокъ существовало нѣсколько собирателей сургучныхъ печатей. Изъ числа любителей такихъ рѣдкостей былъ извѣстный князь Гор—въ, который началъ съ того, что хранилъ печати всѣхъ полученныхъ писемъ, потомъ просилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, чтобы они отдавали ему конверты писемъ, и, наконецъ, началъ отыскивать и платить за печати и собралъ больше тридцати тысячъ оттисковъ на сургучѣ. Въ коллекціи князя было много рѣдкихъ

печатей XVI, XVII и послѣдующихъ вѣковъ. Въ числѣ такихъ любопытныхъ у него была печать, на которой изображенъ открытый ящикъ Пандоры съ надписью: «любопытство погубило свѣтъ»; на другомъ изображенъ амуръ, держащій записочку, а вокругъ него слова: «полиціи нечего тутъ смотрѣть»; на третьемъ—бѣжитъ собака съ письмомъ и надпись говоритъ: «скорѣе и вѣрнѣе почты». На одномъ вырѣзано: «распечатано по приказанію». На печати, принадлежавшей Виктору Гюго, вырѣзаны слова: «faire et faire» на печати Мишле «Des ailes»; на печати Бальзака вырѣзано стариннымъ правописаніемъ: «умъ обязываетъ»; на печати Альфреда Мюссе видны таинственныя слова, напоминающія время, памятное одному, забытое другими: «Depuis lors». На письмѣ Фридерики Сулье странный девизъ: «Nec sorte, nec morte». На печати Александра Дюма было написано: «Tout passe, tout lasse, tout casse», Эмиля Сувестра—слова: «Espoir ni crainte». На печати Шарля Нобле виднѣлось банальное изображеніе: пылающее сердце, пронзенное стрѣлою, съ надписью: «Raison le veut». На печати Адольфа Адана: «J'espère et je crains». На печати пѣвца Нурри изображенъ былъ Гарпократъ, держащій палецъ на губахъ, со словами: «Chut, chut, chut!». Эта печать была подарена Нурри однимъ его поклонникомъ. Нурри имѣлъ привычку, когда онъ долженъ былъ пѣть вече-

ромъ, молчать весь день и только шикалъ, если кто говорилъ. На печати композитора Герольда стояли слова: «Rien de beau sans hasard». Самую большую колекцію такихъ печатей Гор—овъ купилъ у француза Бландо за 30,000 руб., всѣхъ печатей тамъ было 30,000 штукъ. Цѣна, какъ видимъ, довольно высокая за нѣсколько фунтовъ сургуча!

Въ тридцатыхъ годахъ вся Москва знавала одного очень богатаго помѣщика, дѣлавшаго съ ранняго утра визиты по своимъ знакомымъ. Онъ не жилъ никогда въ деревнѣ, а вѣчно проживалъ въ Москвѣ или въ своей подмосковной, близъ Сокольниковъ; придворное званіе его не позволяло ему покинуть столицу: еще юношей, благодаря своему родовому положенію, онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры и съ этимъ званіемъ прослужилъ чуть ли не до семидесяти лѣтъ. Въ обществѣ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ камеръ-юнкера «Рококо».

Кличку эту онъ заслужилъ вотъ по какому случаю: средствъ у него было много, даже слишкомъ; одинъ домъ его занималъ почти цѣлую площадь—съ садомъ, огородомъ, прудами и т. д., пристроекъ въ его домѣ было множество, на дворѣ такъ было много разныхъ домиковъ, павильоновъ, хижинокъ, что все это казалось чуть ли не цѣлымъ уѣзднымъ городкомъ. Про его домъ въ Москвѣ ходило не мало разсказовъ; увѣряли даже,

что тамъ находило себѣ убѣжище не мало темнаго люда. Самый же домъ, въ которомъ жилъ камеръ-юнкеръ «Рококо», состоялъ изъ двухъ длинныхъ этажей; одинъ огромный бель-этажъ съ нескончаемою анфиладою комнатъ, могъ бы послужить казармой для цѣлаго полка солдатъ. Комнаты эти были убраны великолѣпно, въ нихъ было много царской пышности—парча, бархатъ, атласъ, позолота, мраморъ, гобелены, статуи, античная бронза, китайскій фарфоръ, словомъ, все, что могло служить украшеніемъ царственнаго жилья.

Но все это въ этихъ барскихъ апартаментахъ было разставлено, развѣшано, размѣщено съ такимъ безвкусіемъ и въ такомъ безпорядкѣ, что съ перваго взгляда казалось, что всѣ эти драгоцѣнныя вещи были свезены сюда на продажу, какъ въ лавку, и только дожидаются покупателей, чтобы быть вынесенными для приведенія ихъ въ болѣе стройный порядокъ. Когда посѣтители спрашивали хозяина объ этомъ хаотическомъ безпорядкѣ въ его апартаментахъ, объ этой дорогой китайской бронзѣ, смѣшанной съ простыми глиняными деревенскими кубарями, съ чугунами или ухватами, о прекрасныхъ старыхъ картинахъ вмѣстѣ съ разными мазилками крѣпостныхъ Рафаэлей, хозяинъ слушалъ равнодушно всѣ подобныя замѣчанія и, казалось, его даже это еще радовало. Камеръ-юнкеръ «Рококо» былъ страшно упрямъ.—«Знаю, очень хорошо знаю,—отвѣчалъ онъ,—но я, знаете,

люблю, чтобы у меня все было «рококо»,—видимо самъ не разумѣя этого слова. И пошелъ съ тѣхъ поръ гулять нашъ камеръ-юнкеръ подъ этимъ именемъ — «Рококо». Этотъ оригиналъ жилъ не для себя, а для своихъ многочисленныхъ знакомыхъ, веселился не самъ, а веселилъ своихъ знакомыхъ. Всѣ его увеселенія носили отпечатокъ неподражаемой оригинальности, онъ тѣшилъ себя и другихъ дорогими игрушками. Онъ только и мечталъ о томъ, что бы изобрѣсть для вечера или для обѣда. Онъ, какъ и гоголевскій Пѣтухъ, призывалъ къ себѣ по утрамъ своего старика-повара Яшку и дворецкаго Прошку, грабившихъ своего барина безъ милосердія. Особенно обѣды и завтраки стоили ему много думъ и заботъ; задумавъ разъ угостить своихъ гостей въ посту по-монастырски, онъ закатилъ обѣдъ болѣе чѣмъ въ сто блюдъ. Въ меню входили: папошники, пироги долгіе, косые и круглые изъ щучьей тѣлесы, пирожки маленькіе съ тѣломъ рыбы, пряжья, кашка молочная съ пшеномъ сорочинскимъ, присолъ изъ живыхъ щукъ, щука колодка, огнива бѣлужья въ ухѣ, звено лосося, звено семги, полголовы осетра и бѣлуги просольной, лещи паровыя, стерляди и т. д. Но особенно отличился онъ за десертомъ, гдѣ цукатные пироги, кремы, марципаны, желе и другія сладкія яства подавались на доскахъ—на обыкновенныхъ блюдахъ помѣститься послѣднія не могли.

Прислуга при русскихъ обѣдахъ изъ простыхъ лакеевъ превращалась въ прислугу, бывшую въ княжеской и боярской средѣ, т.-е. въ стряпчихъ, стольниковъ, кравчихъ, чашниковъ и т. д.; послѣднихъ онъ наряжалъ въ археологическія одежды. Въ другой разъ придумалъ онъ угостить своихъ гостей лебедями; чтобы достать эту птицу, командируетъ онъ въ подмосковное село Ц—но, и здѣсь ловкій дворецкій покупаетъ декоративную птицу у нѣмца управляющаго за баснословныя деньги.

И вотъ такая птица, съ раззолоченными носами и растопыренными крыльями, подается цѣликомъ на столъ; начинка ея была самая мудреная, съ шафраномъ, лимонами, инбиремъ и разными пахучими травами. Для обѣдовъ въ древнемъ вкусѣ онъ закупалъ по дорогой цѣнѣ павлиновъ, журавлей, рысей, лосей, но на такіе обѣды рѣдко стали ѣздить гости, крѣпкіе желудки ихъ не могли выдерживать, и съ сожалѣніемъ говорилъ нашъ амфитріонъ, что измелчали желудки у людей. Разсердившись за такое невниманіе къ «чревобѣсію предковъ», онъ сдѣлался французскимъ гастрономомъ, переманилъ къ себѣ лучшаго повара изъ англійскаго клуба и задумалъ соперничать съ Рахманинымъ, извѣстнѣйшимъ гастрономомъ, тратившимъ на свои немногочисленныя угощенія шальныя деньги.

Послѣ этого его кухня преобразилась на рахма-

нинскій ладъ: въ ней появились большіе пальмовые и мраморные столы, полки краснаго дерева, бронзовыя карсельскія лампы и дорогая мебель, на которую онъ сажалъ своихъ гостей, приготовляя самъ нѣкоторыя блюда. Не разъ онъ давалъ лукуловскіе обѣды на своей кухнѣ. Но главное, что любилъ нашъ камеръ-юнкеръ «Рококо», это неожиданные сюрпризы: на нихъ онъ былъ помѣшанъ. То онъ приглашалъ гостей собирать въ его саду бѣлые грибы, которые за два дня скупалъ возами по всей Москвѣ и заставлялъ ихъ натыкать въ одномъ мѣстѣ своего сада, чтобы не ходить далеко гостямъ. То онъ раздавалъ билеты на уженье въ его прудахъ рыбы—около его пруда стояли бесѣдки-плоты и въ этихъ мѣстахъ втыкались удочки. Каждая дама вынимала билетъ, какъ въ лотереѣ, на счастье, что кому Богъ пошлетъ, и въ самомъ дѣлѣ, счастье было удивительное для рыболововъ; то выуживали изъ тинистаго пруда стерлядь, уже давно уснувшую, то огромнаго осетра, то налима или другую какую-нибудь замѣчательную рыбу. Однажды, какъ увѣряли, кто-то выудилъ даже малосольную севрюжку.

Исканіе персиковъ, абрикосовъ, апельсиновъ на деревьяхъ тоже не было рѣдкостью. Какъ только сходилъ снѣгъ весною, то гости уже приглашались для исканія въ саду клубники и земляники. Сюрпризы въ его домѣ не переводились: онъ устроилъ у себя въ залѣ особенный полъ, кото-

рый опускался внизъ въ подвальный этажъ по данному знаку и оттуда поднимались кушанья. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ придумалъ и особаго рода свѣчи, о составѣ которыхъ у него долго хлопоталъ какой-то выписанный нѣмецъ-пиротехникъ. Въ вечеръ, когда новоустроенный полъ долженъ былъ дѣйствовать, приглашены были гости. Сюрпризъ вышелъ дѣйствительно неожиданный: во время мазурки, когда растанцовавшіеся дамы и кавалеры отчаянно притоптывали, при общемъ крикѣ вдругъ полъ опустился въ кухню. Этого и самъ хозяинъ не предвидѣлъ, хотя и приказалъ, чтобы по первому стуку въ полъ послѣдній опускался и поднимался. Сюрпризы на балахъ камеръ-юнкера «Рококо» рѣдко проходили безъ приключеній: то у кого-нибудь носъ былъ обожженъ, у кого платье испорчено, у кого ноги чуть-чуть не были переломаны.

Но исторія съ опускнымъ поломъ еще не окончилась. Послѣ невольнаго опусканія, на немъ былъ сервированъ столъ.—Теперь скорѣе свѣчей, свѣчей, кричалъ хозяинъ. Свѣчи были принесены, гости сѣли ужинать. Кушанья мигомъ подымались изъ кухни и разносились, потомъ исчезали и замѣнялись новыми.—Хорошо, хорошо,—говорилъ хозяинъ, посматривая на часы, какъ будто ожидая какого-то сюрприза. Ужинъ уже подходилъ къ концу; вдругъ свѣчи, казавшіяся восковыми, стали постепенно меркнуть и изъ фитилей

полетѣли бриліантовые фонтаны огней, римскихъ звѣздъ, фальшфейеры, и вся зала наполнилась удушающимъ запахомъ пороха. Дамы ахали и визжали, отряхивая съ своихъ плечъ искры огня.— Неправда ли, вы не ожидали такого сюрприза? всѣхъ спрашивалъ гостепріимный хозяинъ.

Камеръ-юнкеръ «Рококо» умеръ тоже сюрпризомъ. Его поваръ Яшка накормилъ его съ пьяныхъ глазъ какими-то вредными грибами, извѣстными въ простонародіи подъ именемъ «самоплясовъ», не догадавшись порядочно разсмотрѣть ихъ. Говорятъ, что гастрономъ-чудакъ ранѣе, чѣмъ разстаться съ этимъ свѣтомъ, принужденъ былъ, несмотря на свой возрастъ, неистово отплясывать «danse macabre», по дѣйствію этихъ грибовъ.

Въ Москвѣ, въ началѣ текущаго столѣтія, отличался большимъ чудачествомъ помѣщикъ Поздняковъ; онъ почти ежедневно давалъ спектакли, маскарады и балы, вся Москва такъ и рвалась и называлась къ нему на приглашенія—особенно парадны выходили его маскарады, на которыхъ онъ самъ важно расхаживалъ наряженнымъ въ какой-то восточный костюмъ.

Грибоѣдовъ о немъ сказалъ въ своей комедіи: на лбу написано: «театръ и маскарадъ». Не забылъ онъ и его бородача, который во время бала въ тѣни померанцевыхъ деревьевъ щелкалъ соловьемъ: «пѣвецъ зимой погоды лѣтней».

Къ этому московскому хлѣбосолу и увеселителю

добровольно прикомандировалъ себя нѣкто г. Лунинъ—онъ былъ при немъ въ родѣ гофмаршала, хозяйничалъ при дворѣ его, приглашалъ на праздники и проч. Въ Москву, какъ разсказываетъ кн. Вяземскій, ожидали турецкаго или персидслаго посла. Разумѣется, Поздняковъ не могъ пропустить эту вѣрную оказію и занялся приготовленіями къ великолѣпному празднику, въ честь именитаго восточнаго гостя. Къ сожалѣнію, смерть застала его въ приготовленіяхъ къ этой тысячи и одной ночи. Посолъ пріѣзжаетъ въ Москву и Лунинъ къ нему является. Онъ докладываетъ о предполагаемомъ праздникѣ и о томъ, что Поздняковъ извиняется передъ нимъ: за приключившеюся смертью его, праздникъ состояться не можетъ.

Въ числѣ чудаковъ, жившихъ въ Москвѣ въ грибоѣдовское время, былъ извѣстенъ, выведенный имъ въ его комедіи подъ именемъ «Максимъ Петровичъ»; это былъ пріятель гр. Растопчина, нѣкто Новосильцевъ, бывшій «въ случаѣ» при Екатеринѣ. По связямъ и богатству онъ имѣлъ сильное вліяніе, по способности принижаться — не зналъ соперниковъ. Въ царствованіе императора Александра I Новосильцевъ жилъ замкнутый въ своемъ роскошномъ таинственномъ нелюдимомъ домѣ, никого не принималъ и самъ никуда не ѣздилъ; впрочемъ иногда въ орденахъ онъ садился на крыльцѣ своего дома и пугалъ

прохожихъ, бросая въ нихъ хлопушками. Иногда онъ выѣзжалъ прогуливаться на великолѣпномъ конѣ, покрытомъ вышитымъ золотомъ чепракомъ; вся сбруя была составлена изъ богатыхъ золотыхъ и серебряныхъ отличнаго чекана цѣпочекъ. Во время такихъ пышныхъ своихъ уличныхъ поѣздокъ въ сопровожденіи богато одѣтой свиты, онъ курилъ трубку. Послѣднее обстоятельство особенно всѣхъ поражало и заставляло всѣхъ снимать передъ нимъ шапки, недоумѣвая, какъ величать этого стамбульскаго пашу.

ГЛАВА VIII.

Замѣчательные силачи—оригиналы.

Легендарный русскій силачъ морякъ Лукинъ, помимо своей геркулесовской силы, отличался тоже многими странностями. Про капитана Лукина во флотѣ по сейчасъ живы еще самые невѣроятные анекдоты, по большей части рисующіе духъ лихихъ моряковъ того времени. Разсказывали, что во время пребыванія Лукина въ Англіи одинъ англичанинъ заспорилъ съ нимъ насчетъ смѣлости и рѣшительности русскихъ и англичанъ, онъ утверждалъ, что русскій никогда не рѣшится на то, что сдѣлаетъ англичанинъ. Попробуй,—сказалъ Лукинъ.—«Вотъ, напримѣръ, ты не смѣешь отрѣзать у меня носа, выразилъ англичанинъ. «Почему же нѣтъ, если ты захочешь»,—отвѣчалъ Лукинъ».—На рѣжь!»—воскликнулъ англичанинъ въ азартѣ. Лукинъ прехладнокровно взялъ ножъ со стола, отрѣзалъ у англи-

чанина конецъ носа и положилъ на тарелку. Разсказывали, что англичанинъ, старый и отважный морякъ, нетолько не разсердился за это на Лукина, но подружился съ нимъ и, вылечившись, пріѣзжалъ навѣстить друга своего въ Кронштадтѣ.

Лукину въ Англіи предложили кулачный поединокъ. Вмѣсто одного, онъ вызвалъ вдругъ четырехъ лучшихъ боксеровъ и каждаго изъ нихъ по очереди перекинулъ черезъ свою голову, ухвативъ за поясъ.

Однажды онъ былъ высланъ на берегъ для пріема такелажа съ двадцатью матросами. Лукинъ вмѣшался въ споръ англійскихъ моряковъ съ ихъ канонирами, и, наконецъ, вступилъ въ борьбу съ обѣими партіями и въ кулачномъ бою съ своими двадцатью удальцами прогналъ всѣхъ. Въ городѣ заперли лавки; жители спрятались въ домахъ, и Лукинъ съ пѣснями возвратился на корабль.

Разъ, сидя въ креслахъ во французскомъ театрѣ, онъ замѣтилъ, что сидѣвшій съ нимъ рядомъ франтъ перемигивается съ дамами, сидѣвшими въ ложѣ, и киваетъ головой на него. Лукинъ сперва не обратилъ вниманіе, но вскорѣ франтъ заговорилъ съ нимъ.—Вы, кажется, не понимаете по-французски? и не хотите ли, чтобы я объяснилъ вамъ, что происходитъ на сценѣ?— Сдѣлайте одолженіе,—сказалъ Лукинъ. Франтъ сталъ объяснять и понесъ чепуху страшную; со-

сѣди прислушивались и фыркали, въ ложахъ тоже не могли удержаться отъ смѣха.

Вдругъ, незнающій французскаго языка, Лукинъ спросилъ по-французски:—А теперь объясните мнѣ, зачѣмъ вы говорите такой вздоръ?—Франтъ сконфузился.—Я не думалъ, не зналъ!—Вы не знали, что я одной рукой могу васъ поднять за шиворотъ и бросить въ ложу къ этимъ дамамъ, съ которыми вы перемигивались?—Извините.—Знаете вы, кто я? Я Лукинъ. Они оба встали, Лукинъ сказалъ франту:—«идите за мной!»—Франтъ пошелъ. Они отправились къ буфету.

Лукинъ заказалъ два стакана пунша. Пуншъ подали. Лукинъ подалъ стаканъ франту.—«Пейте».—«Не могу, не пью».—«Это не мое дѣло».—«Пейте».—Франтъ захлебываясь, опорожнилъ свой стаканъ. Лукинъ залпомъ опорожнилъ свой и снова скомандовалъ два стакана пунша. Напрасно франтъ отнѣкивался и просилъ пощады, оба стакана были выпиты, а потомъ еще и еще. На каждаго пришлось по восьми стакановъ. Только Лукинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратился на свое кресло, а франта мертво-пьянаго подобрала полиція.

Анекдотовъ про Лукина было множество, но, при всемъ удальствѣ, онъ былъ добрѣйшій человѣкъ. Лукинъ командовалъ кораблемъ во флотѣ Сенявина и первый бросился на одинъ изъ

турецкихъ кораблей, гдѣ и погибъ геройскою смертью. Императоръ Александръ Благословенный облагодѣтельствовалъ семейство Лукина, по просьбѣ извѣстнаго своего лейбъ-кучера Ильи, который былъ прежде крѣпостной Лукина и тоже обладалъ феноменальной силой.

Лукинъ воспитывался въ морскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ мичманомъ 1-го мая 1789 года. Лукинъ былъ средняго роста, плотный, коренастый; при своей удивительной тѣлесной силѣ, онъ былъ кротокъ и терпѣливъ; даже, будучи разсерженъ, онъ никогда не давалъ воли своимъ рукамъ.

Сила его была поразительная, но трудно было заставить его что-либо сдѣлать; только въ веселый часъ, и то въ кругу знакомыхъ, онъ иногда показывалъ подвиги своей силы. Напримѣръ, онъ легко ломалъ подковы, могъ держать пудовыя ядра полчаса въ распростертыхъ рукахъ, однимъ пальцемъ вдавливалъ гвоздь въ корабельную стѣну. При такой необычайной силѣ былъ еще ловокъ и проворенъ; и бѣда тому, съ кѣмъ бы онъ вздумалъ вступить въ рукопашный бой. Подвиги въ этомъ родѣ, несомнѣнно немного преувеличенные, прославили его въ Англіи; тамъ съ большимъ стараніемъ искали съ нимъ знакомства, впрочемъ, и въ Россіи рѣдко кто не зналъ капитана Лукина. Зналъ ли вполнѣ Лукинъ въ первые годы своей молодости о той страшной

силѣ, которою онъ обладалъ, неизвѣстно; но первый опытъ этой силы грустно и тяжело отозвался въ его доброй душѣ.

Вскорѣ по выпускѣ изъ корпуса, Лукинъ поздно ночью шелъ по Адмиралтейской площади. Въ то время Адмиралтейская площадь отъ Зимняго дворца до Сената представляла громадноо пустое пространство, еле освѣщенное ночью чуть мелькавшими масляными фонарями. Лукинъ шелъ въ шубѣ, лѣвая рука была въ рукавѣ, а правая на свободѣ подъ шубой; вдругъ на него сзади нападаютъ два человѣка: одинъ схватываетъ его за лѣвую руку и тащитъ шубу, другой уже успѣлъ ее сдернуть съ праваго плеча; но въ этотъ моментъ Лукинъ правою рукою наотмашку даетъ ударъ въ лицо человѣка стащившаго шубу, тотъ какъ снопъ грянулся на землю; другой же, видя паденіе товарища, бросился бѣжать. Оправившись отъ такого неожиданнаго нападенія, Лукинъ идетъ на адмиралтейскую гауптвахту и заявляетъ о случившемся караульному офицеру. Принесенный человѣкъ оказался адмиралтейскимъ плотникомъ; кулакъ Лукина буквально раздробилъ и своротилъ челюсть несчастнаго. Эта исторія тяжелымъ камнемъ легла у Лукина на душу.

Первый опытъ силы, выказанный Лукинымъ въ Англіи, въ которой онъ пробылъ два года, случился при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Лукинъ обѣдалъ въ трактирѣ; послѣ обѣда вошелъ

онъ въ билліардную посмотрѣть на игравшихъ. Тамъ онъ спросилъ себѣ стаканъ пунша; отпивъ немного онъ поставилъ стаканъ на подоконникъ отвореннаго окна, а самъ началъ продолжать смотрѣть на игру. Черезъ нѣсколько времени онъ обращается къ своему пуншу и находитъ стаканъ пустымъ. Это удивило Лукина; не говоря ни слова, онъ спросилъ себѣ другой стаканъ пунша; отпивъ отъ него, поставилъ и этотъ стаканъ на то же мѣсто и, смотря на играющихъ, сталъ незамѣтно наблюдать и за стаканомъ. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ къ стакану подходитъ джентльменъ и разомъ его осушаетъ. Такая дерзость взволновала Лукина, но онъ умѣлъ себя удержать и спокойно, какъ будто ничего не бывало, приказываетъ слугѣ принести миску пунша, да побольше; взявъ эту чашу, онъ подходитъ къ выпившему его стаканы и говоритъ: «Вы, кажется, большой любитель пунша, не угодно ли вамъ выпить эту посудину. Покорно прошу». Джентльменъ вошелъ въ амбицію; всѣ находившіеся въ билліардной, видя Лукина съ чашей, подошли къ нему. Лукинъ уже серьезно замѣтилъ: «Вы выпили два моихъ пунша; русскіе не скупы на угощеніе; если не выпьете теперь этой миски, то я вылью ее вамъ на голову». При этихъ словахъ въ толпѣ послышался недружелюбный говоръ, а любитель чужого пунша отвѣтилъ крупною дерзостью. Тогда Лукинъ, недолго ду-

мая, приподнимаетъ миску и окатываетъ джентльмена пуншемъ съ ногъ до головы. Вся билліардная тутъ разразилась бранью, и всѣ бывшіе тутъ англичане съ кіями и кулаками подступали къ Лукину. Онъ подошелъ къ окну и приготовился къ оборонѣ. Вдругъ изъ окружавшей его толпы выходитъ человѣкъ огромнаго роста, плечистый, съ сжатыми кулакамя, готовый дать хорошій боксъ, но Лукинъ моментально предупреждаетъ боксера; схватываетъ его поперекъ туловища, въ воздухѣ только мелькаютъ двѣ ноги и боксеръ уже за окномъ. Къ счастью, оно не было высоко. Спровадивъ боксера, Лукинъ проворно схватываетъ одною рукою за ножку стоявшій близъ него деревянный увѣсистый табуретъ и съ этимъ оружіемъ становится въ оборонительное положеніе. Англичане, озадаченные такими подвигами, невольно отступили отъ Лукина и вступили съ нимъ въ переговоры. Когда же объяснилось дѣло, то Лукинъ единогласно былъ объявленъ правымъ. На другой день всѣ лондонскія газеты разсказывали про силу Лукина.

У Лукина была любимая собака «Бомсъ», такая же сильная и скромная, какъ хозяинъ. Однажды, когда онъ возвращался съ нею по довольно глухой мѣстности, вдругъ его останавливаютъ два мошенника; одинъ къ груди Лукина приставляетъ пистолетъ, требуя хриплымъ голосомъ кошелекъ, другая же личность становится въ отдаленіи. Лу-

кинъ хотя и былъ озадаченъ такимъ требованіемъ, но не растерялся. У меня денегъ нѣтъ, а есть часы!—отвѣтилъ онъ флегматически, запуская лѣвую руку за бортъ своего сюртука, и въ тотъ же моментъ правою рукою схватываетъ руку и пистолетъ мошенника; а вѣрный «Бомсъ» по знаку хозяина кидается на грудь другого товарища и сваливаетъ его на землю. Мошенникъ съ пистолетомъ неистово заревѣлъ, когда Лукинъ своею рукою стиснулъ его руку и пистолетъ вмѣстѣ. Послѣ нѣсколькихъ пожатій Лукинъ выпустилъ руку мошенника: она и пистолетъ оказались измятыми и крѣпко изуродоваными. Отобравъ отъ мошенника пистолетъ себѣ на память, Лукинъ покинулъ грабителей, давъ имъ добрый совѣтъ быть осторожнѣе.

Однажды императрица Марія Ѳеодоровна, знавшая лично Лукина, пригласила его обѣдать въ Павловскъ и за обѣдомъ пожелала видѣть его силу. Лукинъ взялъ двѣ серебряныя тарелки въ обѣ руки, свернулъ въ дудочку самымъ легкимъ образомъ и поднесъ государынѣ; свернены обѣ тарелки были такъ искусно, что нельзя было сказать, что тутъ двѣ тяжелыя серебряныя тарелки. При отправленіи изъ Кронштадта синявинской эскадры, Александръ I посѣтилъ корабль «Рафаилъ», которымъ командовалъ Лукинъ, и замѣтилъ, что онъ очень грустенъ. На вопросъ о причинѣ, Лукинъ отвѣчалъ,

что онъ чувствуетъ, что не воротится болѣе на родину (что и случилось: непріятельское ядро разорвало Лукина на двѣ части въ Аѳонскомъ сраженіи); государь сказалъ ему нѣсколько милостивыхъ словъ и пожелалъ отъ Лукина имѣть что-нибудь на память о его силѣ. Тогда Лукинъ досталъ изъ кармана цѣлковый, слѣпилъ изъ него, какъ будто изъ воску чашечку и подалъ государю.

Говоря выше о нашихъ историческихъ силачахъ, какъ о Лукинѣ, Чагинѣ и друг., мы не можемъ не упомянуть объ обладавшемъ феноменальной силой поручикѣ Телѣгинѣ, служившемъ въ былые годы на Кавказѣ, въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку. Офицеръ этотъ — лихой во всѣхъ отношеніяхъ — имѣлъ одну физическую особенность: при большой силѣ онъ обладалъ такою крѣпкою головою, что ею, какъ тараномъ, отворялъ любую запертую дверь. Таранъ этотъ онъ употреблялъ съ особеннымъ успѣхомъ противъ армянъ-духанщиковъ и противъ персіянъ, имѣвшихъ привычку надоѣдать назойливымъ предложеніемъ фруктовъ и чурековъ. Телѣгинъ, не любившій персіянъ за брата, убитаго подъ Дербентомъ, подзывалъ разносчика и затѣмъ наносилъ ему въ животъ такой ударъ головою, что тотъ отлеталъ кувыркумъ на нѣсколько саженъ и, распластавшись на землѣ, кричалъ: «Аллахъ,

Аллахъ». Телѣгинъ пріѣзжалъ въ Екатериноградъ, гдѣ товарищи, шутки ради, сами вызывали его на единоборство; составлялись пари, собьетъ ли онъ съ ногъ или не собьетъ того или другого офицера. Это былъ своего рода спортъ.

ГЛАВА IX.

Загадочныя личности.

Въ первой четверти текущаго столѣтія въ Петербургѣ жило не мало загадочныхъ иностранцевъ; въ ряду такихъ былъ извѣстенъ миліонеръ графъ В—кій, происхожденіемъ полякъ; онъ находился въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ выдающимися людьми всей Европы; его хорошо принимали при многихъ дворахъ. Обхожденіе, манеры, образъ жизни, все обнаруживало въ немъ человѣка, привыкшаго къ высшему обществу, а жилъ онъ въ Петербургѣ, какъ настоящій герцогъ временъ Людовика XIV. Обѣды его считались самыми гастрономическими, вина тончайшія, щедрость его была изумительная, вкусъ во всемъ изящный, рѣчь увлекательная и характеръ самый веселый и уживчивый.

Судя по его расходамъ, онъ считался богатѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, въ родѣ графа Монте-Кристо. Въ домѣ его играли въ карты, и онъ игралъ

превосходно во всѣ игры, выигрывалъ большія суммы, но и проигрывалъ иногда пріятно; его называли beau joueur, что тогда считалось весьма хорошимъ качествомь въ свѣтскомъ человѣкѣ. Многіе предполагали, что В—кій составилъ себѣ состояніе игрою, но гдѣ и какъ—никто не зналъ. Въ тѣ годы азартныя игры процвѣтали всюду; тогда правосудіе думало, что публичная открытая игра не такъ опасна, какъ тайная.

Нѣсколько разъ искусные шулера составляли противъ В—каго союзы, чтобы обыграть его навѣрняка, и каждый разъ жестоко платились. Contre coquin, coquin et demi, говаривалъ В—кій и очищалъ шулеровъ до послѣдней копѣйки; иногда онъ возвращалъ деньги нѣкоторымъ, если они ему нравились, а чаще отдавалъ выигранное на бѣдныхъ.

Неизвѣстно, былъ ли В—кій таковъ всегда, напримѣръ, въ молодости, но въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ игралъ честно, чрезвычайно искусно и счастливо. Какъ клевета не изощрялась на выдумки, но истины о немъ она никогда не узнала, хотя нѣсколько разсказовъ и доходило до общества. Такъ, были люди, которые видывали В—скаго за границей и не въ блестящемъ видѣ, впрочемъ, онъ и самъ никогда не запирался, когда ему говорили правду, не объясняя, однако-жъ, подробностей и не распространяясь въ разсказахъ. Напримѣръ, его спрашивали:

— Правда ли, что князь Сапѣга встрѣтилъ васъ въ крайней бѣдности въ Галиціи?

— Правда,—отвѣчалъ онъ,—я былъ безъ куска хлѣба и безъ гроша денегъ, и князь сдѣлалъ мнѣ добро, котораго я никогда не забуду.

— Какъ это было?—приставали къ нему.

На этотъ вопросъ В—кій уже отвѣчалъ неохотно.

— Это для васъ не интересно, а для меня скучно.

Дѣйствительно, въ молодости онъ имѣлъ большую страсть къ картамъ и доигрался въ одномъ изъ карточныхъ притоновъ до того, что долженъ былъ ради куска хлѣба поступить въ маркеры въ трактиръ. Въ то время между богатыми и знатными поляками было не мало эксцентриковъ, которые, несмотря на свое положеніе и состояніе, искали повсюду приключеній. Такимъ былъ и богатый князь Сапѣга, постоянно рыскавшій по Европѣ и въ теченіе своей жизни сдѣлавшій много тайнаго добра; съ него, какъ думали, Евгеній Сю и списалъ своего князя Рудольфа въ «Парижскихъ тайнахъ».

Въ Польшѣ повсюду въ городахъ метали банкъ и штосъ, и всюду тамъ были шайки игроковъ, которые разъѣзжали по ярмаркамъ, какъ купцы съ товарами. Изъ историческихъ игорныхъ домовъ извѣстны встарину были, какъ теперь Монако, «Серебряная зала» въ Вильнѣ, «Зала Ней-

манъ» въ Варшавѣ, въ которой была послѣ главная квартира князя Барклая де-Толли, затѣмъ «Hôtel de Hambourg», и многіе другіе.

Въ старинной Польшѣ родители бѣдныхъ дворянъ отправляли дѣтей своихъ въ свѣтъ для исканія счастія, или, какъ говорили тогда, «на волокитство за фортуной». Передъ отправленіемъ имѣли еще обычай растянуть ихъ на коврѣ въ гостиной, т. е. въ лучшей комнатѣ своего дома, и всыпать сто ударовъ плетью ни за что, ни про что, безъ всякой вины, единственно для внушенія осторожности и притупленія гордости.

Обычай польской знати и съ нею шляхты посѣщать Петербургъ и искать тамъ счастья начался со временъ Екатерины II; государыня очень покровительствовала полякамъ, какъ и ея наслѣдникъ, императоръ Павелъ I, и почти всѣ пріѣзжавшіе получали мѣста какъ при дворѣ, такъ и въ военномъ и гражданскомъ вѣдомствахъ. Графъ А. С. Ржевускій разсказываетъ, что онъ, возвратясь домой изъ Петербурга, встрѣтилъ на станціи графа Северина-Потоцкаго, ѣхавшаго въ Петербургъ. Это было въ началѣ польской революціи, въ 1793 году. Они были пріятели, и Ржевускій спросилъ, зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Петербургъ.—«Въ Польшѣ у меня ничего не осталось,—отвѣчалъ Потоцкій,—а теперь единственная пора, что человѣкъ съ именемъ можетъ все пріобрѣсти при русскомъ дворѣ. Ѣду за всѣмъ!» — примолвилъ

онъ, смѣясь. И, дѣйствительно, Северинъ-Потоцкій пріобрѣлъ все въ Россіи — онъ былъ сенаторомъ и попечителемъ Харьковскаго университета.

Императрица Екатерина II привлекла своими милостями многихъ поляковъ и посредствомъ браковъ старалась соединить такихъ поляковъ съ русскими, которые были особенно покровительствуемы императрицею. Графъ Сологубъ, князь Любомірскій и князь Пенинскій женились на трехъ дочеряхъ Л. А. Нарышкипа, графъ Віелгорскій на графинѣ Матюшкиной, Д. Л. Нарышкинъ женился на княжнѣ Маріи Антоновнѣ Четвертинской, графъ В. Зубовъ на Потоцкой и т. п. Родителямъ предоставлено было на волю избирать вѣроисповѣданіе для ихъ дѣтей, въ той увѣренности, что въ третьемъ поколѣніи дѣти отъ русскихъ отцовъ и матерей примутъ православіе, что и исполнилось почти безъ исключенія—сынъ графа Сологуба былъ католикъ, а внукъ его (писатель) — православнымъ, равно какъ и князья Любомірскіе и т. д.

Графъ В — кій жилъ въ Петебургѣ, въ домѣ графини Браницкой (теперь домъ князя Юсупова, на Мойкѣ), затѣмъ купилъ собственный домъ на Большой Морской, на углу Почтамтскаго переулка. Комнаты В—каго были меблированы съ большимъ великолѣпіемъ. По возвращеніи Крузенштерна изъ путешествія во-

кругъ свѣта, привезенные на корабляхъ «Надежда» и «Нева» товары продавались съ аукціона на Гороховой, въ правленіи россійско-американской компаніи, и вся знать съѣзжалась туда ежедневно любоваться произведеніями Китая и Японіи. Графъ В—кій купилъ лучшія вещи на нѣсколько большихъ комнатъ, шелковые обои, китайскія и японскія вазы, фарфоръ, бронзу и т. д., которыми и убралъ комнаты. Онъ имѣлъ богатое собраніе картинъ лучшихъ мастеровъ. Но что составляло истинное богатство этого миліонера —это колекція драгоцѣнныхъ камней и рѣдкихъ ювелирныхъ вещей, которыя находились въ витринахъ за стеклами въ его кабинетѣ. Колекція его золотыхъ эмалированныхъ табакерокъ считалась первою въ Европѣ; между ними находились извѣстныя въ цѣломъ свѣтѣ двѣнадцать эмалированныхъ табакерокъ съ живописью знаменитаго Петито. Табакерки эти нѣкогда принадлежали французскому королю и о нихъ существовало много разсказовъ. Нѣсколько столовыхъ сервизовъ В—каго изумляли тоже богатствомъ и изяществомъ,—особенно золотой сервизъ со вставленными драгоцѣнными каменьями. Между рѣдкостями В—каго былъ извѣстный цѣлому свѣту его сапфиръ, измѣнявшій свой цвѣтъ послѣ захожденія солнца и послужившій извѣстной французской романисткѣ г-жѣ Жанлисъ предлогомъ написать повѣсть. Въ настоящее время такіе

камни, какъ описанный сапфиръ, теряющій свою окраску при искусственномъ освѣщеніи, не представляютъ рѣдкости; сапфиры, переходящіе при свѣчахъ въ фіолетовый и розоватый цвѣтъ, цѣнятся въ десять разъ ниже тѣхъ, которые не теряютъ своей настоящей синей окраски. Такихъ камней и помимо сапфировъ въ настоящее время существуетъ много, какъ напр., хризоберилы, дихроиты и т. д.

Все высшее петербургское общество навѣщало В—каго,—у него была тьма друзей: онъ обладалъ помимо всегдашней своей любезности еще двумя важными качествами, которыя въ свѣтѣ имѣютъ силу волшебныхъ талисмановъ,—умѣлъ отлично угощать и кстати дарить. При такихъ свѣтскихъ добродѣтеляхъ графъ отличался широкою благотворительностью: онъ сыпалъ деньги во всѣ благотворительныя учрежденія. Виленскому университету онъ подарилъ свою рѣдкую колекцію минераловъ, которая теперь хранится въ Кіевскомъ университетѣ.

Говоря объ источникахъ его богатства, мнѣ кажется, нельзя ошибиться, если сказать, что онъ пріобрѣлъ его торговлей драгоцѣнными камнями, картинами и табакерками. Всѣ петербургскіе ювелиры собирались у него ежедневно, какъ на биржу, по утрамъ, и приносили вещи или брали ихъ изъ его витринъ. У него извѣстный ювелиръ Я. Д. Дюваль велъ даже переписку съ Парижемъ, Лон-

дономъ и Амстердамомъ, и черезъ тогдашняго банкира барона Раля имъ переводились за границу и получались оттуда огромныя суммы денегъ. Въ дѣлахъ В—каго все обнаруживало торговлю, но велъ онъ ее секретно, черезъ другихъ. Въ то время въ обществѣ охотнѣе принимали ловкихъ шулеровъ и разныхъ темныхъ авантюристовъ, чѣмъ купцовъ. Графъ В—кій имѣлъ внѣшность вельможи, онъ выѣзжалъ въ нарядной польской или венгерской шорной закладкѣ, въ богатой собольей шубѣ, крытой зеленымъ бархатомъ, съ звѣздою Станислава на покрышкѣ, и въ такомъ видѣ никто не могъ бы заподозрить въ немъ продавца алмазовъ. Покупать бриліанты въ тѣ годы было очень выгодно, да и знатоковъ было очень немного. Я знавалъ одного старика, продавца дорогихъ камней, которому удалось купить въ одномъ аристократическомъ домѣ у наслѣдника всѣ фамильные бриліанты за какіе-нибудь сто рублей, когда цѣна ихъ колебалась въ суммѣ свыше трехсотъ тысячъ рублей. Въ томъ видѣ, въ какомъ были куплены бриліанты, даже самый опытный глазъ искуснаго ювелира не могъ бы признать ихъ за настоящіе. Покупка случилась какъ разъ въ годъ смерти Александра Благословеннаго. При дворѣ былъ тогда трауръ, и придворныя дамы, которыя являлись ко двору, не надѣвали бриліантовъ; но какъ избавиться отъ укоренившейся привычки? И вотъ одна вла-

дѣлица замѣчательныхъ бриліантовъ, чтобы не разлучаться съ ними, придумала слѣдующую хитрость: для того, чтобы отнять у нихъ сильный блескъ, она покрыла ихъ густо лакомъ; иначе сказать прикрыла ихъ траурнымъ крепомъ; такіе потускнѣвшіе бриліанты впослѣдствіи и были проданы наслѣдниками за простые стекла.

О старыхъ выгодныхъ покупкахъ драгоцѣнностей существуютъ цѣлыя легенды. Вѣкъ романовъ, я думаю, и теперь не прекратился, человѣческія страсти всегда были сильны. Старые петербургскіе ювелиры всѣ знали, что знаменитое алмазное ожерелье Маріи Антуанеты, надѣлавшее столько шума въ Европѣ своимъ скандальнымъ процессомъ, было продано въ Петербургѣ графу В—кому однимъ таинственнымъ незнакомцемъ, впослѣдствіи довольно извѣстнымъ лицомъ въ Москвѣ. Знаменитое алмазное ожерелье было сдѣлано парижскимъ ювилиромъ Бемеромъ. Это великолѣпное украшеніе стоило 1.800,000 ливровъ. Царское украшеніе состояло изъ многихъ рядовъ и одинъ изъ нихъ въ 17-ть великолѣпныхъ бриліантовъ въ орѣхъ величиною.

Въ 1784 году придворные ювелиры представили королевѣ Маріи-Антуанетѣ это бриліантовое ожерелье рѣдкой красоты. Людовикъ XVI отказался отъ покупки,—цѣна была слишкомъ высока, и сказалъ, что на эти деньги можно построить цѣлый корабль. Въ это время былъ придворнымъ

епископомъ кардиналъ де-Роганъ, нѣкогда посланникъ въ Вѣнѣ, не одобрявшій брака съ Маріей-Антуанетой, чего впослѣдствіи не прощала ему королева. Де-Роганъ хотѣлъ быть первымъ министромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ страстно влюбленъ въ королеву. Это обстоятельство хорошо знала графиня де-Ламотъ, женщина съ довольно подозрительной репутаціей. Она вкралась въ довѣріе кардинала и убѣдила его въ мнимой своей близости къ королевѣ. Къ Рогану также явился на подмогу знаменитый алхимикъ Каліостро, у котораго кардиналъ просилъ сверхъестественнаго содѣйствія въ его страсти къ королевѣ. При помощи Каліостро де-Ламотъ увѣрила де-Рогана, что ожерелье будетъ желаннымъ подаркомъ для королевы, за которымъ послѣдуетъ взаимность. Была пріискана дѣвица Олива, очень похожая станомъ на королеву, и вечеромъ въ Версальскомъ саду Роганъ былъ обманутъ: мнимая королева оказала ему вниманіе.

Ювелирамъ графиня де-Ламотъ сказала, что королева покупаетъ ожерелье тайно отъ короля, но съ разсрочкою платежа; графиня взялась доставить ожерелье королевѣ, но вмѣсто того, украла его. Ювелиры, не получая денегъ, бросились въ Версаль. Королева пожаловалась королю. Кардинала въ полномъ облаченіи передъ обѣднею арестовали и привели въ кабинетъ къ королю, а оттуда его уже прямо отвезли въ Бастилію; арес-

товали и графиню де-Ламотъ, которая отъ всего отказалась, сваливъ вину на волшебника Каліостро; послѣдній тоже былъ схваченъ.

Процесъ вышелъ очень скандальнымъ, судьи не столько обвиняли преступниковъ, сколько дѣлали для власти оскорбительные намеки. Разбирательство длилось долго, возникла даже цѣлая литература по дѣлу ожерелья. Парламентъ оправдалъ Рогана и подставную дѣвицу Оливу.

Каліостро былъ подвергнутъ изгнанію, графиня де-Ламотъ подверглась публичному наказанію плетью и клейменію, а такъ какъ она вырывалась у палачей, кусала ихъ зубами, вертѣлась, почему клеймо у плеча вышло неявственно, то оно было повторено; посаженная потомъ въ тюрьму, она успѣла бѣжать и, какъ свидѣтельствуютъ иностранные источники, умерла въ Англіи, но, на самомъ дѣлѣ она бѣжала въ Россію, сперва жила въ Петербургѣ, гдѣ сошлась съ послѣдовательницами извѣстной г-жи Крюднеръ, и затѣмъ проживала на южномъ берегу Крыма. Въ шестидесятыхъ годахъ, пишущій эти строки хорошо зналъ одну старушку швейцарку, мадамъ Л—ге, которая нѣкоторое время была у де-Ламотъ компаньонкой; де-Ламотъ жила здѣсь подъ именемъ графини де-Гаше; это была довольно красивая, худая старушка, ходившая въ сѣромъ полумужскомъ платьѣ, на головѣ она носила черный бархатный беретъ съ перьями.

Баронеса М. А. Боде въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что она имѣла лицо умное и пріятное, съ живыми блестящими глазами; она говорила бойко и увлекательно изящнымъ французскимъ языкомъ; о ея странностяхъ и намекахъ, о ея таинственныхъ приключеніяхъ ходило много разсказовъ; она это знала и молчала, не отрицая и не подтверждая догадокъ; иногда она даже любила возбуждать ихъ, будто ненарочною обмолвкою съ людьми образованными, а легковѣрныхъ и простыхъ мѣстныхъ жителей нарочно сама запутывала таинственными намеками.

О королѣ Людовикѣ XVI и графѣ Каліостро и о разныхъ личностяхъ той эпохи она говорила, какъ о лицахъ своего знакомаго кружка. Графиня де-Ламотъ умерла въ Крыму, оставивъ своимъ душеприказчикомъ барона Боде. Служившая ей старая армянка, какъ говоритъ дочь барона Боде, передавала еще, что она, какъ только почувствовала себя дурно, провела всю ночь, разбирая и бросая въ огонь свои бумаги, запретила трогать свое тѣло и велѣла похоронить себя въ чемъ была; говорила, что ея тѣло потребуютъ и увезутъ, что много будетъ споровъ и раздоровъ при ея погребеніи.

Эти предсказанія, однако, не сбылись; ее хоронили православный и армянскій священники за неимѣніемъ католическаго. Служившая ей армянка мало могла удовлетворить общему любо-

пытству; покойница рѣдко допускала ее къ себѣ и употребляла ее лишь для черной работы; только обмывая ее послѣ смерти, армянка замѣтила на плечѣ ея два пятна, очевидно, выжженыя желѣзомъ.

Вигель въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о ней, что она никогда не снимала лосиной фуфайки. Это также передавала мнѣ нѣкогда служившая у ней швейцарка, мадамъ Л—ге; послѣдняя добавляла, что графиня нерѣдко передъ смертью прихварывала и часто бредила бриліантами, и по ночамъ разсматривала драгоцѣнности, которыя она хранила въ желѣзномъ ларцѣ, и что этотъ ларецъ, какъ она сама видѣла, взялъ передъ ея смертью сосѣдъ ея. M-me Л—ге не отвергала и того, что прибывшимъ послѣ ея смерти офицеромъ изъ Петербурга были запечатаны всѣ ея вещи; послѣднихъ, впрочемъ, оказалось очень немного, одинъ большой сундукъ набитъ былъ разнымъ мужскимъ платьемъ.

Похищеніе бриліантовъ сосѣдомъ не составляло большой тайны для многихъ крымскихъ старожиловъ, они разсказывали это не стѣсняясь. Баронеса Боде въ своихъ воспоминаніяхъ передаетъ, что едва успѣлъ дойти въ Петербургъ слухъ о смерти графини, какъ пріѣхалъ курьеръ съ требованіемъ ея запертаго ларчика, который, будто бы, и былъ немедленно отправленъ въ столицу.

Она слышала, что за этою женщиною власти наблюдали давно, полиціи хорошо было извѣстно, что она графиня Ламотъ-Валуа, укрывшаяся въ Россію подъ именемъ графини де-Гаше; послѣднее имя она получила отъ эмигранта, за котораго вышла замужъ гдѣ-то въ Англіи.

Та же баронеса передаетъ, что императоръ Александръ I случайно услыхалъ отъ извѣстной англичанки Бирчъ, во время разговора послѣдней съ императрицей, о графинѣ де-Гаше; при этомъ имени онъ невольно воскликнулъ: «Она здѣсь?! А сколько разъ меня о ней спрашивали, и я всегда отвѣчалъ, что ея нѣтъ въ Россіи. Гдѣ она?» М-мъ Бирчъ пришлось повторить императору все, что она знаетъ про эту эмигрантку.— «Привезите ее завтра сюда». Бирчъ отправилась къ ней съ этимъ извѣстіемъ.—«Что вы сдѣлали, вы меня погубили, съ отчаяніемъ говорила графиня, я погибла». Послѣ свиданія съ государемъ графиня возвратилась успокоенная и очарованная его благосклонностью.— «Онъ обѣщалъ мнѣ тайную защиту», говорила она. Послѣ этого графиня переѣхала изъ Петербурга въ Крымъ. Графиня де-Ламотъ похоронена на кладбищѣ Старо-Крымской церкви.

Надо думать, что о цѣлости знаменитаго ожерелья у де-Ламотъ зналъ и пріѣзжавшій въ Россію при императорѣ Павлѣ I аббатъ Жоржель, авторъ извѣстнаго труда «Affaire du Collier. Paris 1785».

Собственно это не книга, но переплетенное собраніе тѣхъ судебныхъ документовъ, которые были напечатаны и изданы разными сторонами въ этомъ знаменитомъ процесѣ объ ожерельи. Эти бумаги, переплетенныя въ два тома in quarto, съ портретами, картинами, съ замѣтками, пасквильными пѣснями и тому подобное, иногда самаго нецензурнаго свойства. Это одинъ изъ обширнѣйшихъ сборниковъ лжи, какіе только существуютъ въ печати.

Въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія пріѣзжалъ въ Москву довольно загадочный человѣкъ, выдававшій себя за барона Жерамба. Онъ носилъ всегда черный гусарскій мундиръ и на груди серебряную мертвую голову. Онъ увѣрялъ, что этотъ мундиръ и мертвая голова были присвоены полку, который онъ сформировалъ въ Австріи во время войны. Баронъ былъ очень ловкій, остроумный и любезный человѣкъ, принятый въ лучшіе дома. Онъ, кажется, былъ извѣстенъ въ обществѣ и литературными произведеніями. Такъ, во время пребыванія своего въ Москвѣ онъ обратилъ сердечное вниманіе свое на одну дѣвицу и, не смѣя въ томъ признаться, написалъ въ альбомѣ ея брата: «Prince, je vous adorerais, si vous étiez votre soeur». Онъ разъѣзжалъ по Москвѣ въ щегольской каретѣ цугомъ, игралъ широко въ карты и проигрывалъ довольно значительныя суммы. Наконецъ, денежныя средства его, пови-

димому, истощились. Въ подобной крайности, какъ разсказываетъ кн. Вяземскій, онъ обратился къ извѣстной княгинѣ Дашковой съ письмомъ такого содержанія: онъ видѣлъ Родосскій колоссъ, египетскія пирамиды и подобныя тому чудеса, и не умретъ спокойно, если не удостоится увидать княгини Дашковой.

Старушка была тронута этимъ лестнымъ привѣтомъ и пригласила его къ себѣ. Въ первое же свое посѣщеніе онъ попросилъ у княгини дать ему въ займы 25 т. руб. Княгиня, разумѣется, ихъ не дала и знакомство ихъ на этомъ и кончилось.

Извѣстно, что Дашкова отличалась большою скупостью, и если давала деньги, то едва ли иначе, какъ за проценты; у меня имѣется заемная росписка орловской помѣщицы Кокуриной, по которой была взята крупная сумма денегъ на проценты отъ княгини, чрезъ посредство графа Сантиса, бывшаго повѣреннымъ въ денежныхъ дѣлахъ Дашковой.

Жерамба кончилъ жизнь монахомъ. Когда русскія войска вступили въ Парижъ, многіе офицеры, знавшіе Жерамба въ Москвѣ, нашли его трапистомъ, подъ именемъ отца Жерамба.

До нашествія Наполеона на Москву, проживала тамъ весьма загадочная личность, нѣкто графъ Визапуръ, происхожденіемъ арабъ, черный, какъ смоль, съ характерными чертами негра. Онъ былъ

очень образованный человѣкъ, прекрасно объяснялся по французски, писалъ недурно стихи и былъ принятъ въ высшемъ обществѣ, къ которому, видимо, и самъ принадлежалъ по воспитанію. Онъ долго искалъ себѣ невѣсту, пока одна изъ дочерей одного помѣщика, бывшаго богатаго купца-сахароторговца З., не вышла за него. Этотъ бракъ для молодой дѣвушки считали неравнымъ и кто-то сложилъ по этому случаю стишки:

Нашлась такая дура,
Что не спросясь Амура,
Пошла за Визапура.

Отъ этого брака рождались дѣти двухъ цвѣтовъ—черныя и бѣлыя, послѣднихъ тогда называли въ Москвѣ «сахарными».

Графъ Визапуръ, благодаря достатку своей жены, широко угощалъ высокопоставленныхъ москвичей и кормилъ рѣдкими въ тѣ годы хорошими устрицами. Визапуръ разсылалъ устрицы даже незнакомымъ лицамъ. Князь Долгоруковъ, извѣстный поэтъ, бывшій владимірскій губернаторъ, разсказывалъ, что «этого чернаго человѣка, по происхожденію араба, я никогда не видалъ въ лицо, и онъ мнѣ совершенно былъ незнакомъ, но вдругъ получилъ отъ него съ эстафетой большой пакетъ и кулечекъ; я не зналъ, что подумать о такой странности, въ пакетѣ я нашелъ коротенькое

письмо на свое имя, въ четырехъ французскихъ стихахъ, и двѣнадцать самыхъ лучшихъ устрицъ, и съ тѣхъ поръ по странной случайности:

«Которыхъ гдѣ при мнѣ за столъ ни подадутъ,
А въ памяти моей графъ Визапуръ, какъ тутъ».

Въ запискахъ С. П. Жихарева находимъ упоминаніе объ этомъ Визапурѣ слѣдующее: «въ церкви у Димитрія Солунскаго, черномазый Визапуръ, не знаю—графъ или князь, намедни пришелъ въ такой восторгъ отъ пѣвчихъ, что осмѣлился аплодировать; полиціймейстеръ Алексѣевъ приказалъ ему выйти».

Визапуръ до прихода Наполеона куда-то скрылся изъ Москвы, но существуетъ извѣстіе, онъ вскорѣ былъ пойманъ въ окрестностяхъ столицы нашими казаками; у него найдены были подозрительныя письма и шифрованныя депеши, за что онъ и былъ разстрѣлянъ въ полѣ.

ГЛАВА X.

Историческіе самодуры вельможи.

Въ числѣ историческихъ замѣчательныхъ самодуровъ въ екатерининское время извѣстны были два сибирскихъ губернатора — Д. И. Ч — нъ и В. В. На — нъ. Первый изъ нихъ у сибиряковъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «батюшки», второй — «шалуна». Д. И. Ч — нъ былъ роста средняго, красивъ лицомъ, ловокъ и тѣлосложенія крѣпкаго; вспыльчивъ онъ былъ до безконечности. По крутости характера, легко выходилъ за предѣлы, но при самоуправствѣ, которое дѣлало его страшнымъ въ народной молвѣ страны, онъ скоро смягчался, въ разговорѣ любезничалъ, любилъ веселое препровожденіе времени, давалъ балы, вечера.

Обычные народные праздники, какъ, напримѣръ, масляницу, Ч — нъ праздновалъ такъ: въ избранный день у губернаторскаго крыльца стояли нарядныя огромныя сани, устланныя ков-

рами, съ бесѣдками-балдахинами, мягко и богато убранными. Ч—нъ съ дамами и свитою садится въ сани и отправляется въ сопровожденіи гайдуковъ и драгунъ, а впереди другія, также огромныя сани, съ музыкантами.

У извѣстныхъ домовъ поѣздъ останавливается, музыканты бѣгутъ въ прихожую, хозяинъ и хозяйка ждутъ гостей у дверей. Первый гость подаетъ руку хозяйкѣ и, подъ музыку приплясывая, проходитъ комнаты, при общемъ подражаніи всѣхъ гостей, и тотчасъ выходитъ, уводя съ собою хозяйку и хозяина. Такимъ же образомъ заѣзжаютъ въ прочіе дома и увеличиваютъ поѣздъ. Потомъ катаются по городу и около горъ съ шумною музыкою и оканчиваютъ веселый день въ домѣ гостепріимнаго губернатора.

Ч—нъ жилъ очень пышно: дворня—съ гайдуками, скороходами, гусарами, арабами и проч. Такихъ прислужниковъ у него считалось болѣе трехсотъ человѣкъ. Въ высокоторжественные дни, сопутствуемый военными и гражданскими чиновниками, онъ ходилъ съ азіатскою пышностью въ соборъ, самъ облеченъ былъ въ мантію ордена св. Александра Невскаго, со скороходами и пажами впереди, а въ заключеніе кортежа слѣдовали гайдуки.

Ежедневно за столомъ онъ угощалъ болѣе пятидесяти человѣкъ, а въ праздничные дни давалъ большіе обѣды. Въ дѣлахъ онъ былъ трудо-

любивъ и не оставлялъ дѣлъ даже и тогда, когда у него танцовали гости, самъ онъ являлся только къ ужину. Страдая постоянно безсонницей, онъ по мѣсяцамъ превращалъ ночь въ день, издавая приказы, чтобы работали чиновники только ночью, а днемъ спали. Въ дни своего величаваго губернаторства, онъ разъ задумалъ у себя создать цѣлый сенатъ, въ родѣ римскаго, и сенаторами произвелъ всѣхъ учителей семинаріи, которые и были наряжены въ римскія тоги.

Когда онъ пріѣзжалъ въ сенатъ, ему говорилось латинское привѣтствіе, на которое онъ отвѣчалъ по латыни же. Въ дни его губернаторства утренняя и вечерняя заря, въ лѣтніе мѣсяцы, по отбитіи барабана, сопровождались особеннымъ церемоніаломъ: передъ губернаторскимъ домомъ становилась музыкальная и пѣвческая капеллы, и когда все затихало, послѣ отбоя барабана, разносились надъ городомъ усладительныя мелодіи изъ кларнетовъ и скрипокъ, оживляемое теноромъ или альтомъ пѣніе божественнаго стиха: «О всепѣтая Мати, рождшая всѣхъ святыхъ Свѣтлѣйшее Слово, нынѣшнее пріемши приношеніе, отъ всякой напасти избави всѣхъ и будущія намъ муки Тебѣ вопіющихъ: аллилуія!»

Ч—нъ, несмотря на любовь къ нему государыни, вскорѣ впалъ у нея въ немилость и получилъ выговоръ за лишнюю, во время голода, въ Сибири закупку провіанта, — онъ израсходо-

валъ 1,800,000 р., сверхъ опредѣленныхъ ему ста тысячъ рублей мѣдною монетою изъ Екатеринбурга.

При дворѣ у него было много враговъ и завистниковъ, которые воспользовались случаемъ представить поступокъ его дѣйствіемъ неограниченнаго властолюбія. Онъ подалъ въ отставку, которую вскорѣ и получилъ.

По полученіи отставки, жилъ онъ въ орловской деревнѣ, въ с. Ильинскомъ, гдѣ въ началѣ не бросалъ своей прежней пышной жизни, но, наконецъ, деревня становилась ему скучна, онъ сдѣлался угрюмымъ, задумчивымъ, началъ чуждаться людей, заперся въ свой кабинетъ, никого не видалъ и умеръ въ 1785 году, отвергая пищу и всѣ услуги своей дворни.

Второй изъ этихъ администраторовъ-самодуровъ Вас. Вас. На—нъ представляется личностью тоже очень сумасбродной, но еще не вполнѣ разгаданной. Онъ былъ—широкая русская натура, хорошо знакомая съ возникшимъ тогда ученіемъ энциклопедистовъ; судя по нѣкоторымъ его поступкамъ, онъ обнаруживалъ демократическія и соціальныя убѣжденія, для того чтобы пріобрѣсть популярность въ средѣ русскаго и бурятскаго населенія, имѣя, впрочемъ, цѣлью достигнуть отдѣленія Забайкалья отъ россійской короны. Дѣйствія его, пожалуй, можно объяснить и примѣрами общаго произвола и ненормальностью тогдашняго строя жизни.

В. В. Н — нъ былъ крестникъ императрицы Екатерины II. По пріѣздѣ изъ Петербурга въ Нерчинскій заводъ, Н — нъ одиннадцать мѣсяцевъ не выходилъ изъ дома, окна его квартиры были закрыты ставнями. Онъ ревностно занялся дѣлами, заботился о крестьянахъ, о хлѣбопашествѣ, о школѣ и т. д. Но, выйдя на Пасхѣ въ церковь, онъ заставилъ сначала служить обѣдню, а потомъ утреню. Въ слѣдующіе дни въ церковь его вводили подъ руки двѣ толстыя барыни, а онъ по дорогѣ приплясывалъ и пѣлъ пѣсни; чиновники шедшіе позади, тоже подпѣвали и притопывали.

Послѣ этого Н — нъ продолжалъ нерѣдко поучать народъ изустно и письменно, объясняя обязанности къ Богу, государю и ближнимъ; кромѣ того, дѣлалъ крестьянамъ умныя и практичныя наставленія по домохозяйству. Затѣмъ учредилъ праздникъ — «открытіе новой благодати» и, приказывая всѣмъ каяться во грѣхахъ, остановилъ заводскія работы и сталъ задавать народу обѣды, приготовляемые на нѣсколько сотъ человѣкъ.

На этихъ празднествахъ разжаловывалъ чиновниковъ, а арестантовъ производилъ въ чины, садилъ съ собою обѣдать и заставлялъ первыхъ прислуживать послѣднимъ. Въ служебномъ штатѣ у Н—на состояло нѣсколько человѣкъ изъ секретныхъ арестантовъ, вѣроятно людей съ образованіемъ. Изъ нихъ двое при немъ были секрета-

рями; кромѣ того, Н—нъ приблизилъ къ себѣ двухъ князей Гантимуровыхъ, замѣшанныхъ передъ тѣмъ въ исторіи самозванца Петра III.

Во время церемоніальныхъ празднествъ, которыя устраивалъ Н—нъ, происходила пальба изъ пушекъ и разбрасывались народу казенныя деньги, а когда денегъ въ казнѣ уже не оказалось, то онъ потребовалъ у купца Сибирякова и, окруживъ домъ его пушками, угрожалъ въ случаѣ отказа бомбардировкой. Испуганный Сибиряковъ вынужденъ былъ вынести ему на серебряномъ блюдѣ нѣсколько тысячъ рублей.

Н—нъ катался по городу въ экипажѣ, запряженномъ провинившимися передъ нимъ чиновниками. Подъ конецъ своего губернаторства Н—нъ предпринялъ военный походъ противъ иркутскаго губернатора Нѣмцова—изъ соперничества во власти. Походъ этотъ вышелъ какимъ-то опереточнымъ, веселымъ шествіемъ толпы бурятъ и мѣстныхъ жителей съ даурскимъ красныхъ гусаръ полкомъ, который онъ сформировалъ изъ бурятъ, съ пѣснями и музыкой; въ процесіи везли пушки и колокола. По дорогѣ въ деревняхъ звонили и стрѣляли, а чтобы увлечь еще болѣе народа, поили всѣхъ виномъ и разбрасывали въ толпу казенныя деньги. Въ степи, на отдыхахъ, кипѣли огромные котлы, въ которые сваливался цибиками чай и сахаръ; вино выставлялось бочками. Все это забиралось съ встрѣчныхъ обозовъ. Н—нъ совершилъ

такимъ образомъ шумный тысячеверстный походъ до Верхнеудинска, и только воевода этого города Тевяшевъ успѣлъ положить предѣлъ завоеваній этого «шалуна», какъ наименовала императрица Екатерина II этого сумасброда.

Въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія въ Сибири служилъ губернаторомъ Т—нъ, прозванный у жителей вторымъ Аракчеевымъ. Родомъ Т—нъ происходилъ изъ смоленскихъ священническихъ дѣтей. Это былъ величайшій оригиналъ; онъ не былъ золъ и жестокъ, но, какъ власть, былъ очень строгъ; вся полиція при немъ была доведена до совершенства, и зато во всей И—й губерніи не было ни грабежей, ни воровства; разсказывали, что всякій проѣзжій, забывшій въ домѣ крестьянина какую-нибудь вещь, непремѣнно былъ догоняемъ и получалъ забытое. Дороги и мосты были превосходны, деревни чисты, крестьяне были зажиточны, скота и лошадей много. О преступленіяхъ въ городѣ не было слышно. Что такое былъ Т—нъ въ этомъ городѣ—теперь трудно имѣть понятіе. Т—нъ и законы были синонимы.

По праздникамъ Т—нъ дозволялъ дамамъ цѣловать свою руку; изъ мужчинъ допускались къ рукѣ только старшіе чины и купцы первой гильдіи. Всѣ дамы цѣловали ручки у его супруги и у дочерей.

Разсказовъ о деспотической власти его мно-

жество. Жалобы не доходили до Петербурга, а если рѣдкая и прорывалась, то для того, чтобы не повторяться. Т—нъ былъ замѣчательно дѣятеленъ, работалъ онъ съ ранняго утра и до глубокой ночи, вникалъ во всѣ мелочи. Городъ при немъ превратился въ военное поселеніе. Не знали, когда спитъ Т—нъ: его можно было встрѣтить во всякое время дня и ночи, и встрѣтить скорѣе всего тамъ, гдѣ не ожидаете. Онъ, какъ сказочный халифъ Гарунъ-аль-Рашидъ, гулялъ въ простомъ платьѣ, заходилъ въ частные дома, замѣчалъ все: плохи ли были калачи на базарѣ, плохъ ли гороховый кисель, бывшій въ постахъ въ большомъ употребленіи въ Сибири. Зайдетъ, бывало, въ частный домъ и видитъ — мужъ съ утра ушелъ на работу, а жена сидитъ и попиваетъ чаекъ. «А что ты, матушка, приготовила мужу поѣсть?» — и въ печь, а въ печи ничего нѣтъ, — тотчасъ расправа. Онъ ходилъ всегда одинъ, но полицейскіе зорко слѣдили издали и тотчасъ являлись, куда нужно.

Наружное безобразіе города сильно возмущало Т—на и онъ его въ три года переломалъ и перестроилъ. Это была настоящая архитектурная революція, но онъ сломилъ ее. Управляя при военномъ губернаторѣ Пестелѣ обширнѣйшей въ мірѣ провинціей, онъ не имѣлъ понятія о томъ, что такое статистика и вообще терпѣть не могъ ученыхъ, считая науки занятіемъ пустымъ и безполезнымъ.

Онъ держалъ въ своихъ рукахъ мѣстнаго архіерея, приказывалъ ему являться на свои вечера; даже проповѣди въ торжественные дни послѣдній говорилъ не иначе, какъ съ распоряженія или по приказанію его, отдаваемымъ чрезъ полиціймейстера.

Онъ держалъ себя со всѣми какъ восточный властитель, заставляя даже вице-губернатора подавать ему шубу. Ежедневные офиціальные пріемы у него происходили въ девять часовъ утра; большая его прихожая всегда была полна служебнаго люда — казаки, полицейскіе офицеры, дежурные чиновники. Тишина полная, у глухой стѣны на разъ назначенныхъ мѣстахъ стояли чиновники съ бумагами, ни одинъ чиновникъ не смѣлъ пошевелить даже ногой или кашлянуть. Болѣе часа чиновники, какъ каменные, ожидали его выхода, не сводя глазъ съ маленькой двери, гдѣ долженъ былъ появиться Т—нъ. Появленіе его было очень характерное; являлся онъ, какъ мраморная бѣлая статуя Командора. На немъ былъ какъ снѣгъ бѣлый колпакъ, изъ подъ колпака длинные бѣлые волосы, рубашка со стоячимъ воротникомъ, безъ галстуха, какъ снѣгъ бѣлый халатъ, подпоясанный бѣлымъ кушакомъ, изъ-подъ халата внизу видно нижнее бѣлье, чулки и мягкія туфли безъ задковъ. Онъ не шелъ, а двигался, скользя туфлями.

Взятокъ лично онъ не бралъ, брала, по си-

бирскому выраженію, его супруга Трещиха. Она задалась задачею собрать для своихъ дѣтей, которыхъ было восемь, на каждаго по пуду асигнацій. Жена его имѣла огромное вліяніе на дѣла, она всегда была окружена молодыми, красивыми чиновниками, которыхъ называла своими дѣтками.

Она раздавала должности и брала взятки по важнымъ дѣламъ. Губернаторъ, говорили, не беретъ, а Трещихѣ надо поклониться.

Пріемъ у ней былъ слѣдующій: купи у нея мѣхъ соболій. Принесутъ мѣхъ, сторгуются тысячъ за пять: и мѣхъ возьмутъ назадъ, и деньги. Другому и третьему тоже. Одинъ этотъ мѣхъ разъ пятьдесятъ продавали. Въ большіе праздники, въ именины и т. д., Трещиха запросто угощала у себя купцовъ, съѣзжавшихся по этимъ днямъ исправниковъ и бурятскихъ тайшей, играла съ ними въ карты и понятно выигрывала, не говоря уже о подносившихся ей подаркахъ и всевозможныхъ припасахъ, доставлявшихся въ этотъ день въ домъ губернатора.

У нея былъ любимецъ откупщикъ Кузнецовъ, тоже замѣчательная личность, ловко обдѣлывавшая свои кабацкія дѣла. Впослѣдствіи онъ открылъ богатѣйшіе золотые пріиски, сдѣлался миліонеромъ, статскимъ совѣтникомъ и украсился орденами. Дочерей своихъ онъ отдалъ за титулованныхъ особъ. Мотовство его было безгранично: онъ однажды за одинъ визитъ запла-

тилъ доктору 50,000 рублей, а въ другой разъ 25,000 рублей.

При Т—нѣ въ Сибири взяточничество доходило до высшей степени; подарки разнаго рода отъ разныхъ обществъ и частныхъ лицъ ему уже некуда было дѣвать — и жена его открыла въ гостинномъ дворѣ лавку, гдѣ послѣдніе и продавались. Онъ ежегодно отправлялъ обозы всякаго добра въ Москву на сохраненіе къ своему брату; все присланное имъ до 1812 года сгорѣло при нашествіи французовъ, но и послѣ этого онъ продолжалъ присылку обозовъ.

Послѣ своей смѣны онъ, поселившись въ Москвѣ, притворился бѣднякомъ, водилъ дочерей въ заячьихъ салопахъ и, по бѣдности, просилъ даже у государя пособія; онъ входилъ съ прошеніемъ, прося извѣстнаго сановника Нарышкина. Кто тогда не зналъ о миліонахъ Т—на... Существуетъ преданіе, что онъ вывезъ изъ Сибири пуды асигнацій въ замороженныхъ осетрахъ; говорятъ, что послѣ его смерти въ одномъ изъ его дивановъ нашли въ подушкѣ болѣе 500 тысячъ рублей депозитками; предполагали, что объ нихъ забылъ покойный.

Съ опалой Т—на, по сибирскимъ преданіямъ въ чиновничьемъ мірѣ началась паника, въ родѣ той, какую описываютъ древніе лѣтописцы передъ паденіемъ царствъ. Не появлялось только невидимой руки, которая написала бы на стѣнѣ

его кабинета огненныя слова: «мани-факелъ-фаресъ», но видѣнія въ родѣ этого были.

Такъ, ему докладывали, что «нѣкошной» (чортъ) въ губернаторскомъ домѣ давилъ часового; — въ полночь отворялись двери, подъ поломъ бренчали кандалы; часовой отъ казначейства видѣлъ въ губернаторскомъ домѣ носимую большую свѣчу съ огнемъ, а другой, стоявшій на противной сторонѣ, былъ осыпанъ камнями и видѣлъ человѣка въ бѣлой рубахѣ.

Пошли несчастія во-очію, — совѣтникъ Кузнецовъ сталъ мѣшаться въ умѣ, бѣгалъ по улицамъ и хотѣлъ топиться въ Ангарѣ; другой секретарь его — Бѣлявскій тоже впалъ въ острое помѣшательство, сталъ неистовствовать и буянить. Несчастія, казалось, опережали одно другое, пришла изъ Петербурга вѣсть, что сынъ губернатора, еще молодой человѣкъ, въ азартѣ и неприличной компаніи убилъ бутылкой актрису и находился подъ судомъ.

Къ довершенію всего, пришло крайне печальное извѣстіе изъ Верхнеудинска о смерти самой губернаторши. Во время путешествія за Байкаломъ съ двумя любимцами, ее понесли лошади и убили до смерти. Узнавъ объ этомъ, Т—нъ рвалъ на себѣ волосы и горько плакалъ; замѣчательно, что всѣ эти горестныя событія дѣлались извѣстными губернатору по четвергамъ и почти въ одинъ часъ; невѣжество и суевѣріе видимо и здѣсь иг-

рали видную роль, сибирское общество не вѣрило, чтобы кто-нибудь могъ поколебать могущество этого человѣка, который придерживался строго одного только правила: кто не за насъ—тотъ противъ насъ, и преслѣдовалъ всѣхъ ему непокорныхъ. Совѣтника Корсакова за непокорность онъ выслалъ изъ И—й губерніи и предписалъ, отъ имени военнаго генералъ-губернатора, всѣмъ губернаторамъ не дозволять ему нигдѣ жить дольше трехъ дней и въ то же время не выпускалъ за предѣлы Сибири. Корсаковъ цѣлыхъ четыре года кружилъ по Сибири, какъ легендарный Вѣчный жидъ.

Сперанскій, смѣнивъ Т—на и главныхъ его пособниковъ, насчиталъ на нихъ взысканій на 2.847,000 руб. Подъ судъ было отдано болѣе 600 человѣкъ. Т—нъ былъ лишенъ чиновъ.

Выдающимся хлѣбосольствомъ и гостепріимствомъ отличались многіе изъ нашихъ вельможъ и помѣщиковъ стараго времени. Изъ такихъ большихъ хлѣбосоловъ былъ представитель сластолюбиваго XVIII вѣка, великолѣпный, покрытый бриліантами и окруженный всегда множествомъ всякой прислуги, канцлеръ Александръ Борисовичъ Куракинъ, правнукъ знаменитаго дипломата и своякъ Петра Великаго.

При Екатеринѣ II этотъ вельможа былъ сосланъ въ ссылку въ свое саратовское имѣніе. Причиною ссылки князя была обнаруженная во время путе-

шествія секретная переписка его съ флигель-адъютантомъ П. А. Бибиковымъ.

Когда проживалъ князь въ своемъ Надеждинѣ, все кипѣло жизнью шумной и полной всякаго довольства; учтивая, внимательная барская дворня прежняго времени по уши была занята услугами: большой наплывъ посѣтителей всегда былъ пріятенъ князю; часто многіе изъ бѣдныхъ дворянъ жили здѣсь по нѣсколько мѣсяцевъ, не смѣя, изъ скромности, представляться князю; они, все-таки, пользовались всѣми удобствами широкой барской жизни. Во дворѣ для выѣздовъ были всегда готовы экипажи и верховыя лошади, а на прудахъ ждали желающихъ шлюпки съ молодцами-гребцами.

Каждому изъ пріѣзжихъ гостей подавалась слѣдующая печатная инструкція: «Обрядъ и правила для здѣшняго образа жизни въ селѣ Надеждинѣ». Первое правило гласило: «хозяинъ, удалясь отъ суетъ и пышностей мірскихъ, желаетъ и надѣется обрѣсти здѣсь уединеніе совершенное, а отъ онаго проистекающее счастливое, и ничѣмъ непоколебимое спокойствіе духа»; второе — «хозяинъ почитаетъ хлѣбосольство и гостепріимство основаніемъ взаимственнаго удовольствія въ общежитіи. Слѣдственно, видитъ въ оныхъ пріятныя для себя должности»; третье—«всякое, здѣсь дѣланное посѣщеніе хозяину будетъ имъ принято съ удовольствіемъ и признаніемъ совершеннымъ»,

четвертое—«хозяинъ, наблюдая предметъ и пользу своего сюда пріѣзда, опредѣляетъ въ каждый день раздѣлять свое время съ жалующими къ нему гостьми отъ часу пополудни до обѣда, время обѣда и все время послѣ обѣда до 7-ми часовъ вечера»; пятое — «хозяинъ по вышеуказанному наблюденію опредѣляетъ утро каждаго дня отъ 7-ми часовъ до полудни—для разныхъ собственныхъ его хозяйственныхъ объѣздовъ осмотровъ и упражненій, а вечеръ каждаго дня, отъ 7-ми до 10-ти часовъ, опредѣляетъ онъ для уединеннаго своего чтенія или письма»; шестое — «хозяинъ проситъ тѣхъ, кои могутъ пожаловать къ нему на одинъ, или на два дня, или на многіе дни, чтобы, бывъ въ его домѣ, почитали себя сами хозяевами, никакъ не помня о немъ единственно въ семъ качествѣ, приказывали его людямъ всѣ подобныя для нихъ услуги и, однимъ словомъ, распоряжались бы своимъ временемъ и своими упражненіями отъ самаго утра, какъ каждый привыкъ и какъ каждому угодно, отнюдь не снаравливая въ провожденіи времени самого хозяина, который чрезъ то съ новою къ нимъ благодарностью получитъ всю свободу имъ принятое безостановочно и съ продолжительнымъ тщаніемъ выполнять; седьмое: «хозяинъ никогда не ужинаетъ, но всякій день, въ девять часовъ вечера, будетъ у него ужинъ готовъ для всѣхъ, пріобыкшихъ къ оному, и онъ, прося дозволенія отъ онаго

всегда отлучаться, просить также своихъ случающихся гостей, не смотря на его отсутствіе, за оный садиться и за онымъ самимъ хозяйничать».

Съ восшествіемъ на престолъ Павла Петровича, князь былъ отозванъ въ Петербургъ и на него тотчасъ посыпались нескончаемыя царскія милости. Въ теченіе одного мѣсяца Куракинъ получилъ чинъ тайнаго и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, званіе канцлера, орденъ св. Александра Невскаго и св. Андрея Первозваннаго, 5 т. душъ, 20 т. десятинъ земли въ Тамбовской губерніи и рыбныя ловли на Волгѣ.

При императорѣ Александрѣ I на его долю также не мало выпало почетныхъ должностей. Такъ, въ 1808 г. онъ былъ назначенъ русскимъ посломъ въ Парижъ, гдѣ и пробылъ до 1812 г.

Тамъ въ 1810 г. его постигло большое несчастіе: онъ едва не погибъ во время пожара на праздникѣ, данномъ австрійскимъ посломъ княземъ Шварценбергомъ, по случаю бракосочетанія Наполеона съ эрцгерцогинею Маріею-Луизою. Онъ очень обгорѣлъ, у него совсѣмъ не осталось волосъ, голова повреждена была во многихъ мѣстахъ и особенно пострадали уши, рѣсницы сгорѣли, ноги и руки были раздуты и покрыты ранами, на одной рукѣ обжогъ оказался на столько силенъ, что кожа слѣзла какъ перчатка. Спасеніемъ своимъ онъ отчасти былъ обязанъ своему мундиру, который весь былъ залитъ золотомъ; послѣднее до того

нагрѣлось, что вытащившіе его изъ огня долго не могли поднять его, обжигаясь отъ одного прикосновенія къ его одеждѣ. Независимо отъ здоровья, Куракинъ лишился еще во время суматохи бриліантовъ на сумму болѣе 70,000 франковъ, до которыхъ онъ былъ очень большой охотникъ.

Существуетъ рѣдкая гравюра, изображающая князя Куракина въ больномъ видѣ послѣ этого пожара. Князь Куракинъ былъ вытащенъ въ обморокѣ изъ толпы докторомъ Кфефъ, при содѣйствіи французскихъ офицеровъ. Платье на немъ тлѣлось и его тушили водою изъ лужи, между тѣмъ какъ другіе отрѣзывали бриліантовыя пуговицы его одежды. На этомъ балу погибло до двадцати жертвъ, въ числѣ которыхъ и жена князя Шварценберга. Потеря драгоцѣнностей исчислялась въ нѣсколько миліоновъ.

Выздоровленіе Куракина долгое время считалось сомнительнымъ, хотя лучшіе парижскіе врачи окружали его, въ томъ числѣ докторъ Наполеона. Получивъ немного облегченіе, онъ велѣлъ перенести себя въ бархатныхъ креслахъ, халатѣ и въ соломенной шляпѣ въ загородный свой домъ, находившійя въ окрестностяхъ Парижа. Служители его шли впереди по два человѣка въ рядъ, свита слѣдовала за нимъ; многочисленная толпа народа толпилась вокругъ него. Прибывъ въ Нельи князь Куракинъ произнесъ привѣтственную рѣчь жителямъ, вышедшимъ къ нему на встрѣчу.

Подъ конецъ своей жизни князь Куракинъ состоя членомъ Государственнаго Совѣта, жилъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ часто давалъ пышные обѣды и блистательные балы въ обширномъ своемъ домѣ на Большой Морской. Палаццо Куракина по вечерамъ горѣло огнями, огромный оркестръ гремѣлъ полонезы, толпа ливрейныхъ слугъ и офиціантовъ кишѣла въ комнатахъ, скороходы, разставленные на крыльцѣ, встрѣчали и провожали гостей.

На балахъ у Куракина разыгрывались безденежно, въ пользу прекраснаго пола, лотереи изъ дорогихъ вещей. Въ кругу лучшаго петербургскаго общества и всего дипломатическаго корпуса гостепріимный хозяинъ не разъ имѣлъ счастье принимать у себя царскую фамилію. Князь Куракинъ носилъ всегда глазетовый или бархатный французскій кафтанъ, на которомъ, какъ и на камзолѣ, всѣ пуговицы были бриліантовыя, звѣзды, какъ и кресты на шеѣ,—изъ крупныхъ солитеровъ. На правое плечо онъ надѣвалъ эполетъ бриліантовый или жемчужный, пряжки и шпагу имѣлъ алмазныя, даже петлю на шляпѣ—изъ бриліантовъ; кружева носилъ на груди и рукавахъ.

Куракинъ былъ большой педантъ въ одеждѣ: каждое утро, когда онъ просыпался, камердинеръ подавалъ ему книгу въ родѣ альбома, гдѣ находились образчики матерій, изъ которыхъ были сшиты его великолѣпные костюмы, и образцы платья; при

каждомъ платьѣ были особенная шпага, пряжки, перстень, табакерка и т. д.

Однажды, играя въ карты у императрицы, князь внезапно почувствовалъ дурноту: открывая табакерку, онъ увидалъ, что перстень, бывшій у него на пальцѣ, совсѣмъ не подходитъ къ табакеркѣ, а табакерка не соотвѣтствуетъ остальному костюму. Волненіе его было на столько сильно, что онъ съ крупными картами проигралъ игру; но, къ счастью, никто, кромѣ него, не замѣтилъ ужасной небрежности камердинера.

Въ Александровское время, когда самъ императоръ ѣздилъ въ одну лошадь и когда исчезли богатые экипажи и обложенныя галунами ливреи, въ Петербургѣ только одинъ Куракинъ сохранялъ прежній екатерининскій обычай и ѣздилъ въ вызолоченной каретѣ о восьми стеклахъ, цугомъ, съ однимъ форейторомъ, двумя лакеями и скороходомъ на запяткахъ, двумя верховыми впереди и двумя скороходами, бѣжавшими за каретой.

Князь Куракинъ во всю свою жизнь не оскорбилъ никого: отличительная его черта была—за всякую бездѣлицу быть благодарнымъ.

Съ благоговѣніемъ онъ хранилъ у себя столъ, за которымъ провелъ лучшее время своей жизни, обучаясь вмѣстѣ съ Павломъ Петровичемъ.

Куракинъ умеръ, въ 1818 году, въ Веймарѣ;

тѣло его перевезено и погребено въ Павловскѣ. Императрица Марія Ѳеодоровна воздвигла ему памятникъ съ надписью: «другу супруга моего», а братъ его, Алексѣй Борисовичъ, бывшій тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, подлѣ церкви, гдѣ былъ похороненъ князь, выстроилъ домъ для инвалидовъ.

Этотъ Куракинъ жилъ тоже пышно, но отличался необыкновенною гордостью. Въ его имѣніи, Орловской губерніи, Малоархангельскаго уѣзда, былъ цѣлый штатъ придворныхъ—полная пародія на дворъ; даже были и чины полиціи — на кладбищѣ сельской церкви села Куракина посейчасъ еще цѣлы могилы куракинскихъ крѣпостныхъ полиціймейстеровъ и камергеровъ.

При дворѣ князя соблюдался самый строгій этикетъ и нерѣдко даже родная его дочь дожидалась выхода князя по пяти и болѣе дней. Дочь его была замужемъ за графомъ Зотовымъ; она выведена въ романѣ «Война и миръ». Роскошный деревенскій домъ князя Куракина былъ въ пятьдесятъ комнатъ, съ залами въ два свѣта, галлереей въ помпейскомъ стилѣ и со всѣми затѣями былого барства.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ эта диковинка конца XVIII вѣка была въ недѣлю сломана какимъ-то молодымъ управляющимъ; одного желѣза было продано изъ него болѣе, чѣмъ десятокъ ты-

сячъ пудовъ, и мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, было распахано на коноплянникъ. Золотыя кареты и разные портшезы были тоже уничтожены тѣмъ же управляющимъ какъ ненужныя вещи, занимающія только мѣсто въ сараяхъ. Этому погрому былъ очевидцемъ пишущій эти строки.

ГЛАВА XI.

Остряки и шалуны.

Въ старину былъ извѣстенъ въ Москвѣ и Петербургѣ острякъ П. М. Лунинъ, замѣчательно падкій на разные ордена, которыми, впрочемъ, онъ самовластно себя жаловалъ. Послѣ многолѣтняго пребыванія заграницей, возвращается онъ въ Москву. Генералъ-губернаторъ, старый его пріятель, Д. В. Голицынъ, приглашаетъ его на большой и нѣсколько офиціальный обѣдъ. Передъ обѣдомъ кто-то замѣчаетъ хозяину дома, что у Лунина какая-то странная орденская бутоньерка на платьѣ. Князь Голицынъ, очень близорукій, подходитъ къ нему и, приставя лорнетку къ глазу, видитъ, что на этой пряжкѣ—звѣзды всѣхъ россійскихъ орденовъ, не исключая и георгіевской. «Чѣмъ это ты себя, любезнѣйшій, разукрасилъ?» спросилъ его князь съ улыбкой. — Ахъ, это дуракъ-Николашка, камердинеръ мой, все это мнѣ пришпилилъ. «Хорошо, сказалъ князь, — но все же лучше снять». Разумѣется, такъ и было сдѣлано

Вся фамилія Луниныхъ отличалась большими странностями, даже женщины изъ этого рода были большія чудачки. Такъ одна изъ близкихъ родственницъ вышеназваннаго Лунина, во время нашествія Наполеона на Москву, осталась въ столицѣ, и, во все время его пребыванія тамъ, ничего не боялась и разъѣзжала то и дѣло по городу цугомъ. Она была пожилая женщина и очень богатая. И только-что бывало услышитъ, что мы одержали какую-нибудь побѣду надъ непріятелемъ, велитъ заложить свою карету, сама разрядится какъ только возможно. Пріѣдетъ на какую нибудь площадь и махаетъ платкомъ изъ окна лакею, приказывая остановиться. «Стой, стой!» кричитъ; народъ сбѣжится смотрѣть, что за диковинка такая сидитъ въ каретѣ, въ цвѣтахъ и перьяхъ, со спущенными стеклами, а она то къ одному окну бросится, то къ другому и кричитъ проходящимъ: «Эй, голубчики, подите сюда; слышали, мы опять одержали побѣду, да, побѣду, да и какую, голубчики: разбили маршала такого-то!» Потомъ высунется изъ другого окна и то же самое повторяетъ. Накричится вдоволь и отправится дальше. Тамъ опять на рынкѣ или на площади опять закричитъ: «стой!» И опять кричитъ проходящимъ: «Побѣда, голубчики, побѣда!» И такъ все утро и разъѣзжаетъ по городу изъ конца въ конецъ.

Въ Петербургѣ, въ эти же годы проживала

m-lle Лунина, про эксцентричности которой въ столицѣ ходило очень много разсказовъ, злословіе про эту барышню тогда почти не знало границъ.

Лунина была львица большого свѣта. Она не была красавица. Лунина много путешествовала съ матерью, была во Франціи и Германіи, знала хорошо музыку и обладала прекраснымъ голосомъ. Въ Парижѣ, въ салонѣ королевы Гортензіи, она имѣла такой успѣхъ, что Наполеонъ просилъ ее пѣть въ дружескомъ кружкѣ, въ Тюльери. Этого было достаточно тогда, чтобы имя ее сдѣлалось знаменитымъ.

Жила она въ Петербургѣ, въ нижнемъ этажѣ дома князя Гагарина на Дворцовой набережной.— Разсказывали, что однажды рано утромъ, императоръ, совершая свою любимую прогулку по набережной, увидѣлъ, что кто-то вылѣзалъ изъ окна нижняго этажа. Потомъ черезъ оберъ-полиціймейстера онъ послалъ сказать хозяйкѣ квартиры, чтобы она остерегалась, потому что ночью къ ней могутъ влѣзть и похитить все, что у ней есть драгоцѣннаго. Разсказъ этотъ въ Петербургѣ повторялся со многими варіантами.

У Луниной хотя были живы отецъ и мать, но въ петербургскомъ обществѣ всѣ говорили: салонъ m-lle Луниной. Лунина вышла въ Италіи замужъ за какого-то пѣвца Риччи. Но дуэтъ окончился неудачно. Она въ сороковыхъ годахъ про-

живала въ Москвѣ, въ большой бѣдности, страсть къ пѣнію была причиною ея разоренія.

Но кто былъ замѣчателенъ по странностямъ, изъ Луниныхъ, то это декабристъ Михаилъ Лунинъ. Онъ слылъ за чрезвычайно остроумнаго и оригинальнаго человѣка. Тонкія его остроты отличались смѣлостью, хотя подчасъ и цинизмомъ, но это ему, какъ и его безчисленныя дуэли, сходило съ рукъ. Лунинъ сперва служилъ въ кавалергардскомъ полку, но колоссальные долги заставили его покинуть службу и уѣхать заграницу; здѣсь онъ сдѣлался католикомъ и проживалъ въ Парижѣ, на чердакѣ, перенося всякія лишенія, давая уроки и трудясь надъ трагедіей «Лжедмитрій»; это произведеніе Лунинъ написалъ на французскомъ языкѣ, который зналъ лучше родного, вслѣдствіе тогдашняго воспитанія.

По смерти своего отца, онъ неожиданно сдѣлался владѣльцемъ громаднаго состоянія, приносившаго ежегодно болѣе 200 т. дохода. Онъ возвратился въ Россію тѣмъ же манеромъ, какъ и уѣхалъ изъ нея—не испросивши дозволенія на возвращеніе, такъ какъ не считалъ себя бѣглецомъ. Онъ сѣлъ просто на корабль, прибылъ въ Петербургъ и отправился прямо безъ доклада въ кабинетъ къ князю Волконскому, жившему въ Зимнемъ дворцѣ. Волконскій, увидѣвъ внезапно Лунина, просто остолбенѣлъ.

Лунинъ былъ принятъ государемъ на службу

тѣмъ же чиномъ, только въ армію, служилъ въ Варшавѣ у цесаревича и былъ самымъ близкимъ къ нему человѣкомъ. Участвуя въ заговорѣ, сосланный въ Сибирь, онъ проживалъ въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ, затѣмъ жилъ на поселеніи.

Рѣзкія его статьи, которыя онъ печаталъ въ Англіи, навлекли на него новую немилость правительства, онъ былъ арестованъ и заключенъ въ акатуевскую тюрьму, гдѣ и умеръ скоропостижно.

Эксцентричность Лунина во время его военной службы доходила до невозможности: такъ, будучи молодымъ кавалергардскимъ офицеромъ, онъ побился объ закладъ, что проскачетъ нагимъ по Петербургу—и выигралъ пари.

Въ Петербургѣ въ двадцатыхъ годахъ проживалъ Д. М. Кологривовъ. Онъ, несмотря на свой крупный чинъ и весьма важное званіе, любилъ дурачиться, какъ школьникъ. Особенною страстью у Кологривова была страсть къ уличнымъ маскарадамъ, послѣдняя доходила до того, что онъ иногда наряжался старою нищею-чухонкою и мелъ тротуары. Завидѣвъ знакомаго, онъ тотчасъ кидался къ нему, требовалъ милостыню и въ случаѣ отказа бранилъ по-чухонски и даже грозилъ метлою. Онъ дошелъ до того, что становился въ Казанскомъ соборѣ среди нищихъ и заводилъ съ ними ссоры. Сварливую чухонку

отвели разъ даже на Съѣзжую, гдѣ она сбросила свой нарядъ и передъ ней же извинились.

Графъ Соллогубъ про него разсказываетъ: однажды государь готовился осматривать кавалерійскій полкъ, вдругъ передъ развернутымъ фронтомъ пронеслась маршъ-маршемъ неожиданная кавалькада. Впереди скакала во весь опоръ необыкновенно толстая дама, въ зеленой амазонкѣ и шляпѣ съ перьями. Рядомъ съ ней на рысяхъ разсыпался въ любезностяхъ отчаянный щеголь. За ними еще слѣдовала небольшая свита. Неумѣстный маскарадъ былъ тотчасъ же остановленъ. Дамою нарядился тучный князь Ѳ. С. Голицынъ, любезнымъ кавалеромъ оказался Кологривовъ. Шалунамъ былъ объявленъ выговоръ, но карьера ихъ не пострадала.

Однажды къ извѣстной благотворительницѣ Тат. Бор. Потемкиной пришли двѣ монахини просить подаянія. Монахини были немедленно впущены, войдя въ пріемную, онѣ кинулись на полъ, творили поклоны и умоляли о подаяніи. Растроганная Потемкина пошла въ спальню за деньгами, но вернувшись, остолбенѣла отъ ужаса, монашенки неистово плясали въ присядку. То были Кологривовъ и другой проказникъ.

Въ Москвѣ въ первой четверти этого столѣтія проживалъ большой оригиналъ князь Ц—въ, который также весьма любилъ наряжаться въ нищенскій костюмъ и на улицахъ играть роль

Гарунъ-аль-Рашида, исправляя народные нравы. Почти каждый день въ заплатанномъ костюмѣ ходилъ онъ, похожій на лакея, и въ этомъ видѣ бродилъ по рынку и заходилъ въ лавки и, гдѣ только встрѣчалъ обманъ или грубость, то тотчасъ, распахнувъ свой сюртукъ, подъ которымъ виднѣлась орденская звѣзда, нерѣдко собственноручно наказывалъ виноватаго, либо писалъ записку къ оберъ-полиціймейстеру и неосторожнаго тотчасъ же привлекали къ отвѣту.

Въ числѣ большихъ оригиналовъ въ Москвѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія были два брата С. Они собственно не принадлежали къ аристократическому обществу, но въ нѣкоторыхъ дворянскихъ кружкахъ пользовались даже знаменитостью. Оба были очень красивые, видные мужчины: въ нихъ выражался нѣкоторый разгулъ, нѣкоторое молодечество, признаки царствованія императрицы Екатерины II.

Въ 1806 г. находились они ополченцами въ одномъ отдаленномъ губернскомъ городѣ. Въ самое то время, предъ 12 декабря, днемъ рожденія императора Александра, губернаторъ входилъ съ представленіемъ къ высшему начальству, испрашивая дозволенія пить на предстоящемъ офиціальномъ обѣдѣ за здравіе государя императора малагою, а не шампанскимъ, потому что все шампанское, имѣвшееся въ губернскомъ городѣ и въ уѣздахъ, выпито братьями С.

Правнукъ знаменитаго Александра Даниловича Меншикова, князь Александръ Сергѣевичъ, одинъ изъ послѣднихъ сподвижниковъ императора Александра Благословеннаго, славился своимъ остроуміемъ. Остроуміе его надѣлало ему множество враговъ, но часто на него взваливали слова, какихъ онъ никогда не говорилъ. Воспитанникъ энциклопедистовъ XVIII вѣка, онъ стыдился мягкосердія и скрывалъ его подъ личиною насмѣшки, между тѣмъ на дѣлѣ онъ былъ впечатлителенъ и сострадателенъ. Одному изъ близкихъ ему лицъ случилось одинъ разъ увидѣть въ глазахъ его слезу, которую онъ не успѣлъ стереть. «Зачѣмъ скрываете вы добрыя волненія души? сказалъ онъ князю,—и то говорятъ про васъ, что вы не способны ни къ какому человѣческому чувству».—«Когда вы доживете до моихъ лѣтъ, отвѣчалъ князь,—вы убѣдитесь, что люди не стоятъ того, чтобы безпокоиться о ихъ мнѣніи».

Огласки своей благотворительности онъ опасался такъ, какъ будто она была дѣломъ позорнымъ, придумывалъ способы, какъ бы лучше это уладить, безпокоился о томъ, не разгласилось ли его благотвореніе, и на замѣчаніе, что его опасенія доходятъ до странности, онъ отвѣчалъ, смѣясь: «Я имѣю репутацію скупца; я дорожу этою репутаціею и не хочу ее портить». П. А. Бартеневъ говоритъ, когда ему былъ пожалованъ

домъ въ Петербургѣ на Англійской набережной, онъ внесъ въ инвалидный капиталъ отъ неизвѣстнаго сумму, равную стоимости дома.

Едва ли можно встрѣтить другого человѣка, оцѣниваемаго столь различнымъ образомъ не только различными, но и одними и тѣми же судьями, какъ князь Меншиковъ. Ума обширнаго, соображенія необыкновенно быстраго, памяти изумительной, князь съ независимостью мнѣній соединялъ безпредѣльную преданность и покорность самодержавному своему монарху.

До самой смерти князь сохранялъ свойственную ему одному художественность повѣствованія. Онъ не украшалъ разсказовъ ни однимъ отборнымъ словомъ, ни одною эфектною фразою; ни возвышеніе голоса, ни жестъ не шли къ нему на помощь. Устремивъ свои глаза на слушателя, князь спокойнымъ, почти лѣнивымъ голосомъ, обстанавливалъ прежде всего сцену, потомъ излагалъ событія съ такою отчетливостью, что въ представленіяхъ слушателя обрисовывалась живая картина, которая такъ сильно врѣзывалась въ память, что уже никогда не могла быть забыта. Князь прослужилъ 64 года и все время не переставалъ ни на минуту слѣдить за всѣми политическими событіями и за всѣми успѣхами науки.

Когда Меншиковъ былъ назначенъ въ Дрезденъ посланникомъ, то это назначеніе онъ счелъ

немилостью и подалъ въ отставку. Въ отставкѣ онъ страдалъ отъ бездѣйствія. Вотъ его личный разсказъ объ этомъ времени: «Измученный праздностью, страдая безсонницею, отъ нечего дѣлать, я отправился за совѣтомъ къ А. П. Ермолову. «Вы тоже были въ опалѣ, сказалъ я ему,—тоже въ отставкѣ послѣ дѣятельной жизни; скажите мнѣ, что вы сдѣлали, чтобы не сойти съ ума?»—«Любезный Меншиковъ, отвѣчалъ Ермоловъ,—я нанялъ деревенскаго попа учить меня по-латыни; прочиталъ съ нимъ Тита Ливія, Тацита, Горація, это чтеніе наполнило праздное время, укрѣпило во мнѣ духъ и дало мнѣ тотъ слогъ, который такъ нравится нашей молодежи». «Я послѣдовалъ было его совѣту: взялъ деревенскаго священника и сталъ повторять латынь, но учитель мой рѣдко бывалъ въ совершенно нормальномъ видѣ, а между тѣмъ подвернулся мнѣ сосѣдъ, мой почтенный Глотовъ, авторъ морской практики. Я вспомнилъ, что мнѣ предлагали черноморскій флотъ, и что я не могъ принять его потому, что не имѣлъ понятія о морскомъ дѣлѣ—и сталъ учиться у Глотова».

Меншиковъ въ теченіе своей жизни былъ извѣстенъ на многихъ поприщахъ жизни. Изъ одиннадцати мундировъ, право носить которые было ему предоставлено, онъ избралъ и предпочиталъ морской, и носилъ его постоянно въ Севастополѣ, когда былъ его защитникомъ. Ему разъ сказалъ

извѣстный Денисъ Давыдовъ: «Ты, впрочемъ, такъ умно и такъ ловко умѣешь приладить свой умъ ко всему: по части дипломатической, военной, морской, административной, за что ни возьмешься: поступи ты завтра въ монахи — въ шесть мѣсяцевъ будешь ты митрополитомъ». Меншиковъ былъ самый усердный придворный и ни что не могло заставить его не быть во дворцѣ въ дни, назначенные для пріѣзда ко двору.

Какой-то шутникъ утверждалъ, что когда въ придворной церкви при молитвѣ «Отче нашъ» поютъ: «но избави насъ отъ лукаваго», то князь Меншиковъ, крестясь, искоса глядѣлъ на Ермолова, а Ермоловъ дѣлалъ то же, глядя на Меншикова. Однажды, явившись во дворецъ, Меншиковъ, ставъ передъ зеркаломъ, спрашивалъ у окружающихъ: не велика ли борода у него? На это бывшій здѣсь же Ермоловъ отвѣчалъ ему: «Что-жъ, высунь языкъ, да обрѣйся!»

Въ другой разъ великій князь Михаилъ Павловичъ сказалъ про Меншикова: «Если мы будемъ смотрѣть на лицо князя съ двухъ противоположныхъ сторонъ, то одному будетъ казаться, что онъ насмѣхается, а другому—что онъ плачетъ». Это замѣчаніе великаго князя и острота Ермолова очень хорошо выражаютъ характеръ Меншикова.

На лицѣ Меншикова улыбка всегда была поддѣльная, чтобы скрыть впечатлительность, кото-

рой, какъ уже мы выше сказали, онъ всегда стыдился.

У князя Меншикова съ графомъ Клейнмихелемъ были какія-то личности. Въ шуткахъ своихъ князь не щадилъ вѣдомства путей сообщенія. Когда строились Исаакіевскій соборъ, постоянный мостъ чрезъ Неву и Московская желѣзная дорога, онъ говорилъ: достроенный соборъ мы не увидимъ, но увидятъ дѣти наши; мостъ мы увидимъ, но дѣти наши не увидятъ, а желѣзной дороги— ни мы, ни дѣти наши не увидятъ.

Во время работъ желѣзной дороги и моста было много толковъ. Дорогу все обѣщали кончить, а не было видно окончанія работъ; мостъ дѣлали быстро, но не многіе были увѣрены въ его прочности.

Когда же скептическія прочества его не сбылись, онъ при самомъ началѣ ѣзды по желѣзной дорогѣ говорилъ: «Если Клейнмихель вызоветъ меня на поединокъ, вмѣсто пистолета или шпаги, предложу ему сѣсть намъ обоимъ въ вагонъ и прокатиться до Москвы—увидимъ, кого убьетъ».

Передъ окончаніемъ постройки петербургско-московской желѣзной дороги, Клейнмихель отдалъ ее на откупъ американцамъ, заключивъ съ ними контрактъ. На основаніи этото контракта, въ первый годъ (съ октября 1851 года) американцы пускали поѣзда только по два, потомъ по три раза въ день, и каждый поѣздъ составляли не

болѣе, какъ изъ шести вагоновъ. Отъ этого товары лежали горами на станціяхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, а пассажиры третьяго класса по недѣлѣ не могли получить билета на проѣздъ. Кромѣ того, американцы, раздробивъ слѣдующую имъ плату по верстамъ, обольстили Клейнмихеля копѣечнымъ счетомъ, съ каждой версты они назначили себѣ по 1½ копѣйки серебромъ; но изъ этого, повидимому, ничтожнаго счета выходила огромная сумма и всѣ выгоды остались на сторонѣ американцевъ.

Въ февралѣ 1852 года, когда общій ропотъ по этому случаю былъ въ разгарѣ, прибылъ въ Петербургъ персидскій посланникъ со свитою. Императоръ приказалъ показать ему всѣ рѣдкости столицы, въ томъ числѣ и новую желѣзную дорогу. Сопровождавшіе персіянъ, исполнивъ это порученіе, подробно докладывали, что показано ими, и на вопросъ его величества: «Все ли замѣчательное показано на желѣзной дорогѣ?» отвѣчали: «все». Меншиковъ, находившійся при этомъ, возразилъ: «А не показали самаго рѣдкостнаго и самаго достопримѣчательнаго!» — «Что такое?» спросилъ государь. — «Контракта, заключеннаго графомъ Клейнмихелемъ съ американцами», отвѣчалъ Меншиковъ.

Въ описываемое время, на графа Клейнмихеля возлагались чрезвычайно разнообразныя обязанности. Онъ возобновлялъ Зимній дворецъ послѣ

пожара, ему подчинена была Медико-Хирургическая Академія, онъ строилъ желѣзную дорогу. Такія многосторонния обязанности возбуждали въ обществѣ остроты и большіе толки.

Въ одномъ иностранномъ журналѣ явилось извѣстіе, что возобновленіе Зимняго дворца поручено доктору медицины Клейнмихелю и въ столицѣ при каждомъ открытіи вакансіи важной государственной должности тотчасъ носились слухи, что на это мѣсто опредѣленъ будетъ Клейнмихель. Его назначали, по городскимъ слухамъ, и военнымъ министромъ, и министромъ внутреннихъ дѣлъ, и шефомъ жандармовъ.

Въ 1843 г., когда Клейнмихель былъ уже главноуправляющимъ путями сообщенія, умеръ митрополитъ Серафимъ. Слушая разговоры и предположенія о томъ, кто будетъ назначенъ митрополитомъ въ Петербургѣ, Меншиковъ сказалъ: вѣроятно, назначатъ графа Клейнмихеля.

Въ 1843 году военный министръ князь Чернышевъ былъ отправленъ на Кавказъ; предполагали, что онъ будетъ назначенъ главнокомандующимъ, а на мѣсто его будетъ Клейнмихель. Въ то время извѣстный военный историкъ Михайловскій-Данилевскій, заботившійся въ своемъ трудѣ о томъ, чтобы выдвинуть на первый планъ подвиги тѣхъ генераловъ, которые могли бы быть ему полезны, и такимъ образомъ проложить себѣ дорогу, приготовлялъ новое изданіе описанія

войны 1813—1814 гг. Это изданіе уже оканчивалось печатаніемъ. Меншиковъ сказалъ: «Данилевскій, жалѣя перепечатать книгу, пускаетъ ее въ ходъ безъ передѣлки; но вначалѣ сдѣлалъ примѣчаніе, что все написанное о князѣ Чернышевѣ относится къ графу Клейнмихелю». Когда умеръ Михайловскій-Данилевскій, Меншиковъ сказалъ: «вотъ и еще баснописецъ умеръ!».

Меншиковъ тоже недолюбливалъ графа Закревскаго, и когда тотъ послѣ восемнадцатилѣтней отставки былъ назначенъ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ и вскорѣ послѣ назначенія получилъ звѣзду св. Андрея Первозваннаго, не имѣя ни александровской, ни анненской, ни Владиміра 1-й степени, то Меншиковъ говорилъ: «чему тутъ послѣ того удивляться, что волтижерка Можаръ скачетъ черезъ ленту: Закревскій вотъ и на старости перескочилъ черезъ двѣ».

Когда весною въ 1850 г. Меншиковъ былъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ государемъ, то, разсуждая о храмахъ и древностяхъ Москвы, императоръ замѣтилъ, что русскіе справедливо называютъ ее святою. «Москва дѣйствительно святая, сказалъ съ смиреніемъ князь Меншиковъ, а съ тѣхъ поръ, какъ ею управляетъ графъ Закревскій, она и великомученица!»

Въ морскомъ вѣдомствѣ въ прежнее время производство въ генеральскіе чины шло очень туго и генеральскаго чина достигали только лю-

ди весьма старые, а полнаго адмирала очень уже престарѣлые. Этими стариками былъ наполненъ адмиралтействъ-совѣтъ и генералъ-аудиторіатъ морского министерства въ память прежнихъ заслугъ. Очень понятно, что смертность въ этихъ учрежденіяхъ была большая. И вотъ при одной изъ такихъ императоръ Николай Павловичъ спросилъ Меншикова: Отчего у тебя часто умираютъ члены адмиралтействъ-совѣта?— «Кто же умеръ?» спросилъ въ свою очередь Меншиковъ.—«Да вотъ такой-то, такой-то... сказалъ государь, насчитавъ три или четыре адмирала.— «О! ваше величество, отвѣчалъ князь, они уже давно умерли, а въ это время ихъ только хоронили!»

Во время венгерской кампаніи австрійцы дрались очень плохо и венгерскую кампанію, какъ извѣстно, окончили одни русскіе. Въ память этой войны всѣмъ русскимъ войскамъ была дана медаль съ надписью: «Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!» Меншиковъ сказалъ, что австрійскій императоръ роздалъ своимъ войскамъ медаль съ надписью: «Богъ съ вами!»

Въ 1859 году, когда начались натянутыя отношенія между дворами россійскимъ и турецкимъ, Меншиковъ былъ отправленъ въ Константинополь чрезвычайнымъ посломъ. Онъ былъ принятъ тамъ съ большою торжественностью, на встрѣчу ему вышелъ патріархъ, по всей дорогѣ были раз-

ставлены турецкія войска. Меншиковъ отнесся къ туркамъ съ большою гордостью, какъ посолъ монарха не просящаго, но повелѣвающаго. На смотру войскъ онъ былъ въ пальто съ хлыстикомъ; даже свита его была одѣта довольно небрежно. Съ этой небрежностью князь являлся на переговоры, когда первые чины дивана встрѣчали его со всѣми почестями. Переговоры длились, султанъ изъявлялъ согласіе, но недоброжелатели Россіи—англичане и французы—принуждали его пускаться въ азіятскія хитрости. Меншиковъ говорилъ, что диванъ здѣсь на англійскихъ пружинахъ.

Въ то время вездѣ стали заниматься верченіемъ столовъ и много говорили объ открытіи новой силы, которая заставляетъ отъ прикосновенія человѣческихъ рукъ ходить столы и другія вещи. Когда Меншикову говорили объ этомъ, онъ сказалъ: «у васъ вертятся столы, шляпы, тарелки, а отъ моего прикосновенія—диванъ завертѣлся!»

Отпуская изъ Константинополя чиновника, онъ на вопросъ послѣдняго, не прикажетъ ли его свѣтлость еще что-либо сказать: «больше ничего, отвѣчалъ Меншиковъ, по обыкновенію морщась и грызя ногти:—развѣ прибавь, пожалуй, что я здоровъ, что часто ѣзжу верхомъ, что теперь объѣзжаю лошадь, которая попалась очень упрямая, и что лошадь эту зовутъ—«Султанъ».

Во время Крымской войны командованіе арміею ему не удалось, но умъ его не могъ и здѣсь не обозначиться. Меншикова не любила армія, въ немъ было много такого, что отталкивало отъ него. Всегда наморщенный и недовольный, онъ никого не дарилъ ни привѣтомъ, ни одобреніемъ. Солдаты почти не видѣли его; генералы и офицеры не получали никакихъ наградъ. Передъ сраженіемъ не было молебствія, послѣ сраженія главнокомандующій не объѣзжалъ поля битвъ, не выражалъ соболѣзнованій объ умершихъ и раненыхъ.

Въ одной изъ первыхъ стычекъ нашихъ войскъ съ непріятелемъ, казакъ притащилъ плѣннаго французскаго офицера на арканѣ. Этотъ офицеръ, явившійся къ князю, жаловался, что казакъ билъ его плетью. Князь обѣщалъ строго взыскать съ виновнаго. Потребовавъ къ себѣ казака, Меншиковъ распросилъ его, какъ было дѣло. Донецъ разсказалъ, что офицеръ, во время битвы, три раза стрѣлялъ въ него изъ пистолета, но ни разу не попалъ, что за это—онъ накинулъ арканъ на плохого стрѣлка и притащилъ его къ себѣ, точно далъ ему столько же ударовъ плетью, сколько разъ тотъ прицѣлился. Князь расхохотался.

Пригласилъ къ себѣ плѣннаго офицера, при немъ, обращаясь къ казаку, Меншиковъ началъ дѣлать строгій выговоръ, объясняя ему, что

онъ обязанъ уваженіемъ и къ плѣннымъ офицерамъ. Все это князь говорилъ ему на французскомъ языкѣ и казакъ, ничего не понимая, только моргалъ глазами. Съ гнѣвомъ подалъ знакъ рукою, чтобъ казакъ вышелъ вонъ, князь обратился къ плѣнному и спросилъ, доволенъ ли онъ рѣшеніемъ? Французскій офицеръ низко кланялся и не находилъ словъ благодарить князя. По удаленіи плѣннаго, Меншиковъ снова потребовалъ казака, благодарилъ его уже по-русски за храбрость и ловкость и наградилъ его орденомъ.

Въ бытность князя морскимъ министромъ, во флотѣ служилъ капитанъ-лейтенантъ Ю—ръ, который вынужденъ былъ, по разнымъ обстоятельствамъ, перейти въ штатъ полиціи, гдѣ вскорѣ назначенъ былъ частнымъ приставомъ. Получивъ эту должность, Ю—ръ счелъ обязанностью откланяться министру. Князь принялъ его благосклонно и, обратясь къ своимъ подчиненнымъ, сказалъ: «Вотъ человѣкъ, всѣ части свѣта обошелъ, а лучше второй Адмиралтейской — не нашелъ!»

При одномъ многочисленномъ производствѣ генералъ-лейтенантовъ въ слѣдующій чинъ (полнаго генерала), Меншиковъ сказалъ: «этому можно порадоваться; такимъ образомъ многіе худые генералы наши пополнѣютъ».

Извѣстные въ свое время Бибиковы: Дмитрій,

Илья и Гаврило Гавриловичи, въ петербургскомъ обществѣ извѣстны были: первый — за гордеца, выводившаго свой родъ чуть-чуть не отъ Юпитера; второй—за игрока, а третій—за хвастуна. Князь Меншиковъ говаривалъ, что изъ Бибиковыхъ одинъ надувается, другой продувается, а третій другихъ надуваетъ.

Особенно много анекдотовъ Меншиковъ разсказывалъ про бывшаго министра финансовъ Вронченку, но большая часть изъ нихъ не годится для печати; когда же послѣ смерти графа Вронченки былъ назначенъ министромъ финансовъ товарищъ его, П. Ф. Брокъ, то Меншиковъ замѣтилъ: «Видно плохими оставилъ наши финансы Врончеико, когда ужъ прибѣгнули и ко Броку (къ оброку)».

Послѣ освященія Кремлевскаго дворца императоръ роздалъ многія награды, но всѣхъ болѣе былъ награжденъ вице-президентъ комитета для построенія дворца тайн. сов. баронъ Боде: ему данъ былъ слѣдующій чинъ, алмазные знаки св. Александра, званіе камергера и медаль, осыпанная бриліантами, цѣною въ 10,000 р. сер. На это Меншиковъ сказалъ: «Что тутъ удивительнаго? Графъ Сперанскій составилъ одинъ сводъ законовъ и ему дана одна награда — св. Андрея, а вонъ Боде—сколько сводовъ наставилъ!»

Когда пріѣхалъ въ Россію итальянскій пѣвецъ Рубини, онъ еще сохранялъ все плѣнительное

искусство и несравненное выраженіе пѣнія своего, но голосъ его уже нѣсколько измѣнялъ ему. Спрашивали князя Меншикова, почему онъ не поѣдетъ хоть разъ въ оперу, чтобы послушать Рубини.—«Я слишкомъ близорукъ, отвѣчалъ онъ, не разглядѣть мнѣ пѣнія его».

Императоръ Николай Павловичъ однажды посѣтилъ Пулковскую обсерваторію. Не предупрежденный о посѣщеніи высокаго гостя, начальникъ ея, Струве, въ первую минуту смутился и спрятался за телескопъ. Что съ нимъ? спросилъ императоръ у Меншикова. — Вѣроятно, испугался, ваше величество, увидавъ столько звѣздъ не на своемъ мѣстѣ.

ГЛАВА XII.

Замѣчательные скупцы, неряхи и вруны.

Русскіе скупые люди, по общности своей страсти, мало отличаются отъ скупыхъ другихъ странъ, всѣ ихъ дѣйствія болѣе или менѣе одинаковы. Скряга мѣряетъ все на вѣсъ золота, кромѣ денегъ, для него не существуетъ ничего и страсть къ нимъ съ годами не только не слабѣетъ, но, напротивъ, усиливается все болѣе и болѣе. Скряга вѣчно трепещетъ за свое богатство и старается какъ можно искуснѣе скрыть его отъ постороннихъ взоровъ; одинъ прячетъ свои деньги въ подвалы, другой опускаетъ капиталы свои подъ полъ, третій никогда съ ними не разстается, четвертый безпрестанно перекладываетъ съ одного мѣста на другое и такъ далѣе до безконечности.

Въ Москвѣ лѣтъ сорокъ тому назадъ, на Мясницкой улицѣ, жили въ своемъ пустынномъ домѣ мужъ и жена Ку—вы, страшные богачи; помимо

дома, имѣли большое подмосковное имѣніе и нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ земли въ великорусскихъ губерніяхъ. Старики Ку—вы были именно тѣмъ и замѣчательны, что не знали, куда бы имъ спрятать свои деньги. Мысль эта терзала ихъ постоянно, она мучила ихъ днемъ и бросала въ жаръ и холодъ ночью, когда не спятъ воры. Ку—вы ежечасно перемѣщали свою шкатулку: они относили ее въ коровникъ, зарывали въ саду передъ окнами, и сами стояли на караулѣ день и ночь; разъ они схоронили свои капиталы на городскомъ кладбищѣ, въ другой разъ они болѣе мѣсяца каждую ночь развозили свои деньги по городу въ каретѣ и только утромъ, когда разсвѣтало, возвращались домой.

Однажды лѣтомъ, собираясь въ деревню, они какъ на бѣду, передъ самымъ отъѣздомъ получили много банковыхъ билетовъ; чтобы спрятать ихъ, они придумали зарыть билеты въ золу подъ лежанку, на которой десятки лѣтъ лежала слѣпая, разбитая параличемъ, жена ихъ дворника.

Возвратясь домой,—представьте себѣ весь ихъ ужасъ,—они вдругъ видятъ, что дворникъ развелъ подъ лежанкой огонь, чтобы согрѣть больную свою старуху. Быстрѣе птицы бросаются они къ мѣсту преступленія, хватаютъ воду, заливаютъ огонь и руками разбрасываютъ горящія головешки. Въ отчаяніи кричатъ: «насъ разорили, разорили, сожгли наши деньги!» Бранясь и плача,

имъ кое-какъ удалось, наконецъ, высвободить большую часть денегъ, до половины истребленныхъ огнемъ. Много хлопотъ надѣлали имъ эти деньги; старикъ такъ и умеръ, ходя къ министру и по банкамъ, прося ихъ размѣнять или перемѣнить. Много ходило разсказовъ въ Москвѣ про ихъ скупость. Вечеромъ ихъ комнаты никогда не были освѣщены; когда имъ докладывалъ единственный ихъ слуга-дворникъ о пріѣздѣ кого-нибудь, то онъ или она, смотря по пріѣзжему, т. е. его ли это гость или ея, выходили изъ внутренней комнаты со свѣчкою въ рукѣ. Когда же гость былъ общій, то мужъ и жена, встрѣчаясь въ противоположныхъ дверяхъ и завидя другъ друга, спѣшили задуть свѣчу, такъ что гость оставался совершенно впотьмахъ.

Разсказывая про стариковъ Ку—выхъ, которые не знали, куда прятать деньги, нельзя не вспомнить другого богача-скрягу, бывшаго доктора Б—го, который, чтобы напугать воровъ, украсилъ свои комнаты разными предметами ужаса: онъ расписалъ стѣны своей квартиры картинами, которыя изображали ужасныя или отвратительныя сцены и возбуждали страхъ или отвращеніе зрителя; у входной двери въ его квартиру стоялъ скелетъ женщины, убившей своего отца. Этотъ скелетъ замѣнялъ ему вѣшалку. У кровати красовался колосальный скелетъ бывшаго солдата, казненнаго за убійство. Третій ске-

летъ повѣсившейся старухи помѣщался у стола; между ребрами помѣщалъ онъ салфетки, ножи, ложки и вилки. Сахарница его состояла изъ распиленнаго на половину черепа дѣтоубійцы, а должность щипцовъ исправляла большая бедреная кость. Трубка его была выдолблена изъ локтевой кости отравленнаго ребенка, а разныя небольшія кости употреблялись для чистки трубки, вмѣсто зубочистокъ и т. д.

Посреди такой угрюмой обстановки жилъ скряга-докторъ. Этотъ образцовый скупецъ занемогъ съ горя и досады на возрастающую за послѣдніе годы дороговизну съѣстныхъ припасовъ, которыхъ онъ, впрочемъ, и не былъ большимъ потребителемъ; его единственная старуха-кухарка утверждала, что онъ давно бы повѣсился, еслибъ ему не жаль было денегъ на веревку. Наконецъ, болѣзнь его приняла опасный оборотъ и свела его въ могилу. За нѣсколько минутъ до смерти онъ съ трудомъ приподнялся на постели и послѣднимъ вздохомъ своимъ задулъ свѣчу, стоявшую подлѣ него на столѣ; вѣроятно, онъ думалъ въ эту минуту, что можно умереть впотьмахъ.

На той же петербургской улицѣ, гдѣ жилъ докторъ-скряга, проживалъ другой богачъ, проводившій дни свои въ уединеніи, окруженный однѣми деньгами всѣхъ сортовъ. Это былъ купецъ-раскольникъ. Вмѣсто того, чтобы прятать свои деньги, онъ раскладывалъ ихъ по полу своей ком-

наты. Въ его комнатѣ, куда никто не входилъ, потому что нечего было въ ней убирать, лежало нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Однажды въ эту комнату забѣжала со двора собака, толкнула нечаянно столъ, у котораго недоставало ножки, столъ упалъ и деньги разсыпались по полу. Въ продолженіе двухъ десятковъ лѣтъ, которые суждено было еще прожить этому чудаку, онъ не поднялъ ни стола, ни денегъ, а удовольствовался только тѣмъ, что раздвинулъ ихъ ногами и проложилъ такимъ образомъ тропинку отъ постели къ двери и окошку.

Послѣ его смерти потребовалось нѣсколько дней, чтобы собрать всѣ его деньги. Большая часть его богатствъ была найдена за шкафомъ, часть за половикомъ и много золота въ проѣденныхъ молью валенкахъ. Странная судьба постигла богатства этого чудака. Когда умеръ старикъ, никто не могъ сказать; трупъ его былъ найденъ чуть ли не на второй недѣлѣ послѣ смерти,—родственниковъ у него не оказалось въ Петербургѣ и приводить въ порядокъ наслѣдство сталъ мѣстный квартальный надзиратель съ понятыми.

Исторія наслѣдства передаетъ слѣдующее: однѣхъ золотыхъ монетъ было собрано пять мѣшковъ, а серебра и бумажекъ цѣлыхъ два сундука; но наслѣдники врядъ ли получили и одинъ сундукъ съ серебромъ: деньги куда-то испарились.

Въ числѣ лицъ, обуреваемыхъ большою ску-

постью, была извѣстная княгиня В., жена высокопоставленнаго сановника. Она одѣвалась болѣе чѣмъ скупо, въ какіе-то лохмотья. Изъ экономическихъ видовъ она не имѣла никогда при себѣ горничной и всѣ ея обязанности исправлялъ при ней старый лакей.

Въ жизни она была скупа до смѣшного, до крайности. Такъ, являясь въ гости къ своимъ знакомымъ, она имѣла обыкновеніе прятать въ свои карманы сахаръ, сухари, булки. Путешествуя заграницей, она пріѣхала къ своему старому знакомому, у котораго и поселилась въ его палацо; онъ уступилъ ей лучшую комнату съ тѣмъ, что она будетъ заботиться объ ея отопленіи.

Княгиня часто ходила гулять одна по городу, и разъ, когда она возвращалась съ прогулки, онъ встрѣтилъ ее самъ въ передней, хотѣлъ снять съ нея бурнусъ, но она, не допустивъ этого, поспѣшила въ свою комнату. Но, увы! посреди этихъ церемоній ротонда распахнулась и изъ подъ нея къ ногамъ хозяина выпало большое полѣно. Княгиня, заручившись имъ во время своей прогулки, несла его для своей печки. Можно представить себѣ послѣдовавшую комическую сцену. При всей своей скупости княгиня, однако, не была глуха къ бѣднымъ и благотворила истинно нуждающимся щедрою рукою.

Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія вечеромъ или рано утромъ на Миліонной улицѣ

можно было встрѣтить прогуливающагося невысокаго роста, съ умною добродушною физіономіей, старика, лѣтомъ всегда безъ шляпы съ ермолкою на лысой головѣ и въ халатѣ, подвязанномъ краснымъ фуляромъ вмѣсто пояса.

Старику этому всегда сопутствовалъ одѣтый въ ливрею лакей. Эта оригинальная личность въ свое время пользовалась большою извѣстностью въ столицѣ. Домъ его на Милліонной былъ самый богатый аристократическій, а владѣлецъ его, князь Г—нъ, служилъ генералъ-адъютантомъ у двухъ императоровъ Павла I и Александра I.

Послѣ смерти своей красавицы-жены князь сдѣлался философомъ-отшельникомъ и, разочаровавшись въ людяхъ, возлюбилъ однѣхъ птицъ и собакъ; о своей наружности, прежде очень красивой, князь не помышлялъ болѣе и ходилъ такимъ неряхой, какого другого и не найти. Смерть жены подѣйствовала на него вначалѣ такъ сильно, что онъ заперся, никуда не выходилъ, никого не принималъ, даже родныхъ; не было друга, который могъ бы ободрить, успокоить, утѣшить его.

Въ первое время единственнымъ его развлеченіемъ была прогулка по саду, устроенному на дворѣ надъ конюшнями и сараями, въ которомъ посрединѣ стоялъ мраморный бюстъ его жены. Князь жилъ въ третьемъ этажѣ, куда вела круглая лѣстница. Первая зала была освѣщена сплошными окнами, упирающимися въ полъ. Всѣ стѣны

этой комнаты были заставлены полками съ книгами; за неимѣніемъ мѣста на полкахъ множество книгъ валялось на полу.

Петербургскіе книгопродавцы обязаны были всѣ вновь вышедшія или полученныя изъ-за границы книги немедленно доставлять князю. По прочтеніи или просмотрѣ, книжка бросалась въ библіотечную кучу. Слѣдующая затѣмъ комната была бильярдная. По стѣнамъ висѣли прекрасныя картины, изъ которыхъ многія подарены были императоромъ Павломъ, съ его печатью сзади картинъ. Въ этой комнатѣ по всѣмъ угламъ и около бильярда поставлены были сосновыя и еловыя большія вѣтви, на которыхъ сидѣли, порхали, чирикали сотни чижей, снѣгирей, синицъ и другихъ птичекъ.

Все это летало по волѣ, ѣло и пило изъ разставленныхъ сосудовъ, портило мебель и картины, изъ которыхъ нѣкоторыя такъ были залѣплены, что нельзя было разсмотрѣть сюжета. Остальныя роскошныя комнаты князя были въ высшей степени загрязнены цѣлыми сотнями собакъ; эти животныя имѣли право ложиться на коврахъ, на диванахъ и креслахъ.

Князь всякій разъ во время своихъ прогулокъ по городу, если встрѣчалъ какую-нибудь уродливую, хромую, кривую или забитую уличную собаку изъ числа тѣхъ, которыхъ фурманщики по ночамъ въ тѣ времена убивали, приво-

дилъ домой, вылечивалъ и поселялъ въ своемъ кабинетѣ. Въ извѣстный часъ князь изъ своего кабинета черезъ балконъ по маленькой витой лѣстницѣ выходилъ на терасу, которая соединялась съ его висячимъ садомъ; здѣсь онъ, несмотря ни на какую погоду зимой и лѣтомъ, открывалъ приготовленныя его слугами корзины, наполненныя накрошеннымъ хлѣбомъ и разнымъ зерномъ. При появленіи князя всѣ галки, голуби, вороны, воробьи съ сосѣдняго Мраморнаго дворца и со всей Миліонной, безчисленными стаями, съ оглушительными криками, бросались на терасу и поглощали все то, что разсыпалъ князь.

Замѣчательно, что онъ лѣтъ за пятнадцать до смерти вылечился отъ описанныхъ странностей, сдѣлался балетоманомъ, женился на танцовщицѣ и затѣмъ разъѣзжалъ съ доѣзжачими и борзятниками по окрестностямъ Петербурга. Умеръ онъ на своей дачѣ на берегу Невы.

Какъ бы въ pendant этому князю-неряхѣ въ описываемые годы жилъ въ Петербургѣ графъ Аракчеевъ, у котораго до такой неимовѣрной степени была развита любовь къ опрятности, что доходила до смѣшного. Къ выше уже разсказаннымъ чудачествамъ добавимъ слѣдующія черты его характера. Такъ, его садъ въ Грузинѣ славился такою чистотою, что трудно было найти въ саду на дорожкѣ хоть одинъ блеклый листикъ. Дѣти его крестьянъ таились въ кустахъ;

ихъ обязанность состояла подбирать листья, падающіе съ деревьевъ.

Существуетъ разсказъ по какому-то случаю, кажется, по случаю пожара въ городѣ. Государь однажды ночью прислалъ за нимъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ. Вскочивъ съ постели, Аракчеевъ началъ поспѣшно одѣваться; на бѣду, когда онъ почти совсѣмъ былъ одѣтъ, камердинеръ по неосторожности капнулъ со свѣчи на палевые штаны. Какъ ни спѣшилъ Аракчеевъ, однако раздѣлся, несмотря на то, что за другими штанами нужно было пробѣжать нѣсколько комнатъ. Своимъ переодѣваньемъ онъ заставилъ государя прождать минутъ пять лишнихъ,—до такой изысканности доходило у него требованіе чистоты.

Въ ряду острыхъ краснобаевъ и большихъ вралей, забавлявшихъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ петербургское общество своими затѣйливыми выходками и неожиданными разсказами въ родѣ знаменитаго барона Мюльгаузена, былъ извѣстенъ князь Ш—овъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Адмиралтейскій бульваръ былъ центромъ, изъ котораго распространялись по городу вѣсти и слухи, часто невѣроятные и нелѣпые. Бывало спрашивали: «Да гдѣ вы это слышали?» «На бульварѣ»,— торжественно отвѣчаетъ вѣстовщикъ,—и всѣ сомнѣнія исчезали. Бульварныхъ вѣстовщиковъ тогда называли «гамбургской газетой». Князь Ш—овъ

былъ извѣстный бульварный вѣстовщикъ и почти ежедневно здѣсь тѣшился такими продѣлками. Выдумаетъ какую-нибудь побѣду и начнетъ о ней разсказывать на бульварѣ отъ Дворцовой набережной до среднихъ воротъ Адмиралтейства, но всегда съ прибавленіемъ: «Такъ я слышалъ, можетъ быть это неправда». Пройдетъ до другого конца бульвара, у Сената, и поворотитъ назадъ. Встрѣчные уже останавливаютъ его: «Слышали ли вы? Побѣда, сто тысячъ плѣнныхъ, двѣсти пушекъ, Бонапартъ раненъ, Даву убитъ». «Быть не можетъ,—возражаетъ сочинитель бюлетеня,—это вздоръ, выдумка!» «Вотъ еще! Я слышалъ отъ вѣрныхъ людей. Видѣли фельдъ-егеря, весь въ грязи и въ пыли. Худой же вы патріотъ, если не вѣрите!».

Въ Москвѣ, въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія жилъ большой хлѣбосолъ князь Д. Е. вмѣстѣ съ этимъ радушнымъ качествомъ обладавшій еще необыкновеннымъ талантомъ врать безъ запинки; князь въ своихъ разсказахъ не уступалъ даже барону Мюльгаузену. Обѣдъ у князя былъ всегда чудесный и, какъ говорилъ хозяинъ, стряпала его кухарка — провизія тоже все домашняя—стерляди и осетры изъ его прудовъ, громадные раки ловились тоже въ небольшой рѣчкѣ, протекающей по Люблину, телятина бѣлая какъ снѣгъ со своего скотнаго двора, фрукты тоже изъ своихъ оранжерей, а

персики чуть ли не выращенные на открытомъ воздухѣ, шампанское тоже свое, изъ крымскаго имѣнія.

Происшествія, случавшіяся съ нимъ, были такъ необыкновенны, что нельзя было имъ не удивляться. Такъ онъ, между прочимъ, говорилъ о какомъ-то сукнѣ, которое онъ поднесъ Потемкину, вытканномъ по заказу его изъ шерсти одной рыбы, пойманной имъ въ Каспійскомъ морѣ. Какихъ чудесъ онъ не видалъ на свѣтѣ? Во время проливнаго дождя онъ является какъ-то къ своему пріятелю.—«Ты въ каретѣ? спрашиваетъ тотъ его.—«Нѣтъ, я пришелъ пѣшкомъ». «Да какъ же ты вовсе не промокъ?»—«О, отвѣчаетъ онъ,—я умѣю очень ловко пробираться между каплями дождя». Императрица Екатерина отправляетъ его курьеромъ въ Молдавію къ князю Потемкину съ собольей шубою. Нечего уже говорить о быстротѣ, съ которою проѣхалъ онъ это пространство. Онъ пріѣхалъ, подалъ Потемкину письмо императрицы. Прочитавъ его, князь спрашиваетъ: «А гдѣ же шуба?»—«Здѣсь, ваша свѣтлость!» И тутъ вынимаетъ онъ изъ своей курьерской сумки шубу, которая такъ легка была, что уложилась въ видѣ носового платка. Онъ встряхнулъ ее раза два и подалъ князю.

Такимъ же вдохновеннымъ и замысловатымъ въ своихъ импровизаціяхъ былъ въ старину и польскій графъ Красинскій. Кн. Вяземскій раз-

сказываетъ, что онъ самъ наслаждался своими импровизованными разсказами. Графъ былъ блестящей храбрости генералъ, но его вдохновеніе было еще храбрѣе. Послѣ удачнаго и смѣлаго нападенія на непріятеля, совершеннаго коннымъ полкомъ подъ его командою, прискакиваетъ къ нему на мѣстѣ сраженія Наполеонъ и говоритъ: «Vincent! je te dois la couronne», и тутъ же снимаетъ съ себя звѣзду Почетнаго Легіона и на него надѣваетъ. «Какъ же вы никогда не носите этой звѣзды?»—спросилъ его простодушный слушатель. Опомнившись, Красинскій сказалъ: «Я возвратилъ ее императору, потому что не призналъ дѣйствія моего достойнымъ подобной награды».

Однажды онъ занесся въ своемъ разсказѣ такъ далеко и такъ высоко, что, не зная какъ выпутаться, сослался для дальнѣйшихъ подробностей на своего адъютанта, тутъ же находившагося.—Ничего сказать не могу, замѣтилъ тотъ, вы графъ, вѣроятно, забыли, что я былъ убитъ при самомъ началѣ сраженія.

Двѣ пріятельницы, разсказывалъ Красинскій, встрѣтились послѣ долгой разлуки, гдѣ-то неожиданно на улицѣ. Та и другая ѣхали въ каретахъ. Одна изъ нихъ, не замѣтивъ, что стекло поднято, опрометью кинулась къ нему, пробила стекло головою, но такъ, что оно насквозь перерѣзало ей шею и голова скатилась на мостовую передъ

самою каретою ея искренней пріятельницы. Такихъ разсказчиковъ, какъ выше названные, нельзя называть лгунами—это скорѣе поэты-импровизаторы.

Такой же краснобай и разсказчикъ былъ еще придворный вѣка Екатерины II нѣкто М. И. Веревкинъ, авторъ комедіи и переводчикъ Корана, издатель многихъ книгъ, напечатанныхъ безъ имени, а только съ подписью деревни его: Михалево. Князь Вяземскій разсказываетъ, что онъ сдѣлался извѣстнымъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ по слѣдующему случаю. Однажды передъ обѣдомъ, прочитавъ какую-то нѣмецкую молитву, которая ей очень понравилась, изъявила она желаніе, чтобы перевели ее на русскій языкъ.

— Есть у меня одинъ человѣкъ на примѣтѣ, сказалъ Шуваловъ, который изготовитъ вамъ переводъ до конца обѣда, и тутъ же послалъ молитву къ Веревкину.

Такъ и сдѣлано. За обѣдомъ принесли переводъ. Онъ такъ полюбился императрицѣ, что тотчасъ же или вскорѣ наградила она переводчика 20,000 руб.—Вотъ что можно назвать успѣшною молитвою!

Веревкинъ любилъ гадать въ карты. Кто-то донесъ Петру III о мастерствѣ его: послали за нимъ. Взявъ въ руки колоду картъ, выбросилъ онъ на полъ четыре короля. «Что это значитъ»? спросилъ государь. — «Такъ фальшивые короли

падаютъ передъ истиннымъ царемъ»,— отвѣчалъ онъ. Шутка показалась удачною, а гаданія его произвели сильное впечатлѣніе на умъ государя. И на картахъ ему посчастливилось. Вслѣдъ за этимъ отпустили ему казенный долгъ въ сорокъ тысячъ рублей.

Императоръ сказалъ о волшебномъ мастерствѣ Веревкина императрицѣ Екатеринѣ и пожелалъ, чтобы она призвала его къ себѣ. Явился онъ съ колодою картъ въ рукѣ. «Я слышала, что вы человѣкъ умный», сказала императрица, «неужели вы вѣруете въ подобныя нелѣпости?» — «Ни мало», отвѣчалъ Веревкинъ. — «Я очень рада», прибавила государыня, «и скажу, что вы въ карты наговорили мнѣ чудеса».

Когда Веревкинъ пріѣзжалъ изъ деревни въ Петербургъ, то съ шести часовъ утра прихожая его наполнялась присланными съ приглашеніями на обѣдъ или вечеръ, хозяева сзывали гостей на Веревкина.

Отправляясь на вечеръ или на обѣдъ, говорятъ, онъ спрашивалъ своихъ товарищей: «какъ хотите, заставить ли мнѣ сегодня слушателей плакать или смѣяться?» И съ общаго назначенія то морилъ со смѣха, то приводилъ въ слезы.

Веревкинъ былъ директоромъ Казанской гимназіи, когда Державинъ былъ тамъ ученикомъ. «Помнишь ли, какъ ты назвалъ меня болваномъ и тупицею?», говаривалъ потомъ бывшему на-

чальнику своему тупой ученикъ, переродившійся въ министра и статсъ-секретаря и перваго поэта своей націи.

Старинныя комедіи всегда любили личности. Таковы комедіи и Веревкина: первая, «Такъ и должно», написана на подъячихъ; вторая, небольшая шутка, написана на Суворова, въ ней осмѣяны странныя причуды его; третья его комедія: «Точь въ точь», сочиненная въ Симбирскѣ, что означено на ея заглавіи. Ив. Ив. Дмитріевъ говоритъ, что онъ помнилъ еще воеводу и секретаря, изображенныхъ въ послѣдней. Въ старые годы аристофановскою вольностью страдали всѣ драматурги. Комедія кн. Дашковой «Господинъ Топсековъ» была тоже копіею съ лица извѣстнаго. О комедіи Лукина «Мотъ, любовью исправленный», говоритъ Новиковъ въ своемъ «Словарѣ писателей», что сочинитель ввелъ въ свою комедію два смѣшные подлинника, которыми представлявшіе актеры весьма искуснымъ и живымъ подражаніемъ, выговоромъ, ужимками и тѣлодвиженіемъ, также и сходственнымъ къ тому платьемъ, весьма много смѣшили зрителей. Комедія Крылова «Проказники» была написана на семейство Княжнина. Комедія князя Шаховского «Новый Стернъ и Липецкія воды» возбудила негодованіе многихъ современниковъ тоже за намѣреніе изобразить извѣстныхъ лицъ. Нѣсколько эпиграммъ по этому случаю были напи-

саны на Шаховскаго. Въ «Горѣ отъ ума» Грибоѣдова тоже въ Москвѣ узнавали людей извѣстныхъ и въ Фамусовѣ—Алексѣя Өедоровича, дядю сочинителя.

Комедія Веревкина «Такъ и должно» была дана на открытіе тамбовскаго театра; пьеса эта, какъ пишетъ Державинъ, была имъ избрана съ нравоучительною цѣлью, она была направлена противъ подъячихъ и крючкотворцевъ, которыхъ Державинъ не мало засталъ въ Тамбовѣ.

ГЛАВА XIII.

Замѣчательные оригиналы.

Извѣстный создатель Ярославскаго лицея Пав. Гр. Демидовъ — пожертвовавшій не одинъ милліонъ наукѣ и народному просвѣщенію, отличался большою скромностью, граничащею съ чудачествомъ. Нравственная сторона его жизни достойна подражанія. Онъ былъ всегда тихъ, кротокъ, прямодушенъ, честенъ, справедливъ и во всемъ чрезвычайно умѣренъ. Его строгая жизнь и умѣренность были изумительны.

При своихъ несмѣтныхъ богатствахъ онъ тратилъ на столъ шесть, семь рублей въ мѣсяцъ. Утромъ обыкновенно онъ пилъ чашку кофе или шоколада; обѣдъ его состоялъ изъ самаго слабаго бульона и одной котлетки, изъ которой онъ сосалъ только сокъ. Послѣ обѣда пилъ чай съ молокомъ, не болѣе одной чашки, а зимой ѣлъ пять, шесть ложекъ кислаго молока; хлѣба употреблялъ въ день не болѣе четверти фунта.

Будучи врагомъ всякой роскоши, носилъ нѣсколько лѣтъ одинъ кафтанъ. Онъ цѣлый день проводилъ въ письменныхъ ученыхъ занятіяхъ, музыку любилъ страстно и самъ игралъ на скрипкѣ и фортепіано. Никогда никакихъ праздниковъ и обѣдовъ у себя не давалъ и его называли скупымъ за то, что онъ не давалъ никому взаймы денегъ. «Всякій долженъ довольствоваться тѣмъ, чѣмъ его благословилъ Богъ», говорилъ онъ. Со своихъ многочисленныхъ крестьянъ онъ бралъ въ годъ оброку съ семейства только пять рублей.

Своего рода филантропомъ считалъ себя проживавшій въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ богатомъ приволжскомъ своемъ имѣніи, с. Лысковѣ, Нижегородской губерніи, князь Е. А. Грузинскій; онъ вообразилъ, что посланъ, чтобъ покровительствовать всѣмъ бѣднымъ и угнетеннымъ, въ силу чего онъ принималъ къ себѣ съ большимъ радушіемъ всѣхъ бѣглыхъ и несчастныхъ, а также укрывалъ у себя и бѣжавшихъ крѣпостныхъ, чѣмъ нибудь недовольныхъ отъ его сосѣдей. Число такихъ призрѣваемыхъ у этого богатаго князя возрасло до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Лысково извѣстно было на сотни верстъ, какъ страннопріимный пріютъ, въ которомъ принимались съ большимъ разборомъ и съ удостовѣреніемъ въ томъ, что прибѣгавшій къ помощи былъ не воръ, не убійца, а только простой бродяга.

На земскую полицію князь наводилъ почти какой-то ужасъ—у него были подъ домомъ подземелья и таинственныя въ лѣсахъ становища. Князь былъ суровъ нравомъ и судъ его надъ бѣглыми былъ болѣе чѣмъ жестокъ иной разъ. Князь И. М. Долгорукій говоритъ про князя, что этотъ человѣкъ — отважный буянъ, онъ вмѣшивался въ дѣла каждаго, судилъ и рядилъ по произволу, и каждому доказывалъ вину его и правость коренными русскими аргументами, т. е. кулаками: кому глазъ выбьетъ, кому бороду выдеретъ—такова юстиція его свѣтлости; всѣ жители губерніи не смѣютъ на него жаловаться, все запугано пышнымъ его именемъ. Селеніе его наполнено бѣглыми, они у него торгуютъ, водворяются и никто ихъ пошевелить не смѣетъ. Правительство мѣстное все это знаетъ, но молчитъ, а то князь по своимъ связямъ надуетъ такія тучи, отъ которыхъ никто не спасется.

Когда князь, наконецъ, былъ преданъ суду за притонодержательство бѣглыхъ, то онъ воскликнулъ съ удивленіемъ: Какъ суду? Суду за добрыя дѣла! Да я сколько хлѣба одного каждогодно издерживаю на такихъ гостей.

Извѣстный своими побѣдами на морѣ въ екатерининское время адмиралъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ушаковъ въ частной жизни отличался большими странностями: при видѣ женщины, даже пожилой, приходилъ въ страшное замѣшательство, не

зналъ, что говорить, что дѣлать, стоялъ на одной ногѣ, вертѣлся, краснѣлъ.

Отличаясь, какъ Суворовъ, неустрашимою храбростью, онъ боялся тараканов, не могъ ихъ видѣть. Нрава онъ былъ очень вспыльчиваго: безпорядки, злоупотребленія заставляли его выходить изъ приличія; но гнѣвъ его скоро утихалъ. Камердинеръ его, Ѳедоръ, одинъ только умѣлъ обходиться съ нимъ, и когда Ушаковъ сердился, онъ сначала хранилъ молчаніе, отступалъ отъ Ушакова, но потомъ самъ въ свою очередь возвышалъ голосъ на него, и баринъ принужденъ уже былъ удаляться отъ слуги, и не прежде выходилъ изъ кабинета, какъ удостовѣрившись, что гнѣвъ Ѳедора миновалъ. Ушаковъ былъ очень набожен, каждый день слушалъ заутреню, обѣдню, вечерню, и передъ молитвами никогда не занимался разсматриваніемъ военно-судныхъ дѣлъ; утверждая приговоръ, былъ исполненъ доброты.

Ушаковъ былъ долго грозою и бичемъ турокъ, которые иначе его не называли, какъ паша-Ушакъ; онъ пріобрѣлъ всѣ чины и всѣ знаки отличія только личною своею храбростью.

Происходилъ онъ родомъ изъ бѣдныхъ тамбовскихъ дворянъ, Темниковскаго уѣзда, и очень любилъ всѣмъ разсказывать, какъ онъ въ молодости ходилъ въ лаптяхъ.

Въ 1801 году Ушаковъ опредѣленъ былъ главнымъ командиромъ Балтійскаго порта и всѣхъ

корабельныхъ экипажей, находившися въ Петербургѣ. Онъ представилъ въ 1806 году въ даръ отечеству алмазную челенгу; но императоръ возвратилъ ему, сказавъ: что знакъ этотъ долженъ сохраняться въ потомствѣ его, какъ памятникъ подвиговъ его на водахъ Средиземнаго моря.

Суворовъ очень уважалъ Ушакова. Когда въ бытность его въ Италіи, къ нему пріѣхалъ курьеръ съ депешами отъ Ушакова, начальствовавшаго въ то время соединеннымъ россійско-турецкимъ флотомъ въ Средиземномъ морѣ, то, прочитавъ нѣкоторыя бумаги, Суворовъ вдругъ обратился къ привезшему ихъ и спросилъ: «А что, здоровъ ли мой другъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ»? Посланный курьеръ-нѣмецъ не сразу догадался, о чемъ спрашиваетъ Суворовъ и, не знавшій еще всѣхъ причудъ героя, смутившись сказалъ: «А, господинъ адмиралъ фонъ-Ушаковъ! Я оставилъ его въ добромъ здоровьѣ, и онъ поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать вашему сіятельству свое искреннее почтеніе».—Убирайся ты съ твоимъ фонъ! Этотъ титулъ ты можешь придавать такому-то и такому-то, потому что они нихтбешмирзагеры, немогузнайки, а человѣка, котораго я уважаю, который своими побѣдами сдѣлался грозою для турокъ, потрясъ Константинополь и Дарданеллы и который, наконецъ, началъ теперь великое дѣло—освобожденіе Италіи, отнялъ у французовъ крѣпость Корфу, еще никогда не уступавшую от-

крытой силѣ, этого человѣка называй всегда просто—Өедоръ Өедоровичъ! Ушаковъ умеръ въ 1817 году въ своемъ тамбовскомъ имѣніи, ведя жизнь почти отшельническую.

Къ числу большихъ причудниковъ и остряковъ надо отнести любимца Потемкина, генерала-отъ-инфантеріи Сергѣя Лаврентьевича Львова. Этотъ придворный, вмѣстѣ съ острымъ умомъ, отличался примѣрною храбростью и рѣдкимъ присутствіемъ духа—его воинскіе подвиги извѣстны при осадѣ Очакова и взятіи Измаила, гдѣ онъ командовалъ первою колонною праваго крыла.

Извѣстный Spada въ своихъ Ephemerides Russes (St. Pétersbourg, 1816) приводитъ нѣсколько остротъ этого генерала.

Вотъ нѣкоторые анекдоты Львова. Лордъ Витвортъ подарилъ императрицѣ Екатеринѣ II огромный телескопъ, которымъ она очень восхищалась. Придворные, наводя его на небо, увѣряли, что на лунѣ различаютъ даже горы.—Я не только вижу горы, но и лѣсъ, сказалъ Львовъ.—Ты возбуждаешь и во мнѣ любопытство, произнесла императрица, вставая съ креселъ.—Торопитесь, ваше величество, продолжалъ Львовъ,—лѣсъ уже начали рубить; подойти не успѣете, какъ его срубятъ.

— Что ты нынче блѣденъ? спросилъ его разъ Потемкинъ.—Сидѣлъ рядомъ съ графинею Н. и съ ея стороны вѣтеръ дулъ, ваша свѣтлость, от-

вѣчалъ Львовъ. Графиня Н. сильно бѣлилась и пудрилась.

— Давно ли ты сюда пріѣхалъ и зачѣмъ? спросилъ Львовъ своего друга, встрѣтивъ его на улицѣ.—Давно и, по несчастію, за дѣломъ.—Жаль мнѣ тебя! А у кого въ рукахъ дѣло?—У N. N.—Видѣлъ ты его?—Нѣтъ еще.—Такъ торопись и ходи къ нему только по понедѣльникамъ. Его секретарь обыкновенно заводитъ его по воскресеньямъ, вмѣстѣ съ часами, и покуда онъ не размахается, путнаго ничего не сдѣлаетъ. Львовъ говорилъ про секретарей, что они имѣютъ сходство съ часовою пружиною, потому что невидимо направляютъ ходъ.

По словамъ Храповицкаго, императрица Екатерина II, ѣдучи въ Крымъ, исключила изъ своей свиты Львова, сказавъ: «безчестный человѣкъ въ моемъ сообществѣ жить не можетъ», но потомъ государыня простила Львова и всегда щедро награждала по представленіямъ Потемкина. Гнѣвъ императрицы на Львова, какъ полагать надо, вышелъ за неплатежъ долговъ Львовымъ: онъ былъ очень небогатый человѣкъ и всегда запутанный въ своихъ денежныхъ дѣлахъ. Львовъ съ воздухоплавателемъ Гарнереномъ леталъ въ воздушномъ шарѣ. Извѣстный тоже острякъ Александръ Семеновичъ Хвостовъ напутствовалъ его вмѣсто подорожной слѣдующимъ экспромтомъ:

Генералъ Львовъ
Летитъ до облаковъ
Проситъ боговъ
О заплатѣ долговъ.

На что Львовъ, садясь въ гондолу, отвѣтствовалъ безъ запинки такими же риѳмами:

Хвосты есть у лисицъ, хвосты есть у волковъ.
Хвосты есть у кнутовъ, берегись Хвостовъ.

На вопросъ извѣстнаго адмирала Шишкова, что побудило его отважиться на опасность воздушнаго путешествія съ Гарнереномъ, Львовъ объяснилъ, что, кромѣ желанія испытать свои нервы, другого побужденія къ тому не было.—Я бывалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ—сказалъ онъ,—большихъ и малыхъ, видѣлъ непріятеля лицомъ къ лицу и никогда не чувствовалъ, чтобъ у меня забилось сердце. Я игралъ въ карты, проигрывалъ все, до послѣдняго гроша, не зная, чѣмъ завтра существовать буду, и оставался также спокоенъ, какъ бы имѣя милліонъ за пазухою. Наконецъ, вздумалось мнѣ влюбиться въ одну красавицу-полячку, которая, казалось, была отъ меня безъ памяти, но въ самомъ дѣлѣ безбожно обманывала меня для одного венгерца; я узналъ объ измѣнѣ со всѣми гнусными ея подробностями, и мнѣ стало смѣшно. Какъ же, я думалъ, дожить до шестидесяти лѣтъ и не испытать въ жизни ни одного сильнаго ощущенія! Если оно не дава-

лось мнѣ на землѣ,—дай поищу его за облаками: вотъ я и полетѣлъ. Но за предѣлами нашей атмосферы я не ощутилъ ничего, кромѣ тумана и сырости, немного продрогъ—вотъ и все.

Императоръ Павелъ I, разговаривая однажды съ Львовымъ на разводѣ, облокотился на него:

— Ахъ, государь, произнесъ съ сожалѣніемъ Львовъ, могу ли я служить вамъ опорою?

Однажды Потемкинъ разсердился на Львова за что-то и пересталъ говорить, но Львовъ не обратилъ на это особеннаго вниманія и продолжалъ каждый день обѣдать у фельдмаршала.

— Отчего ты такъ похудѣлъ? спросилъ, наконецъ, его Потемкинъ.

— По милости вашей свѣтлости, отвѣчалъ сердито Львовъ.

— Какъ такъ?

— Если бы вы еще немного продолжали на меня дуться, то я умеръ бы отъ голода.

— Я ничего не понимаю! возразилъ Потемкинъ: какое можетъ имѣть отношеніе къ голоду моя досада на себя?

— А вотъ какое, и очень важное: прежде всѣ оставляли меня въ покоѣ и не нарушали моихъ занятій, а чуть только показали бы мнѣ хребетъ, я не сталъ имѣть отдыху. Едва только поднесу ко рту кусокъ, какъ его отрываютъ вопросами. Не смѣлъ же я не отвѣчать, находясь въ опалѣ.

Любимая племянница Потемкина, графиня Бра-

ницкая, забавляясь однажды при Львовѣ примѣриваніемъ разныхъ нарядовъ, обернула себѣ голову драгоцѣннымъ собольимъ боа.

— Какъ я въ этомъ буду? спросила она Львова, кокетничая.

— Просто будете съ мѣхомъ (смѣхомъ) отвѣчалъ онъ.

— Какое различіе между трутомъ и школьникомъ? спросилъ онъ однажды, и когда всѣ затруднялись отвѣтомъ, сказалъ: то, что трутъ прежде высѣкутъ, а потомъ положатъ, а школьника сперва положатъ, а потомъ высѣкутъ.

По разсказамъ С. П. Жихарева, Львовъ въ обществѣ былъ неистощимый разсказчикъ разныхъ любопытныхъ происшествій въ арміи при фельдмаршалахъ: Румянцевѣ и князѣ Потемкинѣ; онъ забавлялъ анекдотами и умѣлъ расшевелить и такихъ людей, которые, кажется, отъ роду своего не смѣялись никогда.

Лѣтъ пятьдесятъ, шестьдесятъ тому назадъ, у насъ въ Россіи, особенно въ провинціи, мудрено было удивить самодурствомъ. Рѣдкій изъ зажиточныхъ помѣщиковъ не отличался особыми причудами. На такія причуды ушли колосальныя состоянія.

Въ Орловской губерніи, въ Малоархангельскомъ уѣздѣ, жила помѣщица старушка Ра—на, помѣшанная на всевозможныхъ придворныхъ церемоніяхъ. Залъ, въ которомъ она принимала своихъ

знакомыхъ и «подданныхъ» (какъ величали тогда своихъ крѣпостныхъ людей), представлялъ нѣчто до нелѣпости странное; это была большая комната въ два свѣта, расписанная въ видѣ рощи, полъ которой изображалъ партеръ изъ цвѣтовъ; по срединѣ былъ устроенъ изъ зеркальныхъ стеколъ прудъ, на которомъ плавали искуственные лебеди; по дорожкамъ стояли алебастровыя фигуры боговъ и богинь древней Греціи.

Клумбы изъ искуственныхъ цвѣтовъ во время выходовъ помѣщицы наприскивались о-де-колономъ и «альпiйской водой». На большихъ деревьяхъ, тамъ и сямъ поставленныхъ, порхали снѣгири, синицы и другія пѣвчія птицы. Сама помѣщица сидѣла на золотомъ тронѣ, въ ногахъ ея стояли и лежали пажи и арабчики.

Каждое воскресенье и двунадесятые праздники здѣсь происходили пріемы послѣ обѣдни; первымъ являлся сельскій священникъ съ причтомъ, о. діаконъ несъ торжественно на серебряномъ блюдѣ большую просфору. Несмотря на то, что церковь отъ усадьбы была въ разстояніи полуверсты, помѣщица къ обѣдни ѣздила всегда со свитой не менѣе, какъ въ пятьдесятъ человѣкъ. Кромѣ господскаго, экипажей въ поѣздѣ было не менѣе десяти; сама владѣлица ѣхала въ громадной откидной колымагѣ, называемой «лондономъ», запряженнымъ восьмерикомъ. Кучеръ сидѣлъ такъ высоко, что былъ на уровнѣ съ коньками кре-

стьянскихъ избъ. Второй экипажъ былъ дормезъ, запряженный четверкой, третій—четырехмѣстная коляска въ шесть лошадей, потомъ коляска двухмѣстная, потомъ крытыя дрожки, потомъ двѣ польскія брички; наконецъ, двѣ-три линѐи и нѣсколько кожаныхъ кибитокъ. Барыня была жена генерала, любила почетъ и уваженіе. Торжественные пріемы ея, какъ говорили, доходили до Петербурга, но имъ только посмѣивались; такихъ помѣщицъ и помѣщиковъ было тогда не мало.

Князь Г. Г—нъ, одинъ изъ самодуровъ тоже замѣчательныхъ, въ своемъ подмосковномъ помѣстьи учредилъ даже нѣчто въ родѣ маленькаго двора изъ своихъ «подданныхъ». У него были гофмаршалы, камергеры, камеръ-юнкеры и фрейлины, была даже и «статсъ-дама», необыкновенно полная и представительная вдова-попадья, къ которой «дворъ» относился съ большимъ уваженіемъ; она носила на груди родъ ордена—миніатюрный портретъ владѣльца, усыпанный аквамаринами и стразами. Князь Г. своимъ придворнымъ дамамъ на рынкахъ Москвы скупалъ поношенныя атласныя и бархатныя платья и обшивалъ ихъ галунами. Въ праздникъ у него совершались выходы; у него былъ составленъ собственный придворный уставъ, котораго онъ строго придерживался.

Балы у него отличались особеннымъ этикетомъ,—на его балахъ присутствовали только его

придворные. Въ залѣ, ярко освѣщенномъ, размѣщались приглашенные, и когда всѣ гости были въ сборѣ, съ хоръ неслись звуки торжественнаго марша, самъ баринъ входилъ въ залъ, опираясь на плечо одного изъ своихъ гофмаршаловъ. Балъ открывался полонезомъ, причемъ помѣщикъ велъ «статсъ-даму», которая принимала приглашеніе князя, предварительно поцѣловавъ его руку. Князь удостаивалъ и другихъ дамъ приглашеніемъ на танецъ, при чемъ онѣ всѣ прежде подобострастно прикладывались къ его рукѣ. Балъ завершался шумнымъ галопадомъ, а послѣдній нерѣдко превращался въ веселую барыню.

Въ Орловской губерніи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ уѣзднаго города Малоархангельска, существуетъ большое село, князей К—ныхъ. Тамъ, на обширномъ дворѣ, въ виду сельскаго храма, виднѣется небольшое кладбище, обросшее пирамидальными тополями. Кладбище это переноситъ насъ къ бывшимъ барскимъ причудамъ одного изъ владѣльцевъ, причуды котораго мы уже разсказали выше. Тамъ между нѣсколькими уцѣлѣвшими весьма недурными каменными мавзолеями еще въ шестидесятыхъ годахъ можно было отыскать нѣсколько съ особами пышной дворни князя К. Въ одной могилѣ похоронена «дѣвица Евпраксія, служившая до конца дней своихъ при дворѣ его сіятельства камеръ-юнгферой», на

другой могилѣ написано, что «въ ней покоится Сенька Тріангильяновъ», бывшій въ рангѣ полиціймейстера въ придворномъ штатѣ его сіятельства, далѣе находимъ «Стремяной Іакимъ Безупречный, пролившій кровь за своего властелина 9-го октября 1819 года» и т. д.

Что только ни происходило при жизни этого гордаго вельможи! Окруженный многочисленной дворней, онъ какъ и братъ его разыгрывалъ при ней роль нѣмецкаго принца и мечталъ, что онъ въ своемъ владѣльческомъ княжествѣ. Онъ давалъ такіе обѣды, за которымъ какъ хозяинъ, такъ и гости бывали такъ пьяны, что не могли ни дверей сыскать, ни безъ помощи слуги сѣсть въ свою карету. Это называлось на языкѣ князя «des diners à huis clos». Онъ принималъ пріѣзжихъ гостей обыкновенно у себя въ спальнѣ, когда ему мылили бороду; по сторонамъ его стояли шуты въ золоченыхъ камзолахъ. Гордость князя граничила до смѣшного: онъ разсчиталъ своего стараго домоваго доктора за то только, что тотъ осмѣлился ночью, во время приступа болѣзни князя, явиться не во фракѣ. Кто, впрочемъ, въ былые годы не доходилъ до сумасбродства въ деревнѣ, чтобы показать себя своимъ васаламъ и чинить тамъ судъ и расправу?!

Извѣстный своимъ самодурствомъ Голицынъ, по прозванію «Юрка», разсказываетъ, какъ онъ въ юношескихъ своихъ годахъ пріѣхалъ въ свое

родовое имѣніе по выпускѣ изъ Пажескаго корпуса, гдѣ онъ окончилъ курсъ съ первымъ гражданскимъ чиномъ. До выѣзда изъ Петербурга онъ послалъ въ вотчинную контору приказъ, которымъ увѣдомлялъ, что будетъ въ Троицынъ день, въ престольный праздникъ; позднюю обѣдню онъ предполагалъ слушать въ приходскомъ своемъ соборѣ, о чемъ предписывалъ увѣдомить какъ духовенство, такъ и окрестныхъ помѣщиковъ, и подлинный его приказъ прочесть на мірскомъ сходѣ. Ему казалось,—какъ онъ самъ иронически замѣчаетъ,—что величественнѣе этого приказа до сихъ поръ еще ничего не было; для пущей важности, приказъ былъ написанъ на бристольской бумагѣ, вложенъ въ огромный конвертъ казеннаго формата, съ гербовою печатью въ ладонь, и отправленъ по эстафетѣ, т.-е.,—думалъ онъ про себя,—«такимъ образомъ посылаются только царскія граматы».

Ну, вотъ и поѣхалъ онъ въ свои владѣнія въ зеленой коляскѣ à l'Empereur, съ двумя лакеями: первый былъ въ ливреѣ, второй—въ военной формѣ; почему онъ нарядилъ его такъ, онъ и самъ разъяснить не могъ. Въ коляскѣ барина лежалъ еще большой черный водолазъ. Сзади его, въ другой коляскѣ ѣхали: секретарь, приживальщикъ, поваръ и казачекъ.

Помѣщикъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ встрѣченъ хлѣбомъ-солью отъ крестьянъ. При

этой депутаціи явилось также въ вицмундирахъ нѣсколько чиновниковъ земскаго и уѣзднаго судовъ и дворянской опеки, имѣвшихъ, вѣроятно, въ виду продолжать эксплоатацію, начавшуюся со времени взятія имѣнія въ опеку.

Не доѣзжая до села, дежурная тройка поскакала дать знать становому, который и пріѣхалъ почтительно встрѣтить юнаго владѣльца и съ полверсты скакалъ передъ нимъ до церковной паперти. Лишь только экипажи показались на плотину, съ колокольни послышался благовѣстъ; народъ перекрестился и побѣжалъ къ барину навстрѣчу. «Меня самодовольно передернуло,—разсказывалъ князь,—и я, обратясь къ камердинеру, приказалъ подложить подъ меня третью кожаную подушку, чтобы многочисленные мои дѣти могли лучше разсмотрѣть своего отца благодѣтеля. Народъ такъ и валилъ». Картина выходила торжественная, но безмолвная толпа не производила на владѣльца села сильнаго впечатлѣнія,—онъ ожидалъ, что будутъ кричать «ура». А когда подъѣхалъ къ церкви и увидѣлъ, что «духовенство съ крестами меня не встрѣчаетъ, я рѣшительно пришелъ въ негодованіе и подумалъ: «ну, я заведу свои порядки и задамъ себя знать!» И дѣйствительно не прошло и двухъ минутъ, какъ онъ къ такимъ порядкамъ и приступилъ. Войдя въ церковь, онъ увидѣлъ пономаря въ стихарѣ съ распущенными волосами, ру-

гающагося съ старушками. Тутъ онъ пришелъ въ такую ярость, что подошелъ къ пономарю, закрутилъ руку его волосами и такимъ образомъ прошелся съ нимъ по всей церкви и привелъ его въ алтарь къ священнику, совершавшему проскомидію, и сказалъ ему:

— Посмотрите, какіе безпорядки у васъ дѣлаются въ церкви.

Священникъ, не понявъ въ чемъ дѣло, отвѣтилъ:

— Извините, ваше сіятельство, этого впредь не будетъ.

Если такъ былъ требователенъ юный колежскій регистраторъ, то что могъ дѣлать въ ту эпоху министръ въ отставкѣ.

Въ павловское время много было выключенныхъ изъ службы дворянъ, которые охотно принимали всякія, даже низкія должности у знатныхъ вельможъ. Извѣстный любимецъ императора Павла I—князь Куракинъ, какъ уже мы выше сказано, въ своемъ богатомъ саратовскомъ имѣніи «Надеждинѣ» сдѣлалъ у себя, на подобіе посѣщенныхъ имъ дворовъ владѣтельныхъ княжествъ, собственный дворъ. Совершенно бѣдные дворяне за большую плату принимали у него должности главныхъ дворецкихъ, управителей, даже шталмейстеровъ и церемоніймейстеровъ. У него жилъ одинъ видный собою майоръ, котораго обязанность состояла только въ томъ, чтобы съ палкою

въ рукахъ ходить передъ княземъ, когда онъ шелъ въ свою домовую церковь. Но и помимо его у него было множество любезниковъ безъ должностей, которые составляли его свиту. Всякій день, даже въ будни, за столомъ гремѣла у него музыка, а въ праздники были большіе выходы; раздѣленіе времени, дѣла, какъ и забавы, все было подчинено строгому порядку и этикету. Изображеніе Павла I находилось у него во всѣхъ комнатахъ; въ саду, въ рощѣ, тамъ и сямъ встрѣчались весьма изящные памятники знаменитымъ друзьямъ и родственникамъ. Онъ наслаждался и мучился воспоминаніями Тріанона и Маріи Антуанеты, посвятилъ ей деревянный храмъ и назвалъ ея именемъ длинную, ведшую къ нему, алею; такія державныя затѣи имѣли довольно смѣшную сторону.

Въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія былъ извѣстенъ своими чудачествами князь Иванъ Александровичъ Голицынъ, носившій въ обществѣ прозвище Jean de Paris (названіе современной оперы), князь отличался большею расточительностью въ Парижѣ, во время пребыванія нашихъ войскъ, выигралъ въ одномъ игорномъ домѣ миліонъ франковъ, а спустя нѣсколько дней проигрался такъ, что ему не на что было выѣхать изъ Парижа. Онъ былъ женатъ на Всеволожской, и разошелся тотчасъ же по совершеніи брачнаго обряда; выходя изъ церкви, жена его подала ему портфель

и сказала: «вотъ половина моего состоянія, а я— княгиня Голицына и теперь все кончено между нами!» Эта характерическая черта довольно ясно обрисовываетъ эту женщину. Она впослѣдствіи принадлежала къ обществу женщинъ-мечтательницъ, главою которыхъ была г-жа Крюднеръ.

Голицына была главною распорядительницею въ дѣлѣ переселенія этой колоніи женщинъ на южный берегъ Крыма. Отплыли они изъ Петербурга водою, въ большой баркѣ. Голицына поражала всѣхъ своимъ мужественнымъ видомъ; она ходила въ длинномъ сюртукѣ и суконныхъ пантолонахъ, съ плетью въ рукахъ, которою собственноручно расправлялась съ своими домашними и даже окрестными татарами. Не только они, но исправники, засѣдатели и прочіе трепетали передъ деспотическою женщиною. Ѣздила она верхомъ, какъ мужчина, и подписывалась въ письмахъ: La vieille des Monts, что остряки переводили La vieille Démon.

Мужъ ея, Jean de Paris, служилъ адъютантомъ у великало князя Константина Павловича; по разсказамъ современниковъ, онъ былъ очень забавенъ, при своей сановитости въ обстановкѣ и кудреватости въ рѣчахъ. Князь былъ отъ природы немного трусоватъ. Однажды онъ ѣхалъ въ колляскѣ съ великимъ княземъ, и скакали они во всю лошадиную прыть.

Это Голицыну не очень нравилось. «Осмѣлюсь

замѣтить, — сказалъ онъ, — и доложить вашему высочеству, что если малѣйшій винтъ выскочитъ изъ коляски, отъ вашего высочества можетъ остаться только одна надпись на гробницѣ: здѣсь лежитъ тѣло его императорскаго высочества великаго князя Константина Павловича». «А Михель?» — спросилъ великій князь (Михель былъ главный вагенмейстеръ при дворѣ великаго князя). «Пріемлю смѣлость почтительнѣйше повергнуть на благоусмотрѣніе и прозорливое соображеніе вашего высочества, что если, къ общему несчастью, не станетъ вашего высочества, то и Михель его высочества бояться не будетъ».

Князь, какъ мы выше уже сказали, былъ страстный игрокъ; житье въ то кремя въ Варшавѣ носило характеръ бивуачный и азартная игра велась сильная, проигрышъ его въ самое короткое время достигъ чудовищныхъ размѣровъ. Онъ вышелъ въ отставку, имѣя до пяти миліоновъ долгу.

Судьба этого князя очень аналогична съ судьбой его однофамильца — тоже названнаго именемъ любимой тогда оперы Cosa rara. Этотъ Голицынъ имѣлъ 24,000 душъ крестьянъ, и также громадное состояніе пустилъ прахомъ: частію проигралъ въ карты, частію потратилъ на неслыханное сумасбродство. Онъ ежедневно отпускалъ кучерамъ своимъ шампанское, крупными ассигнаціями зажигалъ трубки гостей, бросалъ

на улицу извощикамъ горстями золото, чтобы они толпились у его подъѣзда и прочіе. Проживъ такимъ образомъ состояніе, онъ подписывалъ векселя, не читая, на которыхъ суммы выставлялись не буквами, а цифрами. Въ концѣ своей жизни онъ получалъ содержаніе отъ своихъ племянниковъ и никогда не сожалѣлъ о своемъ прежнемъ баснословномъ богатствѣ, всегда былъ веселъ духомъ и часто на-веселѣ.

ГЛАВА XIV.

Замѣчательные чудаки и оригиналы.

Въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ Пензенской губерніи губернаторствовалъ князь Г—нъ, извѣстный болѣе подъ именемъ князя Григорія. Это былъ представитель стариннаго русскаго барства, только еще съ большими странностями, прихотями и причудами. Князь Григорій былъ большой оригиналъ; въ нѣжной юности своей онъ хорошо помнилъ своего дѣдушку князя Потемкина; онъ помнилъ открытую его грудь, босыя ноги, халатъ на распашку, въ которомъ принималъ онъ первыхъ вельможъ, сырую рѣпу и морковь, которыя всѣмъ пресыщенный при нихъ же онъ грызъ; помнилъ также царскую его представительность и всѣ бриліанты и жемчуги, помнилъ и его фаворитокъ. Но всего этого ему показалось еще мало: онъ захотѣлъ превзойти его и избралъ образцомъ его не одного, а многихъ еще чудаковъ того времени.

Князь Григорій полагалъ, что для вида необходимо имѣть фаворитокъ, и вотъ завелъ онъ себѣ двухъ такихъ старыхъ женщинъ. Первую изъ нихъ онъ назвалъ маркизой де-Монтеспанъ. Она составляла его партію въ бостонъ и сверхъ того давала ему деньги въ займы только за высокіе проценты; за это качество къ ея титулу онъ прибавилъ еще второй — мадамъ ла-Рессурсъ.

Вторая платоническая метресса пензенскаго Людовика была тихая, богомольная, пожилая женщина, — ее онъ посвятилъ въ дѣвицы де-ла-Вальеръ. Князь Григорій былъ женатъ, жена его была кроткая и нѣжно любила мужа, въ свою очередь и супругъ былъ къ ней вѣренъ. Но что всего забавнѣе — онъ заставлялъ жену показывать чрезвычайную холодность къ обѣимъ этимъ мнимымъ метрессамъ.

Князь Григорій былъ большой затѣйникъ: вмѣстѣ съ копировкой Людовика и Потемкина ему вдругъ захотѣлось скопировать іудейскаго царя Давида, и вотъ онъ выучился довольно изрядно играть на арфѣ. По утрамъ находили его иногда въ какомъ-то древне-библейскомъ костюмѣ, съ лирою въ рукахъ, на которой онъ игралъ, припѣвая разныя псалмы, аріи, и пѣсни какъ «Lison dormait un bocage» или «При долинушкѣ стояла». Князь имѣлъ также страсть къ церковнымъ обрядамъ. Въ деревнѣ наряжалъ онъ самого себя и любимѣйшихъ слугъ въ стихари, пѣ-

валъ съ ними на клиросѣ и читалъ апостольскія посланія.

Со стороны любви къ церковнослужительству онъ сблизился съ великимъ Суворовымъ и высокомощнымъ дѣдомъ своимъ. Изъ своихъ чиновниковъ онъ составилъ себѣ цѣлый придворный штатъ. Для молодыхъ писцовъ канцеляріи своей, изъ простого происхожденія, онъ нанялъ гдѣ-то танцмейстера, одѣлъ ихъ на свой счетъ и представилъ въ свѣтъ, гдѣ всѣ дѣвицы обязаны были съ ними танцовать. Онъ называлъ ихъ своими камеръ-юнкерами, и они отличались отъ другихъ однообразнымъ цвѣтомъ жилетовъ. Секретарь жаловался, что некому переписывать въ канцеляріи, что они ничего дѣлать не хотятъ; онъ велѣлъ набрать другихъ и ихъ считать сверхъ штата, и далъ имъ отъ себя содержаніе.

Всему, что до него относилось, умѣлъ онъ давать какой-то торжественный видъ. Занеможетъ ли у него жена, по всѣмъ церквамъ велитъ онъ служить молебствія о ея выздоровленіи; родится ли у него сынъ, онъ собственноручно пишетъ церемоніалъ его крестинъ; отъ губернаторскаго дома до собора по улицѣ несутъ младенца на подушкѣ, окруженнаго разряженными повивальною бабкою, нянькою, кормилицею и дѣвочками; впереди и сзади два ливрейныхъ лакея; курьеръ открываетъ шествіе, другой замыкаетъ его.

Во время отъѣзда въ деревню соблюдались так-

же офиціальныя формы, писался маршрутъ, поѣздъ дѣлился на три отдѣленія, назначались роздыхи, ночлеги и по дорогѣ разсылались копіи съ письменнаго распоряженія.

Онъ любилъ распространять все новомодное, но и держался старины, особенно во всемъ томъ, что могло умножить личное его величіе.

О святкахъ на маскарадахъ являлся одинъ безъ маски, въ богатомъ длинномъ платьѣ старинныхъ русскихъ бояръ. Гости же, въ угожденіе ему, были въ маскахъ и какъ можно смѣшнѣе наряжены.

Такой образъ жизни этого губернатора въ то время многимъ очень нравился. «Ну, подлинно—говорили они—можно сказать, что баринъ, такъ баринъ, не то что иной другой какой-нибудь нашъ братъ рядовой дворянинъ». «И какъ такому вельможѣ захотѣлось у насъ поселиться?» говаривали иные.

Во время отечественной войны князь Григорій жену свою одѣлъ въ сарафанѣ и кокошникъ, а самъ нарядился въ казацкое платье темнозеленаго цвѣта съ свѣтло-зеленой выпушкой. Изъ губернскихъ чиновниковъ и дворянъ, всѣ тѣ, которые желали ему угодить, послѣдовали его примѣру. Слугъ своихъ одѣлъ онъ также по-казацки, и двое изъ нихъ, вооруженные пиками, ѣздили верхомъ передъ его каретою.

Но особенно гдѣ княжескіе проказы выказывались, такъ это въ его деревнѣ. Домъ его посто-

янно перестроивался и былъ великолѣпно отдѣланъ внутри, со всѣми затѣями барства.

Маленькій дворъ его составленъ былъ изъ увезенныхъ имъ писцовъ губернаторской канцеляріи, одѣтъ былъ однообразно — въ казачьи кафтаны сѣраго цвѣта, изъ холщевой матеріи, съ синимъ холстиннымъ стоячимъ воротникомъ, на которомъ бѣлыми нитками было вышито названіе села. Дворня его была раздѣлена на три класса, изъ коихъ каждый отличался цвѣтомъ жилета; по праздникамъ происходило производство въ эти классы и допущеніе къ цѣлованію руки, лакейскіе балы, въ которыхъ, исключая князя и княгини, должна была еще принимать участіе и самая мелочь изъ сосѣднихъ дворянъ; угощеніе на послѣднихъ состояло изъ моченыхъ яблокъ и брусники.

Были въ вѣкъ стараго барства и такіе изъ баръ причудники, которые, вѣкъ свой разъѣзжая по чужимъ краямъ, совсѣмъ позабывали родной языкъ или, вѣрнѣе, старались корчить изъ себя такихъ псевдоиностранцевъ. Такъ, въ Москвѣ, въ описываемое нами время, проживалъ чудакъ Зыбинъ, долго жившій въ Англіи, притворявшійся, что совсѣмъ забылъ русскій языкъ, напримѣръ: выходя изъ театра, онъ кричалъ: Зибенъ-каретъ! Тогда была мода на высокіе фаэтоны для гулянья; Зыбинъ въ этомъ уродливомъ экипажѣ проѣхалъ изъ Петербурга въ Москву; на станціяхъ

всѣ на него смотрѣли какъ на шута и мальчишки за нимъ бѣжали съ крикомъ. Зыбинъ это самъ разсказывалъ, относя это къ невѣжеству нашего народа.

Въ ту эпоху были и такіе русскіе, какъ напримѣръ графъ А., извѣстный въ обществѣ подъ именемъ «Васиньки», которые, занимая мѣсто на лѣстницѣ извѣстной подъ именемъ табели о рангахъ, не умѣли правильно подписать даже свою фамилію, но при этомъ имѣли способности разнообразныя: живопись и музыка была для нихъ почти природными талантами. Графъ А. не зналъ исторіи, ничего никогда не читалъ, но разъ услышанное такъ могъ остроумно и забавно примѣнять въ разговорахъ, что считался большимъ острякомъ. Этотъ «Васинька» имѣлъ еще двѣ большія страсти: къ орденамъ и духамъ. У него была точно лавка стклянокъ духовъ, орденскихъ лентъ и крестовъ, которыми онъ былъ пожалованъ. Увѣряютъ даже, что по его смерти нашли у него нѣсколько экземпляровъ и въ разныхъ форматахъ звѣзды Станислава второй степени, на которую давно глядѣлъ онъ съ страстнымъ вожделѣніемъ. Васинька, по словамъ князя Вяземскаго, такъ любилъ орденскіе знаки, что часто во время самаго живого разговора опускалъ внизъ глаза свои на кресты, развѣшенные у него въ щегольской симетріи, съ нѣжностью ребенка, любующагося своими игрушками, или съ пугливымъ

безпокойствомъ ребенка, который смотритъ: тутъ ли онѣ?

Въ характерѣ и поведеніи его не было достоинства нравственнаго. Его можно было любить, но не уважать: онъ былъ образцовое дитя свѣтскаго общежитія. Множество карикатуръ и острыхъ словъ имъ потрачено было на варшавское общество, когда онъ служилъ при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ.

Польскій генералъ Гельгудъ носилъ стеклянный глазъ. Передъ какимъ-то праздникомъ Васинька говорилъ, что ему пожалуютъ глазъ съ вензелемъ. При этомъ же случаѣ онъ говорилъ, что Курутѣ будетъ пожаловано прекрасное изданіе въ великолѣпномъ переплетѣ «Жизнь знаменитыхъ мужей» Плутарха.

Генералъ Чаплицъ, извѣстный своею храбростью, любилъ говорить очень протяжно, плодовито и съ большими разстановками. Васинька приходитъ однажды къ великому князю и проситъ отпускъ на 28 дней. Между тѣмъ въ Варшаву ожидали императора. Великій князь, удивленный этою просьбою, спрашиваетъ: — какая необходимая потребность заставляетъ его отлучиться изъ Варшавы въ такое время. Генералъ Чаплицъ— отвѣчалъ онъ—назвался ко мнѣ завракать, чтобы разсказать мнѣ, какъ попался онъ въ плѣнъ въ Варшавѣ во время первой польской револю-

ціи.—Посудите сами, ваше высочество, раньше 28 дней никакъ не отдѣлаюсь!

Его спрашивали о нѣкоторомъ лицѣ, извѣстномъ по привычкѣ украшать свои разсказы краснымъ словцомъ: не ѣдетъ ли онъ въ Россію на винные откупы, которые только-что открылись въ Петербургѣ.—Нѣтъ—отвѣчалъ онъ,—а ѣдетъ, чтобы снять поставку лжи на всю Россію.

Когда разнесся слухъ, что папа умеръ, многіе старались угадывать: кого на его мѣсто изберетъ новый конклавъ. О чемъ тутъ и толковать,—перервалъ онъ эту рѣчь — разумѣется, назначенъ будетъ военный! Это слово, сказанное въ тогдашней Варшавѣ, строго подчиненной военной дисциплинѣ, было очень мѣтко и всѣхъ разсмѣшило.

Въ московскомъ обществѣ, въ тридцатыхъ годахъ, пользовалось нѣкоторое время правомъ гражданства слово анкураже. Это слово вторглось въ русскую рѣчь по слѣдующему случаю, какъ это разсказываетъ поэтъ князь Вяземскій. При московской театральной дирекціи служилъ одинъ забавный чудакъ, который, какъ слѣдуетъ русскому чиновнику, былъ охваченъ болѣзнью чинолюбія и крестолюбія. Онъ безпрестанно говорилъ и писалъ кому слѣдуетъ: «я не прошу кавалеріи черезъ плечо или на шею, а только маменькаго анкураже (encouragé) въ петличку». Это слово такъ понравилось тогда, что даже Пушкинъ его примѣнилъ къ любовнымъ похожденіямъ въ

тѣхъ случаяхъ, когда въ обращеніи не капиталъ любви, а мелкая монета ея, то есть съ одной стороны—ухаживаніе, а съ другой—снисходительное и одобрительное кокетство.

Не менѣе страненъ былъ въ образѣ жизни, въ обращеніи, въ одеждѣ и во всѣхъ своихъ поступкахъ другой богатый пензенскій помѣщикъ, Н. Е. Струйскій, проживавшій въ своемъ с. Рузаевкѣ. Владѣнія его простирались верстъ на тридцать кругомъ. Рузаевка была съ тремя церквами, изъ нихъ двѣ выстроены Струйскимъ; все селеніе было обведено валомъ. Барскій домъ былъ огромный, зала съ мраморными стѣнами и тройнымъ свѣтомъ, въ 40 арш. длины, на карнизѣ дома виднѣлась надпись: «16-го декабря 1772 годъ», годъ основанія дома. За одно желѣзо хозяинъ отдалъ купцу подмосковную деревню съ 300 душъ. Кабинетъ Струйскаго былъ въ самомъ верху дома, назывался онъ «Парнасъ». Въ это святилище никто не хаживалъ, потому что баринъ говорилъ «не должно метать бисера свиньямъ», Въ кабинетѣ царствовалъ неслыханный безпорядокъ—на столѣ рядомъ съ сургучемъ лежалъ бриліантовый перстень, возлѣ большой рюмки стоялъ поношенный бюстъ. Такой безпорядокъ Струйскій по словамъ спрашивающихъ, допускалъ для того, что пыль была его сторожъ: по ней онъ тотчасъ узнавалъ, былъ ли тутъ кто нибудь и трогалъ ли что либо. Въ этой комнатѣ у него было много разнаго

оружія; Струйскій боялся нападеній на себя. Носились слухи, что онъ былъ большой тиранъ, любилъ юридическіе процесы и дѣлалъ самъ своимъ людямъ допросы. Разбирательства онъ производилъ по нынѣшнему и судилъ говоря за и противъ обвиняемаго. Но въ своихъ разбирательствахъ прибѣгалъ и къ пыткамъ, разумѣется, тайно.

Струйскій былъ нѣкогда владимірскимъ губернаторомъ. Одѣвался онъ очень странно: съ фракомъ носилъ парчевой камзолъ, подпоясывался розовымъ, шелковымъ кушакомъ, обувался въ бѣлые чулки, на башмакахъ носилъ бантики, а на голову повязывалъ длинную прусскую косу. Но главная страсть Струйскаго была стихотворство и типографское дѣло. Типографія его была богатѣйшая, печатаніе у него было доведено до наилучшаго въ то время въ Россіи искусства. Онъ выписывалъ изъ-за границы всевозможные шрифты, подносилъ императрицѣ Екатеринѣ II разные свои стихотворные труды. Она любовалась изданіями и хвасталась передъ иностранными посланниками, что у ней, за тысячу верстъ отъ столицы, въ глуши, процвѣтаетъ искусство и художество. Государыня не разъ посылала ему бриліантовые перстни за его труды.

На типографію Струйскій тратилъ весь свой доходъ съ имѣнія. Книги у него нерѣдко печатались на атласѣ и почти всегда на александрійской клее-

ной бумагѣ, съ превосходной виньеткой. Типографія составляла единственную его страсть, а стихи — единственное занятіе. Струйскій никогда не покидалъ своей Рузаевки. Послѣдняя у него была устроена великолѣпно, особенно прекрасны были въ ней садъ и цвѣтники. Стихи, или, вѣрнѣе, вирши Струйскій писалъ запоемъ, иногда по два дня, запершись на Парнасѣ и не принимая никакой пищи; въ это время онъ переодѣвался Аполлономъ.

Кромѣ своихъ сочиненій, Струйскій ничего не любилъ печатать на своихъ станкахъ; печатаніе шло у него очень быстро. Посѣтившій его извѣстный поэтъ прошлаго столѣтія князь И. М. Долгорукій разсказываетъ: меня онъ удостоилъ ласковаго своего пріема на Парнасѣ, за который дорого заплатилъ, однако, одинъ изъ моихъ товарищей, ибо онъ, читая ему свое одно стихотвореніе, по его мнѣнію лучшее, вошелъ въ такой восторгъ, что щипалъ слушателя до синихъ пятенъ. «Послѣ «Телемахиды» ничего нѣтъ на свѣтѣ потѣшнѣе, какъ его произведенія», замѣчаетъ Долгорукій. Струйскій уважалъ очень оптику и говорилъ, что многія сочиненія нашихъ авторовъ теряютъ свою цѣну оттого только, что листы не по правиламъ оптики обрѣзаны, что голосъ отъ этого ожидаетъ продолженія рѣчи тамъ, гдѣ переходъ ея прерывается, и отъ нескладности тона теряется сила мысли сочинителя.

Всѣ приказанія по имѣнію Струйскій отдавалъ на Парнасѣ; у подошвы же Парнаса происходило наказаніе. Иногда profanum vulgus оказывался виновнымъ и въ томъ, что помѣшалъ вдохновенію. Ив. П. Бекетовъ, служившій вмѣстѣ съ сыномъ Струйскаго въ одномъ гвардейскомъ полку, видѣлъ одно сочиненіе его отца и просилъ у него просмотрѣть его, но послѣдній далъ его подъ однимъ условіемъ: немедленно прислать его назадъ по первому требованію. Причина этому была слѣдующая: отъ времени до времени Струйскій требовалъ отъ сына увѣдомленія—«какой стихъ находился въ его сочиненіяхъ на такой-то строкѣ такой-то страницы?» Эти внезапные вопросы служили ему удовлетвореніемъ, что сынъ не разлучается съ его сочиненіями.

Правописаніе и пунктуація у Струйскаго были тоже свои особенныя, такъ что разстановка знаковъ препинанія, кажется, не представляла ничего, кромѣ каприза и произвола. Въ стихахъ Струйскаго была одна плоскость — его нельзя ставить рядомъ съ Третьяковскимъ и графомъ Хвостовымъ: у этихъ иногда встрѣчаются смѣшныя безсмыслицы — у Струйскаго стихи были до крайности плохи мыслями и путаницею рѣчи.

Струйскій былъ великій почитатель Сумарокова. Смерть этого чудака послѣдовала тоже довольно странная: его сильно поразила кончина императрицы Екатерины. Услышавъ это печальное извѣ-

стіе, онъ тотчасъ же слегъ въ постель, лишился языка и умеръ очень скоро.

Изъ рѣдкихъ, но пустыхъ книгъ этого чудака типографа-помѣщика извѣстны: «Апологія къ потомству отъ Ник. Струйскаго», затѣмъ первое изданіе «Камина», стиховъ И. М. Долгорукова, и «Блафонъ». Къ этой великолѣпно изданной книгѣ, поднесенной Екатеринѣ II, приложена превосходной работы гравюра, представляющая живописный плафонъ (потолокъ) залы дома Струйского въ Рузаевкѣ, съ алегорическимъ значеніемъ. Императрица изображена въ видѣ Минервы, сидящэя на облакѣ, окруженная геніями и различными атрибутами поэзіи, попирающая крючкотворство и взяточничество, пресмыкающіяся съ эмблемами лихоимства, какъ-то сахарными головами, мѣшкоми съ деньгами, баранами и проч. Все это поражается стрѣлами изображеннаго за богинею двуглаваго орла. Подлинникъ гравюры написанъ крѣпостнымъ художникомъ Струйскаго. Изъ роскошно изданныхъ книгъ его же извѣстна: «Епиталама или брачная пѣснь», на вожделѣнный для россіянъ бракъ е. и. в. благовѣрнаго государя вел. кн. Александра Павловича. Это сочиненіе посвящается «яко жертва усердія и восхищенія». Стихи отпечатаны на бѣломъ атласѣ. Въ своей «Епиталамѣ» плодовитый рузаевскій стихотворецъ сзываетъ на брачное торжество чуть ли не всѣхъ боговъ Олимпа. Стихотвореніе оканчивается обра-

щеніемъ къ холмамъ, долинамъ и токамъ, чтобы тѣ внимали его пѣснѣ, и затѣмъ приглашаетъ знакомыхъ ему, какъ стихотворцу, фавновъ, почтить играми своими торжество и, отбирая у Эрота лукъ и стрѣлы, заставляетъ его плясать.

Извѣстно еще «Письмо о россійскомъ театрѣ нынѣшняго состоянія». Письмо написано Струйскимъ къ актеру Дмитревскому, въ немъ онъ вспоминаетъ о блестящей эпохѣ, когда на сценѣ шли трагедіи Сумарокова, и скорбитъ о настощемъ времени, когда вмѣсто безсмертныхъ твореній «стремятся игрищи вводить». Особенно гнѣвно нападаетъ онъ на Княжнина за его Вадима, называя его рыгающимъ на законъ, открывающимъ въ себѣ явно измѣнника и возмутителя. Обличаетъ его въ безвѣріи и посягательствѣ на власть, представляетъ картину тѣхъ страшныхъ послѣдствій для автора трагедіи и актеровъ, которыя повлекло бы за собою представленіе ея на сценѣ. Не смотря на нелѣпо выраженныя и пересыпанныя безсмысленною бранью сужденія автора о Княжнинѣ, нельзя не видѣть въ нихъ отголоска тогдашнихъ воззрѣній относительно этого какъ самой императрицы, такъ и окружавшихъ ее высшихъ государственныхъ сановниковъ. Это сочиненіе Струйскаго было тоже имъ поднесено императрицѣ. Всѣхъ книгъ, отпечатанныхъ Струйскимъ въ его деревенской типографіи, извѣстно не болѣе 20-ти штукъ.

Изъ старинныхъ нашихъ поэтовъ былъ большой чудакъ Ермилъ Ивановичъ Костровъ; знавшіе его коротко разсказываютъ о немъ много забавныхъ странностей. Входилъ онъ въ гости къ пріятелямъ въ комнату всегда въ треугольной шляпѣ, снималъ ее для поклона и снова надѣвалъ на глаза, садился куда нибудь въ уголокъ и молчалъ. Только тогда приметъ участіе въ разговорѣ, когда услышитъ рѣчь любопытную или забавную и тогда приподыметъ шляпу, взглянетъ на говорящаго и опять ее надѣнетъ. Костровъ былъ небольшого роста, головка маленькая, нѣсколько курносъ, волосы приглажены такъ, какъ всѣ тогда носили, букли и пудрились; колѣнки согнуты, на ногахъ стоялъ не твердо и былъ вообще, что называется рохля. И. И. Дмитріевъ говоритъ, что рядомъ съ нимъ на улицѣ ходить было совѣстно: онъ и трезвый шатался. Какая нибудь старуха, увидѣвъ его, скажетъ съ сожалѣніемъ: видно, бѣдный, больнехонекъ! А другой, встрѣтясь съ нимъ, пробормочетъ: экъ, нахлюстался!

Костровъ былъ добродушенъ, простъ и чрезвычайно безобиденъ и незлопамятенъ, податливъ на все и безотвѣтенъ; въ немъ было что-то чисто ребяческое. Нравственности онъ былъ непорочной. Но когда онъ былъ навеселѣ, то любилъ читать романъ Вертера и заливался слезами. Въ такомъ поэтическомъ положеніи, лежа на столѣ, обращался

онъ мыслію и словами къ какой-то любезной, которой у него никогда не было, называлъ ее по имени и восклицалъ: «Гдѣ ты? на Олимпѣ?.. Выше! Въ Эмпиреѣ! Выше! Не постигаю!!»—и умолкалъ.

Въ домѣ извѣстнаго мецената Ив. И. Шувалова ему была отведена комната возлѣ дѣвичьей. Тутъ онъ переводилъ Иліаду. Домашніе Шувалова обращались съ нимъ почти его не замѣчая.

Однажды Ив. Ив. Дмитріевъ пріѣхалъ къ Шувалову и, не заставъ его дома, посѣтилъ Кострова и засталъ его въ дѣвичьей: онъ сидѣлъ въ кругу ихъ и сшивалъ разные лоскутки. На столѣ, возлѣ лоскутковъ, лежалъ греческій Гомеръ, разогнутый и обороченный вверхъ переплетомъ. На вопросъ: чѣмъ онъ это занимается? Костровъ отвѣчалъ очень просто: «Да, вотъ, дѣвчата велѣли что-то сшить!» и продолжалъ свою работу.

Добродушіе Кострова было плѣнительное. Его вывели на сцену въ одной комедіи и онъ любилъ заставлять при себѣ читать явленія, въ которыхъ представленъ былъ въ смѣшномъ видѣ. «Ахъ, онъ пострѣлъ!» говорилъ онъ объ авторѣ, «да я въ немъ и не подозрѣвалъ такого ума. Какъ онъ славно потрафилъ меня!» Часто въ гостяхъ у Бекетовыхъ, друзья, подпоивши Кострова, ссорили его съ молодымъ братомъ Карамзина.

Костровъ принималъ эту ссору не за шутку,

дѣло доходило до дуэли.—Карамзину давали въ руки обнаженную шпагу, а Кострову ножны. Онъ не замѣчалъ этого и съ трепетомъ сражался, боясь пролить кровь неповинную. Никогда не нападалъ, а только защищался.

И. И. Дмитріевъ съ нимъ сыгралъ слѣдующую шутку: поддерживая Кострова въ веселомъ настроеніи нѣкоторое время, онъ увезъ его изъ Москвы и, поивъ всю дорогу, полупьянаго привезъ въ Петербургъ и выпустилъ его на самой многолюдной улицѣ. «Гдѣ я?» произнесъ Костровъ:—«я не узнаю Москвы!»

Въ Петербургѣ князь Потемкинъ пожелалъ видѣть Кострова.—Прошло нѣсколько времени, пока его совершенно не протрезвили—но надо было снарядить Кострова и этимъ занялись его друзья. Всякій удѣлилъ ему изъ своего платья — кто французскій кафтанъ, кто шелковые чулки и проч. Послѣ продолжительнаго ожиданія Костровъ былъ введенъ въ кабинетъ свѣтлѣйшаго князя. Костровъ отвѣсилъ Потемкину поклонъ. «Вы перевели Гомерову Иліаду?» спросилъ вельможа. Потомъ пристально посмотрѣлъ на него, кивнулъ головою, тѣмъ свиданіе и кончилось.

Костровъ вышелъ изъ кабинета, радуясь, что счастливо отдѣлался отъ надменнаго сановника и уже съ поспѣшностью пробирался сквозь толпу, какъ былъ остановленъ его адъютантомъ, сказавшимъ ему, что свѣтлѣйшій приглашаетъ

его къ своему обѣденному столу. За обѣдомъ у Потемкина Костровъ не забылъ себя, не пропустилъ ни одного напитка, ни одного блюда, и потомъ, когда всѣ встали съ своихъ мѣстъ, его принуждены были взять слуги подъ руки и усадить въ карету.

Императрица Екатерина II въ бытность свою въ Москвѣ пригласила Кострова къ обѣденному столу, возложивъ это порученіе на Шувалова. Слабость поэта была извѣстна меценату; онъ призвалъ его къ себѣ, велѣлъ одѣться и просилъ непремѣнно явиться къ нему въ трезвомъ видѣ, чтобы вмѣстѣ ѣхать во дворецъ. Настаетъ часъ; Шуваловъ посылаетъ за Костровымъ, но его нигдѣ не находятъ. Вельможа отправляется одинъ къ государынѣ и оправдываетъ поэта передъ царицей, сказавъ, что онъ заболѣлъ. Недѣли черезъ двѣ Костровъ является къ Шувалову.—«Не стыдно ли тебѣ, Ермилъ Ивановичъ, говоритъ послѣдній, что ты промѣнялъ дворецъ на кабакъ?»—Побывайте-ка, Ив. Ив., въ кабакѣ,—отвѣчалъ Костровъ, — право его не промѣняете ни на какой дворецъ!—О вкусахъ не спорятъ, сказалъ Шуваловъ.

На языкѣ Кострова пить съ воздержаніемъ — значило такъ, чтобы держаться на ногахъ. Однажды шелъ онъ изъ трактира съ Верещагинымъ, тоже поэтомъ, студентомъ, который, пивши не съ воздержаніемъ, поползъ на четверинкахъ: «Ве-

рещагинъ!» закричалъ ему Костровъ: — «не по чину, не по чину!»

Въ другой разъ, послѣ обѣденнаго стола у Карина, тоже поэта, но богатаго барина, Костровъ такъ напился, что закинулъ голову на спинку дивана. Одинъ изъ присутствовавшихъ, желая подшутить надъ нимъ, спросилъ его: «Что Ермилъ Ивановичъ, у тебя мальчики въ глазахъ?» — «И самые глупые!» отвѣчалъ Костровъ.

За нѣсколько дней до кончины его, Карамзинъ встрѣтилъ Кострова въ книжной лавкѣ. Онъ былъ измученъ лихорадкою. «Что это съ вами сдѣлалось?» спросилъ его Карамзинъ.—Да вотъ какая бѣда!—отвѣчалъ онъ:—всегда употреблялъ горячее, а умираю отъ холоднаго!

Существуетъ театральная пьеса Кукольника: «Ермилъ Ивановичъ Костровъ», фабула которой построена на случаѣ, характеризующемъ душевную доброту поэта. Въ 1787 году императрица пожаловала ему 1,000 руб. новыми ассигнаціями за переводъ Иліады. Костровъ съ этими деньгами отправился покутить въ любимый свой Цареградскій трактиръ. Здѣсь, попивая вино, онъ встрѣтилъ убитаго горемъ офицера; поэтъ участливо разговорился съ нимъ и узналъ его печальную повѣсть—офицеръ потерялъ казенныхъ денегъ 800 рублей и долженъ быть разжалованъ въ солдаты. Услышавъ этотъ разсказъ, Костровъ сказалъ ему: «Я нашелъ ваши деньги и не хочу

воспользоваться ими!», и съ этими словами положилъ на столъ 800 руб. передъ удивленнымъ офицеромъ и тотчасъ же скрылся. Но Кострова всѣ знали въ Москвѣ и добрый поступокъ его вскорѣ сталъ извѣстенъ городу.

Суворовъ высоко цѣнилъ Кострова, называлъ его своимъ другомъ и не разставался съ его переводомъ Оссіана. Заслуги, оказанныя Костровымъ нашей литературѣ, памятны посейчасъ, но литературные труды его не обогатили. Костровъ вѣчно нуждался и умеръ въ нищетѣ, какъ и Гомеръ.

Существуетъ разсказъ, что за остальныя шесть пѣсенъ Иліады ему московскій книгопродавецъ предложилъ только 150 рублей, но тотъ ихъ не принялъ и бросилъ свой переводъ въ печку. Неизвѣстно, какимъ образомъ сохранилась седьмая, восьмая и половина девятой пѣсни, которыя были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» 1811 года. Костровъ умеръ 9-го декабря 1796 года и похороненъ въ Москвѣ, на Лазаревскомъ кладбищѣ. Происхожденіемъ онъ былъ крестьянинъ Вятской губерніи, но сказывалъ самъ о себѣ, что онъ сынъ дьячка.

Изъ старинныхъ поэтовъ былъ еще замѣчательный по своимъ странностямъ: это—В. П. Петровъ. Костровъ перевелъ Иліаду, Петровъ — Энеиду и оба шестистопными ямбами. Петровъ имѣлъ важную, напыщенную наружность; онъ

былъ другъ Потемкина; произведенія его теперь забыты—виною тяжелый, выспренній слогъ.

Этотъ бардъ писалъ свои оды, ходя по Кремлю; за нимъ носилъ бумагу и чернильницу его ливрейный лакей. При видѣ Кремля, онъ наполнялся восторгомъ, останавливался и писалъ. Костровъ не любилъ стиховъ Петрова, но пьяный за пуншевою чашею, любилъ ихъ слушать.

Князь Вяземскій разсказываетъ, что при одной барынѣ-старушкѣ читали разъ оду Петрова къ графу Гр. Орлову:

Блюститель строгаго Зенонова закона
И стоикъ посреди великолѣпій трона

— При первомъ стихѣ старая барыня прервала чтеца. «Какой вздоръ! Совсѣмъ не Зенонова: законная жена графа Орлова была Зиновьева; я очень хорошо знавала ее.

ГЛАВА XV.

Замѣчательные чудаки.

Въ былые годы въ Малороссіи существовали странствующіе поэты, которые проживали въ домахъ богатыхъ пановъ и оживляли семейные празднества своими импровизаціями. Въ XVIII вѣкѣ по Малороссіи въ каникулярное время расхаживали кіевскіе студенты и представляли духовные драмы; бандуристы распѣвали возлѣ церквей духовные гимны, а на площадяхъ и въ домахъ— думы (родъ балладъ) и патріотическія пѣсни. Изъ всего этого не осталось теперь и слѣда, но у русскихъ помѣщиковъ еще въ началѣ текущаго столѣтія проживали въ подмосковныхъ и въ приволжскихъ усадьбахъ домашніе поэты и сочинители, которые въ дни тезоименитствъ своихъ помѣщиковъ писали на эти торжества вирши, сочиняли пьесы, шарады въ лицахъ и т. д. Изъ такихъ дворовыхъ сочинителей извѣстны по остав-

леннымъ ими печатнымъ трудамъ: Матинскій, дворовый человѣкъ графа Разумовскаго, и Вроблевскій, такой же крѣпостной графа Шереметева; первый изъ нихъ написалъ комическую оперу «Петербургскій Гостиный дворъ», которая долго не сходила съ репертуара; второй извѣстенъ также, помимо театральныхъ пьесъ, многими учеными переводами съ нѣмецкаго и другихъ языковъ.

Въ старину поэзія и бѣдность были почти синонимы, и многіе такіе прислужники или жрецы Аполона ходили по линіямъ Гостинаго и Апраксина двора въ рубищѣ, въ дырявыхъ сапогахъ, по лавкамъ, подавая каждому встрѣчному четко написанный акростихъ, въ довольно звучныхъ стихахъ, начальныя буквы котораго воспроизводили фамилію поэта, а остальныя гласили, что автору нужны сапоги и кусокъ хлѣба.

Помимо такихъ странствующихъ литераторовъ, еще въ началѣ сороковыхъ годовъ можно было встрѣтить объявленіе въ газетахъ, что «Т—въ жительствуетъ на Выборгской сторонѣ въ домѣ такого-то, что онъ сочиняетъ стихотворенія на разные случаи, какъ-то: поздравительныя, театральныя, погребальныя надписи на памятники и пишетъ различныя письма, какъ амурныя, такъ и дѣловыя».

Долгое время въ Москвѣ пользовался большою популярностью прозванный духовнымъ майоромъ отставной гусаръ павловскихъ временъ Д—овъ,

который изобрѣлъ себѣ особаго рода занятіе — предшествовать всѣ погребальныя процессіи и присутствовать при всѣхъ архіерейскихъ и митрополичьихъ служеніяхъ. Онъ на богатыхъ похоронахъ всегда шелъ впереди печальнаго кортежа въ отставномъ гусарскомъ голубомъ мундирѣ, съ напудренными завитками на вискахъ и съ косой на спинѣ; на головѣ его была огромная треугольная шляпа съ полуаршиннымъ бѣлымъ плюмажемъ.

На митрополичьихъ служеніяхъ онъ прочищалъ путь владыкѣ, и во время служенія ставилъ къ образамъ свѣчи, поправлялъ лампады и суетился всюду. Когда, бывало, говорили о похоронахъ, то при этомъ прибавляли: «да, похороны были богатыя, съ майоромъ».

Купеческія похороны были особенно пріятны для стараго гусарскаго майора, потому что онъ тутъ былъ всегда почетнѣйшимъ гостемъ и угощаемъ былъ наславу. Занимаясь такимъ почетнымъ занятіемъ, онъ считалъ себя почти офиціальнымъ лицомъ въ городѣ и, проживая по квартирамъ, не платилъ домохозяевамъ ничего. Нанимая квартиру, онъ не давалъ хозяину никакого задатка, но заявлялъ, что благородное его слово вѣрнѣе всякихъ контрактовъ. И въ самомъ дѣлѣ, если до переѣзда его на квартиру, хозяинъ, зная его привычки, просилъ не задерживаться у него, то онъ сдерживалъ слово и переѣзжалъ въ назначенный день. По большей же части дѣло выходило такъ:

когда истекалъ мѣсяцъ, являлся хозяинъ съ требованіемъ платы за квартиру; жилецъ отвѣчалъ, что не можетъ теперь отдать. На другой и на третій мѣсяцъ повторялось то же.

Выведенный изъ терпѣнія хозяинъ обращался въ полицію.—Да чего же вы хотите, спрашивали у него въ участкѣ.—Конечно, денегъ.—Отъ Д—ова-то? Да онъ даромъ живетъ, это всѣмъ извѣстно и такъ заведено съ испоконъ-вѣка, вѣдь онъ духовный майоръ, у преосвященнаго состоитъ. Мы на него и жалобы не принимаемъ, и если вы искать станете, то только время потратите. А вы лучше пріищите-ка для него приличную квартиру, заплатите за мѣсяцъ впередъ, а тамъ поклонитесь ему и попросите его переѣхать. И хозяинъ, слѣдуя этому благоразумному совѣту, поклонится павловскому служакѣ, сдѣлаетъ надлежащее приношеніе ему же и перевезетъ духовнаго майора къ новому домохозяину.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ или немного болѣе проживалъ и въ Петербургѣ такой же любитель всякихъ богатыхъ покойниковъ. Это былъ отставной вице-губернаторъ Ш—евъ; послѣдній до того обожалъ усопшихъ, что узнавъ отъ гробовщика, что въ такомъ-то домѣ скончался такой-то, бралъ изъ дому небольшую подушку и прямо переселялся въ квартиру мертвеца; онъ его обмывалъ, читалъ по немъ псалтырь, провожалъ на кладбище и покидалъ послѣднимъ могилу.

Матеріально обезпеченный, онъ всю жизнь проводилъ въ такихъ хлопотахъ и даже самъ видимо желалъ поскорѣй умереть. Онъ прежде служилъ у извѣстнаго мистика, министра императора Александра I, князя Голицына, былъ масономъ и чуть ли не принадлежалъ къ татариновской сектѣ. Старику шелъ восьмидесятый годъ и смерть не приходила, старикъ очень скучалъ. Но вотъ легкое нездоровье посѣтило его. Онъ просто обрадовался, послалъ за старымъ своимъ пріятелемъ-гробовщикомъ.—Что вамъ угодно?—спросилъ послѣдній.—Сними мѣрку съ меня да поспѣши, не медли работой. Гробъ сдѣлай изъ дубоваго дерева, полированный, подъ лакъ, лучшей работы, ручки поставь серебряныя, да придѣлай и замокъ съ ключемъ къ нему. На крышкѣ, противъ того мѣста, гдѣ будетъ лежать моя голова, вырѣжь отверстіе и вставь въ него толстое стекло.

Но гробъ простоялъ еще два года, Ш—въ два раза въ недѣлю ходилъ его осматривать. За два дня до смерти онъ писалъ гробовщику.—Приготовьте мнѣ мое жилище, обметите его и почистите. Въ прошедшій разъ я замѣтилъ, что ручки потускли... пожалуйста, содержите гробъ въ чистотѣ... Черезъ два дня онъ умеръ.

Въ Петербургѣ, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія проживалъ другой такой же любитель похоронъ—это былъ Иванъ Өедоровичъ Лужковъ, служившій при императрицѣ Екатеринѣ II въ

Эрмитажѣ, въ должности библіотекаря и консерватора драгоцѣнныхъ вещей. Императрица очень любила говорить съ Лужковымъ; послѣдній былъ человѣкъ строгой честности и говорилъ государынѣ одну правду, иногда въ очень рѣзкой формѣ. Екатерина, часто разбирая эстампы и камеи, спорила съ нимъ и, выходя изъ Эрмитажа, не рѣдко говорила Лужкову: «Ты всегда споришь и упрямъ, какъ оселъ». Лужковъ на это, вставая съ кресел, отвѣчалъ: «Упрямъ, да правъ!»

Императоръ Павелъ I былъ также очень милостивъ съ Лужковымъ, но зная его упрямый характеръ, при вступленіи на престолъ наградилъ его чиномъ и далъ отставку съ пенсіономъ въ 1,200 руб., что по тогдашнему времени считалось очень щедрымъ.

Лужковъ при императрицѣ въ чинѣ титулярнаго совѣтника служилъ болѣе 25 лѣтъ. Императоръ, зная это, велѣлъ ему купить еще домъ. Лужковъ у государя попросилъ, чтобъ онъ ему далъ клочекъ земли на Охтѣ, вблизи кладбища, на которомъ онъ могъ бы себѣ выстроить небольшой домикъ. Павелъ приказалъ исполнить его просьбу, и Лужкову была отведена на Охтѣ, подлѣ кладбища, земля и выстроенъ домъ. Лужковъ жилъ на Охтѣ до своей кончины. Занятія его были: каждый день ходить къ утрени въ церковь, возвратившись изъ храма домой, онъ пилъ чай и потомъ писалъ свои записки. Обѣдать ему

приносили изъ харчевни, при немъ жили два отставныхъ солдата. Подъ конецъ своей жизни онъ рылъ на кладбищѣ для бѣдныхъ покойниковъ могилы и любилъ писать эпитафіи, нерѣдко очень игривыя. Вотъ одна изъ его эпитафій, сохранившаяся на Охтенскомъ кладбищѣ: «Паша, гдѣ ты? Здѣся, а Ваня»? подалѣе немного: «а Катя? осталась въ суетахъ»!

Въ екатерининское время были извѣстны своими странностями два помѣщика С. Е. Кротковъ и С. Т. Мацневъ. Перваго изъ нихъ императрица выставляла всѣмъ русскимъ помѣщикамъ какъ образцоваго хозяина; дѣйствительно, онъ къ своимъ 300 душамъ родовыхъ съумѣлъ въ сорокъ лѣтъ нажить еще 10 тыс. душъ крестьянъ. Кротковъ былъ неутомимый хозяинъ, сѣдыя густыя брови его почти совсѣмъ закрывали глаза, но зоркое око его еще въ 70 лѣтъ пристально слѣдило за ходомъ хозяйственной его машины.

Жихаревъ говоритъ, что богатство Кроткова имѣло источникомъ совершенно романическое приключеніе. Кротковъ былъ прежде очень бѣдный дворянинъ, обремененный семействомъ. Пугачевъ, во время разгрома Симбирской губерніи, проѣзжая мимо деревушки Кроткова, полюбилъ мѣстоположеніе этой деревушки и обратилъ ее въ главное свое становище, а изъ гумна, риги и овиновъ подѣлалъ магазины и кладовыя для всего награбленнаго имъ въ губерніи имущества. Когда

налетѣвшіе отряды войскъ выгнали самозванца изъ его становища, Кротковъ, слѣдовавшій за отрядами, немедленно возвратился въ свое имѣньице и нашелъ въ ригѣ, овинахъ и даже въ хлѣбныхъ скирдахъ множество всякаго добра и, между прочимъ, нѣсколько бауловъ съ деньгами, серебряной посудой и другими разными драгоцѣнными вещами, всего тысячъ на триста. Тутъ накупилъ онъ имѣній и, будучи хорошимъ хозяиномъ, годъ отъ году пріобрѣталъ все болѣе и болѣе. Благово разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Кротковъ нашелъ у себя много церковной утвари, которую онъ и возвратилъ по монастырямъ. Но не въ прокъ пошло богатство, доставшееся такъ неожиданно. У Кроткова было нѣсколько сыновей, это были лихіе молодцы и ловко спускали съ рукъ пугачевскія деньги. Въ особенности одинъ изъ нихъ былъ большой кутила и шалунъ на всякія проказы; онъ ни передъ чѣмъ не останавливался: когда что задумаетъ, то и поставитъ на своемъ. Отецъ былъ скупъ и нравомъ крутъ, и очень не хотя давалъ дѣтямъ деньги на мотовство, а проказника сына частенько и бивалъ изъ своихъ рукъ и разъ даже велѣлъ конюхамъ выпороть на конюшнѣ. Это въ старину водилось и не считалось безчестіемъ— не отъ чужого побои, а отъ отца. Сынъ, однако, задумалъ отмстить родителю и придумалъ слѣдующее: безъ вѣдома отца взялъ да и продалъ одно изъ лучшихъ его имѣній и въ число кре-

стьянъ во главѣ подворной описи помѣстилъ въ продажу и самого родителя своего подъ скромнымъ званіемъ бурмистра Степана сына Кроткова. Это дѣло надѣлало въ свое время много шума и старикъ едва выпутался изъ бѣды и ежели бы онъ не смиловался надъ своимъ сыномъ, тому не миновать было бы ссылки за подлогъ и ужасный поступокъ съ отцомъ.

Впрочемъ, не одинъ этотъ сынъ былъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ: и другіе братья тоже принимали въ немъ участіе. Продавши отца, Кротковъ изъ шалости и отъ долговъ распустилъ слухъ о своей смерти и выѣхалъ изъ Петербурга въ гробу въ свою Симбирскую губернію. Историкъ и критикъ Болтинъ былъ его пасынкомъ, вотчимъ заставлялъ его пѣть въ хорахъ, составленныхъ изъ дворовыхъ людей, и утѣшалъ себя на веселыхъ и пріятельскихъ попойкахъ. Пасынокъ урывками отъ пьяныхъ бесѣдъ потихоньку, въ тайнѣ предавался литературѣ. Чтобы наказать своихъ сыновей за непочтительность и чтобы они не выжидали корысти ради отцовской смерти,— старикъ Кротковъ задумалъ жениться на молодой женщинѣ, бѣдной дворянкѣ Марѳѣ Яковлевнѣ. Послѣдняя тоже была не безъ крупныхъ странностей. Она извѣстна была въ до-пожарной Москвѣ подъ именемъ Марѳы Кроткой; ей принадлежало извѣстное подмосковное «Молоди».

Въ тѣ же годы, какъ мы уже сказали, въ Россіи никто такъ не славился своими экономиче-

скими талантами, какъ орловскій помѣщикъ Спирид. Тим. Мацневъ. Онъ служилъ секретаремъ въ орловской провинціальной канцеляріи, затѣмъ вышелъ въ отставку и принялся хозяйничать, и въ нѣсколько лѣтъ нажилъ и заработалъ такъ, что имѣлъ болѣе шести тысячъ душъ и лѣсную дачу въ 18 тыс. десятинъ. Хозяйство его было почти безпримѣрное: ему были вѣдомы всѣ нужды его крестьянъ, ни одинъ изъ его крѣпостныхъ ни за чѣмъ не долженъ былъ ѣздить въ городъ, все нужное для себя онъ находилъ въ экономіи своего барина и все отъ него покупалъ. Но у Мацнева, по пословицѣ «легъ и всталъ», надзоръ надъ всѣмъ былъ самый рачительный. Помѣщики его называли «хлѣбною маткою».

Самъ онъ, при всемъ богатствѣ, по внѣшности не отличался ничѣмъ отъ своего мужика. Ходилъ въ лаптяхъ и простомъ мужицкомъ нарядѣ, ѣлъ на деревянныхъ тарелкахъ и деревянными ложками, и, больше отъ скупости, морилъ себя голодомъ. Самый парадный его выѣздъ въ поле былъ въ холстинномъ халатѣ, облитомъ масляною краскою, часто безъ сѣдла, на одномъ потникѣ. Нравственности онъ былъ не высокой, со всѣми ссорился и притѣснялъ сосѣдей. Все его богатство не пошло въ прокъ! Былъ у него одинъ сынъ, но и тотъ при немъ умеръ. Послѣ него остался внукъ, который хотя и женился на богатой аристократкѣ, родной сестрѣ любимца Екатерины II, но изъ всего своего и женина уберегъ только имѣніе въ 400 душъ,

на которомъ, впрочемъ, долговъ, было больше, чѣмъ оно стоило. Дѣти его тоже отличались большими причудами.

Въ екатерининское время пріобрѣтать имѣнія и населять ихъ крестьянами между ловкими прожектерами считалось не особенно трудно. Извѣстный купецъ Фалѣевъ, впослѣдствіи дворянинъ, любимецъ и компаніонъ въ комерческихъ дѣлахъ Потемкина, до того эксплоатировалъ свою власть, что даже землю пахивалъ на рекрутахъ. Фалѣевъ, благодаря покровительству своего друга, имѣлъ силу на столько безпредѣльную, что захватывалъ однодворческія земли и населялъ ихъ цѣлыми сотнями и тысячами рекрутъ и составлялъ такимъ образомъ цѣлыя себѣ деревни. Иногда случалось у нѣкоторыхъ баръ и наоборотъ. Такъ, къ числу странныхъ московскихъ происшествій 1795 г. надо отнести и пропажу цѣлыхъ двадцати тысячъ душъ у извѣстнаго вельможи графа Кириллы Григорьевича Разумовскаго. Это обстоятельство случилось между четвертою и пятою ревизіею и сдѣлано было такъ искусно и скрытно, что по множеству деревень и помѣстій и дознаться было трудно; пропали крестьяне не въ одномъ мѣстѣ, а понемногу и въ разныхъ мѣстахъ. Учинено это было, какъ ходили тогда слухи, главнымъ управляющимъ съ согласія фаворитки графа. Крестьяне очутились во владѣніи послѣднихъ двухъ.

ГЛАВА XVI.

Чудаки и оригиналы.

Одинъ изъ внуковъ извѣстнаго вельможи, графа Р., принадлежалъ къ числу самыхъ странныхъ людей и могъ назваться совершеннымъ чудакомъ; его избаловали въ дѣтствѣ, давъ ему полную свободу. Мать его, проживавшая всегда въ роскоши заграницей, внушила ему склонность къ бродяжничеству и исканію приключеній.

Онъ нѣсколько разъ убѣгалъ изъ богатаго родительскаго дома, скрывался у людей самаго низкаго званія,—у разносчиковъ и рабочихъ, снискивая у нихъ скудное себѣ пропитаніе. Лѣтъ четырнадцати отъ роду онъ пропадалъ болѣе друхъ лѣтъ, скитаясь по ярмаркамъ съ цыганами и ворами. Замѣчательно, что при такой бродячей жизни онъ не утерялъ познаній въ разныхъ наукахъ и не забылъ знаніе языковъ. Отыскавъ его, заставили заниматься дѣлами, которыя даны ему рожденіемъ и богат-

ствомъ. Спустя годъ, онъ бросилъ всѣ дѣла, началъ кутить, мотать и задолжалъ до того, что долженъ былъ бѣжать заграницу. Тамъ, безъ всякихъ средствъ, онъ рыскалъ по всей Европѣ и пускался въ сумасбродства разнаго рода; по его разсказамъ, онъ былъ конюхомъ у своего двоюроднаго брата въ Австріи, гдѣ нанялся подъ чужой фамиліей, затѣмъ былъ кучеромъ, почтальономъ, хлѣбопашцемъ, огородникомъ, слугою веселаго дома въ Парижѣ.

Долго такъ странствуя заграницей, онъ черезъ Бессарабію перебрался въ Россію; здѣсь онъ поступилъ въ шайку очень ловкихъ мошенниковъ и болѣе пяти лѣтъ разъѣзжалъ по ярмаркамъ, гдѣ сбывалъ фальшивые виды на жительство и поддѣльныя ассигнаціи. Подъ конецъ онъ попалъ въ скитъ къ раскольникамъ; тамъ онъ подвизался болѣе двухъ лѣтъ и былъ самымъ ярымъ поборникомъ одного изъ самыхъ вреднѣйшихъ изувѣрскихъ толковъ — самосожигателей.

Послѣ этого онъ былъ арестованъ и содержался болѣе пяти лѣтъ въ Соловецкомъ монастырѣ, откуда уже былъ, по принесеніи полнаго раскаянія, выпущенъ на свободу. Получивъ родовыя богатства по смерти своей матери, онъ отправился жить въ одинъ изъ нашихъ приморскихъ городовъ, гдѣ выстроилъ довольно большой каменный домъ съ хитро-устроенными тайниками, подземельями; въ послѣднемъ у него

былъ устроенъ такой мудреный лабиринтъ, выходъ изъ котораго былъ извѣстенъ одному ему. Здѣсь была одна комната, отдѣланная въ азіятскомъ вкусѣ такъ роскошно и пышно, что живо напоминала одну изъ сказокъ изъ «Тысячи одной ночи»; въ ней онъ и уединялся по цѣлымъ мѣсяцамъ и болѣе, пищу и напитки онъ получалъ отъ дворецкаго по запискамъ, которыя клалъ ночью въ одной комнатѣ своего дома.

Въ такіе дни его самозакупориванія слугамъ былъ данъ строгій завѣтъ не встрѣчаться съ нимъ подъ угрозою смерти. Чѣмъ кончилъ свою жизнь этотъ болѣе чѣмъ странный чудакъ, такъ и осталось неизвѣстнымъ. Кто говорилъ, что онъ тайно бѣжалъ въ Турцію, разсказывали также, что онъ былъ убитъ въ своемъ тайникѣ ловкими мошенниками, нашедшими возможность пробраться въ его заповѣдную комнату.

Въ числѣ такихъ же чудаковъ, посвятившихъ себя на вѣчное одиночество, только въ самомъ небольшомъ пространствѣ, былъ одинъ изъ польскихъ шляхтичей, Воронскій. Вотъ его исторія. Въ концѣ царствованія Екатерины II по Россіи разъѣзжалъ механикъ Кемпеленъ со своимъ автоматомъ, знаменитымъ игрокомъ въ шахматы, съ которымъ не могли совладать самые искусные игроки-шахматисты. Автоматъ Кемпелена въ первый разъ показывался въ Варшавѣ 10-го октября 1776 года. Автоматъ былъ сдѣланъ въ ростъ че-

ловѣка и одѣтъ въ турецкое платье; онъ сидѣлъ за ящикомъ длиною въ три фута и три дюйма и шириною въ девять дюймовъ; на серединѣ ящика находилась шахматная доска. Передъ началомъ партіи механикъ показывалъ публикѣ всѣ затѣйливыя пружины, колеса и цилиндры, устроенные въ ящикѣ; подъ конецъ вынималъ изъ того же ящика шахматы и подушку, на которую долженъ былъ облокотиться турокъ-автоматъ. Затѣмъ снималъ съ куклы платье и такимъ образомъ показывалъ его внутреннее устройство. Послѣ того механикъ заводилъ пружину ключемъ. Турокъ, кивнувъ головою въ знакъ приготовленія, бралъ пальцами пѣшку, переносилъ ее на другое мѣсто и клалъ руку на лежавшую возлѣ него подушку. Такъ какъ автоматъ не могъ объясняться, то механикъ предупреждалъ, что троекратное наклоненіе головы будетъ значить шахъ королю, а двоекратное — шахъ королевѣ.

Какъ бы ни былъ силенъ игрокъ, а автоматъ его побѣждалъ и былъ несравненно опытнѣе противника. Выставка автомата шахматнаго игрока, изобрѣтеннаго и составленнаго механикомъ Кемпеленомъ, надѣлала много шума не въ одной Россіи, но и въ цѣлой Европѣ. Сама императрица Екатерина II пожелала видѣть знаменитаго шахматнаго игрока и убѣдиться въ его искусствѣ. Государыня даже изъявила желаніе купить чудеснаго автомата, но Кемпеленъ умѣлъ ловко отклонить

это предложеніе, объявивъ, что личное присутствіе механика для шахматнаго игрока необходимо.

Но позднѣе открылось, что шахматный автоматъ былъ колосальная мистификація. Въ автоматѣ помѣщался безногій и съ одной лѣвой рукой полякъ Воронскій, пострадавшій во время смутъ перваго раздѣла Польши; человѣкъ онъ былъ очень умный и энергичный, и крайне небольшого роста. Во время уличной схватки онъ былъ раненъ въ обѣ ноги и руку, но успѣлъ сползти въ ровъ и укрыться отъ побѣдителей. Одинъ хирургъ сумѣлъ его вылечить, отнялъ ноги и руку, пораженныя уже гангреной. Выздоровѣвъ послѣ такого увѣчья, Воронскій поклялся не показываться уже людямъ въ своемъ натуральномъ видѣ и самъ придумалъ механизмъ, въ которомъ онъ могъ бы дѣйствовать какъ автоматъ шахматный игрокъ. Механикъ Кемпеленъ былъ никто иной, какъ его простой помощникъ.

Къ числу людей легковѣрныхъ, надѣявшихся разбогатѣть, отыскавъ большой кладъ, принадлежалъ одинъ изъ героевъ кавказской войны, генералъ Б. Страсть его къ поискамъ кладовъ доходила до того, что онъ мѣсяцами и болѣе жилъ въ какой нибудь глухой лѣсной мѣстности, со своими копачами, питаясь скудною пищею. Генералъ, выйдя въ отставку, по зимамъ живалъ въ Петербургѣ, но только лишь приходила весна, онъ уже снимался съ мѣста и отправлялся куда-

нибудь на югъ въ степи, или на Волгу въ лѣсныя мѣста.

Въ былые годы у насъ господствовало среди всѣхъ классовъ повѣрье въ клады. Основаніемъ этому служило то, что иногда зажиточные люди, боясь покражи или истребленія пожаромъ нѣкоторыхъ вещей и денегъ, зарывали ихъ въ землю, потомъ умирали, не взявъ спрятаннаго ими изъ потаеннаго, извѣстнаго имъ только однимъ, мѣста. По прошествіи же многихъ лѣтъ, иногда находили случайно зарытое добро, стоимость котораго слишкомъ преувеличивала народная молва. Точно также и разбойники зарывали иной разъ награбленное ими въ лѣсахъ и другихъ намѣченныхъ ими мѣстахъ.

На Волгѣ нѣтъ, кажется, оврага или горы, о которыхъ народная молва не разсказывала бы, что будто здѣсь зарытъ кладъ Стенькой Разинымъ или Кудеяромъ. Много также разсказывается и про Пугачева; въ Пензенской губерніи, есть одно мѣсто по рѣкѣ Мокшѣ, о которомъ идетъ молва, что тамъ зарыта Пугачевымъ цѣлая лодка съ серебромъ. Зарывалъ ли Пугачевъ клады — это неизвѣстно, но въ его время дѣйствительно было не мало случаевъ зарытія въ землю денегъ и дорогихъ вещей и съ тѣхъ поръ съ особенною силою пошла въ ходъ молва о богатыхъ кладахъ.

Державинъ передаетъ слухъ, что послѣ разгрома Желѣзняка предводительствуемые имъ казаки,

безпощадно грабившіе польскихъ пановъ, шляхту и евреевъ, зарыли въ лѣсахъ несмѣтныя богатства: золотую и серебряную посуду, а также пушки, набитыя жемчугомъ и золотомъ. Вспомнимъ также пресловутые гайдамацкіе клады, зарытые въ сухихъ колодцахъ Малороссіи.

Генералъ Б. имѣлъ старинныя записи о мнимыхъ зарытыхъ кладахъ, онъ даже вѣрилъ и тому народному повѣрью, что кладъ не дается въ руки безъ соблюденія извѣстныхъ обрядовъ, заклинаній и безъ знанія приговоровъ. Приговоры же при зарытіи кладовъ бываютъ весьма различны. Иногда, какъ разсказываютъ, прячутъ въ землю кладъ на голову или на нѣсколько головъ человѣческихъ. И въ этомъ случаѣ тотъ, кто захотѣлъ бы его достать, долженъ погубить извѣстное заговоренное число людей, и тогда кладъ достанется ему безъ всякихъ затрудненій. Если подозрѣваютъ, что кто нибудь сбирается зарыть кладъ, то близкіе къ нему люди подстерегаютъ его, и когда онъ примется за работу, тогда подслушиваютъ его слова и переговариваютъ ихъ, послѣ чего заклятый кладъ переходитъ легко.

Иногда кладъ зарываютъ на счастливаго, и послѣ этого кладъ является ему пѣтухомъ, курицей, кошкой и собакой. Если кладъ явится въ такомъ видѣ, то слѣдуетъ идти за нимъ и когда онъ остановится, то не плошать, а ударить его

на-отмашь чѣмъ попало, вскрикнуть аминь — разсыпься! а гдѣ онъ разсыпется, тамъ и слѣдуетъ копать землю. Бываютъ клады, извѣстные многимъ, но взять ихъ невозможно. У генерала былъ и мастеръ искать клады, это былъ морякъ-боцманъ, человѣкъ весьма опытный въ этомъ дѣлѣ; онъ много разрылъ могилъ въ Крыму. Б. съ нимъ искалъ клады болѣе десятка лѣтъ.

Разсчетъ на легкое вѣрованіе въ возможность отыскивать клады доходилъ до того, что еще къ Петру Великому явился одинъ сербъ и подбивалъ государя отыскивать кладъ царей: персидскаго Дарія Кодомана и македонскаго Александра Великаго. По разсказамъ серба, кладъ этотъ находится въ Венгріи и состоитъ изъ слитковъ золота, царскихъ коронъ и золотого змія, въ устахъ котораго «учиненъ камень діамантъ, золотого болвана — бога жидовскаго, золотого льва и пр.»

Б. такъ усердно занимался кладоискательствомъ, что, прокопавъ три своихъ богатыхъ помѣстья и не встрѣтивъ ни одного случая, гдѣ бы могъ найти хотя одну монету, онъ кончилъ очень печально — чуть ли не въ домѣ умалишенныхъ.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, въ богатомъ Орл—мъ имѣніи, проживалъ по-царски богатый помѣщикъ Н. К—ій, страсть котораго къ охотѣ, собакамъ и садовымъ бесѣдкамъ доходила до смѣшного. Усадьба его издали представляла ка-

кой-то восточный заколдованный городъ, огромное его состояніе позволяло ему вести широкую жизнь. Многіе окрестные помѣщики составляли обычную свиту этого барина, сопровождая его на псовую охоту. Объ обѣдахъ и подаркахъ его говорили на цѣлую губернію. Тургеневъ въ своемъ «Гамлетѣ» Щигровскаго уѣзда коснулся одного такого обѣда К—го. Съѣзды на праздникъ гостей, по большей части охотниковъ, собачеевъ, этого помѣщика выходили очень многочисленные. Одинъ изъ домовъ въ усадьбѣ его былъ отдѣланъ какъ лучшая гостинница: здѣсь могли останавливаться болѣе сотни пріѣзжихъ, жить по недѣлямъ и даже не являться на глаза хозяина. Всѣ желанія, всѣ прихоти гостей исполнялись въ точности его дворецкимъ. Барскій домъ былъ громадный. Главный корпусъ соединялся съ каждой стороны длинными галереями съ флигелями, отчего строеніе принимало огромные размѣры. Большіе залы въ домѣ были въ два свѣта. По прихоти хозяина, всѣ украшенія, какъ наружныя, такъ и внутреннія, представляли непривычному взгляду довольно странный видъ. Начиная съ рѣшетки до флюгера на крышѣ дома, все изображало однѣ принадлежности охоты. Изъ оконъ выглядывали медвѣжьи головы, въ углу притаился пушной звѣрь, вмѣсто ковровъ владѣлецъ набросалъ звѣриныя шкуры. На стѣнахъ висѣли картины, изображавшія псовую охоту. Вся мебель

была изъ оленьихъ и лосиныхъ роговъ, кабаньихъ головъ, лошадиныхъ ногъ и т. д.

Странныя причуды были у этого помѣщика, собирателя охотничьихъ предметовъ. Въ одной изъ бесѣдокъ въ его саду, богато отдѣланной въ видѣ надгробнаго мавзолея, внутренность зданія была украшена болѣе, чѣмъ странно: здѣсь были собраны всѣ враги пернатыхъ. Надъ самою дверью парила съ распростертыми крыльями и разинутымъ клювомъ огромная сова. По стѣнамъ, окрашеннымъ чернымъ цвѣтомъ, прибиты крылья и головы филиновъ, орловъ, коршуновъ, копчиковъ, воронъ, обведенные каймою изъ мышей, крысъ, хорьковъ, ласточекъ; всѣ эти хищники прибиты къ стѣнѣ узорами и составляли звѣзды, треугольники, розетки, словомъ всѣ украшенія, которыя только умудрилось больное воображеніе нарисовать крыльями, головами, ногами и корпусами птицъ и животныхъ. Также отдѣланъ и потолокъ. Въ простѣнкахъ между окнами прибиты головы кошекъ; подъ ними укрѣплены на-крестъ ихъ лапки въ томъ положеніи, какъ на надгробныхъ камняхъ ставятъ кости надъ мертвыми головами. Это головы казненныхъ кошекъ... Надъ каждой надпись, когда и за какое преступленіе виновная лишена жизни. Напримѣръ: «Приговорена къ смерти за покушеніе на жизнь голубя», на другой надписи виднѣлось «лишена жизни за убійство воробья» и т. д.

Но самая любопытная особенность этой бесѣдки была другая комната; она отдѣлана была въ мавританскомъ вкусѣ, гдѣ потолокъ и стѣны были убраны золотыми арабесками, лучистыми вѣнками и цѣлыми двустишіями изъ нашихъ поэтовъ добраго стараго времени, и всѣ эти хитросплетенія буквъ, вѣнковъ дѣлались изъ мышиныхъ и крысиныхъ хвостовъ, которые извѣстнымъ путемъ очищались, сортировались, дѣлались твердыми, полировались и покрывались позолотою. Для этой работы у помѣщика жилъ спеціалистъ по части крысоистребленія—старикъ-венгерецъ; должность его состояла въ томъ, что онъ ходилъ по усадьбѣ, отыскивая норы крысъ. Способъ ловли его былъ замысловатъ и любопытенъ: онъ раскладывалъ у всѣхъ щелей и прогрызанныхъ крысами дыръ кусочки сала. Крысы, какъ извѣстно, отличаются прекраснымъ чутьемъ, и долгохвостыя лакомки являлись въ первую же ночь, чтобы удовольствовать свой аппетитъ.

Такъ дѣлалось въ продолженіе двухъ-трехъ дней, наконецъ, въ однѣ сумерки венгерецъ, вооруживъ свой каблукъ стальнымъ остріемъ въ родѣ долота, насаживалъ подъ пятку кусокъ сала и становился на стражѣ при одной изъ щелей, гдѣ клалъ приманку. Крысы, не подозрѣвая къ какому низкому предательству способенъ человѣкъ, вылѣзали изъ норъ своихъ, и какъ только рты разверзлись, чтобы схватить добычу, вен-

герецъ дѣлалъ прыжокъ назадъ—и крыса была обезглавлена. Онъ никогда не дѣлалъ промаха, и продолжалъ эти убійственные скачки, переходя отъ щели къ щели, отъ подвала къ чердаку, до тѣхъ поръ, пока цѣлое поколѣніе крысъ не истребилось.

Въ былые годы имѣніе К. кипѣло жизнію шумной и полной всякаго довольства; внимательная барская дворня ловила желаніе гостей, многолюдство посѣтителей всегда было пріятно владѣльцу этого роскошнаго сельскаго уголка. Часто многіе изъ бѣдныхъ дворянъ жили здѣсь по нѣскольку мѣсяцевъ, не смѣя изъ скромности представиться хозяину. Они все-таки пользовались всѣми удобствами широкой барской жизни. Болѣе десятка линеекъ, шарабановъ, троекъ всегда были готовы для выѣзда гостей. На прудѣ ждали желающихъ шлюпки, лыжи, гондолы съ гребцами. Садъ былъ прохладный, дремучій, разбитый на сорока десятинахъ; были алеи, гдѣ не видно было голубого неба—все зелень и тѣнь. По главной алеѣ стояли статуи, памятники. Въ кущахъ деревъ виднѣлись храмики съ названіями, значеніе которыхъ было особенно пріятно и понятно только одному владѣльцу. Они были построены во имя дружбы, истины, любви и терпѣнія и т. д. Но особенно были великолѣпны бесѣдки. Помѣщикъ имѣлъ къ нимъ особенную слабость и не жалѣлъ десятки тысячъ. Одна изъ такихъ была построена надъ

прахомъ его любимаго кобеля «Любезнаго» и стоила владѣльцу около пятидесяти тысячъ, другая—въ память ахалцихскаго дѣла, была вся выстроена изъ желѣза и окрашена очень искусно подъ цвѣтъ кашемировой шали; стоимость этой бесѣдки чуть ли не превышала названную стоимость первой.

Особенно пышными выходили у этого барина такъ называемыя «отъѣзжія поля»; стая его гончихъ состояла болѣе чѣмъ изъ двухсотъ смычковъ «выжлецовъ и выжловокъ», выжлятники были одѣты въ красныя куртки и синіе шаровары съ желтыми лампасами; у ловчихъ, для отличія, были куртки, обшитые позументомъ, рога у всѣхъ висѣли на красной тесьмѣ съ кистями; каждый имѣлъ борзыхъ собакъ на сворѣ не болѣе трехъ; хортыхъ собакъ К—ій не любилъ, борзые у него были чистопсовые и густопсовые. Къ походу всегда играли борзятники «позовъ». Выѣздъ тянулся съ обозами чуть ли не на версту, такъ много приглашалось гостей на травлю волковъ и русаковъ. На болотную дичь К—ій отъѣзжалъ тоже не съ меньшимъ парадомъ, одинъ обозъ состоялъ не менѣе какъ изъ сорока телѣгъ. Самъ баринъ съ почетными гостями ѣхалъ въ линіи, остальные гости въ тарантасахъ и бѣговыхъ дрожкахъ. Охотничьихъ ружей у него было болѣе сотни, здѣсь были также и драгоцѣнныя, какъ-то: Пюрде, Мортимеръ,

Ланкастеръ. Затѣмъ, въ лучшихъ образцахъ и старыхъ мастеровъ, какъ Лебеда и Лепажа, и такіе древніе, какъ шведскій Старбукъ, и работы испанскаго оружейника Лазаро-Лазарини; стволы послѣдняго мастера по преданію отличались такою мягкостью, что будучи измятыми, послѣ перваго выстрѣла выпрямлялись. Самъ К—ій имѣлъ ружье необыкновенной легкости, вѣсомъ немного болѣе четырехъ фунтовъ, надъ работой котораго извѣстный французскій оружейникъ Гастонъ Ренетъ трудился чуть ли не десять лѣтъ. Бой этого ружья былъ удивительный — дробь приносилась въ цѣль кучно въ окружности чайнаго блюдечка. К—ій прожилъ въ своемъ имѣніи болѣе пятидесяти лѣтъ не выѣзжая иначе, какъ только на охоту.

Особенною его странностью была еще нелюбовь къ прекрасному полу, и какъ ни хлопотали сосѣдки хоть однимъ глазкомъ взглянуть на роскошное житье сосѣда, но доступъ имъ въ усадьбу, какъ на Аѳонъ женщинамъ, былъ невозможенъ.

Въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія въ Курской губерніи проживалъ богатый откупщикъ-помѣщикъ П—въ; онъ считался однимъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ — его владѣнія были на пространствѣ 80,000 десятинъ. П—въ пріобрѣталъ имѣнія, не стѣсняясь никакими незаконными средствами. Онъ былъ такъ богатъ,

что самыя дикія и безсердечныя его выходки сходили ему съ рукъ. Послѣ его смерти, у него въ кабинетѣ нашли большой куль, наполненный золотыми табакерками и бриліантовыми перстнями; въ его сараяхъ стояло около сотни новыхъ экипажей, еще зашитыхъ въ чехлы и рогожи. Табакерки, перстни, экипажи были назначены «на подарки» губернскимъ чиновникамъ.

Люди, не занимавшіе видныхъ мѣстъ въ губернской іерархіи, трепетали передъ именемъ П—ва и творили всякія беззаконія по волѣ этого денежнаго мѣшка. Въ своихъ пріобрѣтеніяхъ этотъ помѣщикъ-откупщикъ не брезговалъ никакими мѣрами. Такъ, разъ облюбовавъ имѣньице одного мелкопомѣстнаго дворянина, онъ позвалъ его къ себѣ и предложилъ ему продать свое имѣніе. Дворянинъ на отрѣзъ отказалъ ему. Тогда П—въ сталъ настаивать, бѣднякъ упрямился; наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, П—въ объявилъ ему, что не отпуститъ его домой, пока не будетъ составлена запродажная запись, и эта угроза не подѣйствовала на бѣдняка; тогда П—въ позвалъ своихъ слугъ и приказалъ запереть его въ сырой погребъ, гдѣ несчастный провелъ цѣлыхъ два года.

Сырая тюрьма и вѣчная непробудная темнота сокрушили силы несчастнаго, онъ согласился на требованіе откупщика и совершилъ купчую крѣпость. П—въ возвратилъ ему свободу и вручилъ сторублевую асигнацію.

Но еще и не такія драмы разыгрывались въ домѣ этого безсердечнаго палача; подъ домомъ его было устроено подземелье, въ которомъ содержались провинившіяся передъ этитъ богачомъ лица; разсказывали, что послѣ смерти его было здѣсь найдено нѣсколько костяковъ съ цѣпями. Исходъ всякаго уголовнаго слѣдствія противъ П—ва можно было заранѣе предугадать: не было такихъ денегъ, которыхъ бы онъ не далъ слѣдователямъ.

Много шуму надѣлало въ губерніи одно изъ такихъ дѣлъ. На его землѣ у него были устроены шлагбаумы, у которыхъ стояли сторожа—ни одинъ изъ пріѣзжающихъ не могъ здѣсь проѣхать. Но разъ случилось, что одинъ изъ петербургскихъ сановниковъ хотѣлъ безъ пропуска проѣхать, самъ спустилъ цѣпь, и когда коляска уже тронулась, то въ ту же минуту стражникъ успѣлъ спустить цѣпь и поднявшійся шлагбаумъ быстро опустился и ударилъ по головѣ сидѣвшаго въ коляскѣ камердинера сановника; ударъ былъ настолько силенъ, что послѣдній пролежалъ болѣе двухъ недѣль въ уѣздномъ городѣ. Сановникъ доложилъ объ этомъ случаѣ императору, наряжено было строгое слѣдствіе. П—въ узнавъ, что ѣдетъ на слѣдствіе чиновникъ по фамиліи М., велѣлъ тотчасъ же донести ему, когда онъ пріѣдетъ въ городъ.

Вскорѣ пріѣхалъ въ городъ господинъ, носившій такую фамилію, для покупки себѣ имѣнія;

П—въ, полагая, что тутъ кроется хитрость, пріѣхавъ въ городъ, поселился въ одной съ нимъ гостинницѣ и, разузнавъ, что онъ не сторговалъ имѣніе за недостаткомъ нужной суммы, предложилъ ему банковый билетъ, превышающій требуемыя деньги. Послѣдній воспользовался такимъ великодушнымъ предложеніемъ, взялъ деньги и уѣхалъ. Вскорѣ открылось, что М.—былъ не тотъ, а только однофамилецъ. Настоящій слѣдователь, носившій фамилію М., тоже былъ уловленъ этимъ богачемъ; онъ послѣ долгихъ переговоровъ не устоялъ отъ крупной взятки,—вложилъ ломбардные билеты въ конвертъ, переслалъ женѣ и дѣтямъ, а самъ застрѣлился.

П—въ отъ закона возмездія не ушелъ—смерть его вышла болѣе чѣмъ странная, объ ней говорили во всей Россіи. Миліонеръ-палачъ былъ найденъ прислугой въ одно утро при слѣдующей печальной обстановкѣ. При входѣ въ его роскошную спальню, на разстояніи одного аршина отъ постели виднѣлась цѣлая куча пепла, въ которой можно было различить двѣ цѣлыя ноги, отъ пятокъ до колѣнъ и руки. Между ногами лежала голова. Остальное тѣло превратилось въ пепелъ, имѣвшій то особенное свойство, что отъ прикосновенія къ нему на пальцахъ оставалась жирная и зловонная мазь. При этомъ замѣчено было, что воздухъ въ комнатѣ былъ наполненъ точно сажей. Карсельская лампа оказалась безъ

масла, а двѣ свѣчи на ночномъ столикѣ истаяли, только одна свѣтильня висѣла. Вся постель и драпировка были покрыты сѣроватой сажей. Въ сосѣдней комнатѣ тоже слышался запахъ жаренаго и виднѣлась всюду сажа.

Смерть П—ва была объяснена, что онъ сгорѣлъ отъ внутренняго, и невидимаго огня. Камердинеръ его разсказывалъ, что за послѣднее время онъ имѣлъ обыкновеніе натираться какимъ-то ароматическимъ спиртомъ, который онъ употреблялъ въ большомъ количествѣ, и думали, что это снадобье было одной изъ причинъ замѣчательной смерти его.

Послѣ уже, спустя нѣсколько лѣтъ, ходили слухи въ губерніи, что онъ былъ убитъ своими дворовыми самымъ безжалостнымъ образомъ: у него живого были выжжены внутренности. Убійство происходило въ теплицѣ-ананасницѣ, палачами этого палача были—камердинеръ, садовникъ и два доѣзжачихъ.

ГЛАВА XVII.

Эксцентрики.

Въ сороковыхъ годахъ въ петербургскомъ высшемъ обществѣ было нѣсколько князей Голицыныхъ, извѣстныхъ подъ разными кличками. Былъ Голицынъ «рябчикъ», былъ еще Голицынъ «куликъ» и былъ Голицынъ, извѣстный подъ именемъ «Ѳирса». Послѣдній игралъ замѣчательную роль въ тогдашней петербургской молодежи. Роста и сложенія атлетическаго, веселости неистощимой, куплетистъ, пѣвецъ, разсказчикъ, балагуръ, куда онъ только ни являлся, начинался смѣхъ и онъ становился душою общества, причемъ постоянное дерганіе его лица придавало его физіономіи особый комизмъ. Про свое прозвище «Ѳирсъ» онъ разсказывалъ, что оно всюду ему мѣшало, потому что было связано съ днемъ 14-го декабря.

Любопытно происхожденіе этого названія. Сначала никто не понималъ, почему и отчего оно произо-

шло; но потомъ оно объяснилось слѣдующимъ образомъ.

Князь С. Г. Голицынъ, прекрасный пѣвецъ-басъ, былъ почти домашнимъ человѣкомъ въ домѣ Чернышева, впослѣдствіи графа и князя. Онъ былъ пріятный собесѣдникъ и притомъ всегдашній пѣвецъ у нихъ романсовъ и оперныхъ арій, почему дѣти Чернышева и прозвали его въ шутку Тирсисомъ, по-русски—Ѳирсъ. Но какъ по русскимъ святцамъ празднуется 14-го декабря память св. мученика Ѳирса и другихъ съ нимъ, то при производствѣ слѣдствія надъ декабристами возникло подозрѣніе, не имѣло ли прозваніе Ѳирсъ какого нибудь отношенія къ событію 14-го декабря 1825 года, и отъ князя С. Г. Голицына потребовано было объясненіе, которое и оказалось единственно означенною выше дѣтскою шуткой. Но это прозваніе съ тѣхъ поръ осталось ему на цѣлую жизнь.

«Ѳирсъ»-Голицынъ ввелъ въ петербургскомъ свѣтѣ представленія, извѣстныя подъ именемъ шарады въ дѣйствіи (charade en action), что въ свое время долго считалось послѣднимъ словомъ изящной новизны. Разыгрывались онѣ такъ. Въ извѣстный день у какого-нибудь великосвѣтскаго барина или барыни назначался вечеръ, въ который вдругъ къ нимъ являлось нѣсколько замаскированныхъ актеровъ-любителей, нерѣдко въ очень богатыхъ костюмахъ; съ ними являлись и музы-

канты. Въ залѣ передъ публикой ставился стулъ или кресло, богато убранное, на которое садился султанъ или паша, въ своемъ сказачномъ нарядѣ, и передъ нимъ уже происходили представленія. Одинъ пѣлъ, другой декламировалъ; случалось, что являлись баядерки и протанцовывали передъ изумленными зрителями танецъ ночи или другой какой-нибудь. Такая странствующая труппа состояла болѣе чѣмъ изъ десяти актеровъ.

На этихъ представленіяхъ всѣ женскія роли занимали мужчины. Такъ, въ исполненіяхъ женскихъ оперныхъ партій часто являлся извѣстный впослѣдствіи композиторъ М. И. Глинка. Напримѣръ, въ «Донъ-Жуанѣ» онъ игралъ роль Донны-Анны, въ бѣломъ пудръ-мантелѣ, въ женскомъ парикѣ, съ распущенными волосами, что, при его небольшомъ ростѣ представляло довольно забавную фигуру, но пѣлъ онъ голосомъ контральто очень хорошо.

Любительскіе спектакли всегда заключались балетными дивертисементами — танцовали преимущественнно русскіе танцы, въ мужскихъ и женскихъ крестьянскихъ одеждахъ. Всѣ участвовавшіе въ спектаклѣ раздѣлены были на пары, которыхъ бывало до двадцати, если не болѣе; въ каждой парѣ одинъ былъ въ мужскомъ и другой въ женскомъ національномъ костюмѣ—конечно, театральномъ, въ сарафанѣ съ кисейными рукавами и кокошникѣ. Всѣ были въ полумас-

кахъ. Дивертисементъ открывался польскимъ, въ которомъ пары проходили передъ зрителями нѣсколькими кругами взадъ и впередъ, а затѣмъ нѣкоторыя изъ паръ протанцовывали отдѣльно русскую пляску, такъ какъ она ставилась на театрѣ извѣстнымъ въ то время балетмейстеромъ Огюстомъ, который ставилъ танцы и здѣсь. Танцовали всегда подъ оркестръ извѣстнаго богача того времени Всеволожскаго. Лучшіе такіе спектакли происходили въ присутствіи высшаго столичнаго общества—въ домѣ одного изъ важнѣйшихъ государственныхъ людей, графа В. П. Кочубея, на Фонтанкѣ, близъ Лѣтняго сада, гдѣ долго помѣщалось III отдѣленіе.

Въ числѣ актеровъ считался и князь Василій Голицынъ, неизвѣстно почему прозванный «рябчикомъ», это былъ пѣвецъ, исполнявшій очень мелодраматично романсы. Такъ, извѣстное стихотвореніе «Гречанка», слова Пушкина, музыка Верстовскаго, онъ пѣлъ съ большимъ выраженіемъ, въ концѣ выхватывалъ изъ-за пояса кинжалъ и кидался на измѣнницу. Голицынъ былъ меценатъ, типъ на Руси болѣе не существующій; онъ положилъ огромныя деньги на устройство и украшеніе художественными предметами своего дома на Владимірской, теперь, увы, обращеннаго въ приказчичій клубъ, съ мясными, зелеными лавками, какъ бы въ насмѣшку надъ судьбами искусства. Актеры этой труппы подвизались въ луч-

шихъ тогда аристократическихъ домахъ, очень часто у княгини Н. П. Голицыной, извѣстной подъ именемъ «la princesse Moustache», матери московскаго генералъ-губернатора свѣтл. князя Дмитрія Владиміровича; сынъ, несмотря на свое высокое положеніе въ свѣтѣ, относился къ ней не только съ крайнею почтительностью, но чуть ли не подобострастно. Въ свѣтѣ княгиня властвовала, всѣми признанная. Къ ней везли каждую молодую дѣвушку на поклонъ. Гвардейскій офицеръ, только-что надѣвшій эполеты, являлся къ ней, какъ къ главнокамандующему.

Въ Петербургѣ въ тѣ года имѣла еще большее вліяніе одна весьма оригинальная и остроумная старушка Наталья Кирилловна Загряжская, извѣстная по записаннымъ Пушкинымъ ея анекдотамъ. Это была живая хроника царствованія Екатерины II и многіе изъ ея разсказовъ не разъ были повторяемы въ печати. Замѣчательная старушка жила на Фонтанкѣ, близъ Цѣпного моста, въ домѣ бывшаго III отдѣленія. Вотъ мало извѣстныя черты ея характера. Она сохранила обычай прошлаго столѣтія принимать визиты во время одѣванія. Росту она была небольшого, кривобокая, съ однимъ плечомъ выше другого; глаза у нея были большіе, сѣро-голубые, съ необыкновеннымъ выраженіемъ проницательности и остроумія; носъ прямой, толстый и большой, съ огромною бородавкою у щеки. На нее надѣвали сперва рыжія букли, потомъ,

сверхъ чепчика, навязывали пестрый платокъ съ торчащими на темени концами, потомъ ее румянили и напяливали на уродливое туловище капотъ, съ боку приколотый, шею обвязывали широкимъ галстухомъ.

Она выходила въ гостинную ковыляя и опираясь на костыль. Впереди бѣжалъ ея любимый казачокъ «Каркачекъ», а сзади шла, угрюмо насупившись, ея неизмѣнная спутница, приживалка Авдотья Петровна, постоянно вязавшая чулокъ и изрѣдка огрызавшаяся. Старуха чудила много и разсказывала про себя многія диковинки. Она очень боялась воровъ и не любила ѣздить по Цѣпному мосту, возлѣ Лѣтняго сада,—«вдругъ какъ изъ лѣса выскочатъ разбойники и на меня бросятся».

Однажды она услышала, что воры влѣзли къ кому-то въ окно и она, для того, чтобы быть обезпеченной отъ такого нежданнаго визита, приказала дворнику купить балалайку, съ тѣмъ, чтобы онъ всю ночь ходилъ по тротуару, игралъ и пѣлъ. Такъ и сдѣлано. Морозъ былъ трескучій; дворникъ побренчалъ и ушелъ спать. Ночью она просыпается. Кругомъ тишина... Звонъ, крикъ, вбѣгаетъ испуганная приживалка. — «Что случилось?» — «Скажи, матушка, чтобы Каркачекъ побѣжалъ на улицу и спросилъ, отчего дворникъ не веселится? Я хочу, чтобы онъ веселился».

Она сама смѣялась надъ своими капризами и

разсказывала, что даже покойный мужъ потерялъ однажды терпѣніе и принесъ ей листъ бумаги и карандашъ:—«Нарисуй мнѣ, матушка, какъ мнѣ лежать въ кровати, а то всего ногами затолкала».

Въ гостиной этой живой хроники прошлаго вѣка появлялась вся интелигенція того времени. Самый способъ ея пріема былъ оригинальный. Когда вошедшій гость добирался до кресла, на которомъ она сидѣла у карточнаго стола, она откидывалась бокомъ къ спинкѣ кресла подымала голову и спрашивала: «Каркачекъ, кто это такой?». Каркачекъ называлъ гостя и пріемъ былъ обыкновенно радушный.

Но однажды явился къ ней, вечеромъ, сановникъ, на котораго она была сердита. Услыхавъ его имя, старушка крикнула, не смотря на толпу гостей: «Каркачекъ, ступай къ швейцару и скажи ему, что онъ дуракъ! Ему велѣно не пускать ко мнѣ этого господина». Сановникъ помялся и вышелъ. Загряжская была положительно силою по благоволенію двора и по своимъ близкимъ родственнымъ связямъ къ князю Кочубею, тогдашнему предсѣдателю Государственнаго Совѣта, и, наконецъ, по собственнымъ достоинствамъ.

Въ двадцатыхъ годахъ, недалеко отъ Загряжской, проживала еще другая знаменитость тѣхъ дней, красавица П—ва, о сынѣ которой, большомъ шалунѣ, мы разскажемъ ниже. По положенію въ обществѣ она не была въ высокомъ

рангѣ: мужъ у нея былъ только секретаремъ какого-то учрежденія. Но П— ва представляла силу— ее боготворилъ извѣстный А—евъ. Передъ ея домомъ, на Фонтанкѣ, дежурилъ унтеръ-офицеръ и доносилъ генералу о бывшихъ у нея лицахъ.

П—ва отличалась многими странностями: она боялась покойниковъ, крика и всякаго уличнаго шума. Но особенно чего она страшилась, это — грозы; и только что показывалась на небѣ туча, какъ у ней зажигались лампады, наглухо запирались окна, спускались шторы, гардины, спальня ея наполнялась перинами и подушками, подъ ея кровать подкладывались стеклянныя ножки, воздвигалась даже надъ кресломъ, гдѣ она сидѣла, стеклянная палатка, изъ комнаты изгонялось все шерстяное, кошки и собаки относились въ подвалъ, прислуга одѣвалась въ однѣ шелковыя платья и цѣлой толпой наполняла ея спальню.

Барыня ложилась на кровать, а прислугѣ приказывалось какъ можно сильнѣе ходить, говорить громче, словомъ, дѣлать побольше шуму, чтобы заглушить раскаты грома. Эта причудница питала также большое довѣріе ко всякимъ гадалкамъ и предсказательницамъ и свято вѣрила въ то, что ей предсказала одна цыганка. Предсказаніе, по счастливымъ обстоятельствамъ, сбылось на половину, и вотъ она ждала и конца предсказанія, которое ей сулила въ женихи чуть ли не владѣтельнаго князя.

П—ва отличалась большимъ долголѣтіемъ: она умерла чуть ли не девяноста лѣтъ. Подъ конецъ своей жизни, чтобы лучше скрыть отъ всѣхъ свою старость, она почти изгнала изъ своихъ комнатъ всякій свѣтъ. Днемъ ея окна были тщательно завѣшаны шторами, а вечеромъ вся длинная анфилада ея комнатъ освѣщалась двумя свѣчками; въ залѣ горѣла одна лампа, а въ гостиной—одна восковая свѣчка, въ высокомъ подсвѣчникѣ.

Въ старые годы многіе помѣщики не находили ничего предосудительнаго въ причудахъ и выходкахъ, нерѣдко совершенно невозможныхъ. Извѣстенъ анекдотъ, какъ одинъ сенаторъ М—й имѣлъ случай угодить графу Аракчееву, посѣтившему тогда Москву. Графъ въ продолженіе обѣда, даннаго ему сенаторомъ, замѣтилъ у него соловья, пѣніе котораго было превосходно.

На другой день сенаторъ приказалъ одному изъ своихъ слугъ взять клѣтку съ птицей, обратившей на себя вниманіе знатнаго посѣтителя, и отправиться съ ней къ графу въ Петербургъ пѣшкомъ, потому что такъ было лучше для соловья и дешевле для сенатора. Слуга, прошедши туда и назадъ болѣе тысячи верстъ, въ пору слякоти, по дорогѣ самой скверной, вернулся съ докладомъ, что соловья донесъ благополучно и что графъ приказалъ очень благодарить сенатора за подарокъ.

Лѣтъ пятьдесятъ назадъ, проживалъ въ Пензенской губерніи одинъ почтительнѣйшій сынъ, который въ годъ разъ двадцать, если не болѣе, посылалъ своихъ дворовыхъ къ матери живущей въ Орловской губерніи, то съ десяткомъ куриныхъ яицъ, предназначенныхъ для высиживанія, изъ рѣдкой тогда еще кохинхинской породы, или съ пяти-фунтовой банкой ежевичнаго варенья или липоваго меда. Маменька этого помѣщика была вполнѣ дама прошлаго столѣтія: она всегда была одѣта въ шелковое платье «молдаванъ», стариннаго покроя, на голову надѣвала разныя мудреныя куафюры старинныхъ временъ, румянилась, накладывая румяны на щеки яркими неестественными пятнами и прилѣпляла одну мушку возлѣ другой.

Челядь въ своемъ домѣ она имѣла многочисленную; толпа горничныхъ, подъ начальствомъ барыни, дежурила во всѣхъ комнатахъ; у каждой двери господскихъ покоевъ стоялъ огромный малый. Встать съ креселъ и сдѣлать нѣсколько шаговъ для того, чтобы взять нужную вещь, она считала дѣйствіемъ неприличнымъ и обращалась къ малому у двери съ приказаніями Ѳенькѣ, чтобы она прислала рыжую Шурку подать ей карты, хотя карты лежали на столѣ въ той же комнатѣ, гдѣ сидѣла барыня.

У этой барыни была особая комната для болонокъ и для приставленныхъ къ нимъ дѣвушекъ;

два попугая у ней тоже имѣли своихъ слугъ, которые получали сухари и сливки для птицъ. Болонки были у барыни очень злобныя отъ слишкомъ цѣломудренной жизни, ихъ даже не выпускали гулять изъ комнатъ. Собаки кусали слугъ ежеминутно: нерѣдко слуга, подавая чай, стоялъ танцуя передъ барыней съ подносомъ въ рукахъ. Наливая сливки въ чашку, барыня замѣчала слугѣ:

— Скажи, зачѣмъ ты такъ трясешь подносомъ?

— «Фиделька» больно ноги кусаетъ!

— Должно ли изъ-за этого трясти подносомъ, когда ты подаешь мнѣ чай?

Это говорилось совершенно простодушно: въ ту среду, въ которой она родилась, не проникали иныя понятія.

Петербургская сторона въ старые годы изобиловала чудаками и оригиналами. Тамъ можно было найти людей, убившихъ весь свой вѣкъ и состояніе на тяжбы. Такіе несчастные по вечерамъ и ночамъ сидѣли дома надъ бумагами, выводя въ тишинѣ крючки на прошеніяхъ. Рано же утромъ ихъ встрѣчали уже на Мытномъ перевозѣ. Сюда они собирались, чтобъ переѣхать въ Сенатъ, обремененные связками и свертками бумагъ.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ почти ежедневно видѣли здѣсь одного худого, чахлаго старичка, который съ видимымъ усиліемъ приносилъ подъ мышкой тяжелое толстое березовое

полѣно, тщательно завернутое въ клѣтчатый бумажный платокъ; садясь въ лодку, онъ бережно клалъ его къ себѣ на колѣни, любовно глядѣлъ на него и укутывалъ заботливо, словно мать ребенка.

— Берегите, берегите его, — говорили часто, смѣясь, старичку молодые чиновники,—не равно простудится ваше полѣно, станетъ кашлять, спать не дастъ.

— Полно-те смѣяться,—отвѣчалъ старичекъ,— оно мнѣ и такъ сорокъ лѣтъ не даетъ спать.

— Да отъ чего же?

— Развѣ я вамъ не разсказывалъ?

— Нѣтъ, право, нѣтъ!

— Ой, разсказывалъ!

— Нѣтъ, намъ не разсказывалъ; можетъ быть, другимъ разсказывалъ, а намъ нѣтъ.

— Это дѣло прелюбопытное,—начиналъ старичекъ,—отъ этого полѣна зависитъ все мое состояніе; оно, извольте видѣть, не простое полѣно, оно мое сердечное, образцовое... Въ 1798 году я ставилъ подрядъ на дрова...

И старикъ въ тысячный разъ разсказывалъ своимъ обычнымъ слушателямъ, какъ онъ ставилъ куда-то дрова по подряду, какъ ему не заплатили вполнѣ всѣхъ денегъ, потому, будто бы, что дрова были короче, нежели положено по условію; какъ онъ съ секундъ-майоромъ А. и провинціальнымъ секретаремъ Б., призвавши ихъ

въ свидѣтели, взялъ собственными руками изъ кучи своихъ дровъ полѣно, такъ, безъ выбору, зря, спряталъ его, завелъ дѣло и проч., и теперь для доказательства, въ случаѣ потребуетъ надобность, постоянно отправляясь въ Сенатъ, беретъ свое полѣно, высчитываетъ, сколько носовыхъ платковъ износило это полѣно и т. п.; словомъ, говорилъ, пока лодка не причаливала къ другому берегу и его слушатели не разбѣгались по разнымъ направленіямъ; тогда онъ, вздохнувъ, давалъ копѣйку лодочнику, бралъ бережно полѣно подъ мышку и отправлялся въ Сенатъ.

На Петербургской сторонѣ существовала Плуталова улица, названная такъ отъ одного домовладѣльца, жившаго на ней, за то, что послѣдній, выходя изъ дому, потомъ уже никакъ не могъ возвратиться домой; онъ обладалъ такой слабой памятью, что узнать воротъ своего дома безъ помощи другихъ не могъ—его или приводилъ всегда къ крыльцу будочникъ, или его вела старуха-кухарка. Старикъ весь вѣкъ такъ и прожилъ въ ней, жалуясь всѣмъ на свою гадкую память.—«Трудно, трудно мнѣ,—говорилъ онъ,—но еще труднѣе было бы, еслибъ опять меня въ школу».

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ гостиномъ дворѣ на верхней линіи торговалъ старикъ, купецъ-мѣховщикъ, человѣкъ довольно высокаго роста и очень тучный, извѣстный между гости-

нодворцевъ за свою неудержимую страсть къ поѣздкамъ, подъ именемъ «всемірнаго путешественника». Онъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что изумлялъ всѣхъ тѣмъ количествомъ верстъ, которыя онъ проѣхалъ. По его вычисленіямъ, если принять окружность всего земного шара въ 37,800 верстъ, то выходитъ, что онъ земной шаръ объѣхалъ тридцать разъ въ свою жизнь, или проѣхалъ болѣе одного милліона верстъ. Чтобъ исчисленія этого купца не показались преувеличенными, надобно сказать, что при хорошемъ устройствѣ дорогъ въ Сибири и чрезвычайно скорой ѣздѣ, до открытія золотыхъ промысловъ, весьма легко было на вольныхъ лошадяхъ проѣзжать въ сутки лѣтомъ отъ 200 до 250, а зимою отъ 300 до 350 верстъ, платя за версту отъ 5, 7 и 10 коп. за тройку.

Купецъ или приказчикъ мѣховыми товарами встарину проводилъ большую часть года въ разъѣздахъ, могъ проѣзжать въ четыре зимніе мѣсяца отъ 36,000 до 42,000, въ четыре лѣтнихъ мѣсяца (полагая два мѣсяца на прожитіе въ городахъ и селеніяхъ), отъ 24,000 до 30,000 въ теченіе одного года, при двухмѣсячномъ отдыхѣ, объѣхать отъ 60,000 до 72,000 верстъ, а въ десять только лѣтъ проѣхать ужасное пространство отъ 600,000 до 720,000 верстъ. Но этотъ купецъ разъѣзжалъ по сибирскимъ дорогамъ, закупая пушные товары, въ Якутскъ, Иркутскъ, Кяхту,

Ирбитъ и въ Нижній, слишкомъ сорокъ лѣтъ, начавъ разъѣзды съ юношескаго возраста. По его разсказамъ, первые тарантасы въ Сибири явились въ 1826 году, ихъ называли тамъ «карандасомъ», и что ранѣе приказчики и купцы ѣздили въ обыкновенныхъ повозкахъ. Сколько должны они были вытерпѣть толчковъ и ударовъ при безпрерывныхъ разъѣздахъ! Сколько съ каждымъ случалось такихъ происшествій, гдѣ жизнь ихъ подвергалась опасности! Сколько имъ нужно было претерпѣть отъ безпрерывныхъ дождей или тридцатиградусныхъ морозовъ. По его словамъ, отъ морозовъ они спасались тѣмъ, что зажигали въ повозкахъ свѣчи, и это очень согрѣвало; тогда существовали большіе фонари для свѣчей. Такіе продолжительныя поѣздки рѣдко кто выносилъ, по большей части умирали отъ болѣзней почекъ. Извѣстный военный генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Корсаковъ, проѣхавшій не одну сотню тысячъ верстъ, умеръ отъ блуждающей почки. Съ постройкой желѣзной дороги въ Сибири, разсказы о быстрыхъ поѣздкахъ на обывательскихъ лошадяхъ отойдутъ въ область миѳа. Кто повѣритъ, что по льду на Байкалѣ ѣздятъ 54 версты въ два часа? Во время сильнаго вѣтра здѣсь невозможно даже ѣхать тихо: легкая повозка скользитъ по зеркальной поверхности озера и сбиваетъ лошадей съ прямого пути. Вотъ примѣры продолжительной скорой ѣзды. Во времена

иркутскаго гражданскаго губернатора Трескина съ 1806—19 годъ, казаки, посланные по какимъ-либо нужнымъ дѣламъ, проѣзжали отъ Иркутска до города Верхнеудинска 310 верстъ въ 18 часовъ. Казаки, отправляемые въ Якутскъ, 2,620 верстъ иногда проѣзжали въ 7 и $7^1/_2$ дней—болѣе $15^1/_2$ верстъ въ часъ, не считая остановокъ. Но въ послѣднемъ пути зимою встрѣчались весьма важныя остановки. Ямщикъ, проѣхавъ нѣсколько верстъ, принужденъ иногда остановиться и оттирать у лошадей ледъ, образовавшійся около ноздрей. Самый изумительный примѣръ скорой ѣзды и безпримѣрной неутомимости показалъ иркутскій казачій офицеръ Чеусовъ. Онъ зимою въ 1809 году изъ Петербурга въ Иркутскъ проѣхалъ въ семнадцать дней. Отъ Петербурга до Иркутска тогда считалось 6,016 верстъ.

ГЛАВА XVIII.

Былые уличные оригиналы.

Лѣтъ пятьдесятъ, шестьдесятъ тому назадъ столичная уличная жизнь представляла еще много свободы въ костюмахъ. На главныхъ улицахъ Петербурга попадались люди чисто въ маскарадныхъ нарядахъ; въ первыхъ годахъ царствованія императора Николая I было въ живыхъ и нѣсколько людей екатерининскаго вѣка, которые ходили по улицамъ въ звѣздахъ, въ плащахъ и золотыхъ камзолахъ съ раззолоченными ключами на спинѣ, виднѣлись и старые бригадиры въ бѣлоплюмажныхъ шляпахъ; не мало было и такихъ аристократовъ, которые по придворной привычкѣ при матушкѣ царицѣ приходили на Невскій съ муфтами въ рукахъ и съ красными каблуками: этотъ обычай считался самымъ аристократическимъ и шелъ со временъ королей французскихъ. Молодые модники ходили зимою въ бѣлыхъ шля-

пахъ и при самыхъ блѣдныхъ лучахъ солнца спѣшили открыть зонтики; свѣтскіе кавалеры тѣхъ временъ носили изъ трико въ обтяжку брюки и гусарскіе съ кисточками сапожки; жабо у нихъ было пышное, шляпа горшкомъ, на фракахъ— ясныя золотыя пуговицы, воротники въ аршинъ. У часовъ висѣли огромныя печати на цѣпочкахъ, у другихъ виднѣлись небольшія серьги въ ушахъ; обычай носить серьги въ ушахъ у мужчинъ явился съ Кавказа, отъ грузинъ и армянъ, нерѣдко тоже протыкали уши мальчикамъ, по суевѣрію, отъ нѣкоторыхъ болѣзней. Мода на серьги особенно процвѣтала у военныхъ людей въ кавалерійскихъ полкахъ, и трудно повѣрить, что гусары прежнихъ лѣтъ, «собутыльники лихіе», всѣ слѣдовали этой женской модѣ, и не только офицеры, но и солдаты носили серьги. Первый возсталъ на эту моду генералъ Кульневъ, командиръ Павлоградскаго гусарскаго полка; онъ издалъ приказъ, чтобы всѣ серьги изъ ушей были принесены къ нему. Увѣряютъ, что извѣстная пословица: для милаго дружка и сережка изъ ушка, придумана въ то время солдатами. Лѣтъ 50 тому назадъ не считалось страннымъ бѣлиться и румяниться, и иной щеголь такъ изукрашивалъ себѣ лицо румянами, что стыдно было глядѣть на него. Военные ходили затянутыми въ корсеты; для большей сановитости штабъ-офицеры придѣлывали себѣ искуственныя плечи, на которыхъ сильнѣе трепетали густыя эпо-

леты. Волокиты того времени ходили съ завитыми волосами, въ очкахъ и еще съ лорнетомъ, а также и съ моноклемъ; жилетъ непремѣнно бывалъ растегнутъ, а грудь—въ батистовыхъ брыжжахъ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ типомъ для наряда щеголя считался актеръ, игравшій роли первыхъ любовниковъ. Теперь, я думаю, рѣдко кто будетъ рабски слѣдовать модѣ драматическихъ любовниковъ александринскаго театра и завивать себѣ волосы «тюрбушонами», но тогда, за неимѣніемъ хорошихъ образцовъ, франты средней руки копировали во всемъ актеровъ. Первые любовники описанной эпохи ходили на улицу и на публичныя гулянья въ венгеркѣ оливковаго цвѣта и съ краснымъ шарфомъ на шеѣ. Шикомъ въ то время считалось только мѣнять часто шарфы, а не платье. Молодые театралы, подражая актерамъ, являлись тоже на улицахъ въ такомъ нарядѣ. Нынѣшнія брюки сверхъ сапоговъ вошли въ моду тоже въ началѣ царствованія императора Николая I; переняль эту моду Петербургъ у пріѣзжавшаго тогда въ нашъ городъ герцога Велингтона, генералъ-фельдмаршала англійской и россійской арміи. Такія брюки стали называть «велингтонами». Знаменитый сподвижникъ императора Александра I ввелъ у насъ и узкій, длинный плащъ безъ рукавовъ, называемый тогда воротникомъ (cools).

Въ описываемую эпоху на улицахъ Петербурга попадались и модные на головахъ «боливары»; это

были шляпы необычайной величины, не снявъ такой шляпы, трудно было пройти въ узкую дверь; но были также гулявшіе по улицѣ, усвоившіе себѣ привычку ходить съ непокрытой головой. Къ такимъ принадлежали пріѣзжавшіе по торговымъ дѣламъ англичане изъ секты квакеровъ; они ходили по улицамъ безъ шляпъ въ силу того, что сниманіе шляпы передъ кѣмъ бы то ни было имъ было запрещено. Квакеры отвергали музыку, пѣніе, всякія игры, посѣщеніе театровъ и всякую роскошь, но продавать предметы роскоши имъ не возбранялось. Квакеры первые познакомили насъ съ входившими тогда въ моду гаванскими сигарами. Въ екатерининское время почти всѣ чиновные и важные люди не носили шляпъ, а, гуляя, держали ихъ подъ мышкою. Высокая прическа, пудра и тупеи не давали возможности накрывать шляпой голову.

Въ числѣ уличныхъ оригиналовъ въ сороковыхъ годахъ часто попадался на улицахъ небольшой худенькій старичекъ, по професіи учитель французскаго языка. Онъ суетливо, почти бѣгомъ шагалъ по тротуарамъ, но всегда, зимою и лѣтомъ, съ непокрытою головою; шляпы у него совсѣмъ не было. По разсказамъ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ суровое царствованіе императора Павла I, и разъ ему случилось проходить мимо Михайловскаго замка, гдѣ жилъ государь, и это было въ послѣдній разъ, что онъ имѣлъ

шляпу на головѣ. Возлѣ дворца его увидали, догнали и не очень вѣжливо сбили съ головы шляпу, а самого отвели въ крѣпость. Когда узнали, что онъ иностранецъ, не знавшій тогдашнихъ порядковъ, то его выпустили; но испугъ такъ на него подѣйствовалъ, что онъ помѣшался на этомъ и никогда уже не надѣвалъ шляпы.

Въ сороковыхъ годахъ въ Царскомъ и Петергофѣ близъ дворцовъ всѣ ходили съ открытыми головами, какъ въ комнатахъ. Этого требовалъ этикетъ и вѣжливость къ царскому жилищу.

Въ пятидесятыхъ годахъ на улицахъ былъ замѣтенъ еще другой не высокаго роста старичекъ, гладко выстриженный подъ гребенку и съ головой, густо намазанной черной помадой, такъ что со лба его всегда текла помада. Онъ также зимой и лѣтомъ ходилъ безъ шляпы: она всегда у него была въ рукахъ. Это былъ сенаторъ Д—скій большой любитель церковнаго пѣнія. Его крѣпостной пѣвческій хоръ славился въ столицѣ. Крѣпостныхъ хоровъ въ былое время было въ Петербургѣ нѣсколько.

Обращалъ на себя вниманіе также разгуливавшій по улицамъ со своимъ хоромъ пѣвчихъ богатый костромской помѣщикъ К—въ, пріѣзжавшій по зимамъ въ столицу. К—въ былъ большой оригиналъ, необыкновенно тучный, одѣтый всегда въ коричневый фракъ и въ огромномъ парикѣ.

Всѣ пѣвцы его хора были подстрижены въ

скобку, въ черныхъ кафтанахъ и всѣ брюнеты, т.-е. окрашены въ черную краску. Этотъ баринъ водилъ своихъ пѣвчихъ въ приходскія церкви, гдѣ самъ, становясь на клиросъ, правилъ хоромъ. Послѣ церковной службы, его усталаго, въ поту увозили пѣвчіе домой въ маленькой коляскѣ на рессорахъ, въ которую по очереди и запрягались.

К—въ очень боялся лошадей и въ столицу пріѣзжалъ чуть не шагомъ на своихъ старыхъ коняхъ, которыхъ всю дорогу кормили однимъ сѣномъ и очень скудно, изъ боязни, чтобы они не раздобрѣли и не понесли хозяина.

Въ описываемые годы Петербургъ не мало видѣлъ уличныхъ оригиналовъ. Такіе по большей части встрѣчались на линіяхъ Гостинаго двора.

Изъ замѣтныхъ здѣсь лицъ каждому бросались въ глаза два бродившихъ старика индуса въ своихъ національныхъ костюмахъ; первый изъ нихъ— въ широкомъ темномъ балахонѣ, надѣтъ на немъ сверхъ шелковаго пестраго халата, подпоясаннаго блестящимъ съ каменьями кушакомъ, на которомъ блестѣлъ небольшой золотой цилиндрикъ съ священною водой Ганга; на головѣ его былъ тюрбанъ изъ дорогой кашемировой шали; бронзовое лицо его было татуировано разноцвѣтными красками, черные зрачки его, какъ угли, блистали на желтоватыхъ бѣлкахъ съ кровяными прожилками; черныя широкія брови, сросшіяся на самомъ переносьѣ, грозно украшали суровыя черты его лица.

Въ правой рукѣ у него была постоянно длинная бамбуковая палка съ большимъ костянымъ набалдашникомъ, а въ лѣвой онъ держалъ перламутровыя и янтарныя четки. Онъ былъ старъ и еле ходилъ отъ тучности. Когда онъ умеръ, то былъ сожженъ на Волковомъ полѣ, по индусскому обряду. По профессіи этотъ индусъ былъ ростовщикъ. По разсказамъ, онъ особенно любилъ ссужать деньгами актеровъ, и затѣмъ каждый мѣсяцъ являлся спозаранку въ театральную контору съ ворохомъ векселей и записокъ, гдѣ и взыскивалъ со своихъ горемычныхъ заемщикомъ. Другой индусъ, одѣтый также въ живописный восточный костюмъ, былъ тоже очень богатый продавецъ драгоцѣнныхъ камней и тоже главною отраслью его комерческихъ оборотовъ было ростовщичество, только еще въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ у перваго.

Судьба его была очень трагическая: онъ былъ убитъ въ Москвѣ въ номерахъ черкасскаго подворья, и убійца его не былъ найденъ. Послѣ его смерти всѣ его сокровища были найдены въ цѣлости, пропали одни векселя, выданные ему одною графинею.

Спустя нѣсколько лѣтъ продавались съ аукціона его драгоцѣнные камни; одной бирюзы было продано около четырехъ пудовъ, но лучшая, высокаго качества, пропала при разцѣнкѣ товара. Разсказываютъ, что оцѣнщикъ, разсматривая

мѣшки съ бирюзой, самую дорогую изъ каждаго мѣшка вынималъ и клалъ отдѣльно въ коробку; бирюза была въ кускахъ, не отшлифованная. Послѣ разцѣнки онъ выпросилъ ее у квартальнаго надзирателя за труды, послѣднiй безпрекословно и отдалъ ему, не придавая ей никакой цѣны.

Впослѣдствiи этотъ оцѣнщикъ, татаринъ, выстроилъ себѣ около десяти домовъ въ Татарской слободкѣ. Ходилъ по Гостиному двору и другой не менѣе извѣстный ростовщикъ, обдѣлывая свои дѣлишки, при встрѣчѣ съ военными, у купцовъ онъ слылъ подъ именемъ Хаджи Мурата, но онъ не былъ турокъ, а нѣжинскiй грекъ (Маргаритка); онъ долго служилъ въ нашихъ войскахъ лазутчикомъ и маркитантомъ; давалъ онъ деньги на проценты преимущественно военнымъ; векселей, какъ говорили, у него въ бумажникѣ было на сотни тысячъ рублей.

Этотъ Маргаритка не гнушался и мелкой торговлей: на Вербной недѣлѣ онъ первый сталъ торговать турецкой халвой и рахатъ-лукумомъ. Кончилъ онъ жизнь также трагически — былъ зарѣзанъ своимъ воспитанникомъ.

Азiатцевъ въ тѣ времена на улицахъ Петербурга попадалось не малое количество, встрѣчалось много и подражателей носить восточные костюмы. Изъ такихъ мнимо восточныхъ людей были извѣстны — свѣтлѣйшiй князь С—овъ, десятки лѣтъ путешествовавшiй по Индiи, и еще

другой богатый аристократъ Н—нъ, ех-лейбъ-гусаръ. Онъ щеголялъ въ живописномъ нарядѣ кавказскаго горца. Н—нъ, какъ говорили, для большаго сходства съ настоящимъ представителемъ племени шапсуговъ, привилъ себѣ на лицѣ даже коросту, присущую этому горскому племени.

Не мало встрѣчалось и другихъ подражателей кавказцамъ. Такъ, извѣстный художникъ Орловскій очень часто выходилъ изъ дому въ нарядѣ лезгинца, съ кинжаломъ и въ папахѣ. Орловскій былъ мужчина высокаго роста, смуглый, черноглазый и силы большой, нарядъ черкеса очень шелъ къ нему; нерѣдко ему сопутствовали два его камердинера, изъ которыхъ одинъ желтолицый, узкоглазый калмыкъ, въ своемъ родномъ одѣяніи, и другой—черный какъ смоль арабъ, въ широкихъ шальварахъ, курткѣ и чалмѣ.

Другой, извѣстный графъ С—бъ, первый столичный щеголь своего времени, выдумывалъ разные костюмы. Между прочимъ онъ изобрѣлъ необыкновенный въ то время синій плащъ съ бѣлыми широкими рукавами. И плащъ, и рукава были подбиты малиновымъ бархатомъ. Въ такомъ плащѣ пріѣхалъ онъ разъ въ Михайловскій театръ и сѣлъ въ первомъ ряду креселъ. Пріятель, сидѣвшій съ нимъ рядомъ и восхищавшійся плащемъ, сталъ незамѣтно всовывать въ широкія рукава заготовленные мѣдные пятаки. Когда графъ въ антрактѣ поднялся съ креселъ, пятаки пока-

тились во всѣ стороны, а пріятель началъ ихъ подбирать и подавать съ такими ужимками и прибаутками, что всѣ, сидѣвшіе рядомъ, покатились со смѣху.

Были еще два графа въ петербургскомъ высшемъ обществѣ, которые тоже прославились своими маскарадными переодѣваніями. Первый изъ нихъ, графъ X—въ, ходилъ по улицамъ въ фризовой старой шинели, съ повязанной щекой, загримированный пьяницей, съ красно-синимъ носомъ. Другой — извѣстный потомокъ любимца императрицы Екатерины II и министра государыни, ходилъ въ бѣлой курткѣ нѣмецкаго булочника, обмазанный тѣстомъ и осыпанный мукой, и когда его узнавали, то онъ открещивался и сердился. Онъ началъ свою карьеру блистательно, еще юношей былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Но вскорѣ влюбился со страстью гимназиста въ извѣстную танцовщицу и поклялся честью, что если кто сдѣлается счастливымъ его соперникомъ, то долженъ будетъ имѣть съ нимъ смертельную дуэль. Такой трагическій эпизодъ вскорѣ представился—противникъ былъ убитъ на дуэли, и съ тѣхъ поръ въ немъ развилось врожденное расположеніе къ мизантропіи и песимизму.

Въ описываемыя времена театральными и маскарадными костюмами многіе не стѣснялись. Нѣкоторые изъ актеровъ въ дни своихъ бенефисовъ, отправляясь продавать билеты къ вельмо-

жамъ-милостивцамъ и купцамъ, облекались въ шутовскіе костюмы, въ парикахъ, съ разрисованными физіономіями. Мало того—брали съ собою своихъ ребятишекъ, наряженныхъ въ русскія или цыганскія платья, и заставляли ихъ плясать подъ акомпаниментъ гитары или торбана. Случалось также, что артисты, играя гдѣ-нибудь на домашнемъ спектаклѣ, возвращались домой испанцами и рыцарями.

Извѣстный балетмейстеръ Дидло, высокій, худой и долгоносый, окончивъ свою роль какого-нибудь олимпійскаго бога въ Большомъ театрѣ, шелъ домой пѣшкомъ по Невскому въ Троицкій переулокъ, въ свой домъ, въ такомъ театральномъ костюмѣ, имѣя на головѣ на мѣсто шляпы лавровый вѣнокъ или фантастическую корону.

Купцы тоже не стѣснялись своими костюмами, и не только въ баню ходили въ халатахъ, но и въ ложѣ Александринскаго театра можно было видѣть въ дни спектаклей почтеннаго отца семейства, засѣдающаго по домашнему, въ халатѣ, въ кругу своихъ чадъ и домочадцевъ.

Очень долгое время въ Петербургѣ былъ грозой и страхомъ женщинъ полупомѣшаный морякъ, ходившій по Невскому и Лѣтнему саду въ одеждѣ прародителей,—снаружи завернутый въ одинъ модный тогда плащъ à la Quiroga. Этотъ плащъ былъ необъятной ширины, имъ можно обернуться три раза; видоизмѣненіе такого пла-

ща, подъ названіемъ «альмавивы», долго было любимымъ одѣяніемъ нашихъ художниковъ и актеровъ. Морякъ воображалъ, что онъ былъ по сложенію Аполлонъ Бельведерскій и сковывать свои классическія формы пошлыми модными одѣяніями не считалъ нужнымъ. И вотъ, когда онъ встрѣчалъ, по его мнѣнію, достойныхъ цѣнителей и цѣнительницъ красоты, то тотчасъ распахивалъ плащъ и являлся древнимъ изваяніемъ. Такую прогулку онъ разъ продѣлалъ въ саду Виндзорскаго парка, когда проѣзжала королева Викторія, за что получилъ вмѣстѣ съ отставкой чуть ли не европейскую извѣстность.

Было не мало въ тѣ годы охотниковъ ходить босикомъ зимой и лѣтомъ. Изъ такихъ дамъ была извѣстна въ Петербургѣ орловская помѣщица С—ва и одна нѣмка таинственнаго происхожденія, для которой великосвѣтскія дамы устраивали благотворительные концерты и вечера въ Павловскѣ. Пріѣзжалъ еще по зимамъ въ Петербургъ какой-то малоросійскій помѣщикъ, очень тучный и высокій старикъ, который тоже гулялъ, несмотря на снѣгъ и морозъ, всегда босой. Привычка эта у него явилась послѣ какой-то хронической болѣзни, отъ которой этимъ средствомъ его вылечилъ извѣстный знахарь «Ерофеичъ».

Обращалъ на себя вниманіе ходившій въ грязномъ холстинномъ халатѣ, такихъ же штанахъ за голенищами, высокій, съ лысиной во всю го-

лову мужчина, очень богатый орловскій помѣщикъ М—въ, извѣстный больше подъ именемъ Спиридона-хлѣбной матки; родомъ онъ былъ изъ однодворцевъ; въ немногіе годы онъ успѣлъ при своей феноменальной скаредности такъ нажиться и разбогатѣть, что имѣлъ болѣе 8,000 душъ крестьянъ; онъ былъ женатъ на сестрѣ извѣстнаго любимца Екатерины II Ланского, отъ котораго также къ своему солидному состоянію получилъ огромное наслѣдство.

Это былъ прототипъ Плюшкина. Несмотря на свое болѣе чѣмъ нищенское одѣяніе, онъ вращался въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, въ которомъ имѣлъ не мало родныхъ и знакомыхъ.

Въ ряду уличныхъ оригиналовъ былъ извѣстенъ американскій посланникъ Рандолфъ, прозванный извозчиками «нѣмымъ бариномъ». Онъ ходилъ по улицамъ въ одномъ фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ и ярко-зеленомъ жилетѣ; его можно было видѣть всегда пѣшкомъ на улицахъ, съ любопытствомъ разсматривавшаго дома, вывѣски, останавливавшагося на углахъ, чего-то ожидавшаго; онъ рыскалъ всюду, какъ полупомѣшанный. Про него между дипломатами ходило много анекдотовъ.

На главныхъ улицахъ въ описываемое время замѣчалась странная фигура бывшаго нѣкогда кастеляна Михайловскаго замка Брызгалова, въ красномъ длиннополомъ мундирномъ фракѣ фран-

цузскаго покроя, богато шитомъ золотомъ; бѣлый суконный жилетъ, бѣлые замшевые панталоны, огромныя ботфорты со шпорами и треугольная шляпа съ бѣлымъ плюмажемъ дополняли его нарядъ. Въ такомъ видѣ Брызгаловъ ходилъ во всякую погоду пѣшкомъ, ведя за руки своихъ дѣтей—мальчика и дѣвочку, ковылявшихъ на ногахъ, страшно искривленныхъ англійскою болѣзнью.

Группа эта была такъ комично-карикатурна, что проходившіе мимо останавливались со смѣхомъ, а Брызгаловъ сердился и бранился. Онъ серьезно утверждалъ, что дожидается возвращенія императора Павла изъ дальняго путешествія и что тогда напляшутся всѣ, которые считали его умершимъ. Сомнительно,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Ципринусъ,—но несомнительно то, что онъ былъ ростовщикъ и страшный ябедникъ.

Какъ бы въ pendant къ этой странной фигурѣ, въ тѣ же годы жилъ одинъ старый сенаторъ. Живя въ Большой Морской, онъ въ хорошую погоду ходилъ въ сенатъ по Адмиралтейскому бульвару въ красномъ сенаторскомъ мундирѣ. За нимъ, нога въ ногу, слѣдовалъ старый лакей и вязалъ чулокъ. Красный мундиръ сенатора накликалъ однажды на него бѣду. Козелъ, выпущенный изъ конюшенъ Конногвардейскаго полка, увидѣвъ красную фигуру, накинулся на сенатора и повалилъ его ранѣе, чѣмъ лакей успѣлъ

предотвратить это комическое приключенiе. Катастрофа эта для здоровья сенатора не имѣла вредныхъ послѣдствiй, но строжайшее слѣдствiе все-таки было произведено полицiею.

Не меньшее любопытство встрѣчалъ на улицахъ катавшiйся шестерикомъ съ форейторомъ на выносъ, въ богатой восьмистекольной каретѣ, всегда съ дымящимся кальяномъ въ зубахъ и съ десяткомъ жирныхъ котовъ, бывшiй владѣтельный кавказскiй князь, извѣстный подъ именемъ князя Окропира. Это былъ большой оригиналъ. Восточный нарядъ его былъ высокой цѣны: однихъ изумрудовъ и рубиновъ, нашитыхъ на немъ, было болѣе, чѣмъ на сотни тысячъ.

Князь былъ помѣшанъ на церемонiи и этикетѣ; его вносили и выносили на рукахъ десятки лакеевъ, одѣтые въ зеленые и малиновые бархатные кафтаны, за нимъ всегда слѣдовалъ цѣлый рядъ каретъ съ его придворными-дворянами; штатъ ихъ былъ очень многочисленный. Князь былъ очень щедръ и за раскурку своего кальяна платилъ своему придворному по червонцу. Ему все подавалось на золотыхъ блюдахъ. Онъ любилъ, чтобы и пенсiю, получаемую имъ отъ правительства, ему подносили чиновники при церемонiалѣ и онъ каждаго такого надѣлялъ щедро червонцами. Кредитныхъ бумажекъ онъ не бралъ, будь ихъ хотя на сто рублей или болѣе: всѣ они оставались на долю казначейскаго чиновника.

Въ многочисленный штатъ этого князя входило нѣсколько заклинателей отъ разныхъ болѣзней; онъ ихъ считалъ единственными знатоками и практиками медицины. Но когда первая холера посѣтила столицу, заклинателей у князя замѣнили кошки. Какъ-то покушавъ не въ мѣру жирнаго пилава, онъ почувствовалъ припадки страшной гостьи и сейчасъ же прибѣгнулъ къ заклинателямъ, но послѣдніе не принесли пользы. Въ отчаяніи онъ разослалъ всѣхъ своихъ людей за докторами и, оставшись одинъ, кидался изъ угла въ уголъ, не зная, что дѣлать и нечаянно наткнувшись на своего любимаго кота, съ грустью прижалъ къ своей груди. И каково же было его изумленіе, когда, согрѣвшись прикосновеніемъ своего фаворита, онъ почувствовалъ облегченіе и вскорѣ задремалъ. Когда же открылъ глаза, толпа докторовъ стояла въ безмолвіи передъ его кресломъ. Болѣзнь его миновала. Съ тѣхъ поръ князь Окропиръ кошекъ считалъ единственной панацеей не только отъ холеры, но и отъ всѣхъ болѣзней и болѣе сотни разношерстныхъ такихъ четвероногихъ стали обитателями его апартаментовъ.

ГЛАВА XIX.

Чудаки и оригиналы.

Въ числѣ большихъ чудаковъ былъ одинъ изъ извѣстныхъ богачей Демидовыхъ, Акакій Прокофьевичъ; воспитаніе онъ получилъ въ Голландіи и потому по-русски говорилъ весьма плохо, какъ иностранецъ. Онъ доживалъ свой вѣкъ въ нижегородской своей вотчинѣ.

Эксцентричность его состояла въ необыкновенномъ гостепріимствѣ: когда гость въѣзжалъ къ нему во дворъ, то по его приказу ворота запирались на нѣсколько дней и никто не выпускался уже изъ усадьбы. Въ обильномъ его подвалѣ хранилось много старыхъ дорогихъ винъ. Онъ любилъ особенно, чтобы за его столомъ пили и ѣли какъ можно болѣе. Онъ не выносилъ, когда на тарелкахъ его гостей оставалось недоѣденное кушанье или въ большихъ его рюмкахъ недопитое вино. «Что ты, душенька, не пьешь?»—гово-

рилъ онъ гостю, замѣтя, что вино не допито.— Не могу, Акакій Прокофьичъ, много пилъ. «А зачѣмъ же ты, душенька, наливалъ? Пей, или я велю, душенька, вылить тебѣ за пазуху...» Гость, зная Акакія Прокофьича и что его спокойно сказанная угроза неотразима,—выпивалъ.

Также точно онъ заставлялъ гостя доѣдать взятое излишне на тарелку кушанье, обѣщаясь, въ противномъ случаѣ, выложить остатки гостю за пазуху. Вина въ его подвалѣ были распредѣлены по числу лѣтъ. Спрашивая, напримѣръ, рейнвейна или венгерскаго, онъ только показывалъ дворецкому знаками, поднимая вверхъ то одну, то другую руку съ растопыренными пальцами. Одна поднятая рука значила пять лѣтъ, двѣ руки—десять лѣтъ; вторично поднятая первая рука—пятнадцать и т. д. Для почетныхъ и рѣдкихъ гостей счетъ этотъ восходилъ до восьмидесяти и болѣе лѣтъ.

Воспитанникъ чужой земли, онъ, вопреки духу своего времени и уставу православной церкви, не соблюдалъ постовъ и не ходилъ въ церковь, но разъ въ годъ, въ великую пятницу, весь день не ѣлъ ничего и только около вечера выпивалъ рюмку вина.

Онъ къ себѣ, несмотря на свои богатства и угодья, допускалъ только старосту, котораго онъ звалъ Кондрантъ Степанычемъ, и затѣмъ еще ключницу, которую называлъ Барушкою. Когда

управляющій приходилъ къ нему съ докладомъ, онъ приказывалъ ключницѣ подавать ему чаю. Управляющій былъ очень плутоватый мужикъ и дѣлалъ что хотѣлъ безконтрольно въ богатыхъ имѣніяхъ Демидова. Баринъ по уму былъ чисто младенцемъ и ничего не понималъ въ хозяйствѣ. Разъ ему доложилъ Кондрантъ, что на его мельницахъ мыши всѣ жернова проѣли.

Когда этотъ Демидовъ отдавалъ старостѣ приказанія по хозяйству, то тотъ только мрачно говорилъ барину: слушаю-съ! слушаю-съ! слушаю-съ! Это слушаю-съ онъ повторялъ, то возвышая, то понижая голосъ на всѣ тоны. Несмотря на всѣ слушаю-съ, Кондрантъ распоряжался, какъ ему казалось лучше и выгоднѣе.

Въ ряду чудаковъ, любившихъ смотрѣть похоронныя процессіи и слышать надгробный плачъ и вопли надъ покойникомъ, и это каждодневно, былъ извѣстенъ очень богатый помѣщикъ Л—евъ, очень образованный и чрезвычайно приличный старичокъ, весьма привѣтливый и любезный. Онъ ѣздилъ на всѣ похороны, о какихъ случалось только ему узнавать: богатыя или бѣдныя, это все равно. Онъ входилъ въ церковь, стоялъ при отпѣваніи, потомъ провожалъ покойника до послѣдняго жилища, затѣмъ шелъ въ домъ покойнаго, отвѣдывалъ кутьи и сидѣлъ за поминальнымъ обѣдомъ. Онъ не разбиралъ, кто былъ умершій, бѣднякъ или богатый аристократъ, ему

все равно: онъ провожалъ людей, которыхъ никогда не зналъ и о которыхъ никогда даже не слыхивалъ. Для чего онъ это дѣлалъ, это была его тайна, которую онъ унесъ съ собой въ могилу. Было ли это постоянное momento mori, чтобы поддерживать въ себѣ христiанское смиренiе, или другое что, такъ и осталось для всѣхъ загадкой. Многiе думали, что присутствiе на похоронахъ было новымъ средствомъ помогать бѣднымъ въ такiя минуты, когда помощь всего необходимѣе.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ, въ Петербургѣ былъ извѣстенъ богатый баринъ, П—въ, особенно не любившiй пьяныхъ. Прислуга у него получала жалованье очень большое по тогдашнему времени и вся жила по контрактамъ—гдѣ были пункты, по которымъ за неумѣренное питье водки было вмѣнено тѣлесное наказанiе.

Такъ, въ контрактѣ его камердинера и кучера былъ включенъ пунктъ, по которому ему позволялось напиваться только разъ въ мѣсяцъ, если же онъ напьется въ другой какой-нибудь день то ему, помимо денежнаго штрафа, полагалось довольно суровое тѣлесное наказанiе на конюшнѣ Камердинеръ этого барина рѣдко преслѣдовался за пьянство, но кучеръ сильно придерживался хмѣльного и наказанiя ему были довольно часты П—въ отсчитывалъ ему собственноручно удары послѣ чего кучеръ выдерживался въ заперто

комнатѣ, гдѣ шло довольно строгое лѣченіе отъ пьянства; всѣ методы здѣсь примѣнялись, но болѣе въ ходу были разные простонародные, симпатическіе—и чтобы отвратить поклонника алкоголя отъ водки, ему давалась водка, настоенная тухлыми раками. Подъ конецъ ему разрѣшалось только пить одни ароматическіе спирты вродѣ киндеръ-бальзама, одеколона, о-де-лавандъ и даже духи. Надъ своеобразнымъ лѣченіемъ надзиралъ домашній врачъ причудника барина.

Мы уже не разъ говорили о былой роскоши нѣкоторыхъ русскихъ богачей начала нынѣшняго столѣтія. Къ числу такихъ петербургскихъ крезовъ принадлежалъ В. Н. В—ій; впрочемъ, этотъ богачъ считался не только однимъ изъ первыхъ въ Россіи, но даже во всей Европѣ. Его знаменитые желѣзодѣлательные заводы и соляные промыслы давали ему годового дохода болѣе чѣмъ миліонъ рублей. В—ій былъ сынъ послѣдняго пензенскаго воеводы, погибшаго на службѣ въ пугачевщину. Онъ первый въ Россіи устроилъ на Волгѣ пароходы и первый совершилъ на одномъ изъ нихъ поѣздку изъ своихъ заводовъ до Казани; онъ также первый ввелъ выдѣлку желѣза англійскимъ способомъ, занялся разработкою каменнаго угля на Уралѣ и открытіемъ многихъ золотоносныхъ розсыпей; онъ не задумался рафинировать свекловичный сахаръ у себя на дачѣ за Охтой и радовался какъ ребенокъ, что въ своемъ до-

машнемъ обиходѣ не употреблялъ ни фунта колоніальнаго сахара, сдѣланнаго изъ привознаго песку. Когда въ 1836 году въ Петербургѣ учреждалось газовое общество, онъ устроилъ у себя на дачѣ чугунно-литейный заводъ, на которомъ отливалъ трубы, которыя выходили наполовину дешевле выписныхъ англійскихъ.

Купивъ себѣ имѣніе за Охтой, у оберъ-полиційместера Эртеля, онъ въ два года привелъ его въ изумительный порядокъ, расчистилъ въ немъ рощи въ видѣ парка и сдѣлалъ въ немъ дорогъ болѣе чѣмъ на 25 верстъ; его оранжереи стоили ему болѣе полумиліона рублей.

Онъ ежегодно поздравлялъ императрицу въ день Новаго года, по русскому обычаю, поднося на золотомъ блюдѣ персики, сливы, виноградъ и ананасы. Его барскій домъ состоялъ изъ 160 комнатъ, расположенныхъ въ двухъ этажахъ. Гостинница для пріѣзжающихъ гостей помѣщалась въ двухъ большихъ флигеляхъ; гостей къ нему съѣзжалось въ день его именинъ нѣсколько сотъ человѣкъ и для всѣхъ были устроены особыя помѣщенія, при чемъ приняты были мѣры, чтобы привычки каждаго гостя не встрѣтили ни малѣйшаго стѣсненія, почему предварительно собраны были самыя точныя свѣдѣнія отъ прислуги о привычкахъ ихъ господъ и что для каждаго нужно. Трудно теперь повѣрить, что одной прислуги у В—го было до четырехъ сотъ человѣкъ.

Конюшни его вмѣщали до ста двадцати породистыхъ лошадей; экипажей тоже было не менѣе ста. За столъ, когда В—iй жилъ на дачѣ, ежедневно садилось не менѣе ста человѣкъ. Крѣпостные музыканты, пѣвчiе, актеры и актрисы составляли у него довольно многочисленную труппу.

Тогдашнiе драматурги—Хмѣльницкiй, Ѳ. Глинка, Крыловъ, А. А. Шаховской, И. П. Мятлевъ—писали для нихъ комедiи, водевили; музыку для куплетовъ писалъ извѣстный А. Верстовскiй и Мауреръ и часто акомпанировалъ на гитарѣ замѣчательный виртуозъ на этомъ инструментѣ Аксеновъ, кажется, чуть ли не первый авторъ школы для гитары. Праздники у В—го выходили очень оригинальные; въ его именины въ комнатахъ устраивалась «ярмарка» самая разнохарактерная: въ залахъ между тропической зеленью были устроены лавки съ разными товарами, также буфеты, въ которыхъ засѣдали разныя народности, продавая произведенiя своей страны. Эти лавочки и импровизованные караванъ-сараи прихотливо освѣщались различными фонариками; тамъ сидѣли китайцы, персiяне, турки, армяне — всѣ костюмы продавцовъ были строго выдержаны. Гдѣ дымились самовары и чайники, сидѣли китайцы и китаянки; гдѣ подавалось мороженое—сторожили послѣднее камчадалы, кутаясь въ свои оленьи дохи. Персiяне подносили фисташки и сушеные фрукты, турки разносили кофе, шер-

бетъ и подавали дымящіе кальяны и трубки съ турецкимъ табакомъ; ярославки и ярославцы, въ своихъ національныхъ костюмахъ, подчивали гостей сбитнемъ, бубликами и медовымъ квасомъ. Всѣ эти лавочки имѣли свои вывѣски; въ составленіи этихъ вывѣсокъ и надписей участникомъ былъ сынъ В—го, извѣстный каламбуристъ и острословъ того времени. Замѣчательно, что талантъ его перешелъ и къ его сыну, недавно умершему Н. Н. В—му.

Вотъ нѣкоторыя надписи на вывѣскахъ. Надъ мелочною лавкою вывѣска изображала три картинки: на первой представленъ былъ пьяный мужикъ котораго вяжетъ будочникъ, и тутъ же большой башмакъ съ надписью: «Le sou—lié». На другой картинкѣ старикъ съ большимъ носомъ и надпись: «Quel beau nez», и тутъ же виситъ чепчикъ (bonnet). На третьей—мальчикъ снимаетъ щипцами съ сальной свѣчи нагаръ и тутъ же носовой платокъ; надпись гласитъ: «Mou—choir». У китайцевъ, торгующихъ готовымъ чаемъ, изображена была красавица, подающая, съ нѣжною улыбкою, руку своему возлюбленному, который восклицаетъ: «Quel bon thé» (bonté).

Интересны были и разыгрываемыя тамъ такъ-называемыя «шарады въ лицахъ», входящія въ нашемъ высшемъ обществѣ теперь опять въ моду. Онѣ были разныхъ названій. Такъ, «Омонимъ» разыгрывался на сценѣ такимъ образомъ. Выхо-

дили трое: первый, математикъ, становился у доски и писалъ ломаныя числа; второй, съ барабаномъ, посрединѣ билъ дробь; затѣмъ третій, рядомъ, въ охотничьемъ платьѣ, насыпалъ дробь въ патроны, и каждый по очереди читалъ:

первый.

Въ словахъ я—цѣлое, но въ цифрахъ состою
Я частью цѣлаго, не болѣ.

третій.

Не то съ охотникомъ я птицъ и зайцевъ бью.

второй.

Не то меня же бьютъ на барабанѣ въ полѣ.

Изъ всего этого и выходило значеніе «Омонима»—дробь.

Для представленія шарады было выбрано слово, напр., трехъ значеній, что и составляло три части представленія. Въ первой части на авансценѣ открывался балъ; нѣсколько особъ изъ общества танцовали польскій, мазурку, вальсъ. Во второй части на срединѣ сцены появлялась въ богатомъ нарядѣ, на воздушной колесницѣ, предшествуемая и окруженная Лелями, въ видѣ крылатыхъ дѣтей, съ вѣнками, богиня Лада; за колесницею стоялъ Полевъ съ вѣнкомъ и факеломъ. Въ

третьей части сцена наполнялась призраками и тѣнями. Когда все это размѣщалось живописными группами, на средину сцены выходила въ русскомъ платьѣ и въ мантіи, украшенной эмблемами, Баллада и читала извѣстное стихотвореніе Жуковскаго: «Разъ въ крещенскій вечерокъ» и проч.

Во время чтенія извѣстной А. М. Колосовой, впослѣдствіи Каратыгиной, были представлены въ лицахъ мечты и видѣнія поэта, изъ числа которыхъ, въ живыхъ картинахъ, были различныя наши святочныя гаданія: съ башмачкомъ, бросаемымъ за ворота; съ пѣтухомъ, кормимымъ отборнымъ зерномъ; съ зеркаломъ, въ которомъ видится изображеніе суженаго, и проч.

Загадка изображалась по-французски. Съ одной стороны на сцену выходилъ мудрецъ въ черной мантіи, углубленный въ чтеніе огромной книги (livre), а съ другой — разносчикъ съ вѣсами и фунтовыми гирями.—Le livre (книга) и la livre (фунтъ).

Логогрифъ — тоже по-французски: съ одной стороны, ученый съ книгою (livre), съ другой — пьяница, пишущій ногами мыслете (ivre).

Каламбуръ представлялся по-русски. При поднятіи занавѣса, публика видѣла на сценѣ охотника, держащаго ножъ надъ убитымъ тетеревомъ; затѣмъ на сцену являлся чтецъ и читалъ оду Третьяковскаго, смыслъ которой понять было

очень трудно. Каламбуръ выходилъ—«дичь пореть».

Анаграма изображалась по-французски такъ: деревенскій бальи, въ трехъ-угольной шляпѣ, въ старинномъ французскомъ кафтанѣ и штиблетахъ, при трости, украшенной огромнымъ бантомъ, отказываетъ толпѣ просителей и просительницъ, говоря: «Je cause au suppliant une douleur extrême.—Retournez moi». Его поворачивали на другую сторону и тѣ же просители подходили и опять получали отказъ. Послѣ чего лицо, игравшее бальи, обращалось къ партеру и произносило: «и я все одинъ и тотъ же» («нѣтъ»). Затѣмъ, въ транспарантѣ, появлялось слово «non».

Мы выше разсказывали о Константинѣ Булгаковѣ, умѣвшемъ остроумными шалостями не только составить себѣ извѣстность въ гвардіи, но и заслужить себѣ пощаду со стороны великаго князя Михаила Павловича. Меньшой братъ его, извѣстный подъ именемъ «Паши», тоже не мало напроказилъ въ свое время. За одну дикую выходку въ театрѣ онъ понесъ строгое наказаніе на Кавказѣ. Въ сороковые года вся московская молодежь, чуткая на все изящное, черпала свои восторги въ балетѣ. Балетъ въ тѣ года въ Москвѣ украшали танцовщицы: Санковская, Ирка-Матьясъ и Андреянова; танцы послѣдней, некрасивой, но граціозной, привлекали довольно много публики въ театръ. Она была дѣйствительно плѣнительна,

особенно при полетѣ черезъ сцену на развѣвающемся шарфѣ, и тогдашній поэтъ-балетоманъ пѣлъ:

«Когда волшебницей въ «Жизели»
На легкой дымкѣ вы летѣли».

И вдругъ этой-то Андреяновой Паша Булгаковъ кинулъ на сцену мертвую кошку съ привязанною къ хвосту надписью: «первая танцовщица». Булгаковъ былъ «санковистъ», почитатель танцовщицы Санковской; орудіемъ его былъ какой-то дюжій мѣщанинъ, который и бросилъ кошку изъ райка, съ правой стороны сцены. Андреянова въ это время танцовала въ балетѣ «Сатанилла». Въ тотъ моментъ, когда танцовщица и ея партнеръ Монтасю, окончивъ pas, остановились въ чрезвычайно граціозной позѣ, къ ногамъ Андреяновой упала кошка съ длинной широкой лентой. Монтасю, поднялъ упавшій предметъ и, разглядѣвъ его, взглянулъ на публику и, откинувъ отъ себя далеко за кулисы кошку, выразилъ мимикой знаки укоризны, относящіеся къ публикѣ. Андреянова закрыла лицо руками и видно было по судорожнымъ движеніямъ груди и плечъ ея, что она плакала. Смятеніе въ публикѣ и на сценѣ трудно было передать: въ партерѣ и ложахъ всѣ встали начали раздаваться крики участія къ невинно пострадавшей артисткѣ. Сцена наполнилась актерами въ обыкновенныхъ костюмахъ; они подходили къ Андреяновой съ знаками

участія, публика кричала, топала ногами, стучала стульями и креслами; дамы махами платками. Затѣмъ на сцену посыпались вѣнки, букеты и буквально артистка была закидала ими. Полицiя заметалась, мгновенно оцѣпили всѣ ложи и раекъ и въ этотъ же вечеръ открытъ былъ виновникъ глупаго поступка.

Старшаго брата, нѣкогда блестящаго остроумца, характеристику котораго мы выше разсказали, въ тѣ года въ Москвѣ видѣли ходившимъ сгорбленнымъ старикомъ; у него послѣ отнялись ноги и онъ доживалъ свой вѣкъ на квартирѣ у отца. Видѣть этого оригинала можно было часа въ три или четыре,—это было самое показное его время, къ которому онъ успѣвалъ отмыть и пріодѣть себя отъ полуночнаго пьянства.

Онъ жилъ въ одной просторной комнатѣ, съ прекраснымъ роялемъ и весьма незатѣйливой мебелью. На двухколесномъ креслѣ сидѣлъ онъ свѣсивъ неподвижныя, тщательно обутыя въ полосатые чулки и лаковые башмаки ноги, бодрый на видъ, одѣтый съ нѣкоторымъ щегольствомъ. Онъ днемъ по большей части игралъ на роялѣ въ четыре руки съ проживающимъ у него музыкантомъ и то и дѣло прикладывался къ графинчику, стоявшему у него въ шкапчикѣ. Игралъ онъ довольно хорошо и вдохновенно; нерѣдко музыка вызывала обильныя слезы у нервно больного Булгакова.

ГЛАВА XX.

Индѣецъ-ростовщикъ. — Алхимикъ Антонъ Марковичъ Гамулецкій. — Кабардинскій принцъ. — Любитель гадалокъ. — Петербургскіе Филимонъ и Бавкида. — Человѣкъ-пушка. — Ходячая реклама портного. — Литература вывѣсокъ.

Въ описываемые годы на стогнахъ столицы ежедневно можно было встрѣтить одного или двухъ индѣйцевъ въ живописномъ восточномъ нарядѣ — и что замѣчательно было, такіе всѣ были ростовщики. — Въ числѣ такихъ, о которыхъ мы уже выше говорили, былъ еще одинъ замѣчательный оригиналъ индѣецъ Мунсурамъ.

Большая часть жителей, особенно тѣ, которые хворали безденежьемъ, знали его подъ именемъ ростовщика Мажерама. Онъ жилъ болѣе тридцати лѣтъ въ домѣ Лаптева, въ Малой Коломнѣ, по Торговой улицѣ, гдѣ занималъ двѣ небольшія комнаты. Въ первой комнатѣ былъ простой письменный столъ, четыре стула и небольшой кожаный старый диванъ; во второй комнаткѣ былъ тоже

диванъ съ кожаными подушками, два стула и большой, окованный желѣзомъ, сундукъ. Мунсурамъ велъ жизнь правильную, строгую: лѣтомъ и зимою онъ вставалъ въ пять часовъ утра и ложился спать зимою въ восемь, а лѣтомъ въ десять часовъ.

Пища его была болѣе чѣмъ умѣренная: по утрамъ стаканъ молока съ полторы-копѣечнымъ французскимъ бѣлымъ хлѣбомъ, за обѣдомъ каша изъ сарачинскаго пшена и небольшой бѣлый хлѣбъ съ медомъ; онъ никогда не ужиналъ и не пилъ ни вина, ни чаю. Несмотря на свою глубокую старость, онъ былъ бодръ и свѣжъ; ему было далеко за восемьдесятъ лѣтъ. Старикъ велъ жизнь отшельническую, онъ былъ не словоохотливъ, говорилъ по-русски хорошо, но писать не умѣлъ.

Изъ его резсказовъ видно, что онъ родился на Малабарскомъ берегу, въ городѣ Пунѣ, родителей своихъ не помнилъ; до пятидесяти лѣтъ онъ жилъ въ Калькутѣ, занимался тамъ торговлею и нажилъ порядочный капиталъ; въ Россію пріѣхалъ онъ въ 1808 году, три года жилъ въ Астрахани, а съ 1811 года поселился въ Петербургѣ. По религіи онъ принадлежалъ къ почитателямъ Брамы. Мажерамъ былъ ростовщикъ: онъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца постоянно являлся во многія присутственныя мѣста для полученія вычета изъ жалованья задолжавшихъ ему чиновниковъ. Въ прихожей онъ смиренно дожидался по

нѣскольку часовъ выхода экзекутора или казначея; разговаривалъ въ это время съ чиновниками и тутъ же иногда давалъ имъ деньги въ займы. Всѣмъ служащимъ вообще онъ давалъ деньги въ ссуду подъ росписки за поручительствомъ двухъ или трехъ чиновниковъ, товарищей бравшаго у него въ долгъ деньги, и съ засвидѣтельствованіемъ на роспискѣ экзекутора или казначея въ вѣрномъ платежѣ денегъ изъ жалованья должника.

Людямъ же незнакомымъ и неслужащимъ онъ давалъ въ займы не иначе какъ подъ вѣрный залогъ. Мажерамъ былъ добрый и честный ростовщикъ, иногда бѣднымъ и особенно вдовамъ онъ давалъ безъ поручительства, на одну росписку, беря только одни законные проценты. Этотъ оригиналъ умеръ въ Петербургѣ 14-го октября 1833 года; еще за нѣсколько дней до смерти онъ говорилъ: «Брама въ лицѣ Шивы зоветъ меня къ себѣ. Я старъ, пожилъ довольно, пора костямъ на покой». Желаніе его исполнилось и душа его предстала на судъ единаго Бога, Бога христіанъ и язычниковъ. Погребеніе Мунсурама, по обряду индусовъ, происходило на холерномъ кладбищѣ, на Волковомъ полѣ, въ ночь 17-го октября, на среду. Кромѣ незначительнаго числа зрителей, привлеченныхъ любопытствомъ на зрѣлище сожиганія трупа, собралось не болѣе десятка его соотечественниковъ. Тѣло Мунсурама лежало въ деревянномъ гробу, въ которомъ были

разбросаны деньги, разноцвѣтные драгоцѣнные камни и разныя бездѣлушки. Подлѣ одного болота сложенъ былъ костеръ дровъ, на немъ поставленъ гробъ съ покойникомъ. Гробъ обложили дровами, сверху набросали соломы и все это полили масломъ. На это рѣдкое въ нашей столицѣ зрѣлище публика смотрѣла съ любопытствомъ.

Огонь охватилъ понемногу весь костеръ и вдругъ поднялся высокій столбъ яркаго пламени, отражавшій блескъ свой на блѣдныхъ лицахъ зрителей и на печальныхъ могильныхъ памятникахъ. Тишина и мракъ ночи придавали этой картинѣ какую-то таинственную торжественность. Послѣ нѣкотораго времени пламя начало болѣе и болѣе понижаться и, наконецъ, среди облака дыма представилась взорамъ груда пылающихъ углей, на которой лежало полуобгорѣвшее тѣло усопшаго индѣйца. На вопросъ одного изъ зрителей,—съ какою цѣлью сожигаете вы вашихъ мертвецовъ,—одинъ изъ индѣйцевъ отвѣтилъ: «вы возвращаете тѣло одной стихіи, а мы всѣмъ четыремъ—теперь предаемъ его огню, потомъ оставимъ пепелъ три дня на мѣстѣ, чтобы земля и воздухъ взяли должную себѣ часть, а остатки бросимъ затѣмъ въ море».

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія на улицахъ Петербурга пользовался большою извѣстностью между жителями столицы живой, веселый старичокъ, сѣдой какъ лунь, всегда ходившій пѣшкомъ,

несмотря ни на какое разстояніе, и до самой смерти не употреблявшій никогда очковъ. Кто не слыхалъ о его замѣчательномъ кабинетѣ дорогихъ замысловатыхъ механическихъ вещей и разнаго рода рѣдкостей! Имя и фамилія этого общаго любимца, слывшаго у всѣхъ за алхимика и волшебника, были—Антонъ Марковичъ Гамулецкій. Сынъ полковника войскъ короля прусскаго, родился онъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1753 г.; въ 1794 г. онъ переѣхалъ въ Россію и опредѣленъ на службу въ рижскую полицію, въ 1798 г. переведенъ въ с.-петербургскую таможню, а въ 1799 г. опредѣленъ въ с.-петербургскую полицію брантмайоромъ; въ этой должности, за отличное и усердное дѣйствіе при тушеніи пожара на дачѣ гр. Кушелева-Безбородка, именнымъ указомъ императора Павла I, награжденъ чиномъ колежскаго регистратора и годовымъ окладомъ жалованья. Послѣ разныхъ переходовъ служебныхъ, въ 1808 г. Гамулецкій опредѣленъ былъ на службу въ вѣдомство московскаго почтамта; въ слѣдующемъ году онъ оставилъ службу и завелъ контору комиссіонерства. Въ Отечественную войну, потерявъ отъ нашествія непріятеля все свое состояніе, онъ оставилъ Москву и переселился въ Петербургъ. Гамулецкій до послѣднихъ дней своей глубокой старости, не бывалъ боленъ, хорошо сохранилъ память, зрѣніе и постоянно былъ веселъ и шутливъ: онъ умеръ почти ста лѣтъ. По его словамъ,

достигъ онъ старости очень просто: до сорока лѣтъ онъ велъ жизнь довольно разсѣянную и не всегда правильную, впослѣдствіи уже вошелъ въ опредѣленныя границы, сталъ наблюдать за собою, подчинять себя умѣренности и акуратности, никогда не оставался безъ дѣла и, будучи постоянно въ хлопотахъ и заботахъ, не падалъ духомъ и не предавался унынію.

Смерть его была тихая, покойная; похороненъ онъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Какъ мы выше сказали, Гамулецкій былъ большой охотникъ до всякихъ фокусныхъ машинокъ и рѣдкостей. У него былъ волшебный кабинетъ, между многими диковинками котораго находилась большая голова: отдѣланная подъ бронзу и поставленная въ особомъ мѣстѣ на зеркальномъ стеклѣ, голова явственно отвѣчала на предложенные вопросы. Добрый старичокъ очень охотно показывалъ свой кабинетъ не только короткимъ пріятелямъ, но и всякому шапочному знакомцу; въ древности онъ бы весьма хорошо могъ занять мѣсто гимнософиста въ какомъ-нибудь египетскомъ храмѣ или управлять механическою частью дельфійскаго оракула, но въ средніе вѣка онъ бы сильно рисковалъ попасть на костеръ инквизиціи.

Мы уже разсказывали раньше о чудакѣ Чупятовѣ, выдававшемъ себя за марокскаго принца. Какъ бы въ pendant къ нему, въ тридцатыхъ годахъ появлялся часто на Невскомъ проспектѣ, въ Лѣт-

немъ саду, на всѣхъ общественныхъ гуляньяхъ, другой такой полусумасшедшій старикъ, очень приличнаго вида. Сѣдая его голова внушала къ нему почтеніе; носилъ онъ старый французскій кафтанъ чернаго цвѣта, черное исподнее платье, черные шелковые чулки, лѣтомъ башмаки съ пряжками, которые замѣнялись иногда зимою обыкновенными сапогами. Кланяясь почтительно народу, онъ вызывалъ всякаго на такой же поклонъ. На лицѣ его, умномъ и почтенномъ, не замѣтно было и признаковъ помѣшательства. Онъ былъ принятъ во многихъ домахъ петербургскаго общества. Разговоръ его былъ пріятенъ, уменъ, обхожденіе величественное, вполнѣ соотвѣтствовавшее той роли, которую онъ на себя принималъ. Старикъ воображалъ, что онъ происходилъ отъ царской крови владѣтельныхъ кабардинскихъ князей, и если разговоръ этого не касался, то рѣчь старика была свѣтская, живая, разнообразная, остроумная, но какъ только кто-нибудь начиналъ говорить о его высокомъ происхожденіи, то онъ вдругъ принималъ на себя видъ претендента и съ важностью, съ достоинствомъ, съ силою и одушевленіемъ, но безъ неприличія, не смѣшно и не глупо начиналъ доказывать права свои на престолъ, будто бы несправедливо похищенный у него кѣмъ-то. «Извѣстно, — говорилъ онъ,—что въ земляхъ моихъ живутъ многіе дикіе горцы, которые враждуютъ съ Россіею; они

могутъ выставить войска отъ 70—80 тысячъ человѣкъ; это мои подданные. Я долженъ бы былъ управлять всѣми ими, но отецъ мой, который утѣснялъ нѣкоторыя племена, возстановилъ ихъ противъ себя, и они убили его разъ ночью, а меня, еще грудного ребенка, спасла кормилица и вывезла въ Россію, гдѣ я и выросъ.

Я писалъ ко всѣмъ дворамъ Европы и просилъ участія ихъ въ моемъ дѣлѣ и вспоможенія, но не получилъ отвѣта. Я просилъ у разныхъ лицъ двадцать милліоновъ въ ссуду. Съ этими деньгами я могъ бы явиться къ своимъ подданнымъ, которые помнятъ меня и хотятъ видѣть на тронѣ. Впрочемъ, одно только племя ко мнѣ враждебно, но остальныя мнѣ преданы.

Я хотѣлъ жениться на одной принцессѣ владѣтельнаго германскаго дома, и она согласна была принять мою руку; но здѣсь интриговали французскій дворъ и Австрія. Невѣста моя вышла замужъ, и я очень скучалъ». Онъ говорилъ обо всемъ очень основательно, пока только не касалось его слабаго пункта.

Въ обществѣ, когда ему предлагали чашку чая или рюмку вина, то онъ обыкновенно вставалъ со стула и, обращаясь къ хозяину или хозяйкѣ дома, почтительно кланялся, какъ бы напонимая, что по уставу придворнаго этикета они должны были испросить предварительно его позволенія, какъ принца крови, подать ему рюмку вина.

Онъ не принималъ ни вина, ни чашки чая изъ рукъ слуги, и хозяинъ или хозяйка дома сами должны были держать передъ нимъ подносъ, если хотѣли, чтобъ онъ принялъ поданное.

Въ тѣхъ домахъ, гдѣ онъ часто бывалъ, знали это и исполняли его требованія. Точно также трудно было заставить его принять платье, сапоги, когда онъ нуждался въ такихъ вещахъ,— надо было сапоги или платье зашить въ клеенку, адресовать на имя принца и надписать, что они присланы изъ его страны. Такъ же, а не иначе, принималъ онъ и деньги. Старикъ этотъ принадлежалъ къ купеческому сословію, фамилія его была Яковлевъ. Проживалъ онъ очень бѣдно, въ убогой комнаткѣ, гдѣ-то на Петербургской сторонѣ.

Въ тридцатыхъ годахъ на улицахъ Петербурга обращалъ на себя вниманіе чисто одѣтый старикъ, чиновникъ, экзекуторъ въ отставкѣ, вѣчно отыскивающій въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ города: на Пескахъ, въ Гавани, въ дальнихъ краяхъ Коломны, Измайловскаго полка, жилище какой-нибудь гадалки, старухи-чухонки, отставной содержанки, заштатной кухарки или просто полоумной женщины, часто пьяной, владѣющей будто бы искуствомъ предсказывать будущее.

И вотъ съ ранняго утра и до поздняго вечера бродилъ этотъ старикъ, посѣщая жилища этихъ полупьяныхъ пиѳій, любительницъ кофе и водки, чтобы узнать свою будущность, скорбѣть или

радоваться и потомъ, по безтолковымъ отвѣтамъ часто полупомѣшаннаго или пьянаго оракула располагать поступками своей жизни впредь до новаго предсказанія, купленнаго за какой-нибудь полтиникъ или двугривенный.

Въ тѣ же годы на улицахъ столицы встрѣчали старика и старуху, отличавшихся патріархальными странностями прошлаго вѣка. Это были мужъ и жена, прозванные всѣми Филимонъ и Бавкида; и дѣйствительно, супружеское ихъ согласіе не было ничѣмъ нарушено во всю ихъ долгую жизнь. Старичокъ необыкновенно нѣжно относился къ своей старухѣ, та также строго повиновалась мужу и заимствовала отъ него всѣ его качества, привычки, наклонности, даже странности.

Они жили вдвоемъ въ мирѣ и любви болѣе полустолѣтія и дѣтей не имѣли. Имѣя всегда постоянное жилище, они обыкновенно приходили къ своимъ родственникамъ, зажиточнымъ купцамъ, съ просьбою—взять ихъ къ себѣ жить. «Вѣдь вотъ въ этой комнатѣ у васъ никто не спитъ,—говорили они, показывая на залъ или гостиную,—такъ почему же намъ здѣсь не спать?» И когда родственники старались внушить имъ, что не всѣ пустыя комнаты въ домѣ могутъ быть обитаемы постояльцами, то они всегда уходили спокойно, не сердясь за отказъ, но покачивая головою и говоря: «Какіе странные люди! Имъ

тѣсно въ такомъ большомъ домѣ, а мы, старики, жмемся въ углу!».

Старушка имѣла своихъ любимцевъ—кошку и птичекъ; первую она ужасно баловала, приносила для ней игрушки, поила кофеемъ и устраивала даже елку. Своихъ пернатыхъ друзей она любила еще болѣе,—каждый изъ нихъ носилъ свое имя; она кормила ихъ червяками, ягодами и разными кашками.

Старикъ друзей не имѣлъ, но въ жизни имѣлъ болѣе странностей, чѣмъ его жена. Покупая, напримѣръ, себѣ новыя нитяныя перчатки, онъ, принеся ихъ домой, обыкновенно говорилъ женѣ своей: «Ѳедосья Захаровна! нашей, душенька, здѣсь на ладоняхъ двѣ заплатки. Перчатки мои всегда скоро изнашиваются на ладоняхъ: такъ пусть же износятся прежде заплатки, а потомъ я ихъ спорю и буду носить перчатки заново!» Такъ же дѣлалъ онъ и съ новымъ платьемъ своимъ, приказывая женѣ нашивать заплаты на локтяхъ сюртуковъ чтобы прежде износились заплаты, и дѣлалъ это не изъ опасенія отличиться странностями или шутовствомъ, а такъ спроста.

Жена исполняла приказанія его безусловно.

Долго жили они въ счастливомъ бракѣ своемъ и не надолго пережили одинъ другого; кто умеръ первый—жена или мужъ, неизвѣстно. Эти два оригинала пользовались большимъ уваженіемъ у всѣхъ, знавшихъ ихъ, за смиреніе, благонравіе и

кротость. Они слыли по уличному прозванію подъ именемъ: «два гудка».

Въ описываемые годы можно было встрѣтить на улицахъ Петербурга одного сумасшедшаго,—стараго чиновника, съ типичной канцелярской физіономіей, который пользовался свободою гулять по свѣту и который доказывалъ, что онъ пушка. Разговаривая о чемъ-нибудь съ вами, онъ вдругъ искривлялъ лицо свое, надувалъ щеки и производилъ ртомъ своимъ звукъ на подобіе пушечнаго выстрѣла. Это дѣйствіе онъ повторялъ нѣсколько разъ каждый день. Разгуливалъ онъ, по большей части, близъ крѣпости и адмиралтейства, гдѣ, какъ извѣстно, нерѣдко происходила пальба изъ пушекъ.

Въ ряду уличныхъ чудаковъ, служившихъ ходячими рекламами портного, въ тридцатыхъ годахъ на тротуарахъ Невскаго проспекта, набережныхъ и въ Лѣтнемъ саду были замѣтны два брата, крайне любопытно разодѣтые. Кто они были—никто порядочно не зналъ; извѣстно только было, что они учили русской грамотѣ и французскому языку съ полдюжины арапчатъ у графа З—го, имѣвшаго особенную склонность къ черной прислугѣ.

Въ тѣ года обыкновеннаго теперь пальто никто не носилъ. Тогда въ модѣ былъ англійскій каррикъ, т. е. большею частью коричневый или гороховый суртукъ съ маленькою пелеринкою или

капюшономъ, въ родѣ тѣхъ, какіе нынче, и то рѣдко, встрѣчаются у однихъ только выѣздныхъ кучеровъ при англійской закладкѣ. Помимо каррика тогда входилъ еще въ моду широкій синій, подбитый бархатомъ чернымъ, а часто и малиновымъ, плащъ, называвшійся «альмавива», по имени извѣстнаго персонажа въ пьесѣ Бомарше.

Тогда въ Петербургѣ моднымъ портнымъ былъ Ручъ и вотъ, чтобы рекламировать эти два мужскихъ одѣянія, онъ въ видѣ живыхъ вывѣсокъ пустилъ братьевъ ходить по Невскому: для одного онъ сшилъ даромъ величественную синюю «альмавиву» съ малиновымъ бархатнымъ подбоемъ; а на другого напялилъ щегольской свѣтло-гороховый каррикъ. Вмѣстѣ съ этимъ въ листкахъ, разносимыхъ при афишахъ, было объявлено объ альмавивахъ и каррикахъ, заказы на которые принимаются въ портняжномъ заведеніи на углу Невскаго и Малой Морской; ежели кому угодно будетъ удостовѣриться въ красотѣ фасона этихъ новомодныхъ одеждъ, тотъ можетъ ихъ видѣть на двухъ извѣстныхъ столичныхъ элегантахъ ежедневно на Невскомъ проспектѣ между часомъ и четырьмя пополудни.

Для этихъ живыхъ вывѣсокъ бралась ежедневно изъ манежа англійская лошадь, на которой въ означенные часы ѣхалъ шагомъ одинъ изъ братьевъ, великолѣпно задрапированный въ альмавиву, другой же въ англійскомъ каррикѣ

шелъ рядомъ по тротуару. Братья перекидывались французскими фразами, очень своевольнаго перевода. Такъ одинъ изъ братьевъ говорилъ: «Votre cheval est dans le savon» (лошадь ваша въ мылѣ). «J'ai vu aujourd'hui le long de matin le prince Boris qui est arrivé de l'Aigle» (я сегодня утромъ видѣлъ князя Бориса, который пріѣхалъ изъ Орла).

Черезъ полчаса опять встрѣчали братьевъ, но ихъ роли перемѣнялись, верхомъ на лошади ѣхалъ уже другой братъ, а первый выступалъ по тротуару, драпируясь въ альмавиву. Братья гдѣ-нибудь подъ воротами мѣнялись и костюмами; надѣвая каррикъ брата, бывшій въ альмавивѣ, замѣтивъ на каррикѣ конскую шерсть, восклицалъ: «Voyez donc le cheval deteint» (смотрите лошадь линяетъ). Братья говорили на такомъ своеобразномъ французскомъ языкѣ, что ихъ приглашали аристократы на свои ужины и обѣды, только бы слушать ихъ разговоры, и, точно, рѣдкостны и замѣчательны были ихъ французскія фразы.

Если кто потрудился бы пройти лѣтъ пятьдесятъ назадъ съ карандашемъ въ рукѣ по главнымъ улицамъ Петербурга, тотъ собралъ бы богатый запасъ диковинокъ изъ литературы вывѣсокъ. Особенно курьезны были вывѣски съ вольными переводами. Такъ на углу Синяго моста долго красовалась вывѣска портного: «И. Гель-

грюнъ. I. Hellgrün, Tailleur du vert clair». Къ вольнымъ переводамъ должно еще причислить вывѣску на углу Троицкаго переулка и Невскаго проспекта: «Мужской и салопный мастеръ (Herrn und Saloppen-Master»). На углу Гороховой, надъ ломбардомъ, существовала вывѣска на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, но оба языка такъ перемѣшаны между собою, что весьма любопытно было бы узнать, на какомъ языкѣ написаны слова: «Bude de Moel»,—должно быть, на французскомъ, потому что тутъ же находилась нѣмецкая надпись совершенно правильная. У Пяти угловъ нѣсколько лѣтъ существовала надпись надъ парикмахерской: «Фершельное заведеніе (Ferchelnoe Savedenies»); въ Гороховой имѣлась вывѣска: «Рѣщикъ печатей, Rectik petchatee». На Выборгской сторонѣ, на углу Вульфовой улицы, надъ табачной лавкой красовалась вывѣска: «Продажа табаку и разныхъ товаровъ, Prodaja tabacu i rasnich tovaroff». Не менѣе достойна была примѣчанія, какъ по русскому правописанію, такъ и по переводу, вывѣска въ Офицерской улицѣ: «Кухмистеръ Яковъ Михайловъ отъ пускаетъ порціонный столъ. Koh-Meister Gakof Michailof verfertig Porsigon Tische». Въ Мѣщанской улицѣ, нынѣшней Казанской, была вывѣска: «Щеточный мастеръ Егоръ Фед. Равинъ, Rammonetier Georg Th. Rawen». На углу Гороховой и Садовой улицъ, на вывѣскѣ гребенщика Бараева, су-

ществовала надпись слѣдующая: «Фабрика черепаховыхъ издѣлій, Fabrique de manufactures tortues». Существовали въ тѣ годы также вывѣски необыкновенно простодушныя; напримѣръ, въ Измайловскомъ полку была вывѣска: «Домашное табачное завѣденіе отставного унтеръ-офицера Куропатко».

На углу Владимійской и Невскаго проспекта надъ цирюльнею красовалась: «Здесь бреютъ і крофь а творяютъ»; у Аничкина моста была вывѣска сапожника, могущая служить загадкою, ребусомъ: «Време, це, маст. Кузма Федоровъ»—это означало: «Временный цеховой мастеръ Кузьма Федоровъ». Были вывѣски илюстрированныя: такъ, на Сѣнной была пивная лавка, на вывѣскѣ которой было изображеніе бутылки, изъ которой пиво переливается шипучимъ фонтаномъ въ стаканъ. Подъ этимъ рисункомъ была лаконическая надпись: «Эко пиво!» Замѣчательная илюстрированная вывѣска красоваласъ у Аничкина моста: на ней былъ изображенъ огнедышащій Везувій, дымомъ котораго коптятся окорока и колбасы. На углу одного изъ домовъ Невскаго проспекта виднѣлась вывѣска: «Фортепьянистъ и роялистъ»; за Казанскимъ соборомъ жилъ «стеклователь», онъ же «стеклянный художникъ»; надъ игрушечной лавкой въ Офицерской улицѣ была вывѣска «Дѣтское производство»; надъ лабазомъ по Гороховой: «Продажа разныхъ мукъ»; въ Спасскомъ

переулкѣ была мясная лавка съ вывѣской: «Лавка Ивана Капустѣна»; на Гороховой улицѣ долго проживалъ «Портной Иванъ Доброхотовъ изъ иностранцевъ»; близъ Столярнаго переулка жилъ портной, у котораго на одномъ углу дома была вывѣска: «Военный Прохоровъ», на другомъ «Пантикулярный Трофимъ». Была вывѣска у одного изъ красильщиковъ: «Здѣсь красютъ, декатируютъ и такожде пропущаютъ машину». На главныхъ улицахъ столицы, какъ на Невскомъ проспектѣ, вывѣски чаще попадались на французскомъ и русскомъ языкахъ. Въ домѣ, бывшемъ Энгельгардта, на углу Невскаго и Казанскаго моста, долго красовалась вывѣска: «Plumassière de Paris, парижская перечница»; надъ лавкою, гдѣ продавали ковры: «Vente de Tapisses»; на Гороховой долго висѣла вывѣска: «Живописецъ вывѣсокъ, одобренный начальствомъ и экзаменованный и производитъ всякое художество».

У одного мозольнаго оператора была вывѣска: «Couper des cors». У одного гробовщика висѣла вывѣска съ надписью: «Krapu». По объясненію этого гробовщика, эта надпись была сдѣлана для тону и чтобъ французы, здѣсь умирающіе, знали, что могутъ достать прочные гробы. По стародавнему обычаю, гробы на вывѣскахъ всегда изображались не гробами, а красными сундуками или шкатулками.

Въ двадцатыхъ годахъ въ Петербургѣ была фабрика табаку Смѣкаева, на вывѣскѣ которой виднѣлось слѣдующее: за круглымъ столомъ сидѣлъ съ одной стороны господинъ съ стаканомъ въ рукѣ, съ другой—стояла дама; она подавала господину трубку и старалась отнять отъ него стаканъ; внизу находилось слѣдующее четверостишіе:

«Оставь вино, кури табакъ,
Ты трубочкой разгонишь всю кручину;
Клянусь, что раскуражишъ такъ,
Какъ будто выпилъ на полтину!»

Въ старину на вывѣскахъ виднѣлись и аллегорическія картины, многосложные рисунки изъ арабесковъ, цвѣтовъ и разныхъ атрибутовъ, сообразно съ характеромъ лавки или мастерства.

Въ музеѣ Павла Свиньина хранилась желѣзная вывѣска питейнаго дома въ Петербургѣ съ портретомъ Петра I и съ аллегоріями и надписями, современными основанію Петербурга.

Въ старину лучшіе трактиры вывѣсокъ съ надписями не имѣли. Такъ, на вывѣскѣ одной изъ гостиницъ Невскаго проспекта въ началѣ текущаго столѣтія представлены были султанъ и султанша огромнаго роста—дама и кавалеръ въ національной одеждѣ и они читали «Сенатскія Вѣдомости». На другихъ трактирныхъ вывѣскахъ изображались баснословные фениксы въ пламени, медвѣдь въ задумчивости съ газетой.

Надъ простыми трактирами рисовали мужиковъ, чинно сидящихъ вокругъ стола, уставленнаго чайнымъ приборомъ или закускою и штофиками; живописцы обращали особенное вниманіе на фигуры людей: они заставляли ихъ разливать и пить чай въ самомъ граціозномъ положеніи, совсѣмъ непривычномъ для посѣтителей такихъ мѣстъ.

На вывѣскахъ иногда людскія фигуры были замѣнены предметами: чайный приборъ, закуски и графинъ съ водкой,—послѣднее изображеніе еще краснорѣчивѣе говорило за себя. Существовалъ близъ Сѣнной трактиръ съ такою вывѣской: «Здѣсь трактиръ для пріѣзжающихъ и приходящихъ съ обѣденнымъ и ужиннымъ расположеніемъ».

На вывѣскахъ винныхъ погребовъ изображали золотыя грозди винограда, а также нагихъ правнучатъ и потомковъ Бахуса верхомъ на бочкахъ, съ плющевыми вѣнками на головѣ, съ чашами, съ кистями винограда въ рукахъ. Также рисовали прыгающихъ козловъ,—полагая, что греки этому четвероногому приписывали открытіе вина. На вывѣскахъ табачныхъ лавокъ и сигарныхъ фабрикъ писались толстые голландцы, американцы, арабы съ сигарою въ зубахъ или мастера, изготовляющіе сигары и крошащіе табакъ. Также нагіе негры или группы амуровъ, какъ бѣлыхъ, такъ и черныхъ—и все это куритъ сигары. Изображали и турокъ въ чалмахъ,

задумчиво курящихъ изъ кальяна. Акушерки въ старину выставляли вывѣску съ надписью: «бабка—голандка». Гдѣ-то на Пескахъ существовала такая вывѣска, на которой изображенъ былъ рогъ изобилія, изъ котораго падали новорожденные младенцы,—но до полнаго паденія руки акушерки не допускали и подхватывали младенцевъ колосальными акушерскими щипцами.

ГЛАВА XXI.

Собиратель антиковъ.—Морякъ-проказникъ С.—Чудакъ-книгопродавецъ.

Въ ряду замѣтныхъ чудаковъ первой четверти текущаго столѣтія былъ провіантскій чиновникъ, генеральскаго чина, Д—овъ; наружнымъ видомъ онъ ничѣмъ не отличался отъ извѣстнаго Собакевича. Д—овъ былъ страстный любитель всякихъ «антиковъ», какъ онъ выражался, изъ которыхъ и составилъ себѣ большой музей, собирая ихъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ своей службы, во время своихъ служебныхъ поѣздокъ по всѣмъ почти губерніямъ Россіи и Сибири. Описаніе этого любопытнаго кабинета могло бы разсмѣшить, кажется, чуть не умирающаго человѣка, такъ онъ былъ примитивенъ, не хитростенъ и своеобразенъ. Музей его состоялъ, нельзя сказать, чтобы изъ особенно цѣнныхъ вещей. Въ коллекціи его рѣдкихъ вещей были экземпляры, которые для не-

посвященнаго въ происхожденіе ихъ не представляли никакой цѣнности.

Въ большомъ собраніи его тростей и палокъ, напр., самыми драгоцѣнными считались: палица изъ высушенаго лопуха, трость, сдѣланная изъ одного корня хрѣна, крѣпкая, какъ кость; затѣмъ дорожный посошокъ, простой, жестяной, выкрашеный черною краскою, въ который вливался полуштофъ полугара; далѣе шли такія диковинки, какъ желѣзная кочерга, болѣе чѣмъ въ полвершка толщиною, свитая и согнутая рукою силача въ дугу, съ надписью «кто кочергу эту спрямитъ, тотъ нашу дружбу прекратитъ»; лежалъ у него на почетномъ мѣстѣ и простой обыкновенный кирпичъ изъ города Царева, взятый будто бы изъ развалинъ дворца Мамаева.

Былъ и старый барабанъ изъ кожи одного волжскаго разбойника, сдѣланный по приказу грознаго астраханскаго воеводы. Хранилась въ спирту въ узкогорломъ сосудѣ огромная груша, видимо запрятанная туда, когда она была только зародышемъ, и росла въ сосудѣ до полной зрѣлости, привязанная къ дереву. Была табакерка, сдѣланная изъ мужицкаго лаптя, на которомъ написано: «и счастье, какъ табакъ, со смертными играетъ, иного веселитъ, иного въ носъ щелкаетъ».

Находился у него алебастровый слѣпокъ съ кулака великана Преображенскаго полка тамбуръ-мажора Митрофана Случкина, свѣренный съ по-

длиннымъ у него въ квартирѣ. Была и портретная галерея кисти суздальскихъ богомазовъ.

Въ числѣ замѣчательныхъ такихъ портретовъ обращали вниманіе изображеніе крестьянина Якова Кирилова, которому первая его жена Ѳедосья родила 57 живыхъ дѣтей, а вторая 18. Былъ и другой портретъ такого же плодовитаго крестьянина Ѳедора Васильева, которому первая супруга подарила 69 дѣтей, а вторая 16. Существовалъ портретъ и дѣвицы француженки Дюбуа; эта вѣтренная парижанка вела списокъ своихъ обожателей и въ двадцать лѣтъ насчитала ихъ 16,527 человѣкъ!!

Въ числѣ серебряныхъ вещей у него хранилась вистовая марка, серебряная съ чернью, принадлежавшая графу Аракчееву; на одной сторонѣ были изображены трефы, а на другой гербъ и надпись: «безъ лести преданъ»; куплена она была на аукціонѣ у Свиньина,—какъ гласила другая надпись на ней, сдѣланная рукою Д—ва,—«купилъ для того, чтобъ хранить съ почтеніемъ таковый памятникъ!»

Въ колекціи скульптурныхъ вещей подъ стекломъ у него хранилась изъ яблочныхъ зеренъ сдѣланная мышь; подъ этимъ изваяніемъ было приписано рукою бывшаго провіантскаго чиновника: «отъ сего насѣкомаго у насъ произошло слово «мышеядъ», которое усердіемъ и попеченіемъ нѣкоторыхъ смотрителей казенныхъ мага-

зиновъ уничтожается и отъ коихъ, по словамъ Кронау (?), описывавшаго въ 1789 году чему люди научились отъ животныхъ: «отъ мышей научились мы портить все, что ни попадется!»

Въ числѣ рѣдкихъ сокровищъ въ музеѣ Д—ова хранился въ пузырькѣ въ довольно измельченномъ видѣ необходимый предметъ всѣхъ кладоискателей «разрывъ-трава»; по народному повѣрью, безъ нея клада не взять, она отпираетъ всѣ замки, она составляетъ ключъ къ открытію всѣхъ сокровищъ. Д — въ, какъ разсказывалъ, отыскалъ эту траву у одного простого кузнеца за большія деньги; къ отысканію этого сокровища ему содѣйствовалъ одинъ извѣстный московскій купецъ миліонеръ, пробу надъ нею производили въ кузницѣ, дѣйствіе травы вышло изумительно, полоска желѣза почти въ четверть аршина длиной и въ шину толщиной, положенная на наковальню, отъ одного прикосновенія волшебной травы съ трескомъ, на подобіе выстрѣла, разлеталась на четыре части.

По мнѣнію скептиковъ, чудодѣйственность разрывъ-травы была ничто иное, какъ «гремучее серебро», травка же для вида была только примѣшана.

Былъ у этого собирателя такой же миѳическій высушенный цвѣтъ папортника, по его разсказу, здѣсь былъ одинъ лепестокъ цвѣтка, весь же цвѣтокъ случайно попалъ въ лапоть мужика въ Иванову ночь и сообщилъ счастливцу

всевѣдѣніе, такъ что онъ въ эту ночь зналъ гдѣ закопаны клады; мужикъ, не зная чудодѣйственнаго дѣйствія цвѣтка, былъ счастливъ только одну ночь, пока въ лаптѣ цвѣтокъ имъ не былъ растоптанъ.

Д—въ имѣлъ феноменальную способность ѣсть много — обѣдая часто у купцовъ-подрядчиковъ имѣвшихъ съ нимъ дѣла, онъ обыкновенно наканунѣ обѣда давалъ реэстрикъ, въ которомъ подробно означалъ какое именно кушанье для него приготовить; онъ увѣрялъ своихъ знакомыхъ, что у него желудокъ треховчинный.

Вотъ образчикъ одной такой росписи любимыхъ имъ блюдъ: щи кислые, жирные, подать непремѣнно въ горшкѣ, съ крынкой сметаны; къ нимъ сто подовыхъ пирожковъ — пятьдесятъ пустить въ разноску, а остальные пятьдесятъ положить возлѣ моего прибора; это, какъ объяснялъ онъ, въ промежуткахъ (т. е. пока разносятъ кушанье, чтобы не сидѣть праздно). Пирогъ или кулебяку онъ непремѣнно велѣлъ дѣлать длиною въ аршинъ восемь вершковъ, шириной двѣнадцать вершковъ, а высота какая только возможна. Въ одинъ ея уголъ надо было положить семги, въ другой рыбныхъ молокъ, въ третій курицу съ рублеными яйцами, а въ четвертый разнаго фарша. Окорокъ ветчины онъ приказывалъ подать большой, какой только можно было найти. Жареную четверть теленка наказывалъ всегда обло-

жить парой утокъ, парой тетеревей и десяткомъ рябчиковъ. Пирожное, добавлялъ онъ, какое хотите, это не мое кушанье. За такимъ обѣдомъ, если какое-либо блюдо ему особенно нравилось, то онъ на него такъ чихалъ, что охотниковъ ѣсть его уже не находилось и блюдо цѣликомъ предоставлялось его апетиту.

Однажды подрядчикъ встрѣтилъ Д—ва стоявшимъ возлѣ строющагося дома въ размышленіи съ пріятной улыбкой на устахъ—передъ бревномъ огромной величины. Что вы, ваше превосходительство, думаете здѣсь, спросилъ подрядчикъ.—«А вотъ что: ну, еслибы эдакая колбаса! а! одинъ ломтикъ былъ бы мнѣ достаточно на закуску послѣ рюмочки сивушки». Д—въ никакого вина за исключеніемъ браги и квасу не пилъ, пилъ же онъ передъ обѣдомъ, завтракомъ и ужиномъ «сивушку»—это былъ настой изъ мелко истолченныхъ кореньевъ и травъ, которые ему присылалъ извѣстный малороссійскій знахарь Трофимовичъ. По его методу отъ всякой простуды и болѣзни онъ принималъ ежедневно ножную ванну изо льда, въ которомъ онъ держалъ ноги не болѣе пяти минутъ; по совѣту того же знахаря онъ ходилъ еженедѣльно въ баню, гдѣ терли его тѣло мелкимъ пескомъ.

Въ прежнихъ нашихъ разсказахъ о чудакахъ Голицыныхъ мы говорили объ извѣстномъ князѣ Иванѣ Голицынѣ, прозванномъ «Jean de Paris»,

который выигралъ въ игорномъ домѣ въ Парижѣ миліонъ франковъ и спустя нѣсколько дней проигралъ ихъ. Кличку свою онъ получилъ вотъ по какому случаю. Князь женился въ Парижѣ на извѣстной пѣвицѣ Комической оперы, которая была особенно хороша въ оперѣ Боальдье «Jean de Paris»; пѣвица эта разбогатѣла на богатыя средства князя и когда у послѣдняго не оставалось ничего отъ его громаднаго состоянія, то и вышла за него замужъ — отъ этого и стали называть князя Jean de Paris.

Получивъ за женой три миліона франковъ, князь задумалъ возвратиться на родину—усѣлся съ нею въ великолѣпный дормезъ и пустился въ дальній путь. Проѣзжая по улицамъ Парижа, князь вдругъ увидѣлъ вывѣску извѣстнаго въ то время оружейника Лепажа. Онъ тотчасъ же вспомнилъ, что ему придется проѣзжать черезъ Варшаву и тамъ явиться къ своему прежнему начальнику великому князю Константину Павловичу—вспомнилъ онъ, что цесаревичъ страстно любилъ охоту съ ружьемъ и потому рѣшилъ, что будетъ кстати, если онъ купитъ у Лепажа лучшее охотничье ружье въ подарокъ цесаревичу. Когда онъ выбралъ ружье и хотѣлъ расплатиться, Лепажъ, зная хорошо страсть князя, предложилъ лучше не платить за ружье, а сквитаться съ нимъ на зеленомъ полѣ, пригласилъ сразиться. И вотъ игроки сѣли; съ первой же карты князю

не повезло и въ какіе-нибудь полчаса онъ проигралъ всѣ женины миліоны. Осталась въ карманѣ только небольшая сумма на путевыя издержки отъ Парижа до Варшавы.

Прибывъ въ Варшаву, князь поднесъ цесаревичу великолѣпное ружье. Константинъ Павловичъ, любуясь имъ, спросилъ: а что можетъ стоитъ это ружье?—Угадайте, ваше высочество. Нѣсколько тысячъ франковъ? Около того; три миліона франковъ. Ты шутишь?—Увы! говорю сущую правду. И тутъ Голицынъ разсказалъ печальную исторію поднесеннаго ружья и окончилъ свой разсказъ слѣдующимъ:—И вотъ теперь я остался безъ куска хлѣба и обращаюсь къ вашему высочеству съ просьбою: дайте мнѣ какое-нибудь мѣсто, чтобы не умереть съ голоду вмѣстѣ съ моею женою и дочерью.—Какое же дамъ я тебѣ мѣсто? Хочешь, какъ бы сказать, мѣсто моего забавника? Согласенъ?—спросилъ великій князь.—Но только съ тѣмъ, что моя должность не должна идти дальше слѣдующаго: я буду смѣшить и забавлять ваше высочество разсказами о всѣхъ глупостяхъ, сплетняхъ, смѣхотворныхъ или скандальныхъ исторіяхъ Варшавы, но ни о чемъ болѣе.—Идетъ!—отвѣчалъ цесаревичъ. И такимъ образомъ онъ вступилъ въ должность офиціальнаго буфона при особѣ его высочества. И всѣ знали его за такого въ Варшавѣ, и всѣ любили и уважали; онъ никому не дѣлалъ ни малѣйшаго зла, а, напротивъ,

дѣлалъ много добра, отстаивая и выручая изъ бѣды прибѣгавшихъ подъ его защиту угнетенныхъ и несправедливо преслѣдуемыхъ.

Въ первые годы царствованія Александра Благословеннаго между свѣтскою петербургскою молодежью, какъ мы не разъ уже разсказывали, существовало нѣсколько тайныхъ обществъ, цѣль которыхъ была не политическая, а разгульная, и было много такихъ, гдѣ преслѣдовались любовныя цѣли. Любовныя похожденія были въ то время въ большой чести и придавали свѣтскому человѣку нѣкоторый блескъ и извѣстность. Нравы регентства были не чужды намъ, и у насъ были въ своемъ родѣ герцоги Ришелье. Въ числѣ отечественныхъ волокитъ былъ нѣкто X, впослѣдствіи посланникъ при одномъ изъ итальянскихъ дворовъ. Похожденія его, кажется, по числу побѣдъ были ничуть не менѣе донъ-жуановскихъ. Онъ не зналъ не покорившейся ему красавицы. Его умъ и свѣтскую любезность умѣли цѣнить, впрочемъ, и не однѣ женщины.

Почти каждый вечеръ онъ проводилъ у извѣстнаго въ то время ресторатора Кулона, гдѣ собирался весь цвѣтъ тогдашняго общества и, какъ тогда говорили, «premier Pétersbourg». Очень понятно, что оригиналовъ и разныхъ эксцентриковъ здѣсь было довольно много, и частые пари и заклады между ними были весьма распространены. Такъ, разъ X побился объ закладъ, что

оставитъ въ дождливую ночь всѣхъ посѣтителей Каменнаго (Большого) театра, не имѣющихъ собственныхъ экипажей, безъ извозчиковъ, а ресторанъ Кулона безъ воды.

Въ тотъ вечеръ въ Большомъ театрѣ былъ бенефисъ какой-то театральной знаменитости; театръ ломился отъ публики. Площадь у театра была заставлена извозчиками, но ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ везти нанимателя: всѣ были заняты. Взбѣшенная публика едва не перебила извозчиковъ, но должна была разойтись по домамъ, шлепая по лужамъ и ручьямъ. Послѣ спектакля вся эта цѣпь извозчиковъ потянулась къ Кулону и остановилась передъ рестораномъ; изъ него вышелъ X и закричалъ «ванькамъ»: «Теперь можете ѣхать по домамъ». И всѣ возницы помчались въ разныя стороны съ шумомъ.

Вторую часть заклада онъ исполнилъ такъ: выйдя въ залъ ресторана, онъ помѣстился за маленькимъ столикомъ, заказалъ себѣ ужинъ и спросилъ графинъ воды. Всѣ обратили на это вниманіе, потому что онъ никогда не пилъ ничего, кромѣ шампанскаго. Тщательно вытеръ онъ графинъ салфеткою, потомъ вынулъ изъ кармана микроскопъ и сталъ пристально глядѣть на воду сквозь свѣтъ лампы.

Покачавъ сомнительно головою, онъ обратился къ буфетчику:—Ваше заведеніе, конечно, лучшее въ Петербургѣ, но, этой воды пить нельзя! По-

смотрите сами. Буфетчикъ взглянулъ въ микроскопъ и вскрикнулъ отъ ужаса; то же повторилось и съ прочими посѣтителями. Они увидѣли въ графинѣ съ водою микробы всякихъ водяныхъ чудовищъ.

За минутнымъ ужасомъ послѣдовалъ единодушный хохотъ, но графины съ водою были убраны и замѣнены бутылками съ шампанскимъ. Пари X выигралъ; воды никто не пилъ.

Въ первые годы текущаго столѣтія былъ морякъ С--нъ, побочный сынъ извѣстнаго вельможи павловскихъ временъ графа К—ва, человѣкъ блестящаго образованія, лингвистъ, необыкновенно остроумный, отважный до дерзости и въ высшей степени благородный и честный; онъ не могъ равнодушно слышать ни о малѣйшемъ нечестномъ или зломъ поступкѣ. Это не былъ то, что называютъ шалунъ,—его шалости иногда доходили до грандіознаго. За его продѣлки и проказы, несмотря на сильныя родственныя связи, его услали изъ Петербурга на службу въ Ар—скъ, гдѣ онъ и прослужилъ нѣсколько лѣтъ. Памятенъ онъ долго былъ тому городу, куда судьба его закинула, по той необычайной роли, которую онъ взялъ на себя и которую исполнялъ съ необыкновенною смѣлостью, рѣшительностью и рѣдкимъ счастіемъ. Онъ игралъ роль какого-то мстителя за угнетенныхъ и слабыхъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова кара-

тель пороковъ и навелъ ужасный страхъ на весь Ар—скъ или, вѣрнѣе, на всѣхъ тѣхъ, у кого на совѣсти лежало недоброе, несправедливое или злое дѣло.

Онъ перепоролъ если не всѣхъ взяточниковъ и притѣснителей, то большую часть угнетателей этого города. Особенно онъ лютъ былъ съ мѣстными Шемяками и Держимордами. И все ему сходило съ рукъ. Благодаря большимъ денежнымъ средствамъ, онъ подобралъ себѣ ватагу изъ десяти отчаянныхъ матросовъ, преданныхъ ему душою и тѣломъ и готовыхъ за него въ огонь и воду.

Много платилъ онъ и своей тайной полиціи, которую имѣлъ какъ въ судебныхъ мѣстахъ, такъ и въ частныхъ домахъ; ему сейчасъ же доносили, кто, гдѣ и когда совершилъ какую-нибудь мерзость. Вслѣдъ за этимъ у него составлялся судъ и исполненіе по возможности въ скорѣйшемъ времени. Наказаніе, смотря по винѣ, большею частью состояло въ отсчитываніи виновному отъ пятидесяти до ста линьковъ.

Для достиженія этой цѣли нѣсколько тайныхъ агентовъ С—на неусыпно слѣдили за каждымъ шагомъ обреченной на линьки жертвы, и рано ли, поздно ли подкарауливали, будучи въ маскахъ, набрасывались на нее, завязывали ротъ, скручивали ей руки и увлекали въ какое-нибудь глухое, пустынное мѣсто и тамъ, подъ предсѣдательствомъ

мстителя, тоже замаскированнаго, исполняли приговоръ надъ осужденнымъ. Немногимъ изъ мелкихъ арх—скихъ пакостниковъ удалось избѣгнуть наказанія. А съ однимъ крупнымъ взяточникомъ сдѣлано было однажды слѣдующее: просидѣвъ долго въ своемъ присутствіи, возвращается онъ домой, но дома своего не находитъ,—онъ весь былъ разобранъ по бревнамъ и сложенъ во дворѣ въ правильную кучу. Всѣ знали. что это были штуки С—на, всѣ трепетали передъ нимъ, но ничего нельзя было сдѣлать, такъ хитро и ловко было все это учинено. По своимъ связямъ, по своему богатству, уму и образованію, онъ былъ принятъ во всѣхъ лучшихъ домахъ города. Начальникомъ былъ тамъ тогда добрѣйшій человѣкъ С. П—въ, любимый и уважаемый всѣми, но супруги его никто не терпѣлъ. Она была женщина необыкновенно гордая, заносчивая и вспыльчивая до полной невѣжливости.

Разъ, играя въ карты съ нашимъ героемъ, она вспылила и дошла до того, что бросила ему въ лицо карты, сильно поранивъ глазъ картою, такъ что онъ принужденъ былъ долго не глядѣть глазомъ.

На эту дерзость С—нъ не промолвилъ ни слова, подобралъ съ пола карты, стасовалъ ихъ и снова сдалъ и, когда кончился роберъ, онъ сдѣлалъ разсчетъ, положилъ на столъ деньги, имъ проигранныя, и, сказавъ тихимъ и спокойнымъ голосомъ: я не могу продолжать игру, рас-

кланялся и оставилъ домъ гордой помпадурши. Терпѣніе и смиреніе, высказанное благовоспитаннымъ морякомъ, сильно разсердило и озлобило ее. Ненависть ея къ нему дошла до того, что она принялась чернить его всюду и добилась того, что изъ страха къ этой важной губернской дамѣ, С—ну стали всѣ отказывать отъ дома и на улицахъ перестали нѣкоторые, самые угодливые, даже узнавать и кланяться. Умный морякъ смекнулъ въ чемъ дѣло и поклялся строго наказать виновницу этого несправедливаго поступка. И онъ выполнилъ наказаніе слѣдующимъ образомъ. Началъ онъ съ того, что тотчасъ купилъ богатымъ подаркомъ горничную своей превосходительной обидчицы и гонительницы. Горничная обязана была ежедневно доносить ему всѣ вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что ея госпожа дѣлаетъ, куда собирается, гдѣ бываетъ и т. д.

Вскорѣ былъ назначенъ маскарадъ въ Купеческомъ собраніи. Обидчица заказала со своей пріятельницей у модистки довольно характерный костюмъ. По полученіи этого извѣстія у моряка явилась мысль жестоко отомстить барынѣ; онъ поѣхалъ къ одному своему пріятелю, у котораго жила кухарка шведка, довольно красивая, молодая женщина, имѣвшая много наружнаго сходства съ его обидчицею. Кухарка была изъ разбитныхъ женщинъ,—онъ упросилъ ее сыграть для него роль въ будущемъ маскарадѣ; та безъ труда согласи-

лась на предложеніе. Онъ отправился къ модисткѣ, у которой были заказаны платья. Послѣдняя подрядилась сшить такой же костюмъ и для кухарки.

Въ день маскарада моряку дано знать, что важная барыня уже одѣвается и скоро будетъ въ маскарадѣ. Тогда кухарка, одѣтая въ извѣстный костюмъ, ѣдетъ съ морякомъ въ каретѣ. Пріѣхавъ и не снимая салопа, она стала ожидать пріѣзда барыни. Морякъ идетъ въ залъ, у входа ловитъ одного довольно глуповатаго гостя, завязываетъ съ нимъ оживленный разговоръ и какъ будто невзначай загораживаетъ входъ въ залъ, дѣлая такъ, что не было возможности никому войти. Поэтому всѣ пріѣзжавшіе на балъ говорили ему: «Позвольте пройти». Морякъ тотчасъ даетъ дорогу и снова занимаетъ свою позицію у входныхъ дверей. Но вотъ онъ замѣчаетъ, что сзади приближаются двѣ стройныя дамы въ костюмахъ— и одна изъ нихъ важный его недругъ. Постоявъ нѣсколько минутъ при входѣ, въ надеждѣ, что морякъ самъ догадается очистить входъ въ залъ, подъ конецъ она не выдержала и, не желая сказать «позвольте пройти», схватываетъ моряка своею могучею рукую за шитый воротникъ мундира, толкаетъ его въ грудь и вламывается въ бальный залъ.

Отважный морякъ въ этотъ моментъ, отскочивъ отъ входа, говоритъ: «Дерзкая маска!» и со всего

розмаху послалъ ей ногою сильнѣйшаго шлепка, который очень звучно раздался по залу.

Въ одно мгновеніе все стихло, всѣ повернули головы на даму. Въ эту самую минуту появляется въ дверяхъ другая высокая замаскированная женщина, въ костюмѣ совершенно такомъ, какъ и дама, получившая шлепокъ. Болѣе дерзкая, чѣмъ находчивая, дама, вмѣсто того, чтобы поскорѣе вмѣшаться въ толпу масокъ и затѣмъ по добру, по здорову убраться, сдернула съ себя маску и кричитъ, задыхаясь отъ бѣшанства: «Дерзкій! Развѣ вы не знаете, кто я?»—«Ахъ, это вы! Простите меня великодушно, ваше превосходительство, я полагалъ, что это кухарка моего пріятеля извѣстная всему городу. Я видѣлъ вчера на ней точь-въ-точь такой же костюмъ, какъ и на васъ. Если бы я зналъ, что это не кухарка, а вы, я никогда не позволилъ бы себѣ того, что я сдѣлалъ. Сообразите сами, могъ ли я предполагать, что кто-либо изъ дамъ общества могъ меня схватить за воротникъ и толкнуть въ грудь въ публичномъ мѣстѣ. Я предполагалъ, что только кухарка могла это сдѣлать. Да вотъ и она, сказалъ онъ обратясь къ ней, прошу тебя снять маску». Кухарка сняла маску и продолжала довольно дерзко разсматривать важную даму. Важная барыня въ сильномъ гнѣвѣ пошла отыскивать своего мужа, чтобы пожаловаться на дерзкаго офицера. Мужъ, выслушавъ ее, только пожалъ пле-

чами и замѣлъ: «Ты сама виновата во всемъ, вольно же быть тебѣ такою дерзкою? На мѣстѣ офицера я самъ сдѣлалъ бы то же, что и онъ».

Разсказываютъ, что этотъ губернскій каратель нравовъ не чуждъ былъ странностей и въ своей частной жизни. Оригинальнымъ былъ и домъ, гдѣ жилъ этотъ морякъ-проказникъ,—домъ, помѣщался на окраинѣ города, но каково удивленіе было каждаго подъѣзжавшаго къ нему увидѣть вмѣсто обыкновеннаго загороднаго дома—корабль! Въ самомъ дѣлѣ зданіе имѣло видъ корабля—виднѣлась чистая палуба, на лафетахъ лежали пушки, качались паруса, флаги, виднѣлась и мачта съ цѣлымъ лѣсомъ веревочныхъ снастей. Внутренность тоже ничѣмъ не отличалась отъ настоящаго корабля, каюты содержались въ совершенной чистотѣ, качались койки вмѣсто постелей. Хозяина встрѣчалъ старикъ матросъ, въ полной формѣ; хозяинъ привыкъ жить на морѣ, всѣ обычаи морской жизни онъ перенесъ и на сушу, онъ не измѣнилъ ничего и на своемъ сухопутномъ кораблѣ.

Большими странностями въ Петербургѣ отличался извѣстный книгопродавецъ И. Т. Ли—овъ; онъ торговалъ болѣе тридцати лѣтъ на Садовой, въ домѣ Пажескаго корпуса и послѣ того переселился въ Гостиный дворъ, на верхнюю линію, которую онъ называлъ въ своихъ объявленіяхъ бель-этажемъ и мѣстомъ рандеву аристократовъ.

Магазинъ Ли—ова, дѣйствительно, въ свое время служилъ рандеву отечественныхъ литераторовъ; сюда сходились: И. А. Крыловъ, Н. И. Гнѣдичъ, А. Ф. Воейковъ, А. С. Пушкинъ, Ѳ. В. Булгаринъ, Б. М. Ѳедоровъ, В. Г. Соколовскій и многіе другіе. Многіе изъ нихъ, какъ напримѣръ, Гнѣдичъ питали къ нему даже и дружбу, которую признательный книгопродавецъ нѣжно чувствовалъ. Такъ еще при своей жизни Ли—овъ вырылъ себѣ могилу въ Невской лаврѣ рядомъ съ переводчикомъ Илліады и водрузилъ на ней весьма любопытный саркофагъ, съ витіеватыми образцами стиховъ всевозможныхъ поэтовъ, начиная съ Державина, затѣмъ испестрилъ его нотными знаками и изукрасилъ разными алегорическими изображеніями.

Ли—овъ былъ однимъ изъ первыхъ книгопродавцевъ, который прибѣгалъ къ рекламамъ о своихъ изданіяхъ: по его словамъ, Гомеръ и юношѣ, и мужу, и старцу—даетъ столько, сколько кто можетъ взять, а Александръ Македонскій всегда засыпалъ съ Илліадой, кладя ее подъ изголовье.

Онъ издавалъ маленькія дѣтскія книги и изданія на отлично сатинированной веленевой бумагѣ, форматомъ въ визитную карточку, «полезныя и пріятныя для взрослыхъ; домовитая хозяйка найдетъ въ нихъ полезные совѣты, отецъ семейства развлеченіе и нравственныя правила для своихъ дѣтей и т. д.»

Особенно любилъ заходить къ Ли—ову Пушкинъ. По разсказамъ перваго, онъ часто бывалъ у него, когда издавалъ свой «Современникъ»; ему нужно было знать о новыхъ книгахъ для помѣщенія бѣглаго разбора о нихъ въ журналѣ; иногда ему приходила охота острить въ магазинѣ надъ новыми сочиненіями: взявши въ руки книгу въ прозѣ, онъ быстро пробѣгалъ ее, читая вслухъ одно лишь предисловіе, и по окончаніи приговаривалъ, что онъ имѣетъ о ней полное понятіе; стихотворныя книги онъ просматривалъ еще быстрѣе и забавнѣе, и Ли—овъ иногда невольно хохоталъ, и самъ Пушкинъ улыбался, читая только одни кончики рифмъ и, закрывая книгу, произносилъ иногда: «а бѣдныя!» а заглавія ихъ выписывалъ дома изъ газетъ.

Но какъ литераторы не всѣ были достаточны, то Ли—овъ одолжалъ ихъ безъ процентовъ на короткое время, но время это проходило иногда до конца ихъ жизни. Такъ по смерти Пушкина Ли—овъ получилъ по акту 5 тысячъ рублей отъ попечителя семейства его, графа Строганова, но многіе акты Лисенкову остались недоплачены и понынѣ.

Въ послѣдній разъ Пушкинъ былъ у Ли—ова за три дня до своей смерти, гдѣ въ магазинѣ оставался болѣе чѣмъ два часа и велъ довольно жаркій разговоръ съ извѣстнымъ Б. М. Федоровымъ. Это было послѣднее мимолетное ихъ знакомство

и окончилось черезъ три дня на-вѣки. Первый извѣстилъ Ли—ова о смерти Пушкина Б. М. Федоровъ. При Ли—овѣ Л. В. Дубельтъ съ другими лицами со стола переложили покойника въ гробъ и при немъ же живописецъ сталъ писать съ покойника портретъ.

Ли—овъ написалъ свои воспоминанія, которыя хранятся не напечатанными у его сына. Одинокій, весьма достаточный Ли—овъ торговалъ по привычкѣ и для препровожденія времени до восьмидесяти лѣтъ своей жизни. Онъ не былъ скупымъ человѣкомъ и много жертвовалъ на благотворенія, не обидѣлъ онъ и литературный фондъ своими пожертвованіями. Ли—овъ умеръ лѣтъ двадцать назадъ.

ГЛАВА XXII.

Капельмейстеръ О. А. Козловскій.—Тайные кружки шутниковъ: Общество любителей прогулки, Общество признательности, «Зеленой лампы» и т. д.—Квакеры.—Проказы Ваксел.—Герой краснословія—полковникъ Тобіевъ.—Кулачный боецъ «Турка».—Казакъ Зеленухинъ.

Большою уличною популярностью пользовался въ первой четверти текущаго столѣтія ходившій по рынкамъ и гдѣ только собирался народъ старикъ невысокаго роста, съ худощавымъ, изрытымъ оспою лицомъ и бѣлокурыми съ просѣдью волосами; это былъ извѣстный капельмейстеръ О. А. Козловскій, авторъ знаменитаго полонеза съ хорами, сочиненнаго на торжество, данное княземъ Потемкинымъ въ честь императрицы Екатерины II въ Таврическомъ дворцѣ: «Громъ побѣды раздавайся, веселися храбрый россъ» и проч.

Слова эти сочинялъ Державинъ, и если прочитать ихъ далѣе, то въ нихъ найдутся проро-

ческія мѣста, какъ напримѣръ: «Воды грознаго Дуная ужъ въ рукахъ теперь у насъ». Извѣстно, что воды грознаго Дуная попали въ наши руки уже только при императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Другой его полонезъ, написанный имъ на коронованіе Александра I—«Росскими летитъ странами на златыхъ крылахъ молва»—того же Державина, не менѣе перваго имѣлъ успѣхъ въ петербургскомъ обществѣ.

Извѣстный полонезъ Огинскаго, про который существуетъ легенда, что онъ сочиненъ несчастнымъ, умершимъ отъ любви къ высокой особѣ, современники предполагали, написанъ тоже не безъ участія Козловскаго, который жилъ въ домѣ князя и училъ музыкѣ Михаила Огинскаго.

Козловскій служилъ при Екатеринѣ II капельмейстеромъ императорскихъ театровъ; онъ отличался большими странностями: ходилъ въ крестьянскомъ тулупѣ, любилъ заходить въ харчевни, кабаки, гдѣ прислушивался къ народнымъ пѣснямъ; его нерѣдко встрѣчали на площадяхъ съ гуслями подъ мышкою, въ обществѣ полупьяныхъ мужиковъ и деревенскихъ бабъ, которыхъ онъ заставлялъ пѣть свои пѣсни прямо у возовъ и ларей продавцовъ. Любимымъ его тоже занятіемъ было разсказывать дѣтямъ сказки—дѣтей онъ любилъ до обожанія.

Козловскій написалъ много народныхъ мелодій; извѣстнѣйшія изъ нихъ, на слова Нелединскаго-

Мелецкаго; популярнѣйшая лакейская пѣсня «Барыня», сочинена тоже имъ; въ первый разъ «Сударыня-барыня» была исполнена въ 1817 г. театральнымъ оркестромъ въ одномъ изъ маскарадовъ. Мотивъ этой пѣсни произвелъ необыкновенный восторгъ, долгое время былъ въ большой модѣ и распѣвался во всѣхъ петербургскихъ обществахъ. Козловскій пользовался дружбою Державина, съ которымъ вмѣстѣ любилъ играть на гусляхъ. Большимъ пріятелемъ его былъ Яблочкинъ, извѣстный исполнитель русскихъ пѣсенъ и скрипачъ эрмитажной камерной музыки. Яблочкинъ былъ ученикомъ знаменитаго скрипача и балалаечника Хандошкина. Козловскій умеръ въ 1831 году, въ глубокой старости, въ чинѣ статскаго совѣтника; происходилъ онъ родомъ изъ бѣлорусскихъ дворянъ и въ молодости служилъ органистомъ въ костелѣ св. Іоанна, въ Варшавѣ.

Въ двадцатыхъ годахъ въ столицѣ было не мало тайныхъ обществъ, имѣвшихъ шутливый характеръ. Къ такимъ кружкамъ принадлежало общество театраловъ, членами котораго была военная молодежь. Общество это было прекрасно организовано, никакихъ отношеній оно ни къ драматическому, ни къ хореграфическому искусству не имѣло. Цѣль его была одна—ежедневно посѣщать таеатры и садиться на мѣста, не платя за нихъ денегъ. Иной такой членъ во все время

спектакля только и дѣлалъ, что перемѣщался съ мѣста на мѣсто. И когда уже свободныхъ мѣстъ не хватало, то выходилъ изъ театра.

На это общество было обращено серьезное вниманіе третьяго отдѣленія и члены его всѣ переписаны. Затѣмъ было еще «с.-петербургское вольное общество любителей прогулки». Предводителемъ гуляющихъ въ немъ числился извѣстный въ то время докторъ Иванъ Ястребцовъ; церемоніймейстеромъ прогулокъ графъ Соллогубъ; совѣтникомъ общества П. Безобразовъ; цензоромъ благочинія Василій Соцъ и непремѣннымъ секретаремъ Осиповъ. Члены общества имѣли очень красивые дипломы, съ аллегорическими изображеніями временъ года во всѣхъ углахъ красивой голубой рамки. Лорнетъ, висящій на черной лентѣ, служилъ знакомъ отличія почетнаго пѣшехода и считался знакомъ отличія отъ другихъ пѣшеходовъ или собственно прохожихъ,—его давали носить, наблюдая, впрочемъ, нѣкоторыя раздѣленія. Такъ по статьямъ статута, въ буднично-рабочіе дни прогулки лорнетъ могъ быть и въ движеніи, и въ покоѣ, по собственному усмотрѣнію; но въ празднично-гулевые дни лорнетъ долженъ, по установленнымъ законамъ движенія гулевой головы, непрестанно мотаться передъ глазами, и не прежде, какъ при возвращеніи домой, дозволялось спустить его на черной лентѣ рыцарскаго ордена, протянутой черезъ плечо по камзолу, въ

карманъ, или оставить въ видѣ тріумфа на камзолѣ, въ фигурномъ положеніи.

Надо предполагать, что «общество любителей прогулки» возникло или на чисто гигіенической почвѣ, или чтобъ осмѣять существовавшія тогда правила ѣзды въ экипажахъ. Вспомнимъ, что въ тѣ годы пѣшеходной прогулкѣ придавали мѣщанское значеніе. Все, что имѣло чинъ и дворянство, должно было ѣздить въ каретахъ, по установленнымъ еще императрицею Екатериною отличіямъ— по рангамъ.

Въ описываемые годы еще существовало другое «общество друзей признательности», президентомъ котораго числился извѣстный впослѣдствіи финансовый дѣятель А. М. Княжевичъ. Это общество носило тоже частный характеръ и было организовано въ остроумно-шутливомъ тонѣ. Оно устраивало своимъ сочленамъ засѣданія съ приличною трапезою, музыкой и пѣніемъ.

Существовали также въ тѣ годы еще и другія веселыя общества, какъ, напримѣръ, «Галеры» и «Зеленой лампы». Засѣданія послѣднихъ двухъ, какъ надо думать, были чисто въ анакреоновомъ вкусѣ, съ веселыми женщинами и съ бурными возліяніями. Предсѣдателемъ «Галеры» былъ извѣстный богачъ Всеволожскій; въ его домѣ, напротивъ Морского собора, и собирались веселые сочлены.

Въ александровское время въ Петербургъ прі-

ѣзжали квакеры; своимъ оригинальнымъ костюмомъ, своими обрядами и неснимaніемъ шляпы передъ людьми и другими нравственными особенностями они обращали на себя вниманіе, имѣя видъ большихъ чудаковъ. Квакеры въ столицѣ знакомились со всѣми различными сферами русскаго общества; они появлялись въ школахъ, тюрьмахъ, въ аристократическихъ домахъ. Бывали у важныхъ духовныхъ лицъ. Извѣстны, напримѣръ, ихъ бесѣды съ митрополитомъ Михаиломъ и епископомъ Филаретомъ, впослѣдствіи московскимъ митрополитомъ. Въ Петербургѣ квакеры жили по нѣсколько мѣсяцевъ. Всѣ власти принимали ихъ съ почетомъ; квакеры, вообще, старательно отыскивали секты, въ которыхъ находили сходство съ своими вѣрованіями. Изъ русскихъ сектантовъ, особенно молокане почувствовали къ нимъ большое расположеніе, потому что въ ихъ религіозныхъ понятіяхъ квакеры нашли много общаго со своими собственными.

Особенно своими странностями бросался въ глаза на улицахъ столицы Томасъ Шилитэ. Это былъ одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ трезвости. Онъ былъ маленькій человѣкъ, лѣтъ семидесяти, съ живыми движеніями, довольно оригинальной головой и лицомъ; выдавшійся лобъ, глубоко лежавшіе глаза съ густыми бровями, крючковатый носъ и сильно выдавшаяся нижняя челюсть, показывавшая рѣшительность. Нервность его тем-

перамента доходила почти до помѣшательства. Онъ слышалъ голоса, говорившіе его внутреннему чувству. Увидѣть мышь стоило бы ему болѣзни. Онъ часто пугался изъ страха, чтобы чего-нибудь не испугаться. Разсказывали, что въ теченіе нѣсколькихъ недѣль онъ воображалъ себя чайникомъ и очень боялся, чтобы люди, подходившіе къ нему близко, его не разбили. Онъ думалъ, что ему надо бѣжать бѣгомъ черезъ мостъ, чтобы мостъ не сломался подъ его тяжестью. Одинъ поразительный случай убійства такъ подѣйствовалъ на его воображеніе, что онъ нѣсколько недѣль скрывался, чтобы его не приняли за убійцу. Но въ другихъ случаяхъ этотъ человѣкъ былъ неустрашимымъ, какъ герой; онъ не пилъ вина и питался одной растительной пищей. Концомъ его бесѣдъ въ обществѣ было молчаніе, въ ожиданіи осѣненія Св. Духа, а послѣ молитва.

Въ царствованіе императора Александра I, въ кругу военной молодежи славился своими остротами и уличными проказами Ваксель, офицеръ, служившій въ конной артилеріи. Ваксель былъ лично извѣстенъ императору. Онъ зналъ хорошо военную службу, лихо ѣздилъ верхомъ, за что ему и спускалось много проказъ. Не проходило дня, чтобы Ваксель не выкинулъ какой-нибудь штуки на улицахъ столицы.

Разсказывали, что однажды императоръ, прогуливаясь верхомъ по городу, увидѣлъ большую

толпу народа, стоявшую на Казанскомъ мосту и на набережной канала. Народъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на воду и чего-то ждалъ. «Что это такое?»—спросилъ государь у одного изъ зѣвакъ.— «Говорятъ, ваше величество, что подъ мостъ зашла китъ-рыба»,—отвѣчалъ легковѣрный зритель.— «Вѣрно, здѣсь Ваксель!» — сказалъ государь громко.—«Здѣсь, ваше величество!»—воскликнулъ тотъ изъ толпы.—«Это твоя штука?»—«Моя, ваше величество».—«Ступай же домой и не дурачься!»— промолвилъ государь, улыбаясь.

Разсказываютъ, что еще въ царствованіе императора Павла Петровича Ваксель побился объ закладъ, что на вахтъ-парадѣ дернетъ за косу государя. Ему не хотѣли вѣрить, но побились съ нимъ ради шутки. Въ первый же вахтъ-парадъ Ваксель вышелъ изъ строя, быстро подбѣжалъ къ императору и легонько дернулъ его за косу. Императоръ обернулся. Ваксель снялъ шляпу и, поклонившись, какъ требовала тогда форма, сказалъ тихо: «Коса лежала криво, и я дерзнулъ поправить, чтобы молодые офицеры не замѣтили».—«Спасибо, братецъ!»—сказалъ государь. И Ваксель съ торжествомъ возвратился на свое мѣсто.

Въ тогдашнемъ высшемъ обществѣ сильно недолюбливали Наполеона; и въ это время французскимъ чрезвычайнымъ посломъ прибылъ въ Петербургъ бывшій адъютантъ императора, любимецъ и довѣренное его лицо, генералъ Савари,—выборъ

этотъ былъ довольно неудачный. Савари былъ извѣстенъ Александру Благословенному съ Аустерлица; онъ пріѣзжалъ къ императору отъ Наполеона съ предложеніемъ перемирія послѣ битвы, а затѣмъ Савари былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ судей и главный виновникъ смерти принца Энгіенскаго, члена одной изъ древнѣйшихъ европейскихъ династій.

Въ кругу русской аристократіи была сильная агитація противъ Савари и его въ высшемъ обществѣ принимали чрезвычайно холодно. Ваксель поклялся насолить Савари; онъ нанялъ карету четверней у знаменитаго тогда извозчика Шарова, нарочно съ тѣмъ, чтобъ столкнуться съ каретой генерала Савари. Ваксель выѣхалъ, когда Савари возвращался изъ дворца, и, пустивъ лошадей во всю рысь, сцѣпился съ каретой французскаго посла на Полицейскомъ мосту. Одну карету надо было осадить; посланникъ, высунувшись въ окно кричалъ Вакселю: Faites reculer votre voiture!—C'est votre tour de reculer! En avant,—отвѣчалъ Ваксель и генералъ Савари, чтобы избѣгнуть несчастія, принужденъ былъ выйти изъ кареты и велѣлъ ее осадить.

Ваксели были бѣдные смоленскіе дворяне; родственникъ этого Вакселя былъ также замѣчательный человѣкъ: онъ, при смѣтливомъ умѣ, искуснымъ межеваніемъ составилъ себѣ несмѣтное богатство. Этотъ ловкій землемежеватель прослылъ въ

обществѣ подъ именемъ Вольтера; онъ самъ, шутя, говаривалъ: «вотъ добился же я чего нибудь въ свѣтѣ! Меня всѣ называютъ Вольтеромъ, хотя я отъ роду не былъ грѣшенъ ни въ одномъ стишкѣ». По наивности онъ не догадывался, что его называютъ Вольтеромъ по каламбурному значенію vol-terre.

Не менѣе этого Вакселя въ сороковыхъ годахъ въ Петербургѣ былъ извѣстенъ Ваксель-охотникъ; человѣкъ съ превосходнымъ образованіемъ и начитанностью, онъ отъ природы былъ одаренъ острымъ умомъ, былъ знатокъ въ живописи и отлично самъ рисовалъ, хотя и лѣвой рукой. Въ особенности онъ былъ замѣчательный карикатуристъ и, что еще замѣчательнѣе, заглазно, на память, его портреты-карикатуры выходили всегда удачнѣе, имѣли болѣе сходства. Нарисуетъ онъ какого-нибудь толстяка худымъ, чуть не скелетомъ, а худого — толстякомъ, и оба какъ вылитые. Мѣткія карикатуры Вакселя памятны и теперь, вѣроятно, многимъ старожиламъ.

У извѣстнаго орловскаго помѣщика Н. В. Кирѣевскаго находился цѣлый альбомъ карикатуръ, и очень будетъ жаль, если онъ утратился, какъ вещь, неимѣющая накакой цѣнности въ глазахъ наслѣдниковъ.

Въ описываемые годы были лгуны, которыхъ теперь совѣстно называть лгунами; рѣчь ихъ была увлекательна и не безъ сказочной поэзіи,

предъ ними раскрывались настежъ двери аристократическихъ салоновъ, около нихъ тѣснился кружокъ внимательныхъ слушателей; эти лгуны у стариковъ носили названіе «Гамбургской газеты».

Обѣды встарину у ресторатора Фельета, на Большой Морской, отличались большимъ многолюдствомъ и оживленіемъ; въ числѣ постоянныхъ посѣтителей было нѣсколько лицъ, отличавшихся своимъ краснословіемъ, никому не обиднымъ, а только каждому забавнымъ. Въ ряду такихъ болтуновъ пользовался всеобщею извѣстностью полковникъ Тобьевъ, старый служака временъ очаковскихъ; его разсказы поражали необъятною хвастливостью—это былъ русскій баронъ Мюльгаузенъ.

Однажды за общимъ обѣдомъ рѣчь зашла о Потемкинѣ. «Вы знаете, я служилъ при немъ адъютантомъ,—сказалъ Тобьевъ,—и скажу, не хвастаясь, я пользовался любовью князя болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его приближенныхъ. Разъ, въ веселый часъ, князь проситъ меня ѣхать курьеромъ въ Тобольскъ; дѣло было очень серьезное и другимъ свѣтлѣйшій не могъ его довѣрить. Князь лично далъ мнѣ наставленіе, и я думалъ уже откланяться его свѣтлости, какъ Потемкинъ остановилъ меня вопросомъ: что, Тобьевъ, бывалъ ли ты когда-нибудь въ Сибири. Я отвѣчалъ, что не былъ. — Ну, рекомендую тебѣ,—

промолвилъ Потемкинъ,—Сибирь—страна рѣдкостей. Смотри же, исполни главное, что я тебѣ приказывалъ, и затѣмъ привези для меня изъ страны рѣдкостей какую-нибудь диковинку, а затѣмъ—прощай!»

«Привезти для великолѣпнаго князя Тавриды, дивившаго всѣхъ и уже не удивлявшагося ничему, согласитесь сами, вещь, право, не шуточная; однако-жъ я не терялъ надежды. По особому счастью, которое такъ частенько гонялось за мною, мнѣ удалось окончить дѣло такъ успѣшно и скоро, какъ иному бы и во снѣ не приснилось. Я летѣлъ изъ Петербурга, какъ голубь, загналъ за дорогу болѣе ста лошадей, шесть троекъ положилъ на мѣстѣ,—ну, словомъ, летѣлъ такъ, какъ никому не удавалось прежде и, конечно, никогда уже не удастся послѣ меня; вообразите: три тысячи верстъ я прокатилъ въ шестеро сутокъ. — Ну, Тобьевъ, молодецъ ты, удивилъ меня,—встрѣтилъ меня этими словами Потемкинъ. Явился я къ свѣтлѣйшему весь въ пыли, донесъ ему о дѣлѣ; князь остался очень доволенъ. «Ну, недаромъ просилъ тебя привезти мнѣ диковинку изъ Сибири,—диковинка теперь—ты самъ!» Простите, ваша свѣтлость, я не забылъ и про диковинку для особы вашей. «Не забылъ», сказалъ князь съ разсѣяннымъ видомъ и, подойдя къ окну, сталъ барабанить по стеклу въ задумчивости. — «А ты здѣсь еще?» — спро-

силъ онъ, спустя нѣсколько минутъ, оборотясь отъ окна.—Да.—«А гдѣ же твоя диковинка?»—Со мною, ваша свѣтлость.—«Что же я не вижу или она уже такъ мала?» — Извините, князь! Какъ разъ на вашъ ростъ. Съ этимъ словомъ я разжалъ правую руку и распахнулъ передъ княземъ чудеснѣйшую соболью шубу. Разумѣется, князь такъ и ахнулъ.—«Какъ, неужели цѣлая соболья шуба могла помѣститься въ вашемъ кулакѣ?» — сказали изумленные слушатели? — Ну, конечно!—отвѣчалъ полковникъ.—Чѣмъ же иначе могъ я удивить Потемкина, какъ не такой диковинностью мѣха».

Изъ такихъ же невѣроятныхъ разсказовъ Тобьева вотъ и другой. «Разъ послѣ обѣда, выходя отъ Фельета, мнѣ съ пріятелемъ захотѣлось побывать въ театрѣ. Дорогою къ театру пошелъ проливной дождь; я отдалъ пріятелю зонтикъ, а самъ отказался. Дождь пошелъ еще сильнѣе; пріятель опять проситъ меня укрыться подъ зонтикомъ, я отказываюсь. Приходимъ къ театру, у пріятеля шляпа мокрая и пальто тоже промокло, я же сухъ, на мнѣ ни одной капли дождя; представьте, я такъ ловко и искусно умѣлъ во всю дорогу отпарировать палкою каждую каплю, что рѣшительно ни одна не упала на мое платье и шляпу. Тутъ только разгадалъ мой пріятель, что значитъ свистъ, который всю дорогу гудѣлъ въ его ушахъ: вы догадываетесь, конечно, что онъ

происходилъ отъ непомѣрной быстроты палки». Эти два разсказа, кажется, приписывали многимъ изъ нашихъ вралей.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ по линіямъ Гостинаго и Апраксина двора бродилъ старикъ въ красномъ замаранномъ кафтанѣ охотника-доѣзжачаго. Этотъ обломокъ былой помѣщичьей жизни, не смотря на свои преклонные годы, владѣлъ феноменальной силой: онъ кулакомъ разбивалъ небольшое полѣно въ мочалку, гнулъ и ломалъ подковы, свертывалъ въ клубокъ кочергу и дѣлалъ другія неимовѣрныя по силѣ штуки. Старикъ происхожденіемъ былъ плѣнный турокъ и долго жилъ доѣзжащимъ въ охотѣ извѣстнаго самодура князя Грузинскаго.

Но главное художество этого «турка», какъ его звали, что онъ не позволялъ себя «съ чистоты снять», т.-е. побѣдить на кулачкахъ.

Въ тѣ годы кулачные бои у насъ еще процвѣтали, старики помѣщики и купцы любили эту жестокую охоту и нерѣдко, собравшись гдѣ-нибудь за городомъ повеселиться, сводили своихъ бойцевъ для потѣхи и держали за нихъ большіе пари и заклады. Кулачный бой съ незапятныхъ временъ на Руси былъ любимой потѣхой. Охотники выходили противъ охотниковъ, били другъ друга кулаками въ голову, въ грудь, въ животъ. Бились до послѣдняго истощенія силъ; нерѣдко увѣчили одинъ другого, иногда даже платили

жизнію за потѣху. Кто падалъ, того уже не били, въ силу закона кулачныхъ бойцовъ—«лежачаго не бьютъ». Кулачные бои происходили въ извѣстные дни. Обыкновенно время боевъ начиналось съ зимняго Николы, т.-е. съ 6-го декабря, и продолжалось до сборнаго воскресенья. Самый большой разгулъ былъ на масляницу. Лѣтомъ бои не бывали.

Въ Петербургѣ кулачные бои, по свидѣтельству иностранцевъ, еще въ Петровское время происходили на Адмиралтейской площади. Лѣтъ сорокъ назадъ, страшный кулачный бой былъ на берегахъ Невы зимой, на Малой Охтѣ; здѣсь дрались охтяне съ крючниками Калашниковой пристани. Старожилы Петербурга, я думаю, еще хорошо помнятъ эту потѣху. На вызовъ къ бою или на «затравку», какъ тогда говорили, высылали дѣтей; тѣ задѣвали дѣтей противниковъ. Любопытные собирались смотрѣть, послѣ охотники являлись на защиту дѣтей; тутъ-то и разыгрывалась молодецкая кровь. Избитыя дѣти мало-по-малу уходили, а между взрослыми начиналась свалка. Въ другихъ городахъ на кулачные бои выходили селеніе противъ селенія, одна часть города противъ другой, охотникъ противъ охотника, татары противъ русскихъ, мѣщане противъ посадскихъ и т. д. Прославившихся бойцовъ возили изъ города въ городъ и вызывали противъ нихъ охотниковъ биться. Бойцы городскіе, привыкшіе къ ловкости,

почти всегда брали верхъ надъ деревенскими; изъ городскихъ славныхъ бойцовъ были казанскіе, калужскіе и тульскіе.

Такихъ бойцовъ богатые купцы привозили зимою въ Москву и въ Петербургъ, и они держали бой съ татарами, привозившими рыбу и икру. Слабые, но хитрые бойцы иногда закладывали въ рукавицы камни, свинчатки, чугунныя бабки, чтобы ударъ былъ сильнѣе. Но такихъ, если ловили, то били уже не на-животъ, а на-смерть.

Видовъ боевъ въ старину были три: «одинъ на одинъ», «стѣна на стѣну» и «сцѣплялка-свалка». Бойцы одинъ на одинъ считались выше другихъ и никогда не ходили стѣна на стѣну. Лучшими изъ нихъ считались въ тридцатыхъ годахъ тульскіе: Алеша Родимый, Никита Долговязъ, братья Походкины, семейство Зубовыхъ, Тереша Кункинъ — ихъ съ почетомъ развозили купцы по городамъ, ихъ называли «чудо-богатырями». Пить какъ можно больше вина считалось у нихъ доблестью, а брать деньги въ подарки—безчестьемъ. Лучшими бойцами стѣна на стѣну славились казанскіе суконщики; всегдашними соперниками ихъ были татары. Въ Херсонѣ суконщики дрались съ евреями - караимами. Въ Тулѣ извѣстны бои оружейниковъ съ посадскими; въ Костромѣ — дебрянъ съ сулянами, на Молочной горѣ. Когда бились стѣна на стѣну, лучшіе бойцы выдерживались въ сторонѣ съ

толпою зрителей, ихъ называли почетнымъ прозвищемъ: «надежа-боецъ». Ихъ обязанность была поддержать своихъ, когда одолѣвали противники. Когда непріятели пробивали стѣну, «надежа-боецъ» летѣлъ на подмогу съ шапкою въ зубахъ, билъ кулаками на обѣ стороны и, пробивъ вражескую стѣну, возвращался при громкихъ похвалахъ. Угощеніе въ кабакѣ было неизмѣнною наградою «надежи-бойца». Въ сцѣплялкѣ - свалкѣ противники шли въ разсыпную и тузились въ толпѣ. Этотъ родъ боя употреблялся очень рѣдко.

Замѣчательною уличною знаменитостью въ Петербургѣ послѣ отечественной войны былъ донской казакъ Зеленухинъ. Этого донца народъ и общество просто носили на рукахъ. Александръ Зеленухинъ былъ очень типичный казакъ, 60-ти лѣтъ, съ сѣдою большою бородою, съ Георгіевскимъ крестомъ и многими медалями на груди. На службѣ онъ былъ болѣе тридцати лѣтъ. Слава его начинается съ посѣщенія имъ Лондона, куда онъ былъ посланъ изъ Гамбурга къ нашему посланнику графу Ливену. Англичане, предувѣдомленные о его пріѣздѣ, ожидали на пристани въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, и лишь только онъ появился, какъ повсюду раздался восторженный крикъ: «ура, казакъ!» Эти возгласы сопровождали его во все его пребываніе въ Лондонѣ, какъ только онъ показывался на улицахъ. Его наперерывъ хватали за руку,

лишь бы поздороваться съ нимъ, давали ему разные подарки; отъ денегъ казакъ отказывался, говоря: «Нашъ батюшка царь надѣлилъ насъ всѣмъ, мы ни въ чемъ не нуждаемся, сами въ состояніи помогать бѣднымъ. Спасибо за ласку вашу!» Эти слова Зеленухина были приведены въ то же время во всѣхъ англійскихъ газетахъ, и никто послѣ того не предлагалъ ему болѣе денегъ. Зеленухинъ не принялъ отъ принца-регента даже тысячи фунтовъ стерлинговъ, тогда стоившихъ около 24 тыс. руб. на асигнаціи.

Такой рѣдкій примѣръ безкорыстія привелъ въ совершенное изумленіе всю англійскую націю. Принцъ-регентъ приказалъ сдѣлать казаку военную сбрую на казачій образецъ, стальную пику, два пистолета, ружье, саблю, трость съ выдвигающеюся зрительною трубкою, лядунку, перевязь, вышитую серебромъ и проч. Все же собственное вооруженіе казака принцъ взялъ себѣ на сохраненіе, какъ достопамятность и воспоминаніе, что былъ нѣкогда храбрый казакъ въ Лондонѣ.

Зеленухина возили въ театръ, гдѣ онъ сидѣлъ въ парадной ложѣ между первыми сановниками; въ антрактахъ спектакля восторженныя оваціи ему не умолкали. Вся знать желала видѣть у себя гостемъ казака, всѣ пили за него и за здоровье русскихъ воиновъ — «побѣдителей злодѣя вселенной». Зеленухина возили въ парламентъ, гдѣ лордъ-канцлеръ говорилъ рѣчь передъ нимъ.

«Посмотрите на старика, покрытаго сѣдинами,— вѣщалъ ораторъ, — забывая свои утомленныя лѣтами силы онъ поспѣшилъ принести ихъ на поле сраженія и привелъ въ трепетъ и ужасъ изверга Бонапарта. Не онъ одинъ, но и многіе старѣе его прилетѣли защищать свою землю, гробы своихъ праотцевъ, сражаться за Бога и царя. Послѣдуйте геройскому примѣру великаго народа — и злодѣй исчезнетъ передъ оружіемъ всеобщаго ополченія!»

Зеленухина въ Лондонѣ заставили показывать всѣ военные пріемы донцовъ; триста конныхъ гвардейцевъ были назначены въ его распоряженіе. На это зрѣлище съѣхалось нѣсколько сотъ тысячъ зрителей изъ всѣхъ городовъ Англіи. Его ученіе привело всѣхъ въ восторгъ, народъ неистово кричалъ «виватъ донское войско». Зеленухина просто закидали подарками, женщины снимали съ себя платки, шали и другія вещи, прося принять казака на память.

Нѣкоторыя изъ дамъ просили у него волосъ изъ бороды или съ головы. Поэтому случаю было не мало комичныхъ сценъ. Зеленухинъ въ Петербургѣ разсказывалъ, что не имѣй онъ законной жены и будь немного моложе, его непремѣнно женили бы. Всѣ дамы досадовали, что онъ старъ и женатъ и что предложеніе выйти за него замужъ было безполезно. Ему давали домъ и землю въ Лондонѣ и просили поселиться у нихъ

на житье, но всѣ предложенія Зеленухинъ отвергъ; онъ отвѣчалъ всѣмъ, что хочетъ умереть у себя въ хатѣ, гдѣ его старуха и протекаетъ тихій Донъ. Послѣ заграничной своей поѣздки Зеленухинъ вскорѣ былъ отпущенъ въ отпускъ и умеръ у себя на Дону.

ГЛАВА XXIII.

Нѣмой баринъ.—Откупщикъ К—овъ.—Богатый помѣщикъ Ш—ай.—Уличные проказники и ихъ шалости.—Матвѣй Ивановичъ.—Оригиналъ О—ичъ.

Къ разряду болѣе замѣтныхъ былыхъ петербургскихъ чудаковъ, разгуливавшихъ по Невскому и другимъ улицамъ — слѣдуетъ причислить одного знатнаго иностранца—мистера Рандольфа, посланника Сѣверо-Американскихъ штатовъ въ первые годы царствованія императора Николая I. Онъ былъ въ первый разъ въ Европѣ и всему удивлялся — все для него было ново. Рандольфъ рыскалъ пѣшкомъ по улицамъ, вѣчно въ одномъ фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ и ярко-зеленомъ жилетѣ. Прочитывалъ надписи вывѣсокъ, заносилъ ихъ въ свою карманную записную книжку и все разсматривалъ со вниманіемъ. Извозчики, которыхъ онъ никогда не нанималъ и на зазыванія которыхъ не отвѣчалъ, прозвали его «нѣмымъ бариномъ».

Изъ такихъ же уличныхъ оригиналовъ поль-

зовался извѣстностью въ описываемые годы откупщикъ и крупнѣйшій изъ петербургскихъ домовладѣльцевъ нѣкто К—овъ. Огромнѣйшіе дома его выходили на Дворцовую площадь, потомъ были куплены въ казну и обращены въ зданіе главнаго штаба; ихъ соединили черезъ улицу аркою.

Другой большой домъ его былъ на Невскомъ, у Казанскаго моста—онъ его отдалъ въ приданое за дочерью, вышедшею за Энгельгардта. К—овъ былъ большой оригиналъ. Онъ служилъ въ милиціи въ 1807 году и сохранилъ за собою право носить особый костюмъ, состоявшій изъ кафтана съ нашитыми украшеніями и трехъугольной шляпы, съ большимъ зеленымъ перомъ. Но иногда богачъ разыгрывалъ сказачного Гарунъ-Аль-Рашида, и ходилъ по улицамъ въ нанковомъ длиннополомъ зипунѣ, подвязанный кушакомъ и въ лаптяхъ. Любимымъ его занятіемъ было заходить на пути въ лавки и въ магазины.—Эй, малый! кричалъ онъ входя въ какую-нибудь колоніальную лавку, подай мнѣ бутылку шампанскаго. Малый съ изумленіемъ смотрѣлъ на бѣдно одѣтаго прохожаго и послѣ минутнаго молчанія замѣчалъ ему, что бутылка шампанскаго стоитъ три рубля.—Три рубля, повторялъ незнакомецъ: это недорого, только хорошо ли оно?—Отличное, отвѣчалъ сидѣлецъ.—Такъ подай двѣ бутылки. Сидѣлецъ, еще болѣе изумленный, бѣжалъ къ хозяину и разсказывалъ ему о требо-

ваніи бѣдняка.—Подай шампанское, говорилъ хозяинъ, только присматривай, чтобъ онъ не ушелъ не заплативши. Малый приносилъ шампанское, ставилъ на прилавокъ вино и становился у двери, не спуская глазъ со страннаго посѣтителя.—Что ты на меня смотришь? спрашивалъ незнакомецъ, улыбаясь: видно, тебѣ самому хочется выпить стаканчикъ.—Принеси стаканъ, я поподчую тебя.

Малый не приходилъ въ себя отъ изумленія и со страхомъ выпивалъ стаканъ, къ крайнему удовольствію громко смѣявшагося незнакомца.—Правда твоя, шампанское хорошо,—говорилъ незнакомецъ,—вытаскивая изъ кармана кожаную рукавицу, изъ которой высыпалъ на прилавокъ цѣлую кучу червонцевъ. Взявъ два червонца изъ нихъ, онъ подавалъ малому въ расплату за вино и приказывалъ остальные оставить себѣ на водку.

Пока слуга, недовѣрявшій глазамъ своимъ, повертывалъ въ рукахъ червонцы, къ дверямъ лавки подъѣзжалъ великолѣпный экипажъ цугомъ, въ который мнимый бѣднякъ и садился. Такъ любилъ потѣшаться богатый откупщикъ.

Въ другой разъ, въ одеждѣ бѣднаго мужика, онъ входилъ въ магазинъ ювелира, держа въ рукахъ лукошко съ яйцами или боченокъ съ сельдями, и требовалъ какую-нибудь дорого стоющую бриліантовую вещь. Ювелиръ послѣ долгихъ споровъ нехотя показывалъ требуемую вещь, недовѣрчиво оглядывая страннаго покупателя.

Послѣ долгихъ переговоровъ, болѣе цѣнная вещь вынималась изъ витрины — и надо было видѣть изумленіе бриліантщика—какъ за нее тотчасъ же слѣдовала расплата, не торгуясь, чистымъ золотомъ.

Обыкновенно же К—овъ разгуливалъ по улицамъ Петербурга въ своемъ ополченскомъ мундирѣ временъ первой милиціи; по пятамъ за нимъ ходилъ его выѣздной лакей, съ чулкомъ въ рукахъ, и усердно вязалъ; иногда за нимъ слѣдовалъ конторщикъ съ перомъ, чернильницей и счетами подъ мышкой. Нерѣдко гдѣ нибудь на углу баринъ останавливался и конторщикъ записывалъ какой-нибудь расчетъ, пришедшій откупщику въ голову, и озабоченно щелкалъ костяшками по счетамъ, выводя итогъ будущаго тысячнаго предпріятія. К—овъ занимался по смерть казенными подрядами и откупами.

Рѣдкій, конечно, изъ петербургскихъ жителей не зналъ этого добродушнаго, остроумнаго и привѣтливаго человѣка—храбраго воина въ свое время и сердобольнаго гражданина, оставившаго добрую по себѣ память въ сердцахъ тѣхъ, которые имѣли къ нему какое-либо отношеніе. К—овъ любилъ правду и шутку; бесѣды, какъ на улицахъ, рынкѣ и въ лавкахъ, такъ и въ гостиныхъ высшаго общества, въ коихъ онъ часто появлялся по своему положенію, всегда оживлялись веселіемъ и его любезностью.

Въ первой четверти текущаго столѣтія на стогнахъ столицы часто попадался малороссійскій богатый помѣщикъ по фамиліи Ш—ай, большой оригиналъ. Ходилъ онъ въ холстиномъ сюртукѣ съ анненскою звѣздою, человѣкъ онъ былъ очень умный, но большой кляузникъ; онъ проживалъ въ столицѣ для того лишь, чтобъ, бывая у своихъ высокопоставленныхъ земляковъ—Трощинскаго и Кочубея, въ смѣшномъ видѣ разсказывать о дѣлахъ малороссійскихъ губернаторовъ, которыхъ онъ сильно недолюбливалъ. Его всѣ страшно боялись: старикъ былъ очень злой на языкъ. При Екатеринѣ онъ служилъ въ почтовомъ вѣдомствѣ, затѣмъ былъ долго губернскимъ полтавскимъ предводителемъ. При императорѣ Павлѣ I онъ добивался мѣста малороссійскаго генералъ-губернатора и подавалъ ему прошеніе, гдѣ рекомендовалъ себя человѣкомъ, хорошо знающимъ народъ малороссійскій. На это ему императоръ отвѣтилъ, «что достиженіе въ имперіи высшихъ почестей позволительно всякому, и желаніе ваше быть малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ похвально; но для сего мало одного вашего желанія, необходима къ этому и моя воля, а я вамъ ее не соизволяю». Ш—ай ходилъ по улицамъ всегда съ большою свитой мелкопомѣстныхъ дворянъ, которые у него исполняли разные домашнія должности: одинъ носилъ за нимъ трубку, другой кисетъ съ табакомъ и т. д.

Онъ подъ конецъ своей жизни былъ переименованъ въ генералъ-маіоры императоромъ Александромъ I-мъ и послѣ долго былъ предводителемъ, когда и давалъ роскошные балы и обѣды, на которые являлся по обыкновенію въ холстинномъ или нанковомъ сюртукѣ съ анненскою звѣздою. Онъ захотѣлъ увѣковѣчить полученіе этой награды, и въ родовой вотчинѣ выстроилъ великолѣпный дворецъ, долженствовавшій изъ роду въ родъ передавать потомкамъ о чести, которой нѣкогда удостоился его строитель. Дворецъ сооруженъ былъ въ формѣ анненскаго креста; въ срединѣ его—круглый залъ, на подобіе круга, имѣющагося въ срединѣ анненскаго креста, а на куполѣ — изваяніе св. Анны, соотвѣтствующее такому же изображенію на крестѣ.

Неизвѣстно, умеръ ли почтенный кавалеръ въ этомъ кавалерственномъ замкѣ, хотя преданіе и говоритъ, что онъ скончался чуть ли не ста лѣтъ отъ роду. Но извѣстно, что наслѣдство его, странствуя по боковымъ и женскимъ колѣнамъ, съ сопряженнымъ съ симъ знатнаго рода умаленіемъ, попало, наконецъ, теченіемъ обстоятельствъ, въ руки новоявленнаго болярина отъ сахарной комерціи.

Такова ужъ, видно, рука исторической Немезиды. Участь орденообразнаго замка вышла тоже довольно плачевна: тронутый зубомъ всесо-

крушающаго времени, замокъ оказался подлежащимъ ремонту на основаніи правилъ купеческой эстетики. Стоявшее на куполѣ изваяніе св. Анны до того пришло въ ветхость, что требовалось замѣнить его новымъ. Нашъ эстетикъ обратился къ одному кіевскому зодчему, и вотъ тотъ за приличный гонораръ водрузилъ сюда тройку лошадей, до которыхъ новый владѣлецъ былъ большой охотникъ.

Въ двадцатыхъ годахъ въ Петербургѣ существовали кружки уличныхъ весельчаковъ и проказниковъ, преимущественно изъ гвардейскихъ офицеровъ, дѣятельность которыхъ состояла въ томъ, чтобы всячески потѣшаться надъ уличными зѣваками. Общество было довольно хорошо организовано и имѣло даже свой ритуалъ въ родѣ масонскихъ ложъ. Засѣданія происходили попремѣнно у членовъ—сходки назначались на рынкахъ и улицахъ, гдѣ, словомъ, было много народа. По большей части проказы ихъ состояли изъ распусканія разныхъ невѣроятныхъ слуховъ. Чѣмъ нелѣпѣе былъ слухъ, тѣмъ скорѣе распространялся онъ по городу.

Трудно было перечесть всѣ чудеса и созданія ихъ фантазіи. Ходили эти шутники всегда попарно, нерѣдко и цѣлымъ обществомъ, и, сочинивъ новость, разглашатели шли въ разные концы города, останавливались на углахъ улицъ, смотрѣли на дома и тѣмъ привлекали бездну зѣвакъ.

Вотъ какіе распространяли они слухи. Въ одной изъ глухихъ улицъ Выборгской или Петербургской стороны, лежалъ на мостовой человѣкъ въ длиннополомъ сюртукѣ, видимо изъ купцовъ или приказчиковъ.

Наши шалуны быстро кидаются къ нему. «Боже мой! Какое несчастіе! мертвый!» — вскричалъ одинъ. «Убитый», — повторяетъ другой. И въ ту же минуту, оба, со страхомъ и не оглядываясь по сторонамъ, пускаются бѣжать отъ трупа въ разныя стороны.

И черезъ полчаса Петербургская и Выборгская стороны толковали о томъ, что въ такой-то улицѣ найденъ трупъ купца П., извѣстнаго милліонера, зарѣзаннаго—кѣмъ же?—о, ужасъ!—чудовищемъ, роднымъ племянникомъ, котораго онъ лишилъ наслѣдства за его распутную жизнь. Безчеловѣчно обобравъ всѣ деньги у своего дяди, онъ забрался въ его кассу и, пойманный на мѣстѣ купцомъ, безъ сожалѣнія убилъ его и, снявши съ пальцевъ несчастной жертвы всѣ кольца и перстни и даже съ груди крестъ, выбросилъ трупъ въ окно, а самъ бѣжалъ въ Америку, съ женою покойника, свою родною теткою!

Въ то же время, въ другомъ концѣ столицы, гдѣ-нибудь на Мѣщанской, Сѣнной или Коломнѣ, про этотъ трупъ разсказывали совсѣмъ другую исторію. Одинъ молодой человѣкъ страстно любилъ одну красавицу Петербургской стороны,

которая отвѣчала ему взаимностью. Но положеніе въ свѣтѣ любящихъ было разное, и людскіе предразсудки сильно возстали на нихъ: она была знатна и богата, онъ — бѣднякъ и безъ всякаго положенія. Суровый отецъ велѣлъ дочери готовиться къ браку съ ненавистнымъ ей старикомъ-графомъ. Наканунѣ дня, назначеннаго для бракосочетанія, несчастный юноша въ послѣдній разъ явился къ своей возлюбленной, чтобы поцѣловать ее, сказать ей навѣки прости и броситься изъ пятаго этажа, гдѣ была ея комната, на каменную мостовую, для того, чтобы не видать больше своего несчастія. Трупъ бѣднаго юноши былъ утромъ найденъ подъ окномъ красавицы. Въ рукѣ безвременно погибшаго несчастнаго былъ сжатъ медальонъ съ портретомъ особы, имя которой лепеталъ онъ при послѣднемъ издыханіи.

Но если бы въ то время кто-нибудь пожелалъ узнать настоящую исторію этого мнимаго трупа, то объясненіе онъ нашелъ бы въ полицейскомъ участкѣ, или у него самого, когда онъ, послѣ вытрезвленія, отправился опять въ тотъ же кабакъ, близъ котораго онъ былъ найденъ.

Бывали и другого сорта новости, фабрикованныя этими шутниками. Такъ, однажды возлѣ Измайловскаго моста, по Фонтанкѣ плыла шляпа. Шляпа, какъ всѣ шляпы — круглая, черная, не

слишкомъ новая, не слишкомъ старая, шляпа плыла себѣ, да и только.

Казалось, кому до нея какое дѣло,—но зѣваки любятъ посмотрѣть на все, и толпы стали собираться на набережной смотрѣть на шляпу, толковать о ней и наблюдать, какъ она продолжаетъ свой путь. На это дешевое зрѣлище подоспѣли и наши проказники. Жильцы домовъ по Фонтанкѣ, увидя изъ оконъ стеченіе публики, посылали горничныхъ и лакеевъ узнать, что такое случилось, и въ разныхъ частяхъ города получались разные отвѣты, которые усердно разсказывали шутники.

Такъ, у Пантелеймонскаго моста говорили, что шляпа эта принадлежала чиновнику, утопившемуся съ горя, потому что ему не дали никакой награды, тогда какъ всѣ, кто былъ ниже его чиномъ и мѣстомъ, получилъ по Станиславу.

У Симеоновскаго моста утонувшій чиновникъ превратился въ молодого коломенскаго поэта, бросившагося въ Фонтанку оттого, что издатель одного журнала не хотѣлъ печатать его стихотвореній.

Далѣе говорили, что погибшій былъ не поэтъ, а купецъ, утопившійся съ отчаянія, что ему не удалось взять подрядъ въ казенное мѣсто; увѣряли также очень серьезно, что эта шляпа принадлежитъ какому-то волшебнику, и что она заколдована, потому что, какъ ни старались ее

поймать, она никакъ не поддавалась и ускользала изъ рукъ, и даже одинъ слишкомъ усердно погнавшійся за нею мужикъ поплатился жизнью — самъ упалъ въ воду и утонулъ.

Далѣе повѣствовали, что шляпа принадлежала упавшему по неосторожности и утонувшему шестнадцатилѣтнему мальчику, единственному сыну богатѣйшихъ родителей; другіе тутъ же увѣряли, что мальчикъ погибъ отъ безнадежной любви къ одной жестокосердной и неумолимой актрисѣ.

Увѣряли здѣсь же, что погибшій былъ извѣстный красавецъ-милліонеръ, на-дняхъ получившій еще милліонъ въ наслѣдство, но прекратившій самовольно жизнь свою, потому что проигралъ его одному купцу, содержателю трактировъ и фруктовыхъ лавокъ. Говорили также, что въ ней зашито было 200,000 руб. и что ее снесло вѣтромъ съ головы одного скряги, переѣзжавшаго на другую квартиру и опасавшагося, чтобы у него во время переѣзда не украли этихъ денегъ.

Далѣе, уже у Аничкина моста, завѣрное утверждали, что шляпа эта принадлежала одной дѣвушкѣ, переодѣвшейся въ мужское платье, чтобы бѣжать съ своимъ любовникомъ, и уронившей шляпу по неловкости въ Фонтанку, отчего волосы несчастной разсыпались по плечамъ, и она, узнанная преслѣдовавшею ее роднею, была возвращена обратно въ домъ разгнѣванныхъ родителей.

Затѣмъ у Обуховскаго и Измайловскаго моста,

наконецъ, онѣ увѣряли, что эта шляпа привязана за ниточку къ рукѣ одного англичанина, который вслѣдствіе крупного пари плыветъ подъ водою отъ самаго Прачешнаго моста.

Нерѣдко распускаемые этими проказниками слухи принимали даже колосальные размѣры. Петербургскіе старожилы помнили одинъ такой случай, собравшій несмѣтныя толпы народа къ Казанскому собору, по поводу ходившаго слуха, что въ соборъ будетъ привезенъ покойникъ съ рогами и когтями, словомъ—вѣрное подобіе чорта. Ходившіе разсказы были такъ упорны, и народъ шелъ въ такой массѣ на это воображаемое зрѣлище, что никакія увѣщанія полиціи не помогли и потребовалось вмѣшательство пожарныхъ командъ, которыя изъ трубъ и поливали народъ, чтобы очистить Казанскую площадь и Невскій проспектъ отъ зѣвакъ.

Впослѣдствіи тонкіе политики увѣряли, что этотъ нелѣпый слухъ былъ пущенъ самимъ Аракчеевымъ, чтобы отвлечь умы петербуржцевъ отъ царившихъ тогда въ обществѣ разсказовъ про убійство его любовницы Настасьи Минкиной.

Большою популярностью и страхомъ въ описываемые годы, какъ на улицахъ Петербурга, такъ и по линіяхъ Гостиннаго и Апраксина дворовъ, пользовался высокій старикъ, очень худой, въ старинныхъ очкахъ, ходившій въ фризовой шинели, съ большимъ ридикюлемъ въ рукахъ—

и въ какую бы лавку онъ ни входилъ и что бы ни бралъ, купецъ не рѣшался просить за товаръ деньги: въ былые, протекшіе дни не одни его превосходительства пугали купцовъ своими громами.

Судьба въ тѣ годы нерѣдко зависѣла отъ лицъ, отнюдь не высоко стоявшихъ на лѣстницѣ общественной іерархіи.

Такъ, описываемый старикъ, извѣстный всѣмъ подъ именемъ Матвѣя Ивановича, былъ дворецкій или камердинеръ одного господина, столь же ветхаго лѣтами и столько нищаго совѣстью, сколько богатаго силой — Матвѣй Ивановичъ былъ своего рода Зевсъ-громовержецъ. Мѣсто ли кому нужно, подрядъ ли, милость ли, какую награду — все валило къ Матвѣю Ивановичу, и самое законное дѣло нерѣдко покупалось у Матвѣя Ивановича.

Расположеніе Матвѣя Ивановича давало счастіе, гнѣвъ его былъ страшенъ. Народная молва изъ Матвѣя Ивановича сдѣлала миѳъ. Начало своей карьеры, какъ увѣряли тогда, онъ сдѣлалъ тѣмъ, что былъ стеклоѣдъ, и за это художество полюбился онъ своему барину. Возьметъ, бывало, онъ рюмку, проглотитъ водку, и въ тотъ же мигъ и рюмку въ ротъ, погрызетъ ее и съѣстъ всю безъ остатка: Матвѣй Иванычъ, говорили, умирая, оставилъ миліонъ; у него были дома и дачи въ Петербургѣ.

Въ первой четверти текущаго столѣтія въ петербурскомъ обществѣ былъ извѣстенъ художникъ О—чъ. Это была замѣчательная личность: его благотворительность не слушалась никакого расчета, онъ всегда былъ безъ гроша, раздавая все бѣднымъ; онъ жилъ одинъ и небогато, его прислуга была старуха кухарка Ѳекла; онъ не ѣлъ никогда мясной пищи и строго соблюдалъ правило индѣйскихъ браминовъ не убивать никакой жизни—въ этомъ послѣднемъ убѣжденіи онъ доказывалъ, что если не мучить и не убивать животныхъ, то они не станутъ причинять никакого вреда человѣку.

На этомъ основаніи онъ не выводилъ у себя ни клоповъ, ни блохъ, ни таракановъ — которые во множествѣ у него водились. Когда онъ ѣхалъ на извозчикѣ, то не позволялъ гнать шибко и стегать лошадь.

Въ этихъ случаяхъ во всю дорогу извозчику онъ читалъ проповѣдь о томъ, какъ онъ долженъ беречь свою лошадь и ласково съ ней обращаться. — Вѣдь она тебя кормитъ, — говорилъ онъ,—а ты бьешь; она идетъ такимъ шагомъ, какъ ей слѣдуетъ идти, а ты заставляешь ее бѣжать и запыхаться — зачѣмъ? Не хорошо, братъ, не хорошо.

Онъ имѣлъ особое пристрастіе къ кошкамъ — онѣ были его страстью. Штатныхъ было у него двѣнадцать и не мало сверхштатныхъ; ему под-

кидывали новорожденныхъ котятъ; онъ ихъ принималъ и воспитывалъ.

Когда же пріемыши достигали положеннаго возраста, то раздавалъ ихъ по будкамъ, которыя въ то время составляли въ Петербургѣ полицейскіе посты.

Будочникамъ онъ давалъ приданаго: за кошку десять, за кота пять рублей, потомъ обходилъ самъ эти посты или посылалъ свою кухарку навѣдываться о житьѣ-бытьѣ своихъ питомцевъ.

Такимъ образомъ у будочниковъ завелся обычай имѣть кошекъ; жители Петербурга замѣчали ихъ почти у каждой алебарды, но мало кому было извѣстно происхожденіе этого обычая. Каждая кошка имѣла имя и отчество какой либо дамы или мужчины изъ близкихъ друзей хозяина.

Его любовь къ ближнему, милосердіе и доброта доходили иногда до эксцентричности почти невѣроятной; извѣстенъ, напримѣръ, слѣдующій случай. Онъ имѣлъ очень дорогіе часы Нортона и для него неоцѣнимые, потому что они были подарены ему тогдашнимъ военнымъ губернаторомъ графомъ Милорадовичемъ. Часы эти всегда лежали у него на столѣ. Разъ одинъ молодой человѣкъ, его знакомый, взялъ ихъ, чтобъ посмотрѣть, и затѣмъ ловко спустилъ ихъ къ себѣ въ карманъ и ушелъ.

О—чъ это видѣлъ, глубоко вздохнулъ и не сказалъ ничего воришкѣ. Кухарка потомъ раз-

сказала его знакомому и тотъ немедленно отправился на квартиру воришки и отобралъ часы отъ него и принесъ ихъ къ владѣльцу, чему онъ очень обрадовался. Когда же его упрекнули за непростительную снисходительность къ похитителю, то онъ сказалъ: «Эхъ, господа, не будьте такъ строги, можетъ быть онъ былъ вынужденъ крайностью».

Другой случай былъ еще болѣе характеристиченъ. Онъ пилъ кофе въ кофейной, въ комнатѣ не было никого. Туда входитъ незнакомецъ и, обращаясь къ нему проситъ размѣнять двадцатипятирублевую бумажку, но самъ не показываетъ ее. Когда же О—чъ достаетъ мелкихъ ассигнацій, то незнакомецъ вдругъ выхватываетъ у него изъ рукъ пятирублевую бумажку и убѣгаетъ. Художникъ за нимъ; догоняетъ дерзкаго мошенника у самой будки и говоритъ ему: «Милостивый государь, вы конечно рѣшились на этотъ поступокъ изъ послѣдней крайности; вамъ необходимы деньги, такъ возьмите еще десять рублей, на этотъ разъ не могу дать болѣе».

Когда впослѣдствіи знакомые упрекали его за то, что онъ поощряетъ мошенниковъ, то въ отвѣтъ услышали: «Вы полагаете, что я поощряю дурныхъ людей, ошибаетесь. Я увѣренъ въ томъ, что то, какъ я обошелся съ нимъ, послужитъ къ исправленію. Врядъ-ли лучше подѣйствовалъ бы на него позоръ и наказаніе».

И въ самомъ дѣлѣ, не былъ ли онъ правъ въ этомъ? Онъ былъ женатъ, но жена не жила съ нимъ, хотя супруги были очень между собою дружны. Жена его осталась въ домѣ одной знатной дамы, у которой была компаньонкой. Это было условлено при заключеніи брака. Онъ говорилъ, что женился для того, чтобы изъ невольницы, какою есть каждая дѣвица, сдѣлать свободную женщину.

Разъ, только одинъ разъ, вышелъ онъ изъ своего характера снисходительной кротости. Это было на масляницѣ. Проходя по площади Большого театра, гдѣ тогда строились балаганы, онъ у одного изъ нихъ услышалъ странные, но слишкомъ его сердцу близкіе голоса. Какой-то пріѣзжій итальянецъ завелъ у себя хоръ изъ кошекъ. Штукъ двадцать или болѣе этихъ животныхъ съ подобранными по діапазону голосами, составляли нѣчто вродѣ фортепіано; хвосты четвероногихъ музыкантовъ положены были подъ клавишами, а въ нихъ вдѣланы булавки. Когда маэстро игралъ на этихъ клавишахъ, то кошки, уколотыя, издавали одна за другой «мяу» и изъ этихъ звуковъ составлялся нѣкоторый гармоническій ансамбль.

Онъ съ ужасомъ выслушалъ этотъ концертъ и побѣжалъ къ графу Милорадовичу съ жалобою на такое варварство, и кошачій импресаріо въ тотъ же день былъ высланъ изъ столицы, а

его трупа выпущена на свободу. О—чъ умеръ въ 1830 г.; послѣднія минуты его были трогательны. Толпа его друзей дежурила у его постели; онъ со спокойствіемъ ждалъ всеобщаго «конца всякой плоти».

Несмотря на свои страданія, онъ много говорилъ, и рѣчи его были назидательны. Передъ самой смертью онъ распорядился всѣмъ остававшимся и всѣ вещи раздарилъ. Кошекъ распредѣлилъ поименно между пріятелями. Животныя эти были очень привязаны къ своему хозяину и, когда онъ скончался, поняли, что его не стало, и наполнили домъ жалобными воплями.

Похороны его представляли рѣдкое зрѣлище: за убогимъ гробомъ, который несли на рукахъ его знакомые, тянулась нескончаемая вереница экипажей; шло очень много пѣшеходовъ высшаго общества, но самую трогательную часть печальнаго шествія составляла толпа нищихъ въ слезахъ.

ГЛАВА XXIV.

Богачи самодуры.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, съ сентября мѣсяца весь фешенебельный Петербургъ предпринималъ ежедневно загородныя прогулки верхомъ. Туманъ, сырая осень въ тѣ годы считалась порою верховой ѣзды, и всѣ разъѣзжали по островамъ, обрамленнымъ еще яркою золотистою зеленью березъ и липъ, въ джентльменъ-рейтерскихъ костюмахъ, въ черныхъ пальто, подбитыхъ легкою байкой синихъ и желтыхъ цвѣтовъ клѣтками, съ эластическими хлыстиками, въ жокейскихъ сапогахъ съ желтыми лощеной кожи отворотами; всегдашними сопутниками джентльменовъ были легкіе англійскіе борзые и огромные терневы.

Въ числѣ такихъ денди, на англизированныхъ скакунахъ пронизывающихъ болотистыя прибрежья Невы, былъ извѣстный всему Петербургу, какъ самый зажиточный изъ людей того

времени, винный откупщикъ К—цевъ. Придя въ Петербургъ съ рублемъ въ карманѣ и съ «родительскимъ благословеніемъ», онъ сперва занялся торговлею зеленью, но вскорѣ умножилъ состояніе подрядами въ казну мяса и хлѣба и затѣмъ взялъ на откупъ одну изъ приволжскихъ губерній; дѣла его настолько пошли хорошо, что по прошествіи десяти лѣтъ онъ держалъ уже три откупа, отъ которыхъ имѣлъ болѣе милліона въ годъ дохода.

К—цевъ былъ оригиналъ большой руки: онъ одѣвался необыкновенно пышно и даже лѣтомъ носилъ въ накидку богатѣйшую шубу изъ рѣдкихъ камчатскихъ розовыхъ соболей, цѣною въ двадцать тысячъ; пуговицы на его жилетѣ были изъ брилліантовыхъ солитеровъ, а въ день коронаціи императора Николая I онъ явился во фракѣ, пуговицы на которомъ были съ музыкой; К—цевъ былъ большой охотникъ и до табакерокъ съ мелодіями и имѣлъ такихъ болѣе трехсотъ, т.-е. на каждый день новую.

До мѣховыхъ вещей онъ былъ страстный охотникъ,—вѣроятно за ихъ высокую стоимость: одинъ халатъ на мѣху изъ баргузинской темной бѣлки стоилъ ему болѣе тысячи рублей, а дорожная его шуба изъ чернобурыхъ лисицъ, собранная въ теченіе двадцати лѣтъ знатокомъ пушного товара, обошлась ему свыше тридцати тысячъ рублей; вѣсъ мѣха не превышалъ двухъ фунтовъ.

Наружностью К—цевъ былъ очень невзрачный — высокій, тучный блондинъ съ весьма апатичнымъ лицомъ, глаза его всегда были полузакрыты, какъ у спящаго человѣка; онъ страдалъ параличемъ вѣкъ. Проживалъ онъ по большей части въ родномъ своемъ захолустномъ уѣздномъ городкѣ и пріѣзжалъ въ Петербургъ только во время торговъ въ Сенатѣ и по зимамъ.

Домъ его на родинѣ отличался необыкновеннымъ устройствомъ: стѣны комнатъ были разрисованы картинами изъ жизни вѣка маркизовъ, птиметровъ и фаворитокъ Людовика XIV, карнизы высокихъ его потолковъ были расписаны медальонами лучшими итальянскими художниками; за работу послѣднимъ были заплочены баснословныя деньги — свыше ста тысячъ рублей, а чтобы любоваться картинами — были сдѣланы золотыя лѣстницы. Палаты этого откупщика были полны разными диковинками, всюду были потайныя двери, богатыя разноцвѣтныя карсельскія лампы; прислуга его вся въ парикахъ, преимущественно арапы. По рѣдкости настоящихъ негровъ, многіе изъ слугъ были загримированы такими. Мебель въ его комнатахъ стояла тяжелая, покойная, по большей части золотая, въ густыхъ роскошныхъ коврахъ нога утопала. Стоило гостю этого откупщика похвалить какую нибудь изъ видѣнныхъ имъ вещей, будь это хоть заграницей или въ Сибири, какъ немедленно посылался туда слуга за покупкой.

Причуды его доходили до большихъ размѣровъ, чѣмъ у великолѣпнаго князя Тавриды. Такъ, проживая въ Петербургѣ, ему разъ вздумалось попить чайку на водѣ изъ своего деревенскаго родника, и вотъ болѣе чѣмъ за тысячу верстъ посылается приказчикъ для привоза таковой. Особенно онъ любилъ угощать свыше мѣры, ловя встрѣчнаго и поперечнаго, пока не истратитъ всѣхъ захваченныхъ его артельщикомъ денегъ. Пріѣзжалъ онъ въ рестораны всегда въ сопровожденіи послѣдняго, у котораго былъ въ рукахъ цѣлый узелъ депозитокъ; артельщикъ и дежурилъ до конца пиршества своего хозяина, засѣдая скромно въ углу съ узломъ, гдѣ шла баснословная по щедрости трапеза.

Любимыми мѣстами такихъ лукуловскихъ ужиновъ были «Hôtel du Nord»—въ Офицерской улицѣ и ресторанъ «Роше де-Канкаль» —у Николаевскаго моста, извѣстнаго Борреля. «Таможенный квасокъ», какъ называли тогда шампанское вино, истреблялся десятками ящиковъ; имъ поили не только всѣхъ слугъ, но спаивали и извозчичьихъ лошадей, дожидавшихъ у крыльца гостей. Кутежъ его дошелъ до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что разъ, выходя изъ ресторана въ дождливую погоду, чтобы не промочить ногъ, садясь въ карету, онъ велѣлъ артельщику разсыпать депозитки по грязи, и по нимъ ступая уже сѣлъ въ карету.

Откупщики, благодаря своей вино-откупной дѣя-

тельности, загребали огромные капиталы. При Екатеринѣ II, какъ видно изъ «Дневника» Храповицкаго, извѣстными винными откупщиками не брезговали быть: князь Юрій Долгоруковъ, Сергѣй Гагаринъ и князь Куракинъ. Откупная система для всей имперіи утверждена была только въ 1795 году, по проекту купца Кандалинцева.

Откупщикъ того времени пользовался неограниченнымъ правомъ дѣлать все, что угодно. Въ великороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ до этихъ поръ по старинѣ пробавлялись пивомъ и брагой, тогда явилась одна водка, и съ ней вдругъ появилось страшное пьянство и въ мірѣ народныхъ повѣрій возродился образъ Ярилы, бога водки, русскаго Бахуса, и праздникъ Ярилы, почти забытый, разомъ появляется въ губерніяхъ: Тверской, Костромской, Владимірской, Нижегородской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской, и въ Петровъ постъ, 30-го мая, въ послѣдній день празднованія Ярилѣ, въ Воронежѣ, на площади стояли бочки съ виномъ, валялись пьяные; въ это время является на площади епископъ воронежскій Тихонъ, начинаетъ кротко поучать любимый имъ народъ, народъ его слушаетъ, потомъ разбиваетъ бочки съ виномъ, и съ тѣхъ поръ праздникъ Ярилы навсегда прекращается въ Воронежѣ.

Но преосвященному Тихону подвигъ этотъ даромъ не прошелъ. Всесильные откупщики донесли, что онъ смущаетъ народъ, учитъ его не пить водки

и тѣмъ подрываетъ казенный интересъ, и вслѣдствіе этого доноса святитель долженъ былъ отправиться на покой.

Уничтоженіе откупа составляетъ лучшую страницу изъ царствованія Императора Александра II. 1-го января 1863 года открыла свои дѣйствія новая акцизная система и дешевая водка, столь для народа необходимая, стала его достояніемъ. Народъ, какъ гласили тогда газеты, собравшись предъ домомъ одного откупщика, пропѣлъ ему анаѳему; въ другомъ городѣ, на святкахъ, кто-то ходилъ по трактирамъ, замаскировавшись въ надгробный памятникъ откупу. Ходящій памятникъ представлялъ большой четырехгранный столбъ, широкій снизу, узкій кверху, по сторонамъ его были написаны приличныя эпитафіи, оплакивающія откупъ. Явились и лубочныя картинки—похороны откупа и т. д.

Откупщики дѣлались въ самое короткое время извѣстными миліонерами. Изъ числа такихъ богатѣйшихъ лицъ были: Лукинъ, Шемякинъ, Кандалинцевъ, Походяшинъ, Рюминъ, Логиновъ. Послѣдній устроилъ однажды народный праздникъ, на которомъ излишкомъ оставшейся у него водки перепоилъ народъ до-пьяна, такъ что нѣсколько человѣкъ замерзло; при чемъ полиція, какъ тогда увѣряли, подобрала до 400 тѣлъ.

Логиновъ данный имъ народный праздникъ считалъ какъ сдѣланное имъ пожертвованіе. Откупщики, наживаясь отъ народа, вмѣстѣ съ тѣмъ

разстраивали казну. Такъ, на одномъ Логиновѣ недочетъ простирался до двухъ миліоновъ рублей.

Послѣдними богатыми откупщиками были: Бенардаки, Кокоревъ, Каншинъ. По большей части, всѣ такіе откупщики обыкновенно забывали разумные осторожные расчеты, задавались большими предпріятіями и въ концѣ концовъ лопались и обращались въ такихъ же бѣдняковъ, какими они были до своей первой разживы.

Съ уничтоженіемъ же откуповъ, за откупщиками осталось недоимокъ свыше 50 миліоновъ рублей.

Въ смѣси народностей, составляющихъ населеніе Петербурга въ описываемыя нами времена, не мало встрѣчалось на улицахъ въ нарядахъ древне-эллинскаго королевства. Въ рядѣ такихъ личностей, ходившихъ въ фустанелахъ и красной фескѣ, очень часто попадался на людныхъ улицахъ столицы низенькій старичокъ, всеобщій знакомецъ, извѣстный подъ именемъ «Зоя Павлыча». Это былъ выходецъ изъ угнетенной Греціи, очень зажиточный уроженецъ Янины, страстный ревнитель древней славы Эллады и истинный покровитель классическаго образованія. Едва ли было какое-либо благотворительное или ученое предпріятіе, особенно касавшееся его соотечественниковъ, въ которомъ бы онъ не принималъ дѣятельнаго участія. Зой Павлычъ былъ собиратель разныхъ рѣдкостей, его кабинетъ от-

крытъ былъ для всѣхъ, его посѣщали ученые, путешественники, онъ охотно всѣмъ показывалъ свои богатыя собранія рѣдкихъ рукописей, монетъ и медалей, драгоцѣнныхъ камней и особенно свою «Пелегрину», составлявщую его гордость и отраду. Пелегрина была высокой красоты жемчужина, вѣсомъ около 28 каратъ и совершенно круглая; отъ блеска и высокаго глянца она казалась прозрачною. Жемчужина была куплена имъ въ Ливорнѣ у капитана одного купеческаго корабля. Зой Павлычъ хранилъ ее въ трехъ коробочкахъ, одна въ другую вложенныхъ, и съ торжествомъ показывалъ ее любопытнымъ на листѣ бѣлой бумаги.

Эту жемчужину въ концѣ концовъ одинъ его же соотечественникъ грекъ успѣлъ у него похитить, явясь переодѣтымъ въ мундиръ адъютанта генералъ-губернатора. Похититель былъ вскорѣ найденъ, но жемчужину онъ успѣлъ попортить. Это такъ поразило Зоя Павлыча, что онъ вскорѣ съ горя и умеръ. Всѣ рѣдкости и драгоцѣнности, по предсмертному его желанію, были отправлены въ Аѳины для основанія тамъ греческаго музея.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ въ Лѣтнемъ саду бросалась въ глаза гуляющихъ стройная фигура видимо молодого мужчины, постоянно одѣтаго въ глубокомъ траурѣ, съ обшитыми по кантамъ сюртука плерезами, а на рукавахъ и шляпѣ съ черной повязкой; но всего страннѣе было въ

нарядѣ этого господина то, что лицо его скрывалось всегда подъ черной плотной маской. Много ходило тогда толковъ въ обществѣ объ этомъ таинственномъ незнакомцѣ, пріѣзжавшемъ всегда въ каретѣ, въ сопровожденіи одного старика слуги. По разсказамъ, судьба этого незнакомца была очень трогательная. Несчастіе постигло въ день его свадьбы на нѣжно обожаемой имъ особѣ.

Послѣ свадебнаго пира, когда гости уже разъѣхались и онъ находился въ своемъ кабинетѣ, вдругъ ему слышится запахъ дыма; въ ужасѣ, онъ кидается на половину жены, и тутъ видитъ, что весь домъ уже объятъ пламенемъ. Съ трудомъ онъ пробирается къ ней, схватываетъ ее и уноситъ сквозь пламень, но у выхода силы его оставляютъ и онъ вмѣстѣ съ женою падаетъ безъ чувствъ.

Пока сбѣжался народъ и пріѣхали пожарные, домъ уже былъ весь въ огнѣ. Несчастныхъ супруговъ нашли обгорѣлыми, молодая жена его уже была безъ признаковъ, жизни, а онъ лежалъ съ лицемъ, неимѣвшимъ уже подобія человѣческаго. Три дня онъ былъ безъ чувствъ и уже дѣлали приготовленія къ его погребенію; желая похоронить его съ женой, не засыпали могилы послѣдней. Но доктора возвратили его къ страдальческой жизни. И вотъ съ тѣхъ поръ лица его, кромѣ слуги, никто уже не видѣлъ.

Въ числѣ лицъ, обрекшихъ себя на уличное

шутовство и гаерство, былъ извѣстенъ отставной чиновникъ, крайне невзрачной наружности, съ золотушными шрамами на лицѣ, ходившій по рынкамъ и улицамъ всегда со свитой собакъ-ублюдковъ, одѣтыхъ въ костюмы. Одна была въ зеленомъ фракѣ, желтыхъ штанахъ и красномъ жилетѣ, другая въ обтянутомъ пестромъ кафтанѣ, синихъ штанахъ, третья въ какомъ-то бурнусѣ съ колпачкомъ, въ шапочкѣ, съ разноцвѣтными перьями, четвертая въ фижмахъ, робронѣ и парикѣ съ тупеемъ, пятая въ дамскомъ капотѣ и шляпкѣ, какіе носили въ сороковыхъ годахъ.

Всѣ эти костюмированныя собаки носили имена современныхъ франтовъ и франтихъ, извѣстныхъ въ тогдашнемъ обществѣ. Появленіе этого полупомѣшаннаго чиновника со своей свитой возбуждало всеобщій хохотъ. Толпа мальчишекъ бѣгала за нимъ; кто угощалъ собакъ сахаромъ, кто давалъ пряникъ, сухарь и т. д.

Большою популярностью въ описываемые года на улицахъ и рынкахъ пользовался еще бродячій фокусникъ Апфельбаумъ, упоминаемый Гоголемъ въ одной изъ его повѣстей. Апфельбаумъ видомъ былъ очень приличенъ, ходилъ онъ во фракѣ, съ большимъ жабо. Въ рукахъ у него всегда была палочка изъ слоновой кости, которая и помогала при его манипуляціяхъ.

Онъ ловко вынималъ у извозчиковъ съ носа

картофель; ломалъ у пирожника пироги, въ которыхъ находилъ червонцы, сковывалъ висячимъ замкомъ ротъ какого нибудь ротозѣя, выпускалъ изъ рукава голубей, морскихъ свинокъ и т. д. Апфельбаумъ все это продѣлывалъ даромъ, видимо, только ради одной рекламы.

Ходилъ и другой такой же ловкій фокусникъ,— высокій старикъ-итальянецъ съ серьгой въ ухѣ. Это былъ плѣнный итальянскій офицеръ, пришедшій въ Россію съ Наполеономъ въ двѣнадцатомъ году. Послѣдній, помимо фокусническихъ штукъ, чинилъ зонтики, дѣлалъ курительную смолку и продавалъ замѣчательный по цѣлебнымъ свойствамъ пластырь отъ мозолей. За рецептъ этого пластыря извѣстный придворный докторъ Арендтъ предлагалъ ему болѣе пятисотъ рублей, но итальянецъ не хотѣлъ открыть его и за бо̀льшую цѣну.

Много чудеснаго тогда въ народѣ разсказывали и про одного наѣзжавшаго въ Петербургъ иностранца француза-чревовѣщателя Александра Ватермара. Про него говорили, что онъ разъ довелъ будочника, стоявшаго на часахъ у будки, до того, что онъ сталъ ломать будку алебардой, полагая, что въ углу постройки скрывается нечистый.

Въ другой разъ онъ довелъ бабу, несшую въ охапкѣ дрова, до полнаго отчаянія, разговаривая съ нею изъ каждаго полѣна.

Этотъ чревовѣщатель обладалъ знаменитой ко-

лекціей рисунковъ и автографовъ различныхъ знаменитостей. Въ числѣ многихъ рѣдкостей, въ ней находились рисунки русскихъ императоровъ. Въ колекціи автографовъ было тоже значительное число русскихъ знаменитостей, между которыми особенно интересны двѣ строчки на французскомъ языкѣ въ его альбомѣ, выражающія удивленіе великаго поэта къ рѣдкому подражательному таланту знаменитаго чревовѣщателя:

«Votre nom est lègion,
«Car vous êtes plusieurs».

съ подписью А. Пушкина. St.-Pet. 16 juin 1834 г.

Въ тѣ года на улицахъ Петербурга можно было встрѣтить и другого иностранца, въ старомъ мундирѣ итальянскаго моряка, невысокаго роста старичка съ развѣвающимися сѣдыми волосами, съ доброю улыбкою на устахъ; у него вѣчно подъ мышкою находился портфель съ разноцвѣтною бумагой и акварельными красками. Бѣдняга снискивалъ себѣ пропитаніе, вырѣзывая очень художественно за мелкую монету модные въ тѣ года силуэты со всякаго, а также дѣлая виньетки на бумагѣ для поздравительныхъ писемъ и поминальныхъ книжекъ. Разсказывали, что этотъ бѣднякъ былъ обнищавшій эмигрантъ, графъ или виконтъ.

Въ числѣ такихъ же уличныхъ лицъ и знаменитостей мостовой, былъ извѣстенъ всѣмъ пе-

тербуржцамъ, стоявшій на тротуарѣ Невскаго проспекта, горбунъ Даніэль Тіайненъ, подъ навѣсомъ кожанаго фартука, съ походною лавочкою трубокъ, ножей, ножницъ, зубочистокъ и зонтиковъ. Сколько обычныхъ лицъ Невскаго смѣнилось передъ нимъ. Сколько богачей, извѣстностей, героевъ прошло мимо него! Сложа руки, смотрѣлъ онъ изъ-подъ длиннаго козырька на проходящихъ по проспекту или читалъ газету. Говорятъ, что этотъ горбунъ былъ не прочь отъ ручного залога.

Петербургскимъ старожиламъ былъ извѣстенъ и другой такой уличный торговецъ, который тоже встрѣтилъ не одно смѣнившееся поколѣніе. Это былъ старикъ съ сѣдыми бакенбардами, извѣстный подъ именемъ Яши такимъ лицамъ, какъ Карамзину, Сперанскому, Крылову, Пушкину и Грибоѣдову. Болѣе полувѣка сидѣлъ онъ на скамейкѣ въ Гостиномъ дворѣ, по Зеркальной линіи, противъ Публичной библіотеки, и торговалъ мягкими, какъ бархатъ, мѣлками для картъ и свѣтильней для лампадъ. Онъ помнилъ, когда игра въ карты была допущена въ маскарадахъ и въ Большемъ театрѣ была «горница для картъ». Карты въ то время выписывались изъ-за границы и стоили два рубля дюжина. Впослѣдствіи карты были отданы на откупъ; цѣна на нихъ возвысилась вслѣдствіе сбора за клейменіе картъ, установленнаго въ пользу Воспитательнаго дома.

Въ первое время Александровская мануфактура дѣлала по 14-ти тысячъ колодъ ежедневно, но, несмотря на это, не могла удовлетворить требованіямъ тогдашняго общества, и карты распродавались каждый разъ безъ всякаго остатка.

Этотъ же продавецъ карточныхъ мѣлковъ былъ извѣстенъ, вмѣстѣ со своимъ отцомъ, какъ хорошій дресировщикъ собакъ. Когда, въ началѣ 50-хъ годовъ, въ театрѣ-циркѣ была возобновлена драма «Обріева собака», бѣлый одноглазый пудель Яши очень эфектно разыгрывалъ свою роль. Собака въ этой драмѣ, по чутью, отыскиваетъ могилу своего барина, разрываетъ ее и бѣжитъ къ знакомой барину старушкѣ—извѣстить ее ослучившемся несчастіи. Старушка, ничего не понимая, выходитъ съ фонаремъ и ставитъ его на полъ; собака лаетъ и тащитъ ее за платье за собой. Наконецъ, собака хватаетъ поставленный на полъ фонарь и бѣжитъ за сцену, старушка слѣдуетъ за собакой. Но самая эфектная сцена была въ послѣднемъ актѣ, когда собака узнаетъ убійцу и бросается на него. За каждое представленіе собака получала поспектакльную плату. Вся же суть была въ колбасѣ, которою дразнили голодную собаку.

Въ началѣ же 50-хъ годовъ уличною знаменитостью былъ мужичокъ-волшебникъ, родомъ москвичъ, обыкновенно дававшій представленія подъ открытымъ небомъ, на какомъ-нибудь мно-

голюдномъ дворѣ. Это былъ укротитель змѣй, совсѣмъ въ родѣ индійскаго факира. Представленіе начиналось тѣмъ, что укротитель притворяется пьянымъ, вынимаетъ изъ-за пазухи довольно большой клубокъ и бросаетъ его на землю.

По его слову, клубокъ развертывается — это двѣ змѣи, длиною по аршину. Укротитель идетъ къ нимъ и приказываетъ имъ ползти за собою; змѣи извиваются по землѣ, поднимаютъ головы, высовывая языки и сверкая глазами. Затѣмъ онъ беретъ одну изъ змѣй головою въ ротъ, а остальную часть ея тѣла обвиваетъ вокругъ своей шеи, и потомъ продѣлываетъ то же самое съ другой изъ нихъ. Восклицаніямъ и аханью не было конца и мѣдныя деньги такъ и сыпались въ карманъ кудесника.

Въ числѣ столичныхъ фланеровъ, всѣ поступки и жизнь которыхъ въ высшей степени были странны, въ 50-хъ годахъ замѣчалась одна бѣдная женщина, г-жа Редингъ. Она зимой и лѣтомъ ходила босикомъ, въ чепцѣ, спереди котораго пристегнутъ былъ шифръ въ видѣ эмблемы—вѣры, надежды и любви. О ней знали только то, что она была когда-то богата и хороша собою и впала въ крайнюю бѣдность вслѣдствіе какого-то тяжелаго несчастія.

Въ числѣ лицъ, отвергавшихъ совсѣмъ головной уборъ и обувь въ описываемое время на улицахъ Петербурга, какъ намъ сообщаетъ одинъ изъ

старожиловъ, были извѣстны: князь Те—евъ и д. ст. с. Тр—цкій.

Въ николаевское время на улицахъ столицы встрѣчалось много азіатскихъ народностей, поражавшихъ петербуржцевъ своими костюмами. Такъ, посреди такихъ выдѣлялись ханъ Нахичеванскій, ханъ Карабагскій и шамхалъ Тарковскій. Особенно пользовался популярностью второй ханъ, очень красивый, высокаго роста мужчина въ своемъ колоритномъ національномъ нарядѣ съ неизбѣжной бараньей шапкой и на шеѣ съ большою золотою медалью, окруженной крупными бриліантами.

Этотъ ханъ былъ большой охотникъ до картъ и его крупная пожизненная пенсія почти цѣликомъ расходилась по карманамъ шулеровъ. Что же касается до шамхала Тарковскаго, то онъ былъ генералъ-лейтенантъ россійской службы, видомъ былъ очень толстъ и неуклюжъ и возраста весьма почтеннаго. Онъ былъ типичный образецъ полудикаго кавказскаго властелина. Его сопровождала всегда многочисленная толпа слугъ, съ которыми онъ распоряжался посвойски, отрѣзая уши и носы за небольшія проступки. Благодаря такимъ расправамъ, онъ умеръ въ плотно закрытой каретѣ, въ сильныя іюньскія жары, въ которой лежалъ въ подушкахъ. Нелюбившіе его служители устроили ему такую кончину отъ апоплексіи,—по дорогѣ во время его слѣдованія въ Дагестанъ.

Въ сороковыхъ годахъ на петербургскихъ ули-

цахъ еще встрѣчалось нѣсколько военныхъ временъ Екатерины II, въ своихъ характерныхъ кафтанахъ, съ тростями въ рукахъ; попадался одинъ ветеранъ въ елисаветинскомъ мундирѣ свѣтло-зеленаго цвѣта съ красными отворотами и золотымъ галуномъ, въ треугольной шляпѣ съ короткимъ бѣлымъ султаномъ: это былъ столѣтній старикъ майоръ Щегловскій.

ГЛАВА XXV.

Феноменальные силачи Д—въ и К—инъ.—Чудакъ-балетоманъ Ч—евъ.—Гр. Потемкинъ.—Театралъ Каменскій.—Оригиналъ В—скій.—Путешественникъ К—о.—Идиликъ учитель.

Между знаменитыми русскими силачами былъ извѣстный небогатый помѣщикъ П. Л. Д—въ. Это былъ восьмидесятилѣтній старикъ высокаго роста, бѣлый, какъ лунь, и необыкновенно крѣпкаго сложенія; ходилъ онъ всегда—зимою и лѣтомъ—въ одномъ синемъ, довольно длинномъ сюртукѣ съ палкою въ рукахъ, на которую иногда садился верхомъ и скакалъ, а иногда махалъ ею въ воздухѣ какъ саблей. Онъ былъ крѣпокъ и здоровъ, какъ самый крѣпкій юноша, и никто не помнилъ, чтобъ онъ когда нибудь былъ нездоровъ. Онъ не чувствовалъ слабости и усталости въ ногахъ, у него еще скрипѣли кулаки, когда онъ ихъ сжималъ. Не было силача, который могъ бы съ нимъ сладить, онъ

самъ говорилъ, что у него сила непомѣрная и при этомъ показывалъ огромность своихъ крѣпкихъ кулаковъ и наслаждался ихъ скрипѣніемъ. Онъ только надѣвалъ рукавицы и подвязывалъ платкомъ уши. Однакожъ не любилъ этихъ руковицъ и платка и если надѣвалъ ихъ при комъ-нибудь, то всегда съ горечью замѣчалъ: «Вотъ ужъ и я, батюшка, старѣю, руковицы надо надѣвать».

Въ молодости онъ служилъ въ арміи Потемкина и Суворова въ гусарахъ и былъ во многихъ походахъ и сраженіяхъ. Изъ его разсказовъ памятенъ одинъ о туркѣ страшномъ — тоже силачѣ. Это было на Кинбурнской косѣ; при этомъ онъ вспоминалъ слова солдатской пѣсни: «Наша Кинбурнска коса надѣлала чудеса!» Вотъ что разсказывалъ богатырь.

Во время одной схватки съ турками былъ взятъ въ плѣнъ необыкновенной силы турокъ, который содержался потомъ при нашей арміи, хвастался своей силой и вызывалъ русскихъ на единоборство. Многіе отваживались съ нимъ биться, но никто не могъ его одолѣть. Иныхъ онъ даже изувѣчилъ и нѣкоторое время единоборство съ нимъ было запрещено. Вдругъ узнаетъ о туркѣ командиръ того полка, гдѣ служилъ богатырь Д—въ. Послали за нимъ; онъ находился въ главной квартирѣ, оттуда, гдѣ содержался турокъ, въ нѣсколькихъ верстахъ. Д—въ чрезвычайно об-

радовался случаю показать свою силу и немедленно отправился въ путь съ тѣмъ провожатымъ, котораго за нимъ послали. На дорогѣ имъ случилось брести водою цѣлыхъ восемь верстъ. По приходѣ Д—ва ввели въ подземный залъ, весь увѣшанный коврами съ турецкими диванами по стѣнамъ. На полу были тоже ковры. Собрались зрители, состоявшіе изъ главныхъ начальниковъ войскъ, и былъ приведенъ турокъ: Д—въ признавался, что турокъ ему показался очень страшнымъ. Онъ былъ необыкновенно огроменъ и широкъ. Но Д—въ, никѣмъ еще не побѣжденный, надѣялся на себя крѣпко и сталъ читать суворовскую молитву, которую онъ читалъ во всѣхъ случаяхъ жизни и которой, какъ онъ говорилъ, научилъ ихъ самъ батюшка-Суворовъ. Бойцамъ велѣли раздѣться до-нага и потомъ подали имъ два богатые турецкіе платка, которые они тутъ же повязали каждый самъ себѣ на шею. Потомъ, взявъ другъ друга лѣвой рукой за платокъ подъ горломъ, стали ходить. Д—въ былъ предувѣдомленъ, что турокъ бьется обыкновенно головой въ грудь и потому замѣтивъ, что платокъ у него повязанъ на шеѣ свободно (чтобы при ударѣ головой было свободнѣе рвануться впередъ), остановился и потребовалъ, чтобы платокъ у турка перевязали снова нѣсколько туже. Платокъ перевязали и они, схватившись снова, начали ходить. Турокъ много

разъ покушался ударить Д—ва головою въ грудь, но никакъ не могъ сломить его руку. Бой продолжался долго, самымъ ожесточеннымъ образомъ. Наконецъ турокъ былъ побѣжденъ.

Вскорѣ послѣ этого подвига, при первой схваткѣ съ непріятелемъ, Д—въ былъ произведенъ въ корнеты и потомъ вышелъ въ отставку.

Онъ жилъ то у одного, то у другого знакомаго, а лѣтомъ и просто гдѣ-нибудь въ полѣ или въ лѣсу. Онъ обладалъ еще одной странной способностью — онъ умѣлъ укрощать всякую злую и неизвѣстную ему собаку и не было примѣра, чтобы его собаки кусали. Когда его спрашивали, какъ онъ это дѣлаетъ, онъ обыкновенно отвѣчалъ: «Я, батюшка, суворовскую молитву читаю!»

Къ такимъ же феноменальнымъ силачамъ принадлежалъ Ал. Ст. К—инъ, орловскій дворянинъ; росту онъ былъ два аршина и 13 вершковъ, толщины необъятной—онъ служилъ тоже при Екатеринѣ II въ кавалергардахъ и затѣмъ въ Гатчинѣ у Павла Петровича—сила у него была колосальная, онъ крестился пятипудовыми гирями, поднималъ одной рукою двѣнадцать пудовъ, игралъ въ мячики пятипудовыми гирями, разрывалъ канатъ въ два дюйма толщины, сгибалъ и разгибалъ широкую желѣзную полосу, поднималъ болѣе 20-ти пудовъ.

При вступленіи императора Павла I-го на престолъ—государь лично знавшій и любившій его,

спросилъ куда онъ хочетъ быть назначенъ,— К—инъ отвѣчалъ, что онъ по тяжести своей въ кавалеріи служить не способенъ, потому что никакая лошадь его не выдержитъ, а въ пѣхотѣ потому, что не можетъ ходить въ строю, и потому просилъ у царя службы гражданской на родинѣ. Императоръ приказалъ его произвесть въ колежскіе асессоры съ назначеніемъ въ Орелъ городничимъ. Преданіе гласитъ, что онъ имѣлъ право писать государю лично, и даже получалъ отвѣты.

К—нъ служа городничимъ на всѣхъ наводилъ такой страхъ—что имъ пугали матери дѣтей, и продавцы на базарѣ бѣгали отъ возовъ, только бы не пападаться богатырю-городничему, въ гнѣвѣ бывавшемъ неумолимымъ, зная что его продѣлки всегда сходили ему съ рукъ.

Въ досадѣ онъ поднималъ купцовъ за бороды выше своей головы и перебрасывалъ черезъ заборъ; лошадь убивалъ кулакомъ съ одного раза.

Одного мѣщанина, въ чемъ-то провинившагося, городничій не хотѣлъ ударить рукою, а толкнулъ пальцемъ въ бокъ и переломилъ ему ребро. Онъ разъ остановилъ за рога бѣшенаго быка и держалъ его до тѣхъ поръ, пока подоспѣвшіе люди не спутали его ногъ. Сила этого городничаго была чисто сказочная.

Въ двадцатыхъ годахъ въ Петербургѣ, въ числѣ проказниковъ былъ нѣкто Ч—евъ. Онъ былъ предводителемъ тогдашнихъ балетомановъ,

который неоднократно дѣлалъ репетицію аплодисментовъ и вызововъ и отряжалъ въ раекъ наемныхъ хлопальщиковъ, гдѣ по установленному знаку, они должны были вызывать дружно. Но нерѣдко по поводу такихъ вызововъ происходили и ошибки. Разъ въ какомъ-то балетѣ, предъ появленіемъ одной изъ балеринъ, показалась на сцену незначительная танцовщица. Ч—евъ въ эту самую минуту, по разсѣянности, выдернулъ платокъ изъ кармана, хлопальщики приняли это за сигналъ и такой произвели оглушительный пріемъ, что бѣдная танцовщица смущена была до крайности и въ недоумѣніи скрылась за кулисы.

У Ч—ева были проказы еще забавнѣе. Театральныя кареты, возившія воспитанницъ для кордебалета изъ школы въ театръ, находились тогда въ самомъ жалкомъ видѣ, онѣ тянулись всегда на тощихъ, по суткамъ некормленныхъ клячахъ, одна за другою. Этотъ проказникъ предъ разъѣздомъ изъ театра имѣлъ обыкновеніе раздавать на водку кучерамъ, возившимъ эти кареты, чтобы они слушали на пути его команду и забавлялся тѣмъ, что проѣзжая на рѣзвой своей парѣ въ дрожкахъ мимо цѣлой вереницы каретъ, онъ кричалъ. «Стой, равняйся! и по командѣ его всѣ кареты и фургоны оставались неподвижными.

Онъ не разъ появлялся и на сценѣ въ одеждѣ

какого-нибудь пейзана въ дивертисементахъ, переодѣтый такъ, что сразу его было очень трудно узнать; только по дружному хохоту его товарищи узнавали мистификатора, и долго начальство разыскивало, какъ онъ могъ попасть на сцену.

Въ описываемые нами годы въ лучшемъ петербургскомъ обществѣ было много людей, которые въ закулисныхъ дѣлахъ актрисъ принимали самое горячее участіе—извѣстно нѣсколько случаевъ, гдѣ публика нелюбимыхъ актрисъ встрѣчала въ неподходящихъ для нихъ роляхъ самымъ дружнымъ шиканьемъ и не давала имъ сказать ни одного слова,—приводя полицію и театральное начальство въ недоумѣніе.—За такіе продѣлки театралы часто платились арестами и даже высылкой изъ столицы, какъ это было съ извѣстнымъ Катенинымъ, высланнымъ графомъ Милорадовичемъ въ его костромское имѣніе.

Въ Москвѣ разъ театральный скандалъ дошелъ до того, что вышло приказаніе изъ Петербурга арестовать такихъ зачинщиковъ и разсадить военныхъ или военно-отставныхъ по гауптвахтамъ, а статскихъ по съѣзжимъ домамъ. Въ числѣ временныхъ жильцовъ съѣзжей былъ извѣстный всему Петербургу богатый графъ С. П. Потемкинъ, внучатный племянникъ свѣтлѣйшаго Потемкина-Таврическаго. Этотъ театралъ, перенесъ весь свой домъ на одну изъ такихъ съѣзжихъ, всю свою роскош-

ную обстановку—и тамъ задавалъ самые лакомые и веселые обѣды.

Въ своемъ заточеніи графъ пробылъ тамъ съ недѣлю — и когда узнику была объявлена свобода — то онъ тотчасъ же покинулъ бѣлокаменную и переѣхалъ навсегда въ Петербургъ. Петербургскіе старожилы помнятъ хорошо еще сановитую фигуру графа; Потемкина лѣтъ сорокъ тому назадъ можно было каждый день встрѣтить въ первомъ ряду креселъ александринскаго театра. Онъ былъ оригиналъ какихъ не много, рожденый съ наклонностями ко всему изящному и прекрасному. Онъ былъ тонкій цѣнитель драматическаго искусства, стиховъ, музыки и архитектуры. Онъ любилъ драму, комедію, балетъ и оперу и вездѣ былъ полезенъ справедливостью и основательностью своихъ приговоровъ. Тогдашній директоръ императорскихъ театровъ Гедеоновъ высоко цѣнилъ его мнѣнія и очень часто обращался къ нему за совѣтами. Всѣ артисты знали его, уважали его сужденія и собирались часто къ нему, встрѣчая самый радушный пріемъ.

Графъ началъ свою службу въ Преображенскомъ полку. Въ Тильзитѣ онъ стоялъ въ почетномъ караулѣ у Наполеона, который, узнавши его фамилію, вступилъ съ нимъ въ разговоръ вопросомъ: «Vous êtes, n'est ce pas, le neveux du celèbre Prince de la Tauride?» и потомъ распрашивалъ его о службѣ, родныхъ и проч. Графъ По-

темкинъ былъ петербургскимъ старожиломъ, онъ вышелъ въ отставку въ 1810 году. Съ молодыхъ лѣтъ онъ вращался въ литературномъ кругу, перевелъ стихами извѣстную «Гофолію», которая съ успѣхомъ давалась долго на сценѣ, хотя и не была напечатана. Онъ издалъ свои стихотворенія «И мои мечтанія» и написалъ нѣсколько остроумныхъ театральныхъ піесъ. Одна, изъ нихъ «Послѣдняя пѣснь Лебедя», была сочинена имъ въ 1853 году, для прощальнаго бенефиса Вѣры Васильевны Самойловой.

Артистическая изящная натура его дѣлала безспорно замѣчательнымъ лицомъ въ нашемъ обществѣ; съ графомъ Потемкинымъ, кажется, умерло преданіе о старинномъ хлѣбосольствѣ, которымъ такъ прежде славились наши богачи; графъ жилъ на Невскомъ въ небольшомъ каменномъ домѣ напротивъ Аничкина дворца — на мѣстѣ котораго теперь воздвигнутъ банковскій частный домъ.

Графъ обладалъ многими и другими добрыми качествами; кто зналъ его тотъ никогда не забудетъ его пріятнаго ума, любезности, привлекательной простоты въ обращеніи, великодушія, готовности услужить, наконецъ такъ сказать младенческой беззлобности, того непоколебимаго добродушія, которыя не многимъ счастливцамъ удается сохранить до старости.

Изъ извѣстныхъ чудаковъ театраловъ былъ неподражаемъ графъ С. М. Каменскій, сынъ фельд-

маршала; проживалъ онъ въ Орлѣ въ большомъ деревянномъ домѣ или лучше въ нѣсколькихъ большихъ постройкахъ къ дому, занимавшихъ почти цѣлый кварталъ; онъ наслѣдовалъ послѣ своего отца до семи тысячь душъ крестьянъ, но до того разоренныхъ, что графъ нуждался даже въ сотнѣ рублей. Въ большомъ домѣ его, какъ внутри, такъ и снаружи, царствовала неописанная грязь и нечистота; болѣе чѣмъ въ половинѣ оконъ торчали какія-то тряпки и подушки, замѣняя стекла; лѣстницы и крыльца были безъ одной, а то и безъ двухъ и болѣе ступеней, безъ балясокъ, перила валялись на землѣ, однимъ словомъ—безпорядокъ страшный. Въ этихъ комнатахъ, болѣе похожихъ на сараи, помѣщался самъ графъ, и съ нимъ четыреста человѣкъ прислуги и театръ.

Онъ проживалъ въ Орлѣ на широкую ногу, стараясь подражать стариннымъ вельможамъ. У него всегда былъ накрытъ столъ на пятьдесятъ персонъ, къ столу могъ приходить всякій порядочно одѣтый человѣкъ, совершенно незнакомый хозяину; столъ былъ обильный, винъ много, прислуги при столѣ толпилось очень много, но больше ссорившейся и ругавшейся громко между собой, чѣмъ служившей. Сервированъ столъ былъ очень грязно, скатерти не мытыя, потертыя, порванныя и залитыя, въ пятнахъ, салфетки тоже, стаканы, рюмки разныхъ фасоновъ: одни—граненые, другіе—гладкіе и нѣкоторые съ отбитыми краями,

ножи и вилки тупые, нечищенные. Самъ хозяинъ за обѣдомъ занималъ гостей разсказами про свой театръ и о талантахъ своихъ крѣпостныхъ артистовъ. Какъ пробивало пять часовъ, графъ съ послѣднимъ боемъ вставалъ съ своего мѣста и, не взирая на гостей, просилъ извиненія и бѣгомъ отправлялся за кулисы, подготовляя самъ все къ спектаклю, который начинался въ 6$^1/_2$ часовъ. Актеры у него всѣ были крѣпостные его люди и нѣкоторые куплены за большія деньги.

Такъ за актера Кривченкова съ женою и съ 6-ти-лѣтнею дочкою, которая танцовала модный тогда «тампетъ», имъ была уступлена деревня въ 250 душъ. Музыкантовъ у него было два хора, роговой и инструментальный, каждый человѣкъ въ сорокъ; всѣ они были одѣты въ форменную военную одежду—у него и вся дворня жила на солдатскомъ положеніи, получала паекъ и ходила къ общему столу—собиралась и расходилась по барабану съ валторной и за столомь никто не смѣлъ сидя ѣсть, а непремѣнно стоя, по замѣчанію Каменскаго, «что такъ будешь есть до сыта, а не до безчувствія». Пьесы въ его театрѣ безпрестанно мѣнялись и съ каждой новой пьесой являлись новые костюмы. Въ театрѣ графа была устроена особая ложа и къ ней примыкала галерея, гдѣ сидѣли такъ называемыя пансіонерки, будущія актрисы и танцовщицы — для нихъ было обязательно посѣщеніе театра. Нерѣдко графъ требовалъ отъ нихъ

повторенія какого-нибудь слышаннаго ими накануне монолога или протанцовать вчерашнее па.

Въ ложѣ передъ хозяиномъ театра лежала на столѣ книга, куда онъ собственноручно вписывалъ замѣченныя имъ на сценѣ ошибки или упущенія, а сзади на стѣнѣ висѣло нѣсколько плетокъ и послѣ всякаго акта онъ ходилъ за кулисы и тамъ дѣлалъ свои расчеты съ виновными, вопли которыхъ иногда доходили до слуха зрителей. Онъ требовалъ отъ актеровъ, чтобы роль была заучена слово въ слово, говорили бы безъ суфлера, и бѣда тому, кто запнется; но собственно объ игрѣ актера онъ мало хлопоталъ. Во время спектакля онъ приходилъ и въ кресла.

Публики собиралось къ нему всегда довольно, но не изъ высшаго круга: пріѣзжала къ нему только чтобъ посмѣяться, но онъ всегда замѣчалъ насмѣшниковъ и, замѣтивъ шутки, приказывалъ тушить всѣ лампы кромѣ одной или двухъ, которыя чадили масломъ на всю залу—иногда даже и пріостанавливалъ спектакль. Въ антрактахъ публикѣ въ креслахъ разносили моченыя яблоки груши, изрѣдка пастилу, но чаще всего вареный медъ.

Графъ лично съ 7 часовъ утра открывалъ кассу театра и самъ раздавалъ и разсылалъ билеты, записывая полученныя деньги за билеты, при этомъ спрашивалъ, отъ кого присланъ человѣкъ за билетомъ, и если кто ему не нравился, то ни

за какія деньги не давалъ билета. Кто же былъ у него въ милости, тому давалъ даромъ билеты. Съ девяти часовъ до четырехъ у него шли репетиціи, на которыхъ присутствовалъ всегда самъ. У него въ домѣ была комната, гдѣ висѣли отъ потолка до самаго пола портреты актеровъ и актрисъ всѣхъ возможныхъ націй.

Въ двадцатыхъ годахъ наша Ѳемида особенно страдала слѣпотой и въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ допускались вопіющія злоупотребленія; особенно во время управленія министерствомъ финансовъ графомъ Гурьевымъ, взяточничество, особенно по департаментамъ государственныхъ имуществъ, неокладныхъ сборовъ и внѣшней торговли (таможенномъ), достигло колосальныхъ размѣровъ. Имперія была наводнена контрабандой. Мѣста въ таможняхъ были самыя прибыльныя изъ мѣстъ государственной службы, не исключая провіантской и комисаріатской того времени. Чиновники не краснѣя хвастали своими доходами. Тоже самое было по другимъ частямъ управленія: горной, соляной, лѣсной.

Изъ питейнаго сбора, какъ говоритъ одинъ изъ современниковъ, можно сказать положительно, что одна треть, если не болѣе, расходилась по карманамъ чиновниковъ. По ревизской части, напримѣръ, въ одной казенной палатѣ (гродненской) для взысканія подушныхъ податей велись два списка народонаселенія: одинъ для самой па-

латы, гдѣ означено дѣйствительное число платящихъ подати, другой, почти въ половину меньше, для казны. И это продолжалось болѣе десяти лѣтъ, и кто знаетъ, не то ли самое дѣлалось въ другихъ палатахъ? Казнокрадство при Гурьевѣ, на подобіе какого-то чудовищнаго многонога, обвивало своими лапами всю имперію.

И вотъ въ это время поголовнаго лихоимства существовалъ въ сенатѣ довольно вліятельный чиновникъ, оригиналъ, чудакъ, составляющій единственное въ своемъ родѣ исключеніе. Онъ до того боялся взятокъ и разныхъ подкуповъ, что не желалъ имѣть никакихъ сношеній, никакого знакомства съ заинтересованными лицами и до того былъ строгъ въ этомъ отношеніи, что съ цѣлью оградить себя отъ внезапныхъ посѣщеній, выпросилъ у оберъ-прокурора позволеніе не записывать адреса своей квартиры въ общемъ адресномъ спискѣ чиновниковъ. Фамилія этого, какъ его прозвали товарищи, «дикаря», заслуживаетъ того, чтобы сдѣлаться исторической; онъ назывался «Вилинскій». Мѣстослуженіе его было въ сенатѣ оберъ-секретаремъ.

Такъ какъ на немъ лежала обязанность принимать прошенія, то его можно было вызвать въ пріемную комнату. Онъ являлся всегда въ сопровожденіи курьера, въ почтительномъ отдаленіи осматривалъ просителя изподлобья, и какъ только узнавалъ, что проситель пришелъ не для

подачи просьбы, тотчасъ же, не отвѣчая ни на какіе вопросы, убѣгалъ опрометью изъ комнаты. У него въ жизни была одна страсть, это — духовная музыка. Страстно любя звуки церковнаго органа, онъ ходилъ по праздникамъ въ католическую церковь, гдѣ, съ опущенными книзу глазами, съ видомъ испуганнаго звѣря, слушалъ церковную музыку. Въ умиленномъ экстазѣ проводилъ онъ эти часы. Имѣвшіе къ нему нужду просители пытались заговорить съ нимъ при выходѣ изъ церкви, но онъ узнавши ихъ, спасался бѣгствомъ.

Въ тридцатыхъ годахъ извѣстенъ былъ богатый помѣщикъ К—о, котораго всѣ знали подъ именемъ «путешественника», несмотря на то, что онъ никогда не выходилъ изъ своего дома. У него была единственная въ мірѣ коллекція графиновъ, штофовъ и полуштофовъ съ разными водками. Вся эта колекція помѣщалась въ нѣсколькихъ десяткахъ дорожныхъ погребцовъ. На каждомъ погребцѣ была надпись, напримѣръ, Новгородская губернія, Псковская, Кіевская, Черниговская и т. д. Въ погребцѣ было столько штофовъ съ водкою, сколько въ губерніи городовъ. Вѣчный путешественникъ обыкновенно отправлялся съ утра по губерніямъ и иногда объѣзжалъ двѣ и три губерніи въ день. Въ каждомъ городѣ онъ находилъ знакомыхъ или родныхъ;

здоровался съ ними, разговаривалъ, прощался и ѣхалъ далѣе.

Иногда путешественникъ совсѣмъ не вставалъ съ постели, а возлѣ себя на столикѣ ставилъ колокольчикъ и, просыпаясь, звонилъ. Входилъ слуга. «А! а! мы на станціи — говорилъ путешественникъ—пуншу!» Приносили пуншъ, онъ выпивалъ его и ложился. Въ полдень просыпался и звонилъ. «А! а! мы на станціи —говорилъ онъ слугѣ — давай обѣдать!» и пообѣдавъ, ложился спать. Вечеромъ опять просыпался и звонилъ. «Сколько мы отъѣхали?» — спрашивалъ онъ вошедшаго слугу. — «Двѣсти верстъ» — отвѣчалъ тотъ. — «Хорошо, хорошо, давай же ужинать...» ужиналъ, ложился спать и спалъ до утра.

На другой день ѣхалъ опять такимъ же образомъ, и путешествовалъ этотъ господинъ такъ до тѣхъ поръ, пока не отправился въ самое дальнее путешествіе — на тотъ свѣтъ.

Между оригиналами Петербурга, въ тридцатыхъ годахъ встрѣчался на улицахъ столицы старичекъ лѣтъ восьмидесяти, маленькій, въ соломенной пастушеской шляпѣ; онъ прогуливался по улицамъ въ какомъ-то коротенькомъ красномъ камзолѣ и такихъ же коротенькихъ панталонахъ, красномъ жилетѣ и въ башмакахъ тоже красныхъ.

Шляпа его съ широкими полями украшена была лентами и цвѣтами, преимущественно же

гирляндами изъ алыхъ розъ; это былъ, впрочемъ, его праздничный нарядъ, въ будни же онъ появлялся на улицѣ въ цвѣтахъ желтыхъ и голубыхъ. По профессіи онъ былъ учитель французскаго языка, пріѣхалъ въ Россію съ женою въ царствованіе императора Павла I и за что-то былъ арестованъ на улицѣ, долго содержался въ крѣпости и когда былъ выпущенъ на свободу, то не нашелъ уже въ живыхъ своей жены, это обстоятельство такъ на него повліяло, что несчастный сталъ заговариваться и увѣрять, что жена его не умерла и въ доказательство чего нарядился въ самые праздничные веселые цвѣта и очень возненавидѣлъ всѣ темные, цвѣтнымъ же не измѣнялъ до конца своей жизни.

Когда онъ появлялся на улицахъ, то его постоянно преслѣдовала толпа зѣвакъ, на которыхъ онъ, впрочемъ, никогда не сердился; онъ отличался рѣдкою честностью; небольшія деньги, пріобрѣтаемыя имъ уроками, онъ раздѣлялъ на три части: одну для бѣдныхъ, другую бралъ себѣ на пищу и третью на свой туалетъ, т. е. на покупку свѣтлыхъ матерій; онъ раззорялся на тафту и бархатъ.

Обѣдъ себѣ онъ готовилъ самъ, столъ его состоялъ изъ горсти риса, нѣсколькихъ штукъ картофеля, изрѣдка говядины и никогда онъ не ѣлъ хлѣба, онъ увѣрялъ, что отъ хлѣба всякое кушанье получаетъ хлѣбный вкусъ и ротъ отъ

этой однообразной пищи перестаетъ различать пріятность другихъ блюдъ.

Онъ спалъ не раздѣваясь въ креслѣ, вставалъ лѣтомъ и зимою очень рано, до свѣта. Чувствуя какую-нибудь болѣзнь, онъ отправлялся при малѣйшемъ недомоганіи въ больницу, гдѣ и просилъ врачей продержать его до выздоровленія; онъ не вѣрилъ въ смерть: по его мнѣнію, интелигентные люди не умираютъ, а только исчезаютъ на время, они продолжаютъ жить на землѣ и ходятъ между людьми, невидимые для другихъ; онъ умеръ тихо, какъ тихо жилъ, онъ впалъ въ безпамятство, сидя на скамейкѣ въ Лѣтнемъ саду, и когда къ нему подошли, то онъ не обнаруживалъ уже ни малѣйшаго признака жизни.

ГЛАВА XXVI.

Старуха Офросимова и ея сынъ.—Хитрова.—Княгиня Юсупова.—Княгиня В—ая.—Архарова.—Протасова.—Кошколюбивыя дамы.

Въ старомъ русскомъ обществѣ было много типичныхъ старухъ, которыя были отраженіемъ своего вѣка. Въ московскомъ обществѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія долго была воеводою старуха Офросимова. Такихъ, впрочемъ, старухъ въ описываемую эпоху было нѣсколько. Такъ, въ Пензѣ жила старуха Золотарева, извѣстная подъ кличкой «Пензенская Офросимова».

Настасья Дмитріевна Офросимова была старуха высокая, мужского склада, съ порядочными даже усами; лицо у нея было суровое, смуглое, съ черными глазами; словомъ, типъ, подъ которымъ дѣти обыкновенно воображаютъ колдунью. Офросимова въ свое время имѣла большую силу и власть. Силу захватила, власть пріобрѣла она съ помощью общаго къ ней уваженія. Откровенность и правди-

вость ея налагали на многихъ невольное почтеніе и даже страхъ. Это былъ судъ, какъ говоритъ князь Вяземскій въ своихъ воспоминаніяхъ, предъ которымъ докладывались житейскія дѣла, тяжбы; молодыя барышни, только что вступившія въ свѣтъ, не могли избѣгнуть осмотра и, такъ сказать, контроля ея. Матери представляли ей дѣвицъ своихъ и просили ее, какъ мать-игуменью, благословить ихъ и оказывать имъ и впредь свое начальническое благоволеніе.

Благово въ своихъ Запискахъ говоритъ: «Всѣ, и знакомые и незнакомые, ей оказывали особый почетъ. Бывало сидитъ она въ собраніи, и Боже избави, если какой-нибудь молодой человѣкъ или барышня пройдутъ мимо нея и ей не поклонятся: «Молодой человѣкъ, поди-ка сюда, скажи мнѣ кто ты такой, какъ твоя фамилія?» — Такой-то. «Я твоего отца знала и бабушку знала, а ты идешь мимо меня и головой мнѣ не кивнешь; видишь, старуха, ну и поклонись, голова не отвалится; мало тебя драли за уши, а то бы повѣжливѣе былъ».

И такъ каждаго ошельмуетъ, что отъ стыда сгоритъ. Всѣ трепетали предъ этой старухой—такой она умѣла нагнать страхъ, и никому въ голову не приходило, чтобы возможно было ей сгрубить или отвѣтить дерзко. У Офросимовой былъ умъ не блестящій, но разсудительный и отличающійся русскою врожденною смѣтливостью. Когда генералъ Закревскій былъ назначенъ фин-

ляндскимъ генералъ-губернаторомъ, она сказала: «Да какъ же будетъ онъ тамъ управлять и объясняться? Вѣдь онъ ни на какомъ языкѣ кромѣ русскаго не въ состояніи даже попросить у кого бы то не было табачку понюхать!»

Старуха Офросимова была вдова генералъ-маіора, она выведена графомъ Толстымъ въ его романѣ «Война и миръ». У Офросимовой было нѣсколько сыновей, съ которыми она обходилась довольно грубо. Старшій ея сынъ Алекс. Павл. былъ тоже большой чудакъ и забавникъ. Офросимовъ былъ въ мать—честенъ и прямодушенъ. Онъ говорилъ оригинально, чистымъ, крѣпко отчеканеннымъ русскимъ словомъ и любилъ рѣчь свою пестрить разными русскими прибаутками и загадками.

Про себя онъ разсказывалъ, какъ говоритъ князь Вяземскій: «Я человѣкъ безчастный, человѣкъ безвинный, но не бездушный. А почему такъ? Потому что часовъ не ношу, вина не пью, но духи употребляю». Онъ нѣкогда служилъ въ гвардіи, потомъ былъ въ ополченіи, и въ офиціальные дни любилъ щеголять въ своемъ патріотическомъ кафтанѣ, съ крестомъ Анны второй степени непомѣрной величины. Впрочемъ, когда онъ бывалъ и во фракѣ, то постоянно носилъ на себѣ этотъ крестъ, въ родѣ иконы.

Проѣздомъ черезъ Варшаву отправился онъ посмотрѣть на разводъ. Великій князь Константинъ

Павловичъ замѣтилъ его, узналъ и подозвалъ къ себѣ. «Ну, какъ нравятся тебѣ здѣшнія войска?» спросилъ онъ его.—Превосходны, отвѣчалъ Офросимовъ. Тутъ уже не видать клавикордничанья!—«Какъ? Что ты хочешь сказать?»—Здѣсь не прыгаютъ клавиши одна за другою, а все движется стройно, цѣльно, какъ будто каждый солдатъ сплоченъ съ другими». Великому князю очень понравилась эта оцѣнка и онъ долго смѣялся выраженію, которое примѣнилъ Офросимовъ.

Въ старой Москвѣ много жило подобныхъ оригиналовъ, но почтенныхъ и почетныхъ старухъ еще больше. Такъ, въ числѣ уважаемыхъ оригинальныхъ старухъ была извѣстна многіе годы въ Бѣлокаменной старушка Хитрова, домъ которой былъ всегда открытъ для всѣхъ и утромъ и вечеромъ, и каждый пріѣзжавшій бывалъ принятъ такъ, что можно было подумать, что именно онъ-то и есть самый дорогой и желанный гость. Хитрова была очень красивая маленькая старушка, слегка напудренная, въ кругломъ чепцѣ, то что называли въ старину старушичьимъ чепцомъ (à la vielle) съ большимъ бантомъ, въ роброндѣ, но со шлейфомъ, на высокихъ красныхъ каблукахъ и нарумяненая во всю щеку; въ пріемахъ, въ обращеніи—въ полномъ смыслѣ большая барыня. До послѣдняго времени ѣзжала она цугомъ въ золоченой каретѣ, съ двумя лакеями. Хитрову всѣ знали въ Москвѣ и всѣ знавшіе ее любили. Она

была контрастъ Офросимовой: послѣднюю всѣ боялись за ея грубое обращеніе, и хотя ей оказывали уваженіе, но болѣе изъ страха, а другую, напротивъ, всѣ любили, уважали чистосердечно и непритворно.

Много странностей имѣла эта Хитрова, но всѣ эти прихоти и особенности были такъ просты и милы, что надъ ними не смѣялись. Одѣвалась она, какъ мы сказали, на свой ладъ, причесывалась она также своеобразно, на вискахъ у ней было по пучку буклей мелкими колечками, платье капотомъ съ поясомъ и маленькимъ шлейфомъ, высокіе каблуки носила она для того, чтобы казаться выше. Лицо ея въ преклонныхъ лѣтахъ было очень миловидно, глаза очень оживленны.

Она была очень мнительна и при малѣйшемъ нездоровьи тотчасъ ложилась въ постель, клала себѣ компресы на голову изъ калуферной воды и привязывала уксусныя тряпочки къ пульсу, и такъ лежала въ постели, пока не придетъ къ ней кто-нибудь въ гости. Поутру она принимала у себя въ спальнѣ лежа въ постели часовъ до трехъ; потомъ она вставала а иногда обѣдывала со всѣми.

Вечеромъ она выходила въ гостиную и любила играть въ карты, и чѣмъ было больше гостей, тѣмъ она была веселѣе и довольнѣе. А когда вечеромъ не бывало гостей, то она хандрила, скучала, ей нездоровилось, она ложилась

въ постель и обкладывала себя компресами, посылала за своей карлицей или другой какой старухой, которая пользовалась ея милостями и носила съ плеча ея обноски и донашивала старые чепцы.

Она была любопытна, любила все знать, но была очень скромна и умѣла хранить тайну, такъ что никто и не догадается, знаетъ ли она или нѣтъ. Она не любила слушать разсказовъ о покойникахъ, и если кто нибудь бывалъ боленъ—домашніе и хорошо знакомые всегда это отъ нея скрывали. Когда же ей, особенно ночью, не спалось, то она позоветъ бывало дѣвушку и велитъ принести свою «шкатуночку». Когда принесутъ ей этотъ сундучокъ, она отопретъ его и начнетъ вынимать оттуда мѣшечки: въ одномъ изумруды, въ другомъ яхонты, въ третьемъ солитеры. На другой день и разсказываетъ пріѣзжимъ. «Мнѣ ночью что-то не поспалось; я перебирала все свои солитерчики, которые для внучки готовлю».

Еще одна особенность въ характерѣ ея была, это собираніе разныхъ вещицъ и бездѣлушекъ. Она особенно любила, когда ей привозили въ именины, въ рожденье или въ новый годъ какую-нибудь бездѣлушку. Она не смотрѣла, дорогая ли вещь или бездѣлка, и трудно было угадать, что ей больше нравилось. Для всѣхъ этихъ вещей у ней было нѣсколько шкаповъ въ го-

стиной, и тамъ за стекломъ были разставлены тысячи разныхъ мелочей, дорогихъ и грошовыхъ. Она любила и сама смотрѣть на нихъ и показывать ихъ другимъ. Хитрова была очень богомольна, подъ каждое воскресенье и подъ праздникъ непремѣнно у ней на дому была всенощная. Если у кого изъ знакомыхъ было горе или семейная потеря, такъ ужъ навѣрно первою въ этомъ домѣ можно было встрѣтить эту добрую старушку.

Въ ряду такихъ же почтенныхъ женщинъ занимаетъ видное мѣсто и княгиня Татьяна Васильевна Юсупова, слывшая въ обществѣ за очень скупую женщину, но на дѣлѣ послѣднее качество было только одной изъ причудъ княгини. По разсказамъ хорошо знавшихъ Юсупову, ей надо было услыхать только объ истинно-нуждающемся человѣкѣ, и какъ по волшебству послѣдній получалъ такую сумму, какая ему требовалась — будь это двадцать и больше тысячъ. И только случайно позднѣе узнавали, что деньги были присланы княгиней Юсуповой.

Вотъ что передавала ея невѣстка, Татьяна Борисовна Потемкина. По извѣстному скопидомству своему, княгиня очень рѣдко возобновляла свои туалетные запасы. Она долго носила одно и то же платье, почти до совершеннаго износа. Однажды, уже подъ старость, пришла ей въ голову слѣдующая мысль: «да, если мнѣ держаться такого порядка, то жен-

ской прислугѣ моей немного пожитковъ останется послѣ моей смерти». И съ самаго этого часа произошелъ неожиданный и крутой поворотъ въ ея туалетныхъ привычкахъ. Она часто заказывала и надѣвала новыя платья, изъ матерій на выборъ и дорогихъ. Всѣ домашніе и знакомые ея дивились этой перемѣнѣ, поздравляли ее съ щегольствомъ ея и съ тѣмъ, что она какъ будто помолодѣла. «Вы, которая знаете загадку этой перемѣны, говаривала она невѣсткѣ своей, вы поймете, на какую мысль наводятъ меня эти поздравленія». И въ самомъ дѣлѣ, она, такъ сказать, наряжалась къ смерти и хотѣла въ пользу прислуги своей пополнить и обогатить свое духовное завѣщаніе.

Очень типичной въ характеристикѣ старыхъ женщинъ прошлаго времени является Архарова, жена извѣстнаго сенатора Ивана Петровича. Домъ этой доброй старушки всегда былъ полонъ гостей. Все оставшееся шло на подарки и добрыя дѣла. Старушка была самаго симпатичнаго вида, наряжалась она своеобразно; въ будни носила она зеленый зонтикъ надъ глазами, въ праздничные дни онъ смѣнялся паричкомъ съ сѣдыми буклями, подъ кружевнымъ чепцомъ съ бантиками. Лицо у нея было гладкое и свѣжее, глаза голубые, пріятные, на щекахъ игралъ румянецъ, правда искуственный, по модѣ прежняго времени. Въ лицѣ выражалось спокойствіе, непоколебимость воли, со-

вѣсти, ничемъ не возмущаемой, и убѣжденій, ничѣмъ не тревожимыхъ. Отъ улыбки сіяло привѣтливостью. Одѣвалась она въ шелковый особаго покроя капотъ, къ которому на лѣвомъ плечѣ пришпиливалась кокарда екатерининскаго ордена. Черезъ правое плечо перекидывалась старая наслѣдственная желтоватая турецкая шаль. Въ рукахъ была золотая табакерка, въ видѣ моськи, и костыль.

Когда выѣзжала она со двора, то провожалъ ее цѣлый штатъ домашнихъ, выводила ее изъ горницы жившая у ней старая полковница, рядомъ шли двѣ дворянки-сиротки, а послѣ — старшая горничная и двѣ младшія горничныя. Калмыкъ и морщинистый карапузикъ-карликъ всегда вязали чулокъ. Передъ шествіемъ суетился дворецкій, съ взъерошеннымъ хохломъ, въ бѣломъ жабо, округленнымъ вѣеромъ, подъ бѣлымъ галстухомъ. У кареты дожидались въ трехъугольныхъ уродливыхъ шляпахъ два ливрейныхъ рослыхъ лакея.

Карету Архаровой зналъ весь Петербургъ. Она спаслась отъ московскаго пожара. Четыре клячи тащили ее въ упряжи первобытной. На улицахъ, когда показывалась карета, прохожіе останавливались съ удивленіемъ или весело улыбались, или снимали шапки и набожно крестились, воображая, что ѣдетъ прибывшій изъ провинціи архіерей. Когда старушка ѣздила на придворный

обѣдъ къ императрицѣ, то возвращенія ея ожидалъ нетерпѣливо весь домъ. Старушка, нѣсколько колыхаясь отъ утомленія, шла, опираясь на костыль; впереди выступалъ дворецкій, не суетливо и важно. Въ каждой рукѣ онъ держалъ тарелку, наложенную конфектами, фруктами и пирожками, все съ царскаго стола. Когда за столомъ обносили десертъ, старушка не церемонилась и, при помощи сосѣдей, наполняла двѣ тарелки лакомою добычею. Гофъ-фурьеръ зналъ, для чего это дѣлалось, и препровождалъ тарелки потомъ въ карету

Возвратившись домой, Архарова разоблачалась, надѣвала на глаза зонтикъ, нарядный капотъ замѣняла другимъ, болѣе поношеннымъ, садилась въ свое широкое кресло, передъ которымъ становили столъ, на который помѣщали привозимыя тарелки и начиналась раздача въ порядкѣ родовомъ и іерархическомъ: никто въ домѣ не былъ забытъ. За столъ у ней гости садились по старшинству. Кушанья подавались преимущественно русскія, нехитрыя и жирныя, но въ изобиліи. Квасу потреблялось много. За столъ никто не садился не перекрестившись. Блюда подавались отъ хозяйки въ перепрыжку, смотря по званію и возрасту. За десертомъ хозяйка сама наливала нѣсколько рюмочекъ малаги или люнелю и подчивала ими гостей.

По окончаніи обѣда, дворецкій подавалъ костыль, Архарова подымалась, крестилась и кланялась на

обѣ стороны, приговаривая: «Сыто не сыто... а за обѣдъ почтите. Чѣмъ Богъ послалъ...» День неизмѣнно заключался игрою въ карты. Играла она лѣтомъ въ однѣ игры, зимою—въ другія. Зимой избирались бостонъ, вистъ, реверсы, ломберъ; лѣтомъ шла игра: мушка, брелакъ—игра болѣе легкая, дачная. Въ одиннадцать часовъ игра кончалась, старушка шла въ спальню, долго молилась передъ образами, ее раздѣвали, и она засыпала сномъ младенца.

Графъ Сологубъ разсказываетъ, что въ юности ему удалось подслушать исповѣдь Архаровой, а исповѣдникомъ былъ старикъ-священникъ, такой же глухой, какъ и она.—Грѣшна я, батюшка, каялась старушка, въ томъ, что я покушать люблю.—И, матушка, ваше превосходительство, возражалъ духовникъ, въ наши-то годы оно и извинительно.—Еще каюсь, батюшка, продолжала грѣшница, что иногда сержусь на людей, да и выбраню ихъ.—Да какъ же и не бранить ихъ, извинялъ священникъ.—Въ картишки люблю поиграть, батюшка.—Лучше, чѣмъ злословить, довершалъ духовникъ. Этимъ исповѣдь и кончалась.

Въ домѣ Архаровой бывало всегда множество гостей. Своей роднѣ она счетъ давно потеряла. Бывало пріѣдетъ изъ захолустья помѣщикъ и прямо къ ней, и вмѣстѣ съ собой привозилъ и своихъ дѣтокъ, которыхъ Архарова разсовывала

по казеннымъ заведеніямъ, а по праздникамъ тѣ гостили у нея въ домѣ. Родитель же, покинувъ послѣднихъ, уѣзжалъ къ себѣ въ деревню.

Старуха относилась весьма серьезно къ своимъ заботамъ добровольнаго попечительства. Она сплошь и рядомъ дѣлывала визиты по учебнымъ заведеніямъ. Подъѣдетъ карета къ кадетскому корпусу, и лакей отправляется отыскивать начальство.—Доложите, что старуха Архарова сама пріѣхала и проситъ пожаловать къ ея каретѣ. Начальникъ тотчасъ же является охотно и почтительно. Старуха сажаетъ его въ карету и начинаетъ разспросы. Рѣчь шла разумѣется, о родственникѣ или родственникахъ, объ ихъ успѣхахъ въ наукахъ, объ ихъ поведеніи, объ ихъ здоровьи, и затѣмъ призывались и родственники въ карету. Достойные удостоивались похвалы, виновные наказывались выговоромъ и угрозой написать къ отцу или матери. Жизнь Архаровой является испарившейся идиліей быта патріархальнаго, изчезнувшаго навсегда. Въ жизни ея все дышало чѣмъ-то сердечнымъ, невозмутимымъ, убѣдительно покойнымъ. Родилась Архарова въ 1752 году,въ день гибели Лиссабона, воспѣтый В. К. Тредьяковскимъ въ слѣдующихъ стихахъ:

«Съ одной стороны громъ!
И съ другой стороны громъ!»

и т. д., а умерла въ 1836 г. и похоронена она

въ Невскомъ, на Лазаревскомъ кладбищѣ. Урожденная она была Римская-Корсакова.

Мать ея отличалась тоже большими странностями—она была очень скупа и разсчетлива. Особенная ея странность была та, что она не любила дома обѣдать, что въ старое время въ особенности было очень рѣдко: она каждый день кушала въ гостяхъ, кромѣ субботы. Съ вечера бывало призоветъ своего выѣздного лакея и велитъ на утро сходить въ три-четыре дома ея знакомыхъ и узнать, кто кушаетъ дома сегодня и завтра, и ежели обѣдаютъ дома, то узнать отъ нея о здоровьи и сказать, что она собирается прiѣхать откушать. Вотъ и отправится съ дочерьми.

Въ старину блюда выставлялись всѣ на столъ. Когда ей понравится какое нибудь блюдо, холодное которое нибудь, или одинъ изъ соусовъ, или жаркое, она и скажетъ хозяйкѣ: «Какъ это блюдо должно быть вкусно, позвольте мнѣ его взять», и обращаясь къ своему лакею, стоявшему за ея стуломъ, говоритъ: «возьми такое-то блюдо и отнеси его въ нашу карету». Всѣ знали, что она имѣетъ эту странность, и такъ какъ она была почтенная и знатная старушка, то многiе сами ей предлагали выбирать какое угодно блюдо. Такъ она собираетъ цѣлую недѣлю, а въ субботу зоветъ обѣдать къ себѣ и потчуетъ васъ вашимъ же блюдомъ. Но болѣе она угощала гостей чаемъ. Въ старину чай пили только вечеромъ. Въ го-

стинную приносили большую жаровню и мѣдный чайникъ съ горячей водой. Хозяйка сама заваривала чай. Ложечекъ чайныхъ для всѣхъ не было, размѣшивали чай палочкой простой деревянной или корицей, пили болѣе съ медомъ и патокой, сахаръ нынѣшній былъ большая рѣдкость и первый сортъ былъ цвѣтомъ желтый, очень дурно очищенный; пили также и съ изюмомъ.

Въ числѣ женщинъ, особенно извѣстныхъ своими причудами и оригинальностью, отличалась въ Петербургѣ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія графиня Толстая, урожденная Протасова. Эта барыня за много лѣтъ до учрежденія Общества покровительства животнымъ устроила у себя нѣчто въ родѣ пріюта для всѣхъ бродячихъ собакъ и безпріютныхъ кошекъ. У ней въ домѣ была цѣлая богадѣльня для такихъ четвероногихъ, и когда уже не находилось болѣе мѣста, то она развозила ихъ по городскимъ будкамъ, уплачивая будочникамъ извѣстную мѣсячную плату на содержаніе и харчъ питомцевъ. Въ прогулкахъ своихъ она объѣзжала свои колоніи, приказывала вносить въ карету къ себѣ призрѣваемыхъ, и когда казалось ей, что они не довольно чисто и сытно содержатся, она будочникамъ дѣлала строгій выговоръ и грозила имъ, что переведетъ своихъ пріемышей на другую застольную. Графиня Толстая, не смотря на свои

странности, была женщина образованная и очень умная. Она говорила, что не желала бы умереть скоропостижною смертью: какъ-то неловко явиться передъ Богомъ запыхавшись.

По словамъ ея, какъ это разсказываетъ хорошо знавшій ее князь П. А. Вяземскій, первою заботою ея на томъ свѣтѣ будетъ развѣдать тайну о Желѣзной Маскѣ и о разрывѣ свадьбы графа В. съ графинею С., который всѣхъ удивилъ и долго былъ предметомъ догадокъ и разговоровъ петербургскаго общества.

Наводненіе 1824 года въ Петербургѣ произвело на нее такое сильное впечатлѣніе и такъ раздражило ее противъ Петра I, что еще задолго до славянофильства дала она себѣ удовольствіе проѣхать мимо памятника Петра Великаго и высунуть передъ нимъ языкъ. Мужъ ея тоже чуть-чуть не сошелъ съума во время наводненія. Вставъ съ постели довольно поздно, подходитъ онъ къ окну (жилъ онъ на Большой Морской), смотритъ и вдругъ страшнымъ голосомъ зоветъ къ себѣ камердинера, велитъ смотрѣть на улицу и сказать, что онъ видитъ на ней. «Графъ Милорадовичъ изволитъ разъѣзжать на двѣнадцативесельномъ катерѣ», отвѣчаетъ слуга. — «Какъ на катерѣ?» — «Такъ, ваше сіятельство, въ городѣ страшное наводненіе». Тутъ Толстой перекрестился и сказалъ: «Ну, слава Богу,

что такъ; а то я думалъ, что на меня дурь нашла!»

Когда была воздвигнута колонна въ память императора Александра Благословеннаго, графиня Толстая крѣпко-на-крѣпко запретила кучеру своему возить ее по площади по близости колонны: «Неровенъ часъ, говорила она, пожалуй и свалится она съ подножія своего».

Такихъ же кошколюбивыхъ дамъ, какъ графиня Толстая, у насъ найдется множество. Въ Москвѣ въ двадцатыхъ годахъ проживала одна княгиня Долгорукая, домъ которой уже за нѣсколько шаговъ охватывалъ прохожаго кошачьимъ духомъ. Во всѣхъ комнатахъ и на всей мебели у этой барыни лазили, сидѣли, спали и хозяйничали однѣ кошки. На окнахъ и на горшкахъ съ цвѣтами у ней видны были всегда доказательства, что кошки занимаются ботаникой больше, чѣмъ сама хозяйка.

Лѣтъ десять тому назадъ въ Рязанской губерніи, въ Михайловскомъ уѣздѣ, еще живы были двѣ сестры богатыя помѣщицы, усадьба которыхъ по замкнутости представляла нѣчто въ родѣ крѣпости въ военное время.

Въ этой усадьбѣ, въ богатомъ большомъ барскомъ домѣ, обнесенномъ каменной стѣной, жили помѣщицы со штатомъ изъ нѣсколькихъ старушекъ, обязанности которыхъ были ухаживать за цѣлымъ стадомъ изъ нѣсколькихъ сотъ штукъ

всевозможной масти и возраста кошекъ, призрѣваемыхъ этими барынями.

Каждая изъ этихъ четвероногихъ носила свое имя и кличку. Страсть къ своимъ воспитанницамъ-кошкамъ помѣщицы питали самую нѣжную, и въ случаѣ нездоровья или потери апетита одной изъ Зизи или Фифи, онѣ сами дѣлались больны и ложились въ постель.

Въ Петербургѣ, на одной изъ улицъ, примыкающихъ къ Владимірской, и въ наши дни рано утромъ можно встрѣтить старушку съ большимъ ридикюлемъ въ рукахъ, въ которомъ въ небольшихъ сверткахъ разложены печенка, сырая говядина, рыба и другія лакомыя блюда кошекъ. Старушка ежедневно обходитъ сосѣдніе дворы, гдѣ и кормитъ безпріютныхъ кошекъ.

Любовь къ этимъ четвероногимъ сердобольная кормилица получила по слѣдующему случаю: проживая долгіе годы гдѣ-то въ углу съ любимцемъ своимъ котомъ «Полташей», она какъ-то додумалась на его счастье взять на послѣднія свои деньги билетъ внутренняго займа, на который въ скорѣйшемъ времени и выпалъ выигрышъ въ 75,000 рублей, и вотъ съ тѣхъ поръ у старушки и явилась самая нѣжнѣйшая любовь къ кошкамъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

BOUND BY

